

СЕНЯНИ АРТЁМ

В МИРЕ СНОВ

МАМАК

Что есть наш мир? Совокупность атомов? Компьютерная модель? Или сон Высшего Разума? Над этими вопросами Марк никогда не задумывался, пока ему не начал сниться другой мир. В том мире никогда не заходит солнце, люди не знают ни ночей, ни часов и считают нормой мистические явления. И такие, как Марк, пришельцы из другого мира, там тоже стали нормой.

Такой же нормой, как бесконечные войны и междоусобицы, за которыми то и дело стоит Чёрно-красная фигура Великого гроссмейстера.

На своём пути Марк встречает Блэка, пришельца и старожилу мира снов. Невольно, Марк втягивается в борьбу всей жизни нового товарища — борьбу против Чёрно-красного кардинала.

Дорогой читатель, не стану тратить наше с тобой время на личное знакомство. С моим внутренним миром ты столкнёшься на страницах этого романа, а я с твоим — в комментариях, отзывах или в личном сообщении.

У меня не богатый авторский опыт (один роман, кучка рассказов и блок рецензий). Но и этого хватило, чтобы обрасти некоторыми стереотипами. Один такой стереотип — выкладывать произведение только целиком, после вычитки и советов Бета-ридера.

Однако жизнь диктует свои условия. Всё большее количество читателей следят за работами в процессе. И мы, авторы, идём у них (или у вас) на поводу.

Признаюсь, тут я немного жульничаю. В черновике этого романа готово уже 14 глав. Всего планируется 17. Как всегда, концовка требует размышлений, и я даю себе на это время.

Впрочем, едва ли ты, дорогой читатель, это заметишь. Ведь я закончу последние главы намного раньше, чем опубликую вычитанную середину.

Надеюсь, я тебя не подведу и не потрачу твоё время напрасно (да и своё).

А теперь задам вопрос: веришь ли ты в вещие сны? А я вынужден был поверить. Большую часть сцен этой книги я пережил сам, лично. Правда, во снах. И было это в 2021 году. Доказать это мне нечем, потому надеюсь, что ты не утратил веру в честное слово. И если так, то прошу рассмотреть все описанные образы лишь как игру сонного разума. А если встретится параллель со злободневной реальностью, знай: умысла в том не было.

Признаюсь ещё кое в чём: я большой фанат Стивена Кинга. И в частности — цикла "Тёмная Башня". Если ты заметишь некоторую параллель и тут, знай: в 2021 году я до дыр зачитывал историю Роланда, что не могло не отразиться на моих снах.

Главный герой романа, Марк Вяткин, хоть и оказывается в тех же местах и ситуациях, где был и я в мире снов, со мной не имеет ничего общего. Разве что, как виртуальный сын, который унаследовал часть моей генетики, часть генетики моей Фантазии, и часть генетики темнокожего соседа.

Прошу особое внимание обратить на вставки в начале глав. Увы, я не имею ни возможности, ни права, прикреплять к своим главам музыку. А очень хочется, потому что она отражает настоящее настроение того мира, в котором пребывают герои. Если, дорогой читатель, захочешь испытать чуть более глубокое погружение в Мир Снов, то найди ту композицию, что иллюстрирует начало главы и прослушай перед чтением. Так ты поймёшь хотя бы 1/10 того мира, в который я попал вместе с героем романа.

Табита сидела на лавочке и любовалась вечно незаходящим солнцем. В её снах солнце всегда клонилось к горизонту и никак не хотело опускаться. Но тепла давало достаточно, если не пряталось в тучах.

Алые лучи грели сморщенную кожу Табиты. Это было приятно и умиротворительно. Блаженству не мог помешать даже гомон рабочих за спиной. Они рыли глубокую траншею к палатам графа. Сам же граф Елоубраун стоял на балконе и с высоты второго этажа руководил процессом. Нужды в том не было, рабочие сами знали что делать. Но граф униматься не собирался. Он то и дело выкрикивал, окликал, стучал тростью о перила.

Табите было всё равно. Бурая трава приятно холодила ноги. Ветер шелестел в вечно золотой кроне берёзы. Из далёких лесов тянуло свежестью и влагой.

От наслаждения пожилая женщина закрыла глаза и тут же провалилась в сон.

Ей снова снилось то странное место, где солнце может исчезнуть, где на стене тикает прибор и считает секунды, где нужно отрывать листки календаря, чтобы узнать какой нынче период времени.

Табите не нравился этот сон. В нём она была лет на десять старше, едва ходила и не общалась ни с кем, кроме своей кошки. Как ни странно, во сне была именно её кошка, та самая, что приболудилась много лет назад в мире вечного заката.

Ещё в этом сне появляется женщина, что мнит себя дочерью Табиты. Она, обычно, приносит пакеты с едой и газеты.

Табита покормила кошку, съела ломтик ветчины и собиралась уже взяться за газету, как вдруг почувствовала, как в глазах темнеет.

По многолетнему опыту она знала, что это означает — пробуждение. Табита просыпалась в своём мире. И ей следовало дойти до кровати, лечь и так проснуться. Иначе в следующий раз будут сниться синяки и ушибы.

Но Табита не успела даже встать со стула. Тьма из глубины мозга мгновенно расплзлась, будто вспышка и заполнила глаза. В ушах пронзительно зазвенело. И это Табите не понравилось — ведь раньше звона не было.

Она очнулась на бурой лужайке около палат графа. Звон в ушах ни куда не делся. Напротив, стал громче и отчетливее. В воздухе запахло гарью и бетоном. Строители в ужасе разбегались кто куда. Балкон, на котором стоял граф, обрушился, а из хода за ним валил чёрный дым.

Внезапно на улицу выкатил грузовик времён Второй Мировой войны — серый "Студебекер". Из кузова тут же посыпали солдаты в серой униформе и стали разбегаться веером.

Табита попыталась встать на ноги, и у неё не сразу получилось.

— Серые! Это серые! — донеслось до её слуха. Кто-то истошно кричал, но его голос звучал, как со дна колодца.

Голова кружилась. На зубах скрежетал песок.

Из палат графа солдаты вытащили самого Елоуборауна. Именно вытащили — волоком по гранитной плитке. Граф истошно кричал и беспомощно размахивал руками. Но никто не спешил ему на помощь.

Вдруг из кабины "Студебекера" вышел мужчина в офицерском кителе. Он мерно

раскупил сигарету спичкой, затянулся, и направился к графу.

Елоуборауна усадили на пятую точку, и Табита увидела, что всё лицо графа превратилось в кровавое месиво. Она хотела закричать от ужаса, но не смогла.

Офицер что-то сказал графу. Скорее всего, задал вопрос. А в ответ получил смывный плевок из смеси слюны и крови. Офицера такой ответ ничуть не удивил. Он нарочито медленно достал револьвер из кобуры, отвел курок и нацелил прямо в кровавое месиво, что было когда-то лицом графа.

Выстрела Табита не услышала. Но это было и не нужно. Жёлтая вспышка и кровавые брызги объяснили всё доходчиво.

Офицер оставил тело Елоуборауна дергаться в конвульсиях и направился к траншее, что так и не докопали рабочие. Куски бетонной трубы так и остались лежать неподалёку, теперь их не для кого было складывать в канализационный сток.

Револьвер выстрелил ещё раз двадцать. Очередью, без перезарядки, хотя в его барабан вмещалось всего восемь патронов. Но это Табиту несколько не удивило — в её мире подобное считается нормальным явлением.

А вот то, что произошло дальше, Табиту не только удивило, но и напугало. Офицер посмотрел прямо на неё. Прямо в глаза.

Пожилая женщина невольно икнула, увидев мертвенное безразличие в голубых глазах. В следующую секунду жёлтая вспышка отразилась в них. Жгучая боль пробила коленную чашечку Табиты. Женщина не смогла удержаться на ногах и повалилась на бурую траву.

Боль в ноге пульсировала в такт ударам сердца. Горячая кровь растекалась по голени. Табита даже не попыталась встать. Она молча уставилась в алые облака, и морщилась от каждой вспышки боли. Но облака заслонил широкий силуэт офицера. Уголёк на конце сигареты вспыхнул и озарил светом налитые кровью, безразличные глаза.

Офицер откинул барабан револьвера и удивлённо хмыкнул. Табита уставилась в черноту его лица, в надежде увидеть эмоцию в очередной вспышке уголька. Но уголёк не вспыхнул, потому что сигарета покинула уголок рта и направилась к барабану револьвера.

Сигаретой офицер вытолкнул из барабана пустую гильзу. Та закружилась в воздухе и упала Табите на грудь. Даже сквозь вязаную кофточку женщина почувствовала жар, исходивший от латунного цилиндра.

В освободившееся гнездо барабана тут же лёг новый патрон. Щёлкнули механизмы, и револьвер вновь был готов к выстрелу.

Чёрное дуло повернулось прямо в лицо Табите. Она заглянула в него, но не увидела ничего, кроме тьмы. И света.

Вспышка залила глаза. Острая, ни с чем несравнимая боль разорвала голову. Тьма стала расплзаться не с центра головного мозга, а с отдельных, разрозненных точек. И тьма заполняла сознание медленно, леденящей болью.

Табита проснулась в холодном поту. Она вновь сидела на кухне. Перед ней, на обеденном столе, лежала газета. На стене тикали часы. Отрывной календарь показывал дату: «08 сентябрь».

Время за полночь, и мне осталось три пути:

Не один ли бес, куда ступать, зачем идти —

Опустились руки, поднялись корни.

Монету на удачу, руку чёрт не дёрни.

Группа Lumen — Три пути

1

Глаза заболели от света, когда на дисплее наручных часов вспыхнул циферблат. Часовая стрелка немного отклонилась от двенадцати.

— «Время за полночь», — мысленно пропел Марк, возвращая грубую от мозолей ладонь на нежный изгиб женской талии. Очень изящный изгиб на очень складной фигуре. Когда-то эта фигура лишила его сна.

Когда-то... Когда Марк ещё не был женат. Тогда он не спал до часу ночи, представляя, как будет наслаждаться прикосновениями к нежной коже, как будет вдыхать аромат совершенного тела, как будет прижимать к своей груди бархатную спинку. Немного позже Марк потерял сон от того, что его представления оправдались. И даже больше: представления не шли ни в какое сравнение с реальностью. Обнимая Ангелину, свою супругу, Марк забывал обо всём на свете. Ночь становилась заветным временем, когда он мог укрыть собой единственное создание на земле, которое он когда-либо любил.

Но (*и как обидно, что в жизни наступают эти самые «но»*), это было когда-то. Сейчас Марк потерял сон совсем по другой причине. Последнее время спать ему не давал рой самых беспорядочных мыслей. Например: перед мысленным взором стояли скрипящие колодки на автомобиле. Их уже в третий раз за месяц придется проверять. И, к сожалению, колодки скрипят не на автомобиле Марка, а на автомобиле постоянного клиента.

Марк трудится на «СТОшке» ещё со времён учёбы в колледже. Он поменял тысячи тормозных колодок, и точно знал, как это делается. И надо же было попасться такому клиенту, который выезжает на своей машине раз в неделю и не даёт тормозам подсточиться.

А значит, придётся в очередной раз делать бесполезную работу. Причём бесплатно. Причём долго. Причём под злобным взглядом менеджера Виктории, тупой как пробка и злой как чеснок, выросший в засуху.

Ещё, спать мешал долг по ипотеке. Время ежемесячной выплаты приближалось, а нужной суммы не доставало. Конечно, можно было взять деньги у жены, благо она зарабатывает на порядок, а то и на два, больше. Но это был крайний и самый нежелательный вариант. Его либидо и без того ущемляет находчивость и целеустремлённость Лины. Будучи сверстницей Марка, она умудрилась организовать собственную компанию, не имея в кармане ничего, кроме отложенных стипендий. Скопив в арсенале скромный капитал, Лина арендовала небольшой офис, наняла нескольких инженеров и стала принимать заказы на проектную документацию для нежилых объектов капитального строения. Затея оказалась настолько прибыльной, что через год офис был выкуплен, штат расширен, зарплаты увеличены.

Разумеется, Марк гордился своей супругой. Однако с каждым днём ему всё тяжелее и тяжелее было выносить её командный тон. И тон, надо сказать, становился всё твёрже. Потому Марк и решил: эта квартира будет только его собственностью. Собственностью и

личной территорией, на которой властной и амбициозной Лине придётся мириться с чужими порядками.

Ладонь Марка нечаянно скользнула на плоский животик жены. Упругий и нежный, он словно был создан для того, чтобы его гладили, целовали и воцеловали. Однако Марка, словно кипятком, обдало тоской: этот животик он мечтает увидеть надутым и обитаемым. Но он пуст который год. И дело совсем не в патологических отклонениях. Просто так решила Лина: «Сейчас будем жить для себя, заработаем на жизнь, а дети — потом». Марк был не согласен, но переспорить «спираль» не мог.

Марк думал о себе, как о хорошем отце. В перспективе. Он считал себя достаточно сильным и умным человеком, способным и вынести все невзгоды отцовства, и воспитать своих детей порядочными. В пример своим родителям. Или даже, в немой упрёк. Ведь ему, Марку, не выпало на долю ни родительской опеки, ни должного воспитания. Карусели, розовые шарики, карнавалы и звонкий смех, прочно засевшие в ассоциациях многих людей, были так далеки от его детства, как далеки друг от друга атеист и священник во время службы в церкви. То есть физически были рядом, через дорогу, в квартирах сверстников, но не у него. У Марка было нечто другое: ободранные обои, затянутый чёрно-жёлтой плесенью пустой холодильник, заблёванные полы и устойчивый запах перегара.

Но и это всё Марк спокойно перенёс бы, так как с детства отличался сообразительностью и мировоззрением, несвойственным окружению, если бы не...

Если бы не регулярные потасовки со стороны родителей. Многократно ему, тогда ещё семилетнему мальчишке, приходилось вызывать скорую помощь для своей матери. Ей, пьяной вусмерть, нередко перепало от буяна мужа. Нередко это приводило к поломке носа, выбитым зубам и ножевым ранениям. Случалось и Марку перепало от тяжёлой отцовской руки. А бывало и от ступни.

Органы опеки часто интересовались судьбой Марка. Но то, что они могли предложить, пугало больше ежедневных попоек. Детский дом представлялся Марку своеобразной колонией для малолетних, где над ним будут издеваться и лишат личного пространства. И, по большому счёту, был прав.

Хотя сейчас, по истечении стольких лет, Марк искренне сомневался в своих решениях. Тогда он открыто врал, выгораживал родителей, находил нелепые оправдания для них, и для самого себя. Словом, делал всё, чтобы его не забрали. Теперь же Марк считал, что детский дом мог дать ему самое главное — возможность учиться, и, впоследствии, получить высшее образование. Ведь интеллектом он не обделён, и способности к большинству предметов у него были, но за стенами школы учёба переставала его интересовать. А как она могла его интересовать, когда дома ждали только пьяные крики, драки, подзатыльники и пустая корзинка для хлеба? Марк пробирался в собственную квартиру тише партизана, идущего на диверсию. Не создавая лишнего шума, он старался сварить себе на обед макароны или какую-нибудь крупу, в надежде поесть до того, как им заинтересуются «перегародышащие драконы». Если последние интересовались им слишком рано, обед (он же, по совместительству, и ужин) мог быть разбросан по полу. И дай то Бог, чтобы кипятком не оказался за шиворотом. А после, получив смачную оплеуху, Марк мог выслушать многочасовую лекцию на тему: как следует наказывать за воровство и неблагодарность. При этом у Марка часто возникал вопрос: "А кому именно я не благодарен? Инвалиду бабушке, с чьей пенсии я покупаю макароны и крупы? Ну уж нет! Ей я благодарность выказываю на высшем уровне — живу с ней в одной комнате, сплю на полу, регулярно выношу за ней

санитарное судно, стригу ногти, купаю и кормлю. А кто, ели не я, будет ухаживать за сумасшедшей старухой, парализованной ниже спины? Геронтологический центр? Возможно. Но туда не пускает садист сынуля, размахивая бумагой о признании её недееспособности».

И не пускал ведь из великой любви. Правда, любовь эта не к матери, а к выпивке. А она, выпивка, женщина коварная — любит деньги, и не любит тех, кто умеет зарабатывать. Вот и приходится её возлюбленным идти на разные низости. К примеру: отбирать силой деньги у матери инвалида.

Марк никогда не знал, почему бабушку парализовало (впрочем, догадывался, вспоминая, что в тот день, когда она получила перелом позвоночника, в их квартиру наведалься участковый), зато знал, как она стала сумасшедшей. Феназепам — хорошее снотворное, и анальгетик тот ещё, но вот побочный эффект — деменция.

Получив на старости лет такой удар от жизни (и не только от жизни), бабушка Марка не нашла для себя ничего лучше, чем превратить приём лекарства в наркоманию. Всего-то требовалось выпить две таблетки вместо одной, а дальше по геометрической прогрессии.

Многих сверстников Марка жизнь в подобной среде поломала. Но не его самого. Всегда, даже в самый тяжёлый и голодный день, он мог забиться в свою постель (старый матрас, постеленный на пол, рядом с бабушкой паралитиком) и включить допотопный телевизор. Он был его отдушиной и спасением, единственной реальностью, которую мозг мог воспринять.

А ещё были книги. Много книг. Все из взрослой библиотеки. Туда ему выправили абонемент органы опеки. Мальчик особенно тяготел к фантастике и фэнтезии, а фонд детской литературы обладал весьма скромным арсеналом в этой области.

Возможно, именно бегство от реальности помогло Марку справиться с нелёгкой судьбой, и вырваться на достойный уровень жизни. Но, даже на этом уровне, жизнь не превратилась в сказку. Ужасы детства в неблагополучной семье сменились тошной рутинной. Учёба в колледже до обеда, после обеда — подработка, вечер — на уроки, и снова по кругу. И ничего не изменилось после учёбы — разве что подработка стала работой, и была теперь и до, и после обеда. Ну и уроки сменились бытовыми обязательствами женатого мужчины.

Поток воздуха ворвался в распахнутое окно, надув плотную портьеру точно парус древнего корабля. Ночная свежесть и прохлада окутали Марка, заставив свободно вздохнуть. Лина же конвульсивно подёргалась, давая понять что замёрзла. Марк укрыл пушистым пледом супругу, и прижался ещё сильнее. Он очень любил её. Однако даже Лина не смогла заставить Марка полюбить реальность.

— Возможно, после смерти я обрету нечто лучшее, — с тоской подумал Марк, почувствовав, как тяжелеют веки. Но, к счастью, тяжелели они не от пришедшей вечной темноты, а лишь от её младшей сестрицы — дремоты.

Цепляясь уходящими вглубь мыслями за знакомые образы, Марк подумал ещё и о том, что не так представлял свою собственную семью. Эту мысль перебила другая мысль, спонтанная и неуместная — о скоротечности жизни и неотвратимости смерти. От этой гостыи Марк отмахнулся привычным оправданием: «не хочу сейчас об этом думать, в другой раз». И после он провалился в глубокий сон, лишённый каких либо видений.

2

Проснувшись, Марк увидел самое прекрасное, что есть на всём свете — голые ягодицы своей жены. Они как-то странно нависали над его лицом и ритмично тряслись, словно выполняли основной элемент танца «тверк». Но шум работающего фена всё расставил по

местам.

— Доброе утро! — Марк попытался перекричать фен. Судя по тому, как ягодицы невольно сжались, ему это удалось.

— Напугал, дурак! — Без особой злобы отозвалась Лина и выключила аппарат,

— Сколько время? — спросил Марк, пытаясь сфокусировать взгляд на циферблате наручных часов. Лина нежнохватила мужа за запястье, и повернула часы к себе.

— Без десяти семь, — сказала она и потянулась к розетке, чтобы вытащить шнур от фена.

— Значит можно поспать ещё полчаса, — наигранно зевнув, промурлыкал Марк.

— Нет уж. Мне сегодня машина нужна, так что, вставай! На маршрутку опоздаешь.

— А зачем тебе нужна машина? — серьёзно и твёрдо спросил Марк.

— Дел много. Сначала совещание на одном конце города, потом с клиентом встреча на другом. А ещё нужно на объект выехать, что-то там с чертежом не сходится.

— Ясно. Будь осторожнее на дороге! Даже если права...

— Лучше уступи! — закончила за мужа Лина, и выпорхнула из комнаты. Марк нехотя оторвал спину от кровати, свесил ноги, и готов был уже встать, как почувствовал что-то мягкое под ступнёй. Мягкое и пушистое. И живое!

— Барсик, опять ты на мои тапки завалился? Ну что за «нерусь»! У тебя вон, своя корзинка есть. Или ты симбиоз с моим грибком составляешь?

Барсик, понятное дело, на вопрос не ответил. Только лениво зевнул и потянулся, когда из-под его морды извлекли тапочек.

С кухни потянуло приятным ароматом жареных помидоров. Его тут же перебил запах свежесваренного кофе. В пустом желудке заурчало, и Марк, вмиг разогнав утреннюю хандру, радостно побежал на кухню в предвкушении чего-нибудь вкусенького.

Предвкушение его не обмануло. На завтрак Лина приготовила его любимый омлет с помидорами и ветчиной. И даже побаловала чашечкой натурального кофе. Сама же, по-видимому, успела поесть пока готовила, и сейчас, оставив мужа в гордом одиночестве, вернулась к укладке волос.

— И как она всё успевает? — спросил Марк у Барсика, выпучившего голодные, большие глаза на стол. Кот противно и протяжно мяукнул, явно намекая на необходимость делиться. Как бы Марк ни любил своего кота (а это несомненно был его кот, а не Лины, о чём пушистый многократно и многообразно оповещал жену хозяина), а нагло демонстрировать характер — не позволял. Потому и отвесил нескромный пинок под мохнатый зад, заставив пролететь метр по инерции. Барсик несколько не обиделся. Развернув голову на сто восемьдесят градусов, он непонимающе уставился на Марка, а после, как ни в чём не бывало, принялся вылизываться.

С завтраком Марк справился быстро, хотя желал бы потянуть удовольствие. Но стрелки его часов шли слишком быстро, а следовало ещё почистить зубы и прилично одеться. К счастью, всё это он успел, не забыл даже поцеловать Барсика и насыпать корм жене. По крайней мере, оба остались довольны, несмотря на то, что отец семейства всё опять перепутал. И вот, стоя под мелким морозящим дождём, Марк вглядывался вдаль, желая увидеть маршрутное такси с подходящим номером. А оно, как назло, задерживалось. С другой стороны, ему ли жаловаться на непорядочность водителей маршруток? Он стоит прямо на цветочной клумбе рядом с домом и хочет остановить маршрутное транспортное средство в неполюженном месте. И ведь ему не откажут. А как иначе? Ближайшая остановка

в двадцати минутах ходьбы. И какой дурак мог так спроектировать маршрут?

Пока морозящий дождь мочил шевелюру, скверные мысли осаждали то, что шевелилось внутри головы. Снова вспоминались страшные будни школьника из неблагополучной семьи, снова вспоминалась рутина, явившаяся как избавление. Снова возникло нестерпимое желание исчезнуть куда-то, где жизнь будет не такая убогая и однообразная как все дождливые дни.

Мысли эти разогнали брызги, лавиной окатившие Марка. Отреагировав на поднятую руку, водитель маршрутки взял правее, но не успел сбросить скорость, в итоге, окатил с ног до головы своего будущего пассажира. Заходя в салон, Марк хотел было сказать несколько неприятных слов, но вовремя вспомнил, что ему сделали одолжение, и молча прошёл на свободное место.

3

Рабочий день близился к концу, но треклятые колодки не переставали скрипеть. Клинт нервно расхаживая из стороны в сторону, не переставал отпускать комментарии на тему того, откуда у Марка растут руки. Не будь здесь менеджера Виктории, Марк уже давно бы доказал свою правоту, красноречиво послав клиента в то самое место, что заменяет собой плечи у некоторых личностей. Но Виктория была здесь и, выкуривая сигарету за сигаретой, продолжала поддакивать недовольному клиенту.

— Чтобы я... Ещё раз... Связался с вами... — с выражением, коему могут позавидовать профессиональные чтецы, выплёвывал слова клиент.

— Да, Маркуша, расстраиваешь ты меня. Уволю, ей Богу, уволю, если не починишь, — приговаривала Виктория, потопывая каблучком по залитому маслом бетону.

Марк уже давно сказал всё, что мог. Колодки установлены не оригинальные, ибо те стоят на порядок дороже. Однако клиент уверяет, что всю жизнь ездил на подобных, и скрипа слышно не было. Все уверения, что после определённого пробега колодки притрутся и перестанут скрипеть — ничуть не помогали. Оставалось только разбирать, собирать, слушать скрип и разбирать заново. Можно было бы немного подточить контактную поверхность, но клиент сильно возражал, заявляя, что так срок эксплуатации столь «дорогих» колодок будет сокращён.

Ситуация патовая. Переубедить двух маразматиков одновременно — задачка похлеще Гипотезы Пуанкаре.

— Так... — вдруг кинул внезапно клиент.

— «Ну, наконец», — подумал с облегчением Марк, понимая что у клиента кончился запас свободного времени.

— Мне всё это надоело! Верните мне деньги, и я поехал!

Виктория собралась было что-то возразить, но тут Марк жестом её остановил, полез в нагрудный карман, и вытянул небольшую пачку мелких купюр. Отсчитав от неё семь штук, он убрал назад оставшиеся.

— Вот, пожалуйста, — с максимально холоднокровным видом, протянул Марк семьсот рублей. Клиент выпучил на купюры глаза так, словно ему протягивают использованный носовой платок.

— Что это такое? — завопил клиент.

— Ваши деньги, которые вы просили вернуть.

— Я заплатил четырнадцать тысяч.

— Тринадцать триста вы заплатили за колодки. Колодки остаются у вас. Моя работа —

семьсот рублей. Вот, за свою нерадивость — возвращаю.

— Да что вы себе!..

— Марк! — грозно вступилась Виктория. — Что ты себе позволяешь, мелкий нахал?

— Я давно уже не мелкий, многоуважаемая Виктория! — Огрызнулся Марк. — Только вы вот, от старости, ослепли, и этого не заметили!

Смяв пресловутые купюры, Марк с чувством швырнул их в лицо клиенту и ушёл. Машина со скрипучими колодками так и осталась висеть в полутора метрах над землёй в лапах подъёмника.

Уверенно шагая в раздевалку, Марк не слушал угрозы и вопли Виктории, летящие в спину. Он знал: неделю она подуетя, и сама позвонит, упрасывая вернуться на работу. Как ни крути, а клиентская база принадлежала ему. Это к нему выстраивалась очередь, а не к подъёмнику или пневмотрещётке. Может некоторых автолюбителей привлекали цены деталей и расходников, что предлагала «СТОшка». Но даже им нужны мастера. А единственный сменщик Марка даже с текущим объемом работы не справляется. Нанимать человека со стороны уже пробовали, и это закончилось плохо. То есть, нужно будет посидеть пару дней без работы, пока у Виктории не сменится гормональный фон, и она снова не начнёт рассуждать категориями рентабельности. А тогда она снизойдёт и до извинений. Благо, это не первый подобный конфликт. Да и не последний.

Марк переделся быстро. Он устал и проголодался, а потому очень спешил домой.

Уже сгустились сумерки. Проезжавшие мимо машины слепили ближним светом фар, оставляя синих зайчиков на сетчатке глаза. Тщётно пытаясь выгнать зайчиков, Марк часто заморгал, и чуть было не упустил нужный ему номер маршрута. Да он и проморгал бы его, если бы одному из пассажиров не приспичило выйти на остановке.

Пропустив спасителя, Марк протиснулся в переполненный микроавтобус.

Стоя долго ехать не пришлось. Через пару остановок салон опустел настолько, что появились свободные сиденья, чем Марк не преминул воспользоваться. Место было не самое лучшее — прямо над задним колесом, но зато у окна. Прислонившись лицом к холодному стеклу, Марк бесцельно уставился на проплывающие мимо огни. Над колесом трясло жутко. Но Марк устал очень сильно, и это грубое кресло, неритмично бьющее по пятой точке, показалось ему колыбелью, которую качает нежная материнская рука. Веки сами собой начали слипаться. Сопротивляться не было ни малейшего желания, и Марк спокойно поддался накотившей дрёме.

4

Однако дрёма быстро переросла в глубокий сон. Марк почувствовал, что буквально проваливается в чёрную мглу, но не стал сопротивляться. У него уже бывали приступы осознанного погружения в сон, и он их совершенно не боялся.

Хотя бояться было чего: каждый такой сон заканчивался экстремальным пробуждением. Марку снилось, что он падает с высоких башен или скал, что тонет в реке или болоте, что его съедает ужасный монстр или убивает вражеский солдат. После этого Марк обычно просыпается в холодном поту, и помнит детали сна в мельчайших подробностях.

Благо подобное случается редко.

Падая в густой мрак, Марк почувствовал сильный удар и нехарактерную для дороги встряску. Послышался звон разбитого стекла, свист тормозящих покрышек и протяжный сигнал автомобильного клаксона. Затем показалось, что маршрутку несколько раз

перевернуло с колёс на крышу, и только потом раздался женский визг.

Открыть глаза было не просто, но Марк это сделал. Багряный свет тут же ударил по ним. Было больно смотреть, но совершенно необходимо, так как мозг не мог понять, что произошло. Соседние сиденья, почему-то, оказались на потолке и были пустыми. В ушах стоял оглушительный звон, но даже сквозь него были слышны вопли и причитания.

— Авария! — сообразил Марк, и попытался подняться. Но не тут-то было. Тело отозвалось ломящей болью в каждой точке. К тому же, оказалось что он, Марк, теперь лежит на боку, а не сидит в кресле.

— Перевернулись, — Марк продолжал озвучивать приходящие в голову идеи. — Лежим на боку. Есть раненые.

Марк потрогал лицо не придавленной рукой, и непонимающе уставился на темную кровь, что осталась на пальцах. Словно иллюстрируя его догадку, голову, лицо, шею и плечи пронзила режущая боль. Ему здорово досталось от разбитого стекла.

Послышался гудок поезда. Животный ужас пробрал до самых костей: «а вдруг мы на железнодорожном переезде?». Собрав остатки мужества в кулак, Марк перевернулся и попытался подняться на четвереньки. Всё тело загорелось нестерпимым огнём и разразилось ломящей болью. Вокруг, столь же беспомощно, барахтались остальные пассажиры.

— Нужно добраться до аварийного выхода, — толи другим, толи самому себе скомандовал Марк и пополз к багажной двери микроавтобуса. Пожилая женщина сильно возмутилась, когда он надавил ей коленом на живот. Марк сухо извинился, и вторым коленом сделал то же самое — не со злости, просто по-другому было не пройти.

Дверь легко поддавалась. Марк поспешно вылез наружу и с облегчением отметил, что маршрутка перевернулась не на железнодорожных путях. Они, скорее всего, располагались на вершине насыпи, у подножья которой он сейчас стоял на четвереньках. И вокруг не было ни домов, ни дорог. Только чахлые, корявые деревья, бурая трава да покрытые мхом валуны.

— Что, черт побери, маршрутка здесь делает? Где это мы? И почему сейчас светло?

Над головой, шумно перестукивая колёсами, промчался локомотив поезда. За ним, как и полагается, потянулась вереница вагонов. Марк подумал, что сейчас кто-нибудь заметит перевёрнутый автомобиль и нажмёт на стоп-кран. Но этого не происходило. Ему даже показалось, что он видит любопытные лица в мелькающих окнах, но никто не спешил что-либо предпринимать.

Проводив поезд взглядом голодного щенка, Марк решил действовать. Сначала он извлёк из перевёрнутого микроавтобуса ту женщину, по которой прошёлся на коленях. Она возмущалась, кричала от боли и даже пускала проклятия. Но Марку было безразлично. Он думал только о том, что аптечка в машине одна, и она где-то у водителя, а раненых много, и неизвестно кому больше понадобится скромный запас перевязочных материалов.

Марк оттащил женщину метров на десять от микроавтобуса, положил на сырую землю и тут же бросился назад. Ему на встречу из салона выползла коренастая девушка с расквашенной губой. Она коротко взглянула на пожилую женщину, лежащую на земле, и, не издав ни звука, направилась к ней четвереньках.

В перевёрнутом салоне было заметно шевеление. Но совсем небольшое. Человека два или три пытались выбраться наружу. Марк бросился к кабине водителя, желая отыскать аптечку, и, если получится, узнать каким ветром их сюда занесло. Водителя за рулём не оказалось. Не оказалось на месте и пассажира, что ехал рядом. Лобовое стекло не разбилось, а только покрылось плотной паутиной трещин. Значит ни водитель, ни пассажир одесную

его, не вылетели наружу. Аварийный люк на крыше остался запертым. Марк решил, что они решили выйти через салон.

Из микроавтобуса раздался душераздирающий крик. Звали на помощь. Причём сразу два женских голоса. Насколько мог быстро, Марк доковылял до багажных дверей и ещё раз заглянул внутрь. Две женщины склонились над окровавленным телом мужчины и нелепо пытались его вытащить. Недолго думая, Марк кинулся к ним на помощь. Мужчина, над которым причитали женщины, был жив, но лишился сознания.

— Помогите мне! — приказал Марк, хватая бессознательное тело подмышки. Женщины кинулись было помогать, но вскоре поняли свою бесполезность: им самим нужно было ползти на четвереньках. Марк же сел на стенку микроавтобуса (волею случая ставшую его полом), и, отчаянно отталкиваясь ногами от кресел и оконных проёмов, попятился. Способ передвижения был не из лучших: битое стекло без труда пробивало джинсовую ткань и вонзалось в ягодицы и бёдра. Но Марк не придавал этому значения. Им сейчас владело состояние, близкое к аффекту. Что неудивительно для стрессовой ситуации.

Вновь оказавшись за пределами микроавтобуса, Марк поднялся на ноги, и оторвал от земли туловище мужчины. Это было не просто, потерявший сознание весил больше ста килограмм. И даже то обстоятельство, что ноги мужчины так и волоклись по земле, едва ли облегчало задачу.

Доставив нелегкий груз к двум женщинам, что первыми покинули перевернутую Маршрутку, Марк бессильно рухнул на бурую траву.

— Водителя не было в салоне, — вслух выразил удивление он. — И другие пассажиры куда-то делись. Нас тут шесть. А было никак не меньше двенадцати. И это не считая водителя.

Марк уставился на свои наручные часы, наивно пытаясь получить от них хоть какую-то подсказку. Но они только добавили недоумения. На циферблате значилось: «18:50».

— Я что, десять минут назад вышел с работы? — подумал Марк. — Но было же темно. Да и ехали мы по городу.

Желая опровергнуть параноидальную идею, что только начинала зарождаться в уме, Марк прикоснулся к сенсорному экрану часов. Высветилась дата: «12.10.2021». Та самая дата, которую Марк весь день считал верной.

— Но какого черта так светло? — снова вслух выразил он своё недоумение и нарвался на контакт с четырьмя парами озадаченных глаз.

— Где это мы? — еле внятно поинтересовалась девушка с расквашенной губой.

Оставив её вопрос на потом, Марк глянул на мужчину потерявшего сознание, и оценил полученные им раны. Они ещё сочились кровью, но уже не выглядели угрожающе. Хотя это могло быть и ошибочное впечатление.

Собрав остатки силы в кулак, Марк снова пополз к перевернутому микроавтобусу, желая отыскать автомобильную аптечку.

Она оказалась там, где ей и положено было быть — под сиденьем водителя. Снова хрустя осколками битого стекла, Марк прополз по перевернутому салону с ценным органайзером. В нём было всё необходимое в данной ситуации: бинты, вата, перекись водорода, обезболивающие. И да, хотя инструкции об оказании первой помощи запрещают давать анальгетики пострадавшим при ДТП, Марк не применул прибегнуть к их использованию, передав по кругу блистер с синими таблетками. Ему было очень больно, и, как логично было бы предположить, не меньшую боль испытывали и остальные. Без

анальгетика остался только потерявший сознание мужчина, по вполне понятной причине.

Пока Марк раздавал окружающим таблетки для обмана нервной системы, женщины, очень даже умело, перевязали раны бессознательному мужчине. Сами же обошлись пластырями и влажными салфетками. Не забыли и про Марка. Девушка с расквашенной губой протерла его лицо салфеткой и наложила пластырь на рассечённую бровь — это была самая серьёзная рана на видимых участках тела.

Первый шок от произошедшего начал понемногу отступать. Наконец вопросы типа «где мы?», «сколько время?», «что случилось?», перестали уходить на второй план.

— Это всё сон! — выкрикнул Марк самую очевидную догадку. В ответ ему неуверенно улыбнулись. Кое-кто даже сопроводил улыбку красноречивым жестом — ущипнул себя за щёку. Но это ни к чему не привело. Тогда Марк повторил красноречивый жест, полагая, что это исключительно его сон, и что только он может себя пробудить. Прав был Марк, или нет, не выяснилось — он не проснулся.

— Как мы здесь оказались? — спросила девушка с расквашенной губой. Марк почувствовал в её вопросе тонкий подвох, но не предал ему особого значения, и потому ответил то, что мог:

— Не знаю, я уснул.

— Я, кажется, тоже, — сказала девушка. Ей было трудно говорить: слова получались не внятными от того, что губу раздуло.

— Но я не о том, — продолжала девушка. — Тут же нет дороги. Даже колеи от колёс.

— Может дорога с той стороны насыпи? — предположила одна из пожилых женщин, одетая в деловой костюм с юбкой.

Марк удивленно уставился на неё, и тут же поднялся. Он намеревался достать мобильный телефон и вызвать спасателей, но не мог отыскать хоть какой-то ориентир, чтобы сообщить оператору.

Карабкаясь вверх по железнодорожной насыпи, Марк вслух выразил удивление тому, что никто не кинулся звонить прежде него. И положил это удивление в копилочку собственной трактовки происходящего, гласящей: «Это все сон».

На вершине насыпи оказалась двухпутная железная дорога. Несколько необычная. Шпалы на ней были добротные, но деревянные. Между путями стояли деревянные столбы, державшие массивные линии электропередачи. Причём линии тянулись в два яруса. Нижний натянут как струна, и предназначался, очевидно, для электропоезда. Верхний же свисал дугами, на подобии кабелей электромагистралей, и выполнен был из соответствующего провода с изоляцией. Кое-где, опять же между путями, из гравийной насыпи высывались огромные вентили, предназначенные для перекрытия магистральных труб.

Но кроме железнодорожных путей, электрических линий и магистральных вентиляей, ничего нового не было. С другой стороны насыпи были те же чахлые деревца, валуны покрытые мхом, да бурая трава.

— То, что это сон, понятно, — заключил Марк. — Теперь бы понять, как тут проснуться.

Но до тех пор, пока проснуться не удалось, Марк решил подыграть своему взбудораженному воображению. Он спустился с насыпи и пересказал остальным то, что увидел. На исцарапанных женских лицах отразился ужас. Никто не мог понять, что бы все это значило.

— Может нас поезд сбил, и протащил по рельсам несколько километров, —

предположила девушка с расквашенной губой. На неё тут же замахали руками и подняли на смех.

— А может все мы спим? — с лукавой улыбкой предположил Марк и коротко окинул всех взглядом. Всех, даже потерявшего сознание мужчину.

— А ведь и правда, — начала женщина, по животу которой бессовестно прополз Марк. — Я начинала дремать, когда мы ехали по городу. А потом «бац»! И все мы здесь.

Ей тут же поддакнула девушка с расквашенной губой.

— Ладно, предположим, все мы спим, — продолжил в прежнем тоне Марк. — Тогда, спрашивается, как нам проснуться?

Женщины принялись тереть глаза руками, щипать себя за руки, хлопать в ладоши. Но всё без толку.

— Мне иногда помогает проснуться — снова вмешалась женщина с пострадавшим животом, — прыжок с высоты. В смысле: прыгну с высоты во сне, и просыпаюсь.

Все с удивлением покосились на неё. Женщина, нисколько не возмущившись от внезапного внимания, с трудом поднялась, и направились к насыпи.

— Эй-ей! Секундочку! — крикнул ей вслед Марк. — Мы ещё не поняли, что к чему. Не стоит торопиться.

— Вам может и не стоит, — огрызнулась женщина, какрабкаясь по осыпающемуся гравию. — А мне вот через пару остановок выходить. Не хватало проспять ещё.

Марк с остальными молча наблюдали за нелепым восхождением на гравийный Эверест. Как и следовало ожидать, покорительнице не хватило сноровки для вступления на вершину. Она застряла где-то на трети пути и развернулась. Мелкие камешки посыпались из-под её балеток.

— Стой! — снова крикнул Марк. Он на секунду засомневался в нереальности происходящего. Но было уже поздно. Женщина криво подпрыгнула, врезалась ногами в косую насыпь и прокатилась на спине вниз, увлекая за собой маленькую лавину из гравия. У подножья насыпи лавина остановилась вместе с виновницей её сошествия. Виновница признаков жизни не проявляла.

Марк перепугался не на шутку. Он собрал остатки сил, рывком поднялся на ноги и помчался к горе-нырятьщице, предпочитающей гравий воде.

Она лежала неподвижно, будто умерла. Но её рёбра немного, почти незаметно, пошевелились. Марк решил, что ему могло показаться. Чтобы убедиться наверняка, он дотронулся двумя пальцами до шеи женщины. Почувствовав сильные толчки под кожей, Марк успокоился.

— Потеряла сознание, — крикнул он через плечо.

Все происходящее Марку казалось абсурдным. С каждой секундой в нём всё больше росло убеждение, что это лишь сон. Поэтому он спокойно оставил женщину на насыпи, и направился к остальным. Его встретили упрекающие (невесть за что) взгляды. Но Марк их проигнорировал. Он почувствовал ужасную усталость. Поддавшись ей, Марк повалился на бурю траву, закрыл глаза и провалился в сон.

5

А вернее проснулся. Проснулся в той же маршрутке. Только она не была перевернутой. Маршрутка спокойно ехала себе по городским улицам. За окном мелькали огни, ставшие яркими в сгустившейся темноте. В салоне людей прибавилось значительно. Покрутив головой, Марк обнаружил, что кое-кто из его сна до сих пор рядом. Тут была коренастая

девушка с расквашенной губой. Правда, сейчас с её губой всё было в порядке. Она сидела сразу за водителем, лицом к остальным пассажирам и мирно дремала, опустив на грудь голову.

У выхода, бессильно повалившись на поручень для инвалидов, тряслась на кочках ещё одна героиня сна. Её Марк узнал только по одежде.

Тут могли быть и другие, но их мешали разглядеть набившиеся в микроавтобус люди. Впрочем, Марк не особенно старался кого-либо увидеть. Его заботила более насущная проблема: вывески и витрины, проплывающие за окном, были совершенно незнакомы.

— «Проспал свою остановку», — быстро сообразил Марк и подскочил как ошпаренный.

— На остановке, будьте добры! — крикнул он водителю, и начал протискиваться сквозь плотную человеческую массу.

Как выяснилось, проспал Марк знатно. Маршрутка успела доехать до конечной и повернуть обратно. Жалея о том, что не выяснил этого раньше, Марк поплелся пешком по ночным улицам. Ждать следующую маршрутку можно было до самого утра. А заказывать такси в это время мог себе позволить разве что олигарх, которому приспичило протранжирить.

Темноты Марк не боялся, равно как и незнакомых мест. Он хорошо ориентировался и, наверное, как и любой водитель держал примерную карту города в голове. Идти требовалось меньше часа. И это Марка совершенно не пугало. Но пугало кое-что другое. Собаки. Он даже ужаса боялся собак. И, по иронии судьбы, город славился их обилием.

Вдалеке раздавался лай. Стараясь не придавать этому особенного значения, Марк быстро шагал по незнакомым улицам. Ветер подгонял его, порывами толкая в спину. Мимо проносились автомобили и слепили светом фар. Было холодно. Опавшие листья хрустели под ногами. Иногда хрустел и тонкий лёд в застывших лужах.

Марк почувствовал, что быстрая ходьба уже не помогает ему согреться. И не удивительно, на дворе середина осени, а он одет в джинсовую куртку. И под ней, увы, не тёплый свитер, а всего лишь футболка из синтетики. И пусть на футболке нарисована горящая бас-гитара, тепла от неё ждать не стоит.

Но одно спасение у Марка всё же было. Литровый термос с горячим чаем. Правда чая в нём уже не литр, да и не горячий он вовсе. Так, тёплый. Вот только Лина любит заваривать не дешёвые фильтр пакеты, а горные травы. И особенно любит добавить к ним ломтики свежего имбиря.

Марк быстро достал из старомодной сумки громоздкий красный термос. В одно отточенное движение он снял предохранитель с крышки и открыл емкость. Ветер беспощадно унёс прочь прекрасный букет ароматов горных соцветий. Но Марк не сильно об этом сожалел. Он сделал несколько глотков, пресных, будто принимал лекарство, и тут же спрятал термос в сумку.

Тепло разлилось по внутренностям моментально. Испарина на лбу тоже не заставила себя ждать. А через несколько минут остервенелой ходьбы, Марк почувствовал, как промокает от пота футболка на спине и груди. И тут он понял, что совершил фатальную ошибку. Теперь его продует точно.

— «Одно хорошо», — мысленно утешал себя Марк, — «завтра на работу не нужно идти. Если заболею, смогу отлежаться».

С каждым пройденным кварталом неизбежность простуды становилась всё более очевидной. Но Марк больше не переживал об этом. Совсем неподалёку послышался собачий

лай. Причём многоголосный.

Марк очень боялся собачьих свор. И не из-за какой-то детской травмы или фобии. Просто собаки его, почему-то, не любили. Стояло им учуять Марка, как они тут же кидались на него с лаем и рычанием. Может он имел особенный запах, может его проклиjali так, а может он был каким-то избранным.

Но имея в виду особую привязанность со стороны блохастых дворняг, Марк стал носить с собой оружие. Смешное, учитывая вероятного противника, но единственное доступное. Нож. Нож ручной работы, подарок на день рождения.

Услышав приближающийся лай, Марк нащупал в сумке деревянную рукоять. В одно движение он вынул нож и из сумки, и из ножен, и крепко сжал в озябшей руке.

Выглядел Марк не лучше, чем маньяк из дешёвого фильма ужасов: шагал неуверенно, озирался по сторонам, держал нож на вытянутой руке. Появись сейчас патруль полиции, и сидеть кому-то в камере до выяснения обстоятельств.

Но патруль не появился. В отличие от собачьей своры. Первой появилась дворняга, имевшая в предках гончую породу. Она просеменила по пятну света от уличного фонаря, и скрылась в темноту всего в паре метров от Марка. За ней, низко опустив и голову и хвост, проследовала помесь немецкой овчарки. А потом неисчислимым потоком хлынула разномастная свора.

Марк замер, наивно надеясь остаться незамеченным. Но вот какая-то мелкая псина, явно выходец из чихуахуа, замерла в свете фонаря. Она попробовала носом воздух, и резко обернулась в сторону Марка. Оскалив мелкие, крысиные зубки, псина зарычала и сделала несколько осторожных шагов. Её сородичи тут же отреагировали и остановились.

Не дожидаясь пока псина начнёт лаять, Марк кинулся к ближайшему забору. Как он и ожидал, за спиной тут же зарычал собачий хор, а выходец из чихуахуа исполнил сольную партию заливного лая. Его не оставили в одиночестве. Залаяли все.

Марк успел добежать до высокого забора, сваренного из тонких железных прутьев, и, подпрыгнув, подтянулся на нём. Немного не успел. Мелкая собака прыгнула следом и ухватилась за штанину. Марк перемахнул на другую сторону, прихватив с собой эту собаку. Она продолжала остервенело трепать его штанину, но до ноги, к счастью, не добралась.

Марк, толком не видя ни своей ноги, ни терзающей её собаки, наотмашь ударил ножом. Раздавшийся визг утонул в разгоряченном лае. Вся свора собралась возле забора и на все лады гавкала и рычала. Некоторые собаки даже пытались просунуть морды в тонкие зазоры между прутьев.

Собаку, что перемахнула через забор вместе с ним, Марк едва ли ранил. Скорее всего, лишь поцарапал. Но даже этого хватило, чтобы сбить пыл неумелому охотнику. Собака куда-то пропала. Возможно, решила поискать способ вернуться к сородичам. Но Марк не расслаблялся ни на миг. В любой момент другая псина могла найти слабое место в заборе, и перейти в атаку.

За спиной загорелся свет. Марк, ещё не осознавший что это значит, как зачарованный смотрел на обезумевшую свору. Собаки лаяли, рычали, кусали прутья, рыли лапами землю, брызгали слюной, прыгали на месте и явно не собирались успокаиваться.

Раздался оглушительный хлопок. Собаки с визгом кинулись прочь от забора.

— А ну кыш отсюда! — сквозь звон в ушах услышал Марк, и увидел, как через забор летит петарда, оставляя в воздухе след из искр.

Раздался ещё один хлопок. Марк понял, что сейчас его обнаружат, и, не желая вызвать

ненужных подозрений, спрятал нож в сумку. И только он успел это сделать, как в лицо ударил луч телефонного фонарика.

— Эй, какого... — услышал Марк грубый, мужской голос, и сразу поднял руки.

— Спокойно. Это они за мной погнались. Я от них бежал. К вам залез. Простите.

Телефонный фонарик погас.

— Ладно. Поверю. Как звать?

— Марк.

— Откуда?

— С работы домой иду.

— А что собачкам сделал? Они ж все привитые. На учёте. На людей не кидаются.

— На меня кидаются. Всю жизнь.

Марк взял небольшую паузу, глубоко вдохнул, выдохнул и продолжил.

— С петардой ловко вы... Надо тоже купить, раз у меня такая любовь с ними.

— Держи, — Марк почувствовал, как к нему протянули руку. — Таких не купишь. Об стенку стучишь и кидаешь. Сам придумал.

Марк протянул руку, и почувствовал как большая, шершавая ладонь тяжело опустилась сверху. Когда она поднялась, в руку осталось два холодных, металлических цилиндра.

— Меня Палычем зовут.

— Очень приятно, — отозвался Марк. — Можно я у вас тут постою, пока такси не приедет? Боюсь уже пешком идти.

— Не бойсь. Я их хорошо расшугал. Они часа два из своих нор не вылезут. Они, понимаешь, нет-нет кота увидят, или велосипедиста, и как начнут лаять. Пол ночи не уймёшь. А так выйдешь, пару хлопущек кинешь... И благодать! До утра ни одна носа не высунет. То-то!

— Спасибо вам, Палыч. Но я всё равно такси подожду. Хватит с меня ночных гуляний.

— Ну, жди. Я пока схожу, ключи возьму.

Палыч, кто бы он там ни был, исчез. Трясущимися руками Марк достал телефон, и с трудом зашёл в программу для вызова такси. Пока система подыскивала подходящего кандидата, Марк крепко думал о том, как отблагодарить спасителя. К сожалению, подарить было нечего. А предлагать плату, даже оскорбительно.

— У вас машина есть? — спросил Марк у Палыча, когда тот вернулся, позвякивая ключами.

— А то! — с нескрываемой гордостью ответил тот.

— Если нужно будет что, звоните. Я автомеханик. Посмотрю, подлатаю.

— Да? Повезло мне с тобой, значит. Мне как раз стойки менять надо. На дачу ехать, а она пузом камни трёт.

— Тогда там не только в стойках дело, — с улыбкой включился Марк. — Там значит и пружинам срок пришёл.

— Может быть. Ну, ты посмотри. Может баферы воткнём.

Марк нащупал в сумке прямоугольный кусочек картона, и протянул его Палычу.

— Возьмите. Моя визитка. Наберите через пару дней. Посмотрим.

Палыч крепко ухватил кусочек картона и потянул к себе. Пальцы Марка, ещё дрожащие от страха, не сразу разжались.

Такси подъехало быстро. Пожав на прощанье руку Палыча, Марк уселся на заднее сиденье и бесцельно уставился в окно. Машина медленно набирала скорость. В пятне света,

исходящего от уличного фонаря, Марк снова увидел двух собак: выходца из чихуахуа и грязно-белую болонку. Болонка зализывала кровоточащую рану на боку. Марк сразу сообразил, что это его рук дело. Чихуахуа же пристально смотрела на проезжающую машину. И когда они с Марком поравнялись, злобно оскалилась, продемонстрировав крысиные зубки.

6

— Что-то ты плохо выглядишь? Ты не заболел? — спросила Лина, заботливо приложив ладонь на лоб мужа.

— Похоже, простыл. Завтра думаю отлежаться.

Марк взял со стола кружку горячего чая. Немного отпил с характерным хлюпаньем и поморщился. Лина, как всегда, переборщила с лимоном.

— Да кто тебе даст. Эта Вика ваша телефон измучает, будет вызванивать.

— Не будет. Мы поссорились.

— Опять?

— Опять.

Лина глубоко вздохнула и покачала головой. Нет, она не переживала за работу супруга. Просто ей до боли надоели рассказы об этих трениях.

— «И чего она к тебе привязалась, — размышляла Лина. — Понравился ты ей что ли. Ревнует, может быть. Да она же старуха! На что она рассчитывает?»

Марк догадывался о мыслях супруги, но предпочёл не начинать эту тему. Он молча запивал тёплый ужин горячим чаем в нетерпеливом ожидании мягкой постели. Спать хотелось ужасно. Обычно сон подступал далеко за полночь. Да и то, чуткий, готовый рассеяться вмиг. Но не сегодня. Сегодня морило как в понедельник утром. Марк списал это явление на пережитый стресс и подступающую болезнь.

— Боже! Что у тебя с ногой? — взвизгнула Лина, опустив голову под столешницу.

— Да так, за железяку зацепился, — поспешил соврать Марк.

— Ты рану обработал?

— Что? Нет. Да там и раны нет. Штаниной зацепился.

Лина проворно нырнула по стол и принялась закатывать штанину. Марк только сейчас понял, что не осматривал ногу сам. А значит, там вполне мог быть след от собачьих зубов.

— Да, правда, не задело. Но чем это так она воняет?

Лина вылезла из-под стола и бесцеремонно сунула ладонь под нос мужу. Остро пахло мокрой псиной.

— Тоже мне, новость. Поработай весь день в одних ботинках. Конечно, вонять будет.

Лина подозрительно прищурилась и заглянула в глаза мужу. При этом она обворожительно улыбнулась. Марк не выдержал и выпустил смешок.

— «Вот так она меня и ловит, всегда», — подумал он, готовясь менять легенду.

— Давай колись, кто тебя так? — с лукавой улыбкой продолжила пытку Лина.

— Почему сразу «кто»? Может я правда с железякой повстречался.

— А железяка сильно рычала? Или только лаяла?

— Да причём тут...

— А при том! — Лина вмиг стала серьёзной. — Вечно тебе на этих блохастых везёт. Как не изуродовали ещё.

С этими словами она встала и поспешила подойти к раковине. В ноздрях по-прежнему стоял этот отвратительный запах, и Марк сильно засомневался, что мыло поможет снять его

с рук. Лина сомневалась тоже, но ничего лучше придумать не могла. Просто мыла руки с мылом. И плакала.

Плакала, пока была повернута спиной к мужу. Потом умылась, потёрла лицо, и с улыбкой развернулась.

— Ладно, пойдём в комнату!

Марк молча кивнул, и поднялся из-за стола.

Ночь глотает поезд, мгла хохочет вслед
В окнах застывает хрупкий лунный свет
Он сойти мечтает уже много лет
Он не понимает — станций больше нет.
Группа Мордор — Машинист

1

Лина уснула первой. Как всегда. А Марк изменил своей привычке: прижался грудью к спине супруги и тут же отключился. Сразу. Без многочасовых раздумий о смысле жизни.

Он уснул в своей кровати и тут же проснулся в бурой траве. Заходящее солнце слепило, что-то ползало под одеждой, ветер колыхал нависшие над лицом травинки.

Марк приподнялся и огляделся. Это было то же самое место, что приснилось ему в маршрутке. Та же железнодорожная насыпь, та же бурая трава, те же валуны покрытые мхом. Да, собственно, и сама маршрутка тут тоже была. Перевернутая. И все. Больше никого и ничего.

— Так, часть вторая... — сказал Марк сам себе, саркастично улыбнувшись.

Он не придал особенного значения тому, что его спутники пропали. Мало ли, это всего лишь сон. Но автомобильную аптечку, что лежала на месте их «полевого госпиталя» забрал. В ней остались ещё две упаковки бинтов, початый брикет ваты, жгут, кровоостанавливающая губка и куча блистеров с таблетками.

— Так, и что мне делать? — спросил Марк у облака над головой. Оно, вопреки логике снов, промолчало.

— Нужно идти. Только куда?

Марк похлопал по карманам. Телефона в них не было.

— «Наверное, в сумке», — подумал он, и поплёлся к перевернутой маршрутке. Сумка лежала у него на коленях, до того, как маршрутка перевернулась. А значит, сумку могло отшвырнуть куда угодно.

Но, к счастью, пропажу долго искать не пришлось. На откинутой на землю багажной двери лежало множество предметов. В их числе были и дамские клатчи, и целлофановые пакеты, и мобильные телефоны, и даже слуховой аппарат. Но Марка больше всего заинтересовала чёрная, потасканная сумка. Старомодная, тряпичная, с множеством отделов и двойным дном. Его сумка.

Из неё ничего не пропало. Телефон вместе с зарядкой и наушниками лежал в боковом отделе. Термос и нож в основном. В среднем лежали две тетрадки и пара ручек. Там же — носки на смену.

— Надо было с собой набор для выживания в дикой природе таскать, — ехидничал Марк, рассматривая свой скромный арсенал. — А то гляди, уснёшь и в джунглях проснёшься. А может и в парке Юрского периода.

Телефон был заряжен на восемьдесят процентов. Это было хорошо. Но на этом радость от девайса и закончилась. Ни телефонной сети, ни сети интернет провайдера не было — на экране отображалась забавная надпись: «только экстренные вызовы». Но попытка набрать «112» или «911» закончилась двухминутным оркестром тишины.

Геолокация тоже не помогла: GPS-карты холодно сообщили о том, что спутники не

найденны.

— Так, расслабься. Это всего лишь сон, — попытался утешить себя Марк, возвращая телефон в сумку. Затем он начал бессовестно обшаривать пакеты и клатчи, что лежали на откинутой двери. По всей видимости, слегка запоздало. В них попадались старые телефоны-звонилки, косметика, средства личной гигиены, документы, бумаги, сменная обувь, футляры с очками. Попадались и кошельки, но уже без наличных денег. Именно по этому признаку Марк заключил, что всё обыскали до него.

В животе злобно заурчало. Только сейчас Марк прислушался к зову тела и понял, что очень голоден. Перерыв ещё раз все пакеты, он обнаружил только пару яблок и сухой корм для кошек.

— Что ж, если буду умирать с голоду, сойдёт и это.

Марк положил скромный провиант в свою сумку. Туда же отправил и автомобильную аптечку. Прихватил и чьи-то влажные салфетки. Не постеснялся прихватить чужой телефон, выбрав тот, к которому подходит зарядка.

Он решил идти, хотя совершенно не представлял куда. Просто хотелось найти людей и, по возможности, нормальную еду.

— Что же. Это всего лишь сон. Но просыпаться ещё рано. Можно поиграть.

Долго размышлять, в какую сторону идти, Марк не стал. Он направился вдоль железнодорожной насыпи, в ту сторону, куда умчался поезд в его прошлом сне.

— Поезд ехал с высокой скоростью, — вслух размышлял Марк, просто чтобы слышать чей-то голос. — Не ускорялся и не тормозил. Значит, до станции в обе стороны идти далеко. И он не остановился, увидев перевёрнутую машину. Значит, пытаться остановить состав — глупая затея. Однако. Куда подевались мои спутники? Неужели ушли без меня? Или это просто другой сон и другие реалии?

Марк поднялся на насыпь, чтобы оглядеться. Во все стороны, насколько хватало взгляда, тянулась бурая равнина, украшенная россыпью замшелых валунов. Сквозь неё, бесконечной серой лентой тянулась железнодорожная насыпь, коронованная линиями электропередачи. Она начиналась за горизонтом против солнца, и уходила в горизонт, залитый лучами заката.

Рокот высоковольтных линий действовал на нервы. Да идти по крупному гравию было не так удобно, как по чахлой траве. Потому Марк решил спуститься с насыпи.

— Ничего, сейчас солнце зайдёт, и можно будет увидеть вдалеке свет фонарей. Равнина же. Даже за сто километров город себя выдаст. Да даже одна единственная лампочка за тридцать будет заметна. Нужно только темноты дожждаться.

Но наручные часы серьёзно озадачили Марка. Они показывали двенадцать часов. Дня или ночи было не понятно. Да и не важно. Где это видано, чтобы солнце в полдень к горизонту клонилось? Разве что на полюсе. Да там и холода какие! А тут в одной джинсовой куртке на футболку жарко. Ну, тепло, по крайней мере.

Марк переключил электронный циферблат на цифровую систему отображения времени. Часы показали ноль часов, двенадцать минут. Сильно усомнившись в исправности аппаратуры, он полез в сумку за мобильным телефоном. Сначала за своим. Ноль часов, двенадцать минут — продемонстрировал экран дешёвого смартфона.

Сердце застучало часто и сильно. Так сильно, что это ощутили и уши и виски. За прикарманенный телефон Марк брался, как за последнюю надежду. Но подвёл и он. «Ноль часов, тринадцать минут»: таков был приговор чужого прибора.

Сильно потянуло в сон. Вот так просто, без причины и на волне стресса. Но Марк легко подавил это влечение.

— Буду шагать до семи утра. Если так ничего не найду, спрыгну с насыпи. Думаю, это меня разбудит.

Насыпь, казалось, тянется прямо, как натянутая струна. Но так казалось только тогда, когда ты шел у её подножья. Марк несколько раз проверял это, поднимаясь наверх. На самом деле она извивалась, то уходя влево, то изгибаясь вправо. Но повороты были настолько плавными, что заметить их можно было только издалека.

Марк не знал, как много прошёл. Не было чётких ориентиров. Столбы на насыпи не отличались один от другого. Изгибы высоковольтных линий тоже не хвастались многообразием. Не было ни мостов, ни дорог, ни крупных бульжников, на которые можно было бы ориентироваться. Вокруг была только бурая равнина да чахлые деревца, едва ли достигшие человеческого роста. Да и тех деревьев было по пальцам пересчитать.

Перевернутая маршрутка давно скрылась из виду. Марк даже не заметил, как давно. Только ноги лёгкой усталостью подсказывали, что пройдено немало. Намного больше, чем они, обычно, проходили за день.

Часы показывали без четверти два. Марк с любопытством уставился на солнце и отметил, что оно не сдвинулось ни на йоту. Обреченно помотав головой, он сел прямо на гравий железнодорожной насыпи. Камни под ним были приятно тёплыми и сухими. Осознав, как сильно при ходьбе сумка утруждала спину, Марк растянулся во весь рост, чтобы передохнуть.

Снова дали о себе знать базовые потребности. Живот заурчал, и слюна исчезла из пересохшего рта. Марк, подчиняясь каким-то более сильным инстинктам, предпочёл голод проигнорировать. Неизвестно, как долго ещё придётся идти. Может неделю. А яблока всего два, да и кошачьего корма всего четыреста грамм (и то, если не соврал производитель). А вот жажду он вытерпеть не смог. Достал из сумки термос, откинул крышку и сделал один скупой глоток. От горного чая сразу же полегчало.

— Так, а с какого перепугу ты решил, что будешь топтать целую неделю? — спросил себя Марк, немного придя в чувства. — Утром проснёшься, и закончится твоё путешествие. Хотя, с другой стороны: а если я завтра во сне сюда же вернусь? Что я буду делать? Ладно. Поиграем в вашу игру, госпожа Подсознание. Чем это я вас так обделил? Жрал мало? Да вроде на аппетит не жалуюсь. Да и обжорством не балуюсь. Ходил перед сном много? Да не так уж. Половину пути на такси проделал. Давно наедине с собой не был? Да каждую ночь сам с собой болтаю. Так чего ты мне квесты подкидываешь?

Госпожа Подсознание тоже игнорировала беседу. Что делать? Придётся смириться.

Марк поднялся и снова пошел вдоль насыпи. Оставляя за спиной пройденные метры, которые уже перевалили за десяток тысяч, он старался увидеть впереди хоть какие-нибудь ориентиры. Для этого каждые полчаса поднимался на насыпь, и смотрел вдаль. Но там ничего не менялось. Плоская, как лист бумаги, равнина и извилистая лента железной дороги, уходящая за горизонт.

— «Если есть на земле ад, то он похож на это. Идёшь, идёшь. Надеешься на что-то. Хотя бы на собственный конец. Ан нет! Только и есть, что дорога. И свернуть направо не можешь. Ибо справа обрыв. И налево податься не можешь, ибо там жёлтая стена до небес. И назад не повернёшь, ибо там нет ничего, кроме истлевающих воспоминаний. Вот и идёшь вперёд, отсчитывая ногами километры. И конца им не будет вовек.

Впрочем, едва ли эта картина отличается от реальной жизни. Один в один. Только что, конец свой встретить можешь. Впрочем, у Стругацких так оно и заканчивается, насколько я помню».

Но рядом с Марком не было ни обрыва, ни жёлтой стены. Он им был бы даже рад, наверное. Вокруг была равнина изнуряющая своим однообразием.

Марк взглянул на часы. Четыре часа ровно. Едва передвигались непослушные от усталости ноги. Но он всё равно пополз на насыпь. Это было время очередной разведки местности.

— «Так, в среднем скорость пешехода — четыре километра в час. За полчаса я прохожу два. Наверное, стоило бы сократить частоту подъёмов. Хотя, с другой стороны, так я сдохну со скуки».

Наверху ничего не поменялось. Те же столбы с проводами, те же вентили промышленных труб, те же деревянные шпалы, те же ржавые с боков рельсы. И впереди все оставалось, как прежде.

Без особой надежды Марк развернулся, и посмотрел назад. Всё оставалось таким же. За исключением одной маленькой детали. Очень далеко, едва пробиваясь сквозь сизую дамку, что-то заблестело.

Марк, не зная точно, что делает, лег на деревянные шпалы и положил голову на рельсы. Нет, он вовсе не собирался играть в Анну Каренину. Подражая забытым героям из детских фильмов, он пытался услышать стук колёс приближающегося поезда. И, к собственному удивлению, у него получилось. Тихий, едва ли различимый среди ударов сердца, металлический перестук.

Марк решил попытать счастье. Он переполз на соседние пути и, повторив своё незамысловатое исследование, убедился, что второго поезда пока не предвидится. Не желая терять времени, Марк направился дальше, прямо по шпалам свободного железнодорожного пути. Поезд мог не остановиться, потому терять время на его ожидание было глупо.

Вскоре послышался затяжной гудок. Состав был уже рядом. Марк увидел его с боку, так как насыпь в этом месте слегка изгибалась. Локомотив был весьма необычной формы. Он напоминал винную бутылку, горлышко которой загнули под прямым углом к небу. Из горлышка клубами вываливался белый пар. При этом над локомотивом искрились провода — очевидно у него были и антенны, как у электрички.

За локомотивом тянулся разномастный состав. Тут были и пассажирские вагоны, и вагоны-цистерны, и товарные платформы. По мере приближения поезда, Марк стал различать людей, ходивших по открытым платформам. И даже заметил парочку, восседавшую верхом на цистерне.

Марк стал крутить рукой по часовой стрелке. Три оборота и пауза. Он где-то слышал, что такой сигнал следует подавать машинисту, если хочешь остановить состав.

Поезд мчал очень быстро. Марка должны были уже заметить, но никаких перемен не наблюдалось. Не было даже гудка, предупреждающего о приближении состава.

Локомотив промчался мимо, обдав сильным потоком ветра. Вагоны замельтешили, словно кадры киноплёнки. Скорость состав ничуть не сбавлял, и Марк понял, что напрасно надеялся на чудо. Он посмотрел назад, туда, где начинались открытые платформы, в надежде, что кто-то из людей, ходящих там, заметит его. Но прежде начали проноситься цистерны. Наверху каждой из них была площадка с поручнями. Площадки соединялись друг с другом мостиками, что позволяли переходить с цистерны на цистерну. Но сейчас все

площадки пустовали. Почти все.

Марк увидел издали пару человек стоявших наверху цистерны. Они его, судя по всему, тоже заметили, потому как смотрели в упор. Одета была эта парочка весьма странно: на плечах красовалось разноцветное пончо, на головах — чёрные шляпы с узкими полями, а глаза спрятаны за солнцезащитными очками-капельками. А ещё они были вооружены пистолетами. И явно целились туда, куда смотрели.

Марк инстинктивно кинулся прочь. Доли секунды, но они всё решили. Раздался хлопок и что-то просвистело совсем рядом с ухом.

Марк плюхнулся на гравий всем весом. Было больно, но он старался не придавать этому значения. Раздался ещё один хлопок. Несколько камешков взметнулись в воздух в дециметре от глаз.

Не приходя в себя, Марк кувыркнулся на бок и покатился вниз по насыпи. Острые камни обдирали ладони и щёки, всё время норовили добраться до глаз. Чёрная джинсовая куртка мигом стала зелёной, собрав мох с поверхности камней. Один кроссовок слетел с ноги и покатился дальше самостоятельно.

— Что за нафиг? — выразил недоумение Марк, когда сумел затормозить. В него больше не стреляли. Но он не спешил подниматься, мало ли, может здесь его просто не могут достать.

Состав с грохотом проехал мимо. Провожая взглядом последний вагон, Марк заметил ещё двоих стрелков. Они сидели с длинными карабинами наизготовку и целились в его сторону. Стрелять не спешили, словно им только то и нужно, что бы из-за насыпи ничья голова не высывалась.

— Да и овощ вам в помощь! — процедил Марк, сплюнув на камни. Слишком много мха успело попасть в рот.

— Сам дойду. Бог даст, дойду. А нет... — он махнул рукой, и пополз на пятой точке к своему кроссовку.

Высыпав из обуви острые камешки, он обулся. Лицо и куртку пришлось протирать влажной салфеткой. На этой стороне насыпи мох рос очень густо.

Марк собрался идти дальше. Для начала он решил перейти на другую сторону. Сюда не попадало солнце, тут густо росли мхи и колючки, и пахло сыростью. Идти по эту сторону было, по меньшей мере, неприятно. А в какой-то степени, даже опасно — можно было легко поскользнуться. А пользоваться насыпью приходилось каждые полчаса.

Марк, осторожно взбираясь по скользким камням, поднялся наверх. Прежде чем выпрямиться во весь рост, он решил осмотреться — вдруг ещё один поезд приблизится.

Поездов не было. И вообще ничего чуждого не было. Только рельсы, вентили и линии электропередачи.

— Надо идти, — приказал себе Марк.

2

На часах было уже семь. Сколько Марк прошёл за это время, он сказать не мог. Ориентиров по-прежнему не было. Не было и видимых укрытий, чтобы залечь там и выспаться. А усталость накатывала с устрашающей силой.

Поезда больше не появлялись. Это немного радовало. По крайней мере, никто не стрелял. Но и однообразные пейзажи томили до смерти. Марку начинало казаться, что он ходит по замкнутому кругу. По очень большому, но замкнутому.

Он упрямо шагал до полудня. Но потом силы его покинули, и всё тело стало молить об

отдыхе. Нужно было сделать привал. Скромный. Без походного костра и шалашей. Просто растянуться на нагретых солнцем камнях и поспать. А пробудившись, выпить глоток чая, съесть половину яблока и продолжить путь.

Марк сделал в гравии небольшую ложбинку и постелил на её дно свою куртку. Длины джинсовки хватило только прикрыть грудь от камней, но этого было достаточно. Сумка, закопанная в крупные камни до середины, выступила в роли подушки.

Такую постель едва ли назовёшь комфортной. Но уставшее тело Марка быстро погрузилось в сон.

Но сам Марк проснулся. В своей кровати. Лина укрыла его перед уходом на работу и даже оставила завтрак на прикроватной тумбе. Шторы были плотно занавешены, комната погрузилась в густой сумрак. Окна, по всей видимости, были закрыты, иначе такую гробовую тишину объяснить было нельзя.

— Ну и присниться же, — недовольно буркнул Марк, ища глазами единственного потенциального собеседника. Но Барсика в комнате не было. Иначе он бы лежал на тапочках. Значит, Лина закрыла его на кухне, дабы не мешал высыпаться своему хозяину.

Марк нащупал телефон на полу и набрал номер Лины. Она ответила после минуты затяжных гудков.

— Только проснулся? — вместо приветствия сухо пробубнила в трубку Лина.

— Да, — с улыбкой кота, который вылакал банку сметаны, ответил Марк. — Спасибо за завтрак!

— Нормально себя чувствуешь?

— Разумеется, моя королева!

— Хорошо. Давай.

— Целую тебя во все воображимые и невообразимые места!

Телефон издал сигнал отбоя.

Чувствуя себя выспавшимся, причём, как никогда в жизни, Марк потянулся, и рывком встал с кровати. Сердце ныло от одной мысли, что его любимый кот сидит в кухонном заточении, с полной миской корма и воды, но без лотка. Наверняка зверюге давно приспичило, и он, бедняга, терпит из последних сил.

Но всё оказалось не так печально. Открыв дверь на кухню, Марк обнаружил беззаботно спящие шесть кило пушистой кошатины. Солнышко пригрело длинношёрстый кошачий живот, который Барсик беззастенчиво выпятил, завалившись на спину. При этом лапки он сложил на груди, точно пародировал суслика.

— Тяжела ли жизнь, пролетарии? — обратился хозяин к коту, просто чтобы привлечь внимание. Барсик, бессовестно разбуженный в столь ранний час, повернул голову на звук. А вот глаза открыть поленился.

— Ладно, спи! Через час пылесосить будем. То-то же набегаешься.

Оставаясь дома в одиночестве, Марк брался за бытовые хлопоты. Мог выполнять чисто мужскую работу: чинить краны, смазывать дверные петли, приклеивать отошедшие стыки на обоях. Но мог взяться и за стирку, уборку и готовку. Получалось у него это из рук вон плохо. Но Лина умела держать язык за зубами. И умела благодарить за помощь, хоть и оказанную неумело.

Сегодня Марк решил побыть за хозяйку. Быстро покончив с оставленным ему завтраком, он принялся перемывать посуду.

На тыльной стороне тарелок оставались жирные пятна даже тогда, когда они

отправлялись в сушилку. Кружки, испачканные бурыми кольцами от травяного чая, так и не дождалась чистки содой. На сковороде остался кусочек засохшего яйца. Пригоревшее к эмали молоко ушло в полочку вместе с кастрюлей.

Затеянная стирка увенчалась куда большим успехом. И только потому, что большую часть работы взяла на себя стиральная машинка. Впрочем, на этапе сушки снова возникли недочёты. Развешанное на сушилке бельё местами было скомкано, как следует не вывернуто и не расправлено.

Уборка квартиры оставила куда более приятную картину. Кровать была заправлена без единой морщинки, ни одной вещи не валялось на полу и не висело на стульях. Книги стояли на полочках, как солдаты по команде смирно. Ни на одной поверхности не было ни пылинки. На ковре не осталось ни пучка женских волос, ни клочка кошачьей шерсти. И воздух пропитался влажностью и свежестью. Пусть и с химозным привкусом средства для мытья полов. Но всё же свежестью.

Довольный собой Марк развалился перед телевизором. Ему захотелось полчаса «потупить в ящик», прежде чем приняться за готовку. На ужин планировалась запечённая в духовке курица — единственное блюдо, что у Марка получалось.

На экране запрыгали рекламные ролики. Их должна была сменить юмористическая передача, что-то вроде стендап-шоу. Марк её не сильно любил, однако предпочёл мыльным операм, заполнившим эфир остальных каналов.

Но дожидаться окончания «короткой» рекламы Марк не сумел. Глаза сами собой слиплись, и он снова провалился в сон.

3

Марк совсем не удивился, когда проснулся на железнодорожной насыпи. Никуда не делась вырытая им ложбинка, и постеленная куртка осталась на месте. Даже сумка вместо подушки осталась прикопанной в гравий. И солнце на прежнем месте.

— Кажется, этот сон будет продолжаться, пока я не дойду до цели. Знать бы ещё, что за цель, и куда топтать? Мир, сдвинувшийся с места, спасти? Тогда где мои револьверы из Экскалибура?

Голод дал о себе знать. Помимо урчания в животе, появилась тошнота и слабость. А ещё фантомное чувство холода — организму нужно топливо, чтобы согреться.

Марк достал нож из сумки и уставился на него как зачарованный. Он был настоящим произведением искусства для человека, далёкого от кузнечного дела. Рукоятка выполнена из морёной акации, с изящной впадиной под мизинец. Между рукоятью и лезвиям стоял широкий bolster из оленьего рога. Под bolsterом, в несколько слоёв, чередовались обоймицы из бронзы и рога. Лезвие из воронёного металла, длинное и тонкое, с широким ребром. Совсем как новое, будто его ни разу не точили.

Его сделал отец Лины. Это был своеобразный подарок ко дню рождения. Своеобразный, потому как ножи дарить не принято. Марк купил его за символическую цену — две шведские кроны. Просто не оказалось других денег с собой. А ту монету он таскал везде, на удачу.

Сейчас он тоже носил с собой монету — сто франков Руанды. Гостя из маленького государства в восточной Африке покоилась под чехлом смартфона.

Марк разрезал яблоко пополам. Половину спрятал в сумку, половину съел. Полностью, вместе с косточками. Последовавшую затем жажду скупой притупил глотком чая и отправился в путь.

— В термосе меньше половины. Если не найду воду до послезавтра — мне конец. Без воды я даже корм кошачий жевать не смогу. Впрочем, от жажды скончаюсь быстрее, чем от голода.

Но равнина даже не думала меняться. Ни холма, ни впадины, ни гряды деревьев, ни спасительной полосы камышей. Ровная плоскость, покрытая бурой травой. От горизонта до горизонта. Куда ни глянь.

Идти дальше совсем не хотелось. Не было ни чёткой цели, ни уверенности в выбранном направлении. Но оставаться на месте в ожидании неминуемой смерти — тоже не было желания.

Слева, у самой кромки видимого мира, показались тучи. Можно было надеяться, что ветер принесёт их сюда, и они разразятся дождем. Но Марк не спешил радоваться. Тучи были далеко и могли пройти стороной. А если бы и не так, то могли принести с собой не ливень, а мелкую морось, от которой он вымокнет, простынет, но воды получит едва ли на глоток.

За спиной осталось ещё два часа безостановочного пути. Километров восемь, едва ли больше. Но с вершины насыпи не было видно ничего нового. Разве что железная дорога теперь уходила влево и по дуге возвращалась вправо.

— Что она могла огибать? Тут нет ничего особенного.

Ответов не было. Да откуда им взяться в такой пустыне. Тут даже солнце подсказок не даёт. Не разберёшь — день сейчас, или ночь. Про время и говорить нечего.

С очередной досадой, Марк начал спускаться с насыпи. Но не успел ступить на мягкую траву, как вдруг почувствовал сильный прилив усталости. Внезапный, нестерпимый, непобедимый. Такой, какой он испытал лишь однажды — когда в студенческие годы поспорил с другом, кто кого перепьёт.

Тогда Марк пошёл на хитрость, и слопал натошак две пачки сливочного масла, после чего предложил пить чачу без закуски. Друг, по наивности своей, согласился. После часа застолья оппонент Марка попросился в туалет. Ему был дозволен перерыв. Но по назначению израсходовать его не удалось. Друг только что и смог дойти до унитаза и выблевать всё содержимое желудка. А после, скоростно потерять сознание.

Пользуясь отпущенной маслом форой, Марк достал мобильный телефон и зафиксировал свою победу короткой видеозаписью. Не забыл добавить и подходящие издёвки. Однако стоило только нажать кнопку стоп, как тут же накатила сногшибательная порыв дурноты и усталости. Сногшибательный в прямом смысле. Марк, испуская фонтан рвотных масс, рухнул на пол лицом вниз. И мир исчез на восемь часов. Совсем исчез. Вместе со звуками, мыслями и образами.

Нечто подобное Марк почувствовал сейчас, стоя на границе гравия и бурой травы. Нестерпимое желание упасть в небытие.

Он сопротивлялся несколько секунд. Но черное пятно стало расплываться у него перед глазами. Оно поглощало собой весь видимый мир и невидимое сознание. Когда пятно расплзлось до ушей, послышался нестерпимый звон. Ещё через миг тело потеряло вес.

4

— Вставай, Соня! — разбудил Марка нежный голос Лины. Он приоткрыл глаза, не понимая, где находится и что произошло. Потом работающий телевизор кое-что ему напомнил.

— Ты давно пришла? — хриплым голосом спросил Марк.

— Только что. Когда ты не взял трубку в восьмой раз, я решила что ты напился. Прихожу, ты дрыхнешь на диване. Думаю — точно, нажрался! Целую тебя — и нет же. Никакого перегара. Просто спит мой хомячок.

— Зай, извини. Сам не знаю, что это на меня нашло. Собирался ужин готовить, присел передохнуть, и на тебе. Два часа из жизни.

Лина похлопала его по плечу:

— Это тоже полезно! Иногда. Ты не переживай, я сейчас в доставку позвоню. Пиццу или котлет по-киевски?

— Лучше бургеры. Или ролы.

Марк устало закатил глаза, хотя чувствовал себя как никогда бодро. Просто захотелось капельку сочувствия. Лина, с грациозностью кошки, уселась на ноги мужу, уткнув свой бюст прямо ему в лицо. Марк удивлённо вытаращил глаза.

— Сегодня будут котлеты, — утверждающе заявила Лина и хищно улыбнулась. — А пока они едут, нам есть чем заняться!

Доставку Марк пошёл забирать в весьма компрометирующем виде. Если расцарапанную спину и засосы на груди удалось скрыть банным халатом, то взъерошенные, потные волосы и помаду на лице спрятать было невозможно. Впрочем, курьер не спешил смущать клиента. Он доброжелательно поприветствовал Марка, передал пакет с едой и пожелал приятного аппетита. Но после прокололся. Не смог скрыть брезгливость, когда принимал наличные в качестве оплаты. Видимо, потные руки Марка оставили на них свой след.

Попрощавшись с курьером, Марк вернулся к своей страстной бестии. Но обнаружил вместо неё пушистого котеночка. Лина облачилась в белый, махровый халатик и с блеском в глазах ждала. Но уже не страстных поцелуев, асытного ужина.

— Давай быстрее! Я так проголодалась!

Марк быстро разложил на журнальном столике содержимое пакета, разлил газировку по бокалам, и принялся за свою котлету. При этом стараясь не смотреть на жену. Она кошечка в постели, львица в коллективе, пчёлка в быту. Но за столом превращается в ужасную свинью. Она не ест, она самым натуральным образом жрёт. Набивает рот до неприличия, кусает жадно, не беспокоясь о текущем масле или соусе, смачно хлюпает газировкой и несдержанно рыгает подходя к концу трапезы. По началу Марка это забавляло — должна же быть у человека какая-нибудь странность или слабость. Однако со временем подобное поведение стало вызывать тошноту и отвращение. Особенно когда это происходило на людях.

С едой вскоре было покончено. Её остатки Лина стёрла с лица влажной салфеткой, и бросила обратно в пакет. Начиналось любимое время Марка — время вместе смотреть какую-нибудь несусветную ерунду. Иногда это была мыльная опера, до жути интригующая Лину. Иногда фильмы с кишками, кровью и политикой, что безумно нравились Марку.

Сегодня честь выбирать выпала главе семейства. «Город грехов» — хороший фильм. По мнению Марка, лучшая работа Тарантино, хотя тот был лишь приглашённым режиссёром. И политики там с гулькин нос. Зато кровь и кишки в изобилии. Особый эффект от черно-белой картинки с редкими цветными элементами — так никто и не смог повторить. Хотя нельзя не отметить, что робкую попытку впервые предприняли в фильме «Список Шиндлера» с Лиамом Нисоном. Ладно-ладно, «Броненосец Потёмкин» тоже был. Но тут речь скорее об особой атмосфере полукомикса. Атмосфере, и руке мастера, что её оживила.

На примере «Города грехов» можно продемонстрировать влияние режиссёра, гениального режиссёра, на любой фильм. В сравнении. Достаточно посмотреть вторую часть той же картины. Сюжет написан ещё до первой части. Герои остались те же, графика — та же, кровь и кишки в таком же количестве. Даже актёрский состав, по большей части, остался без изменения. А не то! Совсем не то. Фальшиво и скучно. Жалкая пародия.

С Марком многие могут не согласиться. Но его это не беспокоило. Заумные ценители со списком критериев мало его заботили. Главное же было — отклик собственной души. И плевать на прочие мнения.

— «Старик умирает, девочка остаётся жить, — Марк шепотом повторял слова за любимым героем. — Честный обмен»

Лина толкнула его в бок. Ей не особо нравилась идея пересматривать фильм второй раз за этот год, а цитирующий шептун раздражал в конец. Глава семейства замолчал и нежно обнял мягкий комочек, который был ничем иным, как попой, обтянутой махровым халатом. Возражений такие объятия не встретили.

Когда Джон Хартиган повторил свою легендарную фразу и приставил револьвер к голове, Лина уже крепко спала. Увидев титры, Марк выключил телевизор.

Нужно было убрать беспорядок на журнальном столике, нужно было расстелить постель в спальне, нужно было перелечь спать туда. Но накатила дремота. Ещё секунду назад Марк чувствовал себя свежим и бодрым, как вдруг потерял всяческое желание что-либо делать. Он просто опустил голову на бедро жены, и тут же отключился.

5

— «Ну наконец-то!» — это была первая мысль Марка, когда, проснувшись, он увидел не заходящее солнце, не бурю траву и даже не железнодорожную насыпь. Он увидел ствол револьвера, раздвоившийся в глазах от близкого расположения.

— Раз ты меня не убил спящим, значит тебе что-то нужно, — спокойно, как будто это происходит не с ним, заключил Марк. — А может я не вовремя проснулся?

Револьвер чуть отдалился, позволяя разглядеть своего обладателя. Высокого, кареглазого мужика с морщинистым лицом и чёрной щетиной. Причём щетина его явно уродовала, придавая дикий и неопрятный вид. Одет мужик был тоже диковато и неопрятно. На голове шляпа рыболова-любителя, с завёрнутыми по-кавбойски полями. Выцветшая джинсовая куртка, изуродованная множеством въевшихся пятен. Под ней мешковина, с корявым рисунком сделанным тушью. На ногах камуфляжные штаны, тоже из серии рыболов-любитель. А вот обут он был в новенькие берцы, блестящие как у кота глаза.

А ещё, кроме престарелого рыбака с револьвером, Марк заметил небо. Тёмно-серое.

— «Неужели сон поменялся», — с надеждой подумал он.

Мужик в шляпе отвел револьвер подальше, но совсем не убрал.

— Кто такой? — в его голосе послышалась озорная радость.

— Марк.

— Куда идём?

— А шут его знает. Знал бы, где я, знал бы куда топтать.

— Ты из Спящих, что ли?

Марк не понял вопроса. Почти не понял. Он-то знал, что спит, и что всё это сон. Но об этом ли спрашивают? Не желая попасть в неловкую ситуацию, Марк приподнялся и пожал плечами. И очень пожалел о принятом решении.

Мужик молниеносно выкинул руку с пистолетом вниз и выстрелил. Марк даже понять

ничего не успел. Вспышка, хлопок и жгучая боль в ноге.

А на лице рыболова-любителя не дрогнул ни единый мускул. Даже легкое выражение озорства не исчезло. Может даже усилилось.

Он спокойно поднёс револьвер поближе к лицу, откинул барабан и потряс рукой. Вторую ладонь, облачённую в кожаную перчатку без пальцев, подставил поближе. Из барабана выпало два цилиндрика. Мужик их ловко подхватил, и принялся разглядывать.

— Всё-таки Спящий, — заключил рыболов и подкинул в воздух стреляную гильзу. Цилиндрик, что остался в руке (видимо целый патрон) вернул на место и полез в карман.

Стреляная гильза упала Марку на живот и вывела из ступора. Он схватил её голыми пальцами и очень пожалел. Раздалось еле слышное шипение — кожа пригорела к раскалённому металлу. Марк по инерции откинул гильзу в сторону и принялся играть в балалаечника — стал сильно размахивать кистью.

— Ты бы лучше ногой занялся, — усмехнулся мужик. — Доставай свою аптечку.

Марк на секунду отвлёкся, что бы взглянуть на рыбака: откуда тот знает про аптечку? А потом поспешил воспользоваться советом. Он достал вату, бинты и пластырь, совсем не замечая как над ним посмеиваются. Нога болела жутко, будто из неё вырвали кусок мяса.

Марк закатал штанину до самого колена, и понял, что бинты с ватой тут не помогут. Не поможет и ампутация конечности. И вообще ничего не поможет, если мозг лёгкую царапину воспринимает как смертельное ранение.

Кровь из раны немного текла. Но на неё все равно было жалко переводить вату. Марк протёр это место влажной салфеткой и наклеил широкий пластырь.

— Честно говоря, я промазал, — ехидничал рыбак, наблюдая за манипуляциями раненого. — Обычно даже пластырь не пригождается. Извини. Бывает.

Марк хотел сказать что-нибудь дерзкое, но вовремя вспомнил про револьвер в руке незнакомца, и про то, как остро организм реагирует на его воздействие.

— Что это значит? — спросил он, осадив себя.

— Что ты Спящий. Уснул и попал сюда. Разве сам этого не заметил? Уж шестой круг пошёл, как ты здесь.

— Заметил. Но ни черта не понял.

— Это нормально. Это со всеми бывает. Закинулся что ли чем?

— Что? В каком смысле?

Незнакомец помялся, явно подбирая слова.

— Ну там, закинулся, дунул, ширнул. В моё время говорили — укололся или вмазался.

Марк понял, что речь идёт о наркоманских терминах. И сразу же помотал головой. Алкоголем он иногда баловался. Но на сигареты и психотропы соблюдал табу.

— Эх, жалко. Если бы там с собой держал чеку, когда уснул, два раза кайф словить бы мог. Или со мной поделиться.

— Чего нет, того нет, — Марк обреченно развёл руками.

— Да ещё бы. Сам бы руки оторвал тому, кто таким сосункам продает. Вы же тормозить не умеете.

Марк пожал плечами, как бы намекая на свою некомпетентность в данном вопросе.

— Получается, ты просто уснул, и проснулся тут. Случайный, как бы.

В ответ рыбак увидел чистые ладони собеседника. Они намекали на некомпетентность и в этом.

— Я иду на Сан. Заметил, что и ты туда же топаешь, — уже серьёзно продолжил рыбак.

Марк тяжело вздохнул.

— Я топаю туда, где смогу попить и поесть.

— С попить проблем нет, — мужик кинул Марку металлическую фляжку. — С едой потуже, но есть кое-что, кроме яблок и кошачьего корма.

В очередной раз рыбак продемонстрировал свою осведомленность о снаряжении собеседника. Марк испугался, не вытащил ли этот тип его любимый нож.

— Вы копались в моих вещах?

— Да брось, что у тебя брать? Ножик твой? У меня не хуже.

Теперь Марк подумал, что незнакомец умеет читать мысли.

— Я следил за тобой, — сознался рыбак и распахнул куртку. Во внутреннем кармане лежал бинокль внушительных размеров. — От того места, где девчонок увели.

Марк окинул незнакомца взглядом полным страха и недоумения.

— С тобой бабы сюда попали, верно? Так вот, они тебя кинули и пошли приключения на зад искать. Тоже на рельсы выперлись. Только пошли не на *Сан*, а на *Бэк*. Я их издали увидел. На встречу пошёл. Вижу, старика на плечах несут. Думаю, может случилось что. Может от поезда дед отойти не успел, подстрелили. И тут как назло — гудок. Делать нечего, я за насыпь. А эти, курицы бестолковые, так и прут. Поезд подъезжает, а они руками машут, кричат. Думал, всех перестреляют. А нет. Видать, молодую разглядели. Она может и не красавица, и лицо у неё разбито. А знаешь, иному мужику и на то плевать. Лишь бы две ноги было, да углубление меж ними. Короче, остановился поезд. Хлопцы выскочили, всех в вагон покидали, и назад.

А тебя я шагов через триста заметил. В оптику. Валялся ты в траве. Думал, сдох ты уже. А ты возьми, да встань. И как назло, когда я к тебе пришёл почти. Места тут беспокойные. Народец разный бродит. Вот я и не спешил на контакт идти. Присматривался.

Марк выслушал и покивал. Рыбак же пальцем указал на металлическую фляжку, мол или пей или отдай. Марк отвинтил крышку и неуверенно приложился к горлышку. В рот полилась вода, дурно пахнувшая тиной и землёй. Фонтан брызг тут же полетел на бурую траву.

— А ты думал у меня с собой минералка? — ухмыльнулся рыбак, наблюдая за собеседником. Тот очень агрессивно старался отплеваться.

— Пожалуйста, скажи, что это была не моча! — жалобно пропищал Марк.

— Нет, не моча. Но и не горный ручей. Вода из Магистрали.

Заметив непонимающий взгляд собеседника, рыбак добавил:

— Долго объяснять. Пойдёшь со мной — покажу.

Марк усмехнулся, покосившись на револьвер.

— У меня разве есть выбор?

— А почему нет? Можешь идти куда угодно. Но что-то мне подсказывает, сдохнешь ты через пару дней. Когда вода в твоём термосе закончится. Ну ладно. После ещё дня два протянешь. А смысл?

Марк согласно покивал и попытался подняться. Рыбак протянул ему руку, и в один рывок поставил на ноги.

Встав, Марк увидел — никуда ничего не пропало. Бурая равнина на своём месте, простирается от края до края. Железнодорожная насыпь на своём, начинается за горизонтом, и уходит за горизонт.

Хотя кое-что действительно исчезло. Солнце.

— А чего так темно? — выразил недоумение Марк. — Ночь что ли наступила?

— Какая ещё ночь? Тут Ночей не бывает. И дней. Тут всегда вечер.

— А солнце тогда где?

— Вечера разные бывают. Бывают солнечные, бывают пасмурные. Гроза надвигается.

Марк отряхнул куртку, подобрал сумку и потянулся всем телом.

— Я готов. Куда идём?

Рыбак головой указал на насыпь.

— Как раньше.

— И далеко?

— Тебе в шагах или в колоколах объяснить?

— В шагах. В колоколах расстояние не измерял никогда.

— Колокол — это мера времени. Дойдём до людей, сам поймёшь. А в шагах — тысяч четыреста до ближайшего поселения.

Марк прищурился, силясь воспринять услышанное.

— Это в километрах сколько? — спросил он, выдержав паузу.

— Всегда бери на четверть меньше. Это не точно, но около того.

— Триста километров?! — с нескрываемым испугом спросил Марк.

— Около того. На деле чуть меньше. Но не сильно.

— А в другую сторону?

— До цивилизации — тысяч семьсот шагов. По дороге есть поселения, но в них надолго не задержишься. Если, конечно, фермером стать не решил.

Марк перемялся с ноги на ногу в нерешительности. Идти с незнакомцем было, конечно, лучше чем одному. Но сама перспектива отшагать три сотни километров по чужой земле — заставляла сомневаться.

— Пошли, — рыбак хлопнул Марка по плечу и, не дожидаясь реакции, зашагал вдоль насыпи.

6

Марк по привычке поднялся наверх, когда за спиной осталось полчаса пути. Новый знакомый не присоединился, но и останавливать не стал.

В сумерках, навеванных тяжёлыми тучами, равнина преобразилась до неузнаваемости. Бурый цвет она сменила на чёрный. Россыпь замшелых валунов стала похожа на звёздное небо. Свинцовый купол над землёй непрерывно двигался. Вдалеке виднелись оранжевые всполохи молний.

— Дождь скоро пойдёт, — заключил Марк, спускаясь.

— Не дождь, а настоящий ливень, — с азартной улыбкой уточнил новый знакомый.

— И где мы его переждём? — перекрикивая внезапный порыв ветра, спросил Марк.

— Прямо там, где он нас застанет.

И дождь застал их скоро. Следующий порыв ветра уже принёс первые капли. Ощувив их, рыбак сразу же остановился, и полез в заплечный мешок. Оттуда он извлёк сверток, очень похожий на полиэтиленовую плёнку.

— Нужно отойти от насыпи, — рыбак перекричал ветер. — С неё поток пойдёт, нам штаны подмочит.

Они отошли метров на двести в сторону. Рыбак развернул полиэтиленовую плёнку, внутри которой лежало четыре прутика. Прутики оказались телескопическими, как удочка или антенна радиоприёмника. Их рыбак растянул, и воткнул в землю, образовав квадрат со

сторонами метра в два. На прутья он быстро намотал верёвку, поверх которой постелил полиэтиленовый полог. Получилась палатка. Но палатка весьма странная. Крыша у неё была скатами внутрь.

— Залезай, и подсунь под себя плёнку! — Криком приказал рыбак. И Марк тут же повиновался. Зачем это было нужно, стало ясно при первом порыве ветра. Не лежи на завёрнутом крае палатке туша весом в восемьдесят кило, полиэтилен бы сорвало и унесло в бескрайние дали.

Крупные капли застучали по стенкам и крыше палатки. Но спутник Марка не торопился спрятаться в непромокаемом убежище. Он возился снаружи в своём заплечном мешке. Марк из праздного любопытства приподнял край плёнки, и увидел, как спутник опустошает бурдюк с водой.

— Дождевая вода приятнее воды из Магистрала, — прокряхтел рыбак, забираясь под полог. Он затянул свой заплечный мешок, придавил им один из краёв, и подполз к самой низкой точке крыши. Там красовалась окольцованное отверстие. К нему рыбак подставил нечто похожее на воронку, а под неё пустой бурдюк.

— Да, такую дуру часа два наполнять придётся, — с улыбкой пожаловался спутник Марка.

— Если устанете, я вас подменю. Подержу.

Рыбак уставился на Марка с кривой миной.

— Мы разве ещё на «вы»? — спросил он.

— Думаю да. Я вашего имени не знаю.

Рыбак усмехнулся и сказал:

— Блэкблю. Моё имя Блэкблю. Можно просто Блэк. Можно просто Блю. Как будет удобно.

— Интересное имя. Или это прозвище такое?

— Имя. Местное имя. Спящие здесь собираются в кланы и берут новые имена. Блэк — это имя моего клана. Что-то вроде фамилии. Блю — моё имя.

Марк кивнул, давая понять, что это усвоил, и сразу спросил:

— А разве это не названия цветов на английском?

— Так и есть, — подтвердил рыбак. — Блэк — чёрный. Блю — синий. Я из семьи Чёрных. Моё имя — Синий. Но так тут не принято выражаться.

— Почему? — с некоторым возмущением спросил Марк.

— А на каком языке ты сейчас говоришь? — ответил вопросом на вопрос тот, кто представился Блэкблю.

— На русском, полагаю.

Блэкблю рассмеялся.

— Едва ли. Ты сейчас говоришь на *едином наречии*. Ты это потом поймёшь, когда книжку в руки возьмёшь. Ну или вывески в поселении заметишь. Говорить то говоришь, а прочесть не сможешь. Такая вот ирония. А названия и имена мы нарочно на английском составляем. Его знает большинство Спящих. И для нас это маркер — сразу друг друга опознаём. Ну или вмешательство своих отслеживаем.

— Своих? Тут что, и чужие есть?

— Чужие? — Улыбка с лица Блэкблю исчезла. — Это мы тут чужие. Пришельцы. Спящие. Нас много, конечно. Но гораздо меньше местного населения. И многие аборигены нас ненавидят. Хотя есть и те, кто боготворит.

Марк почувал, что его мозги пухнут от потока важной информации. Но было ещё несколько вопросов, которые он непременно хотел задать перед тем, как взять тайм-аут на переваривание.

— Как сюда попадают Спящие? — задал Марк первый из своих насущных вопросов. Блэкблю задумался и с прежней улыбкой выдал:

— Способов много. И большую часть не знаю. Я попал сюда под кайфом. Не помню, был это клей или героин. А может всё сразу.

Один мой товарищ переспал с ведьмой, и она ему сюда билет выписала. Был один алкоголик, который в эти места от приступа белой горячки прилетел. Молодой парень, Рэдгрин кажется, на Земле шизофрению словил, а тут на волне обострения проснулся. К слову, в этой реальности он вполне адекватным остался. Знал я и тех, кто сюда попал, потому что на Земле в коме лежит. Они вообще никогда не спят. После клинической смерти или неудачной попытки суицида сюда попадают. Кто-то про счастливое спасение рассказывает — мол, выжил чудом, там, на Земле, и в ту же ночь здесь проснулся.

В общем, способов много, и я далеко не все знаю.

Марк потёр ладонью лицо. Он так делает, когда устаёт умственно. А происходит это не часто, так как работа у него совсем не творческая.

— А как отсюда уйти? — задал Марк второй вопрос, который очень требовался для составления мозаики в голове.

— Как и из любого другого мира, полагаю, — с ехидной улыбкой ответил Блэкблю.

Марк пожал плечами и пристально посмотрел в глаза собеседнику. Тот понял, что без комментариев не обойтись.

— Как из любого мира: хочешь выйти на время — ложись спать. Хочешь уйти навсегда — умри.

— Если умрёшь здесь, не умрёшь там, на Земле?

— Нет, но сюда не вернёшься. Никогда.

Марк глупо улыбнулся и сказал:

— Может это и хорошо, что никогда. Мне тут пока не нравится.

Блэкблю растянул губы в безобразной улыбке.

— Ты погоди. Дальше тебе ещё больше не понравится.

Мы в который уж раз создаем этот мир
Ищем вновь имена для зверей и цветов
Несмотря ни на что побеждает любовь
Так забьём и закурим, мать богов»
Группа Nautilus Pompilius — Мать богов

1

Дождь стих через несколько часов. Земля вымокла и стала податлива как пластилин. Идти было крайне трудно. Ноги то вязли, утопая по самую щиколотку, то цеплялись на себя тяжёлые комья.

Устав от бесполезной вражды с бездорожьем, Марк и Блэкблю поднялись на насыпь и пошли прямо по шпалам. Приходилось то и дело смотреть вдаль, дабы не упустить приближение поезда. «Слушать рельсы» после дождя было бессмысленно — капли воды стекали с кабелей электроснабжения и отбивали сумасшедшую чечётку.

Марк заметил, что его спутник особенно сильно нервничает при мыслях о возможности упустить приближение поезда. Разумеется, это наводило на вопросы.

— Слушай, Блэк, что с вашими поездами не так? Чего они не останавливаются? Людям не помогают? Да ещё и стреляют!

Блэк усмехнулся, хоть и с горечью.

— Это долгая история.

— А мы разве торопимся куда-то? По твоим прогнозам, нам ещё неделю топать.

— Это верно, — согласился Блэкблю. — Понимаешь, все поезда крышует мафия. Самая настоящая мафия. Классическая. С крёстными отцами, кланами, кодексом и пистолетами. Даже шляпы многие носят. Те самые, аля Френсис Форд Коппола. Каждый поезд держит свой клан. Хотя бывает и один состав три-четыре делят. По вагонам.

Так вот. Эти ребята, сам понимаешь, кого попало на свой транспорт не пустят и чей попало груз не повезут. Потому как и то и другое охранять требуется.

А если груз перевезти нужно настолько сильно, что даже расценки мафиози не смущают... Значит, перевезти собираются нечто действительно ценное.

Представь ситуацию — едет поезд, у которого три вагона до отказа забиты золотом, наркотиками и оружием. И вдруг на пути попадаете... скажем... скажем... О! Перевернутая маршрутка. И рядом сидит печальный тип с разбитым лицом. И тут попадаете сердобольный мафиози: жмёт стоп-кран и бежит, радостный, помогать. А тип с разбитым лицом достаёт свой красивый ножик из сумки, перерезает глотку сердобольному, забирает его пистолет, и понеслась стрельба. И из перевернутой маршрутки ещё с десятков хлопцев. Раз-два, всех перебили на нужных вагонах, от состава отцепились, хоть на ходу, и конец комедии.

Но это одно дело. Тут ещё нужно перебить мафиози всех, а для этого сноровка нужна, коей не каждый обладает. А вот обвязать старика взрывчаткой, пригрозить жизнью детей и внуков да приказать броситься под нужный вагон — это попроще. Да и бывает почаще, если честно.

Марк присвистнул. Нет, нечто подобное он и сам подозревал. Но чтобы мафиози, да профилактика грабежа и терактов. Это было чересчур.

— И пассажиров они возят особенных, — предположил Марк.

— Да почему же. Самых обычных. Если, разумеется, они способны заплатить. Ну и если у пассажира нет репутации, вроде моей.

— Вроде твоей?

— Политический преступник. В розыске. Специально не ищут, но если попадусь — шлёпнут, а тело комиссарам отволокут. На опознание.

— Сначала убьют, а потом опознавать потащат? — уточнил Марк.

— А ты как думал у мафиози заведено? Передача заключённых властям, с почестями и вручением медалей? *Щас!* Есть труп, есть деньги. Если труп того, кого надо — деньги получает мафиози. Если мафиози ошибся, деньги получает комиссар. Всё просто.

— Забавно тут у вас.

— Уже у нас. Ты же тут. Значит у нас.

— Да брось. Я здесь ненадолго. Проснусь утром, и всё забуду.

Блэкблю тяжело покачал головой.

— Не забудешь. Пока в этом мире не сдохнешь, не забудешь. Так и будешь тут просыпаться.

— Ну так, зачем дело стало? Стреляй!

— Иди к чёрту, второй патрон на тебя тратить.

Марк вынул из сумки свой нож и протянул его Блэкблю.

— Так на, держи! Чего тянуть то?

Блэкблю оттолкнул руку Марка, и *ссуровив* взгляд, зашагал дальше.

— Не спеши с жизнью прощаться, — наставительно произнёс Блэк. — Как знать, может она тебе ещё пригодиться.

Марк наигранно усмехнулся.

— Не смейся, сопляк, — уже со злобой продолжил Блэк. — Думаешь у всех есть шанс вторую жизнь начать? Ты скоро поймёшь, насколько здесь всё реально. Боль, счастье, успехи, унижения. Поймёшь, что жизнь тут столь же ценна, как и там. Иди знай, может это и есть твой единственный шанс после смерти? Тут *заторчат*, пока новый сон не начнёт сниться.

Взгляд Марка заметно потускнел.

— Ты не представляешь, каким несусветным бредом мне кажется всё происходящее, — тяжело сказал он. — Это же сон. Очень реалистичный. И с продолжением. Бывает.

Блэкблю усмехнулся и махнул рукой.

Марк обернулся и взгляделся в извилистую ленту железной дороги, тонущую в серых тучах. У самой границы видимости едва заметно блеснуло.

— Блэк, глянь! Поезд?

Блэкблю остановился, распахнул джинсовую куртку и вынул из внутреннего кармана бинокль. Секунд двадцать он крутил колесико фокусировки, подводил кратность и целился в бескрайность. Потом холодно выдал:

— Он самый. Подъедет минут через пять. Пока можно топать.

Но Блэк ошибся. Не прошло и трёх минут, как за спинами раздался оглушительный гудок. Не позволяя ни опомниться, ни как следует испугаться, Блэкблю оттолкнул спутника в сторону. Марк потерял равновесие, споткнулся о рельс и кубарем покатился вниз по гравийному склону. Затормозив у самого подножья, он поднял голову и увидел, что Блэк тоже спускается экстремально — вертясь как бревно и поднимая лавину из мелких

камешков.

Гудок повторился, ещё ближе и ещё громче. Земля задрезжала.

Сильно врезавшись ногами в гравий, Блэкблю победил силы гравитации. Его лицо облепили мелкие, сырые камешки, но он, нисколько от них не смущаясь, принялся оправдываться:

— Это военный, понимаешь... Зараза бесшумная. И скорость его хрен вычислишь. Провёл, в который раз.

Марк в ответ добро улыбнулся и поднял голову туда, откуда скатился.

Картина ему открылась весьма эпичная. На открытых платформах, вытянувшись по стойке смирно, стояли роты, батальоны, полки солдат в серой форме. Очень знакомой. Аж, до приступа нездоровой ностальгии.

— Это что, немцы? — испуганно тыча пальцем в проносящиеся вагоны, спросил Марк.

— Почти, — без доли иронии ответил Блэк. — Можешь считать их местными нацистами. Очень уж схожая у них идеология.

— Хотят со свету сжить евреев, негров и цыган? — предположил Марк.

— Не-а. Спящих. Они истребляют Спящих.

Марк в изумлении поднял голову ещё раз и инстинктивно прижался к гравию. Мало ли, каким это образом они вычисляют Спящих. Может прямо сейчас один из солдатиков снимет оружие с плеча да даст очередь в двух врагов идеологии. Местную жизнь Марк оценить не успел. Зато как следует ощутил реалистичность боли. Особенно от огнестрельного ранения. Пусть даже скользящего.

Но солдатики так и стояли, не шевелясь, будто игрушечные. Поезд быстро уносил их далеко вперёд, оставляя на память только испуг и новые вопросы.

— Куда они едут? — спросил Марк, прикидывая, насколько именно совпадают их маршруты.

— Лучше спроси откуда. Из Бэк-порта. Предатели долбаные.

Марк встал на ноги и протянул руку помощи товарищу. Тот брезговать ею не стал. Поднимаясь, Блэк взглянул в лицо новичка. Очевидно, в увиденном выражении так и читалось требование продолжить рассказ.

— Бэк-порт всегда поддерживал Спящих. Я сам иду оттуда. Но видишь, какая напасть. К Лэфту от Сан-порта зараза эта фашистская засела, и всё ползёт на Бэк. Всех косит подчистую, прикрываясь своей политикой. Вот руководство Бэк-порта и обделалось знатно. У них же каждый второй в городе — Спящий. Вот и решили, видимо, подлизаться. Свежее мясо им на фронт экспортировали. Только не поможет это. Если Армия Спящих так и не вмешается в происходящее, серые дойдут и до Бэк-порта. Всех там степлером проверят. Всех к стенке, кто скобу им потратит. А если Армия Спящих вмешается, то серым крышка. И с Бэк-порта за такую поддержку спросят. Обязательно и строго спросят.

Марк шумно выдохнул. Блэк, разумеется, говорил о серьёзных вещах, и нельзя сказать, чтобы эти вещи оставались непонятными. Однако слишком много было тёмных терминов. Слишком много имён, событий. А сейчас интересовало лишь одно — перспектива встречи с ребятами, едущими туда, куда идёт их дуэт.

— Мы с ними не пересечемся в пути? — спросил Марк, опасливо поднимаясь по гравию.

— Можем пересечься. Но не скоро. Когда из Великой равнины выйдем.

— Так вот где мы сейчас! На Великой равнине! — радостно вскрикнул Марк. — А я-то

думал весь этот мир такой ровный и великий!

Блэкблю покосился на Марка, пытаясь понять, шутит тот или нет.

— Ладно. Стой! Садись! Сейчас я тебе кое-что расскажу. По порядку. Только слушай и не перебивай.

Блэкблю скинул заплечный мешок, покопался в нём и извлёк на свет клочок пожелтевшей бумаги и некую пародию на грифельный карандаш. Им он начертил кривую замкнутую линию, похожую на каплю с двумя хвостиками.

— Смотри: этот островок — Материк. Единственная известная этому миру суша. Ни островов, ни отмелей, ни рифов нет. Или их не нашли. Глубина моря вокруг Материка — неизвестна. Но точно больше двух километров.

На материке есть три зоны, которые диктуют все условия жизни: Великая равнина на Лэфте, горный хребет на Бэке — он же «Белые вершины», и Мрачный лес к Сану.

Ах да! Сан, Лэфт, Райт и Бэк — местные стороны света. Компас тут бесполезен. Магнитная стрелка с ума сходит. Зато есть вечный и недвижимый ориентир — солнце. Оно всегда висит на одном месте. Ни на йоту не сходит с места. Потому тут нет ни ночи, ни дня. Вечный вечер. И зимы тоже нет, ни осени. Вечное лето.

Так вот, вся география на солнце и сориентирована. Разумеется, это дело рук Спящих — главных прогрессоров местной науки. Они, как и полагается, увековечили свой вклад английскими наименованиями.

Думаю тут всё понятно: Сан — сторона света, что соответствует положению солнца. Бэк — противоположная. Лэфт и Райт — соответственно, налево и направо, если смотреть на солнце.

На Материке существует три крупных города: Сан-порт, Бэк-порт и Райт-порт. Думаю, их названия говорят сами за себя. Разбросаны они по берегам Материка в разных концах света. Это настоящие мегаполисы! Это крупные центры торговли и промышленности. Они же — пристанище головорезов, путан и политиков.

Ещё один крупный город должен был называться Лэфт-портом. Но, увы, серым это название претило. Их вообще раздражает всё, что связано со Спящими. Вот они и назвали своё пристанище Базой. Просто Базой.

Между тремя мегаполисами-портами проложена Великая Магистраль — транспортная, водная и энергетическая артерия Материка. Это та самая железная дорога, которую ты видишь. Под ней проходит гигантская труба, по которой течет целая река. Воду в неё подают из тысячи горных потоков, что берут начало у «Белых вершин». Те же потоки и постоянный горный ветер дают и электроэнергию, что течет в проводах над твоей головой.

Думаю про поездку объяснять ничего не нужно.

Марк вдавил ладонь в лоб, словно попытался пропихнуть внутрь поток информации. Услышав паузу в монологе Блэка, он кивнул, давая понять, что ещё не утратил способность слушать. Однако признаться в том, что схемка на измалёванной бумажке стала совсем непонятной, не рискнул.

— Я вышел из Бэк-порта три недели назад. Считаю, уже миллион шагов позади оставил. А иду я в Сан-порт, что лежит ещё в миллионе шагов отсюда. Так что, новобранец — хватай мой ранец!

С этими словами Блэк поднял заплечный мешок и кинул его в руки Марка. Тот неловко поймал увесистую поклажу и криво устроил на своей спине.

— Теперь к твоему вопросу, — мерно вышагивая по сырým шшалам, продолжил Блэк. —

Можем ли мы встретить серых? Можем. Но лучше бы нам этого избежать. Заметим вдалеке грузовики — делаем крюк, обходим.

— А зачем ты вообще идёшь в тот Сан-порт? — кряхтя под непосильной ношей, спросил Марк. Блэк призадумался. Рокот проводов сделал возникшую паузу особенно напряжённой. Не дав ответа, спутник Марка потянулся в нагрудный карман. Можно было подумать, что он сейчас достанет некий предмет, который многое объяснит. Или же наоборот, подарит загадку. Однако же из кармана вылезла помятая пачка сигарет.

Блэкблю закурил на ходу, «объяснив» своё молчание долгими затяжками. Но Марк не собирался сдаваться.

— Должна же быть причина, для столь долгого пути. Никак, Тёмную Башню ищешь?

Блэк пробубнил нечто невразумительное, а потом добавил:

— Ищу кое-кого.

— Человека в чёрном?

Блэк замер на месте и тупо уставился на собеседника.

— Что за чушь ты несёшь?

Марк обогнал спутника, чуть не сбив с ног, и пошёл дальше.

— Это из Стивена Кинга. Не читал что ли? — кинул он через плечо.

Блэк, очевидно, забыл, что у Марка нет глаз на затылке, потому и решил покачать головой в ответ.

— А вопрос то мой серьёзнее некуда, — язвил Марк. — Мне тут, вообще-то, уже не нравится. А ты говоришь — будет хуже. Так что мне тут делать? Может своей целью поделишься? Глядишь, и мне она приглянется.

Блэк шумно выдохнул, освобождая лёгкие от едкого дыма. Сделав ещё одну затяжку, он поспешил догнать Марка.

— Расскажу. Обязательно расскажу, — с грустью сказал Блэк, приблизившись. — Только не сейчас. Дай себе время к этому миру привыкнуть. Если глупостей не наделаешь, тебе тут ещё много лет просыпаться. А моя дорога тяжела и опасна. И, боюсь, коротка.

2

Руку прострелило уколами тысячи иголок. Марк широко раскрыл глаза, с трудом вспомнил где он и почему. Он был в своей квартире, но не в спальнной комнате, а на диване. Проснулся лицом в лужице из собственной слюны. Кожаный диван никак не хотел впитывать последствия дикого храпа.

Покрутив головой туда-сюда, Марк стал вспоминать вчерашний день. Точнее вечер. С трудом вспомнил, как без сил повалился на бодро жены и вырубился.

На тумбочке под телевизором не было красной женской сумочки. Это означало, что Лина уже ушла.

Марк взглянул на раскрытую ключницу. Крючок, на котором должен был висеть ключ от автомобиля, был пуст. Значит, Лина не просто ушла, а уехала.

В дверь противно заскреблись. Марк чувствовал себя бодро, но всё равно поленился встать. Тогда на дверь обрушился настоящий шквал — её принялись толкать, царапать, бить и, возможно, пробовать на зуб.

— Ох и достанется тебе сейчас, пушистая скотина! — прикрикнул Марк, нехотя отрывая пятую точку от промятого дивана.

Стоило только повернуть дверную ручку, как неистовая сила приложилась снаружи. Марк не сдержал натиск. В комнату влетело серое, пушистое и голодное существо, миглом

оккупировавшее кожаный диван.

— И тебе доброго утра, Барсик, — недовольно буркнул Марк и, отложив казнь любимого кота на короткое время, направился в уборную.

Умыв лицо, Марк на несколько мгновений завис, уставившись на своё отражение в зеркале. Ничего в нём не изменилось. Те же карие глаза, те же мимические морщины на лбу, тот же большой, горбатый, греческий нос. Только вот щетины прибавилось. И в этом не было ничего странного, её не сбривали уже два дня.

— Может я схожу с ума? — спросил он у своей зазеркальной копии. Та лишь синхронно пошевелила губами.

В гостиной внезапно заиграла мелодия. Марк срочно побежал к её источнику. Он очень хотел, чтобы это был телефонный звонок, и чтобы звонила Виктория, его менеджер.

Это действительно был телефон. И он действительно звонил. Вот только на той стороне была не Виктория, а Лина.

— Ты уже проснулся? — спросила она, непривычным для рабочего времени, добродушным тоном.

— Да, солнышко. Барсик разбудил, — ответил Марк необычно низким басом, какой у него иногда пробивается спросонья.

— Ну и правильно. Время видел? Десять утра.

Марк посмотрел на наручные часы и отметил, что супруга преувеличивает. Немного. Всего на пятьдесят минут. Но спорить не стал.

— Чем собираешься заняться? — внезапно грубым голосом спросила Лина.

— Не знаю, не придумал ещё.

— Займись подвалом! Нужно хлам разобрать. И трубу в ванной пробей! Опять вода стоит.

— Хорошо дорогая! Что-нибудь ещё?

— Всё, не могу. У меня совещание, — совсем холодно кинула Лина и положила трубку.

Марк высунул язык и скосил в кучу глаза.

— Усё, не маху, у меня совечанинье! — передразнил Марк супругу, и покосился на кота, ожидая от того дружеской реакции. Барсик попробовал носиком воздух и противно мякнул.

— А тебе лишь бы пожрать! Тоже мне, лучший друг называется.

Кот, несколько не смутился от дружеской укоризны, мягко спрыгнул на пол и засеменил к хозяину. Марк, обреченно вздохнув, направился на кухню, дабы наполнить кошачью миску.

3

К обеду Марк закончил с запланированными делами. Точнее с делами, которые для него запланировала Лина. Труба в ванной была пробита, а ненужный хлам из подвала переехал в мусорный контейнер.

Почувствовав легкую усталость, Марк решил принять душ и немного отдохнуть перед телевизором. Помня, чем вчера закончился подобный перерыв, поставил на телефоне будильник. Сегодня он был просто обязан приготовить ужин.

И беспокойство это было совсем не напрасным. Стоило только рассестись на диване, как глазам тут же надоели прыгающие картинки на экране, и они слиплись.

Но открылись в другом месте. В совершенно другом, непохожем, чуждом, но уже знакомом месте.

Блэкблю спал, лёжа на бурой траве. Тучи над головами сгустились и снова сокрыли вечно заходящее солнце. Казалось, что наступила ночь.

Марк сел, обхватив руками колени, и крепко задумался. Вспомнил последние километры до ночлега. Блэк вёл себя странно: то проваливался в сон на ходу, то вскрикивал нечто невразумительное, то норовил упасть прямо лицом на рельсы. Очевидно, он так боролся со сном в этом мире, или пытался проснуться в том. Хотя больше было похоже на то, что ему мешали. Мешали спать, постоянно будили.

— Интересно, а что будет, если тебя разбудить? — прошептал Марк и потянулся рукой к спутнику. Глаза Блэка тут же раскрылись.

— Что-что? Сознание потеряю! Там у себя. Это если ты меня очень постарайся разбудить. А если так, толкнёшь нечаянно — максимум зевну.

Марк растерянно уставился на только что спавшего товарища и не знал — извиняться или нет.

— Ты вовремя прям. Два часа дня. У нас как раз отбой.

Марк рассеянно улыбнулся. С одной стороны его порадовало, что он не разбудил товарища не вовремя и не нарушил его планов. С другой стороны, слова Блэка показались весьма подозрительными. «У нас отбой». У кого у нас? Неужели Блэк в реальном мире сидит в тюрьме или в каком-то другом режимном учреждении?

— Давай пройдем тысячу-другую шагов, пока есть возможность, — сказал Блэк, поднимаясь на ноги. — Мне через полтора часа ложиться. То есть вставать. Короче, у меня есть полтора часа.

Марк спорить не стал. Подобрал с земли свою куртку, постеленную вместо матраса, и поплёлся за товарищем. Блэк, через-чур энергично для только что проснувшегося человека, поднимался на насыпь.

Марк догнал его уже на шпалах.

— Так ты говоришь, у вас отбой, — запыхаясь, начал Марк. — А где это ты в реальном мире?

Блэк задумчиво хмыкнул и ускорил шаг.

— Нет, это и правда важно! Если мы хотим идти вместе, нам нужно узнать о жизни друг друга. Как минимум, чтобы режим дня синхронизировать.

Блэкблю только ускорил шаг, чем вынудил Марка семенить трусцой по шпалам. После минутного ожидания, новоиспеченный Спящий сдался, замедлился и крикнул удаляющейся спине:

— Храни свои тайны! А я свои хранить буду. Всё равно тут ненадолго.

Блэк резко остановился, обернулся, но уставился не на Марка, а куда-то сквозь. Затем извлёк бинокль, приложился к нему и недовольно хмыкнул.

— Ты сколько поездов идущих на Сан заметил? Три или четыре, полагаю. А идущих обратно? Ни одного, правильно?

Марк нахмурился. Он действительно не видел поездов идущих на встречу. Однако это совсем не значило, что они не проезжали, когда он не спал. Вернее спал. Да с ума можно сойти с этими сонными прыжками!

— Вот и я не видел. Ни одного. Уже десятый круг. Впереди что-то случилось.

Марк посмотрел пристально на спутника. Тот кивнул и добавил:

— Война там. С серыми. Или истребление массовое. Давай вниз, поезд догоняет.

Словно подтверждая страшные опасения Блэка, в сторону солнца промчался состав, до

отказа набитый военной техникой. В основном там были диковинного вида грузовики: машины словно сняли с выставки военной техники времён Второй Мировой войны. Там были и Студебекеры, и допотопные Маны, и Басинги различных моделей. Все выкрашенные в серый цвет. И все до отказа забитые солдатами в серой форме.

Марк, проводив глазами последний вагон, ткнул в плечо Блэка. Тот от неожиданности зашипел, но вскоре сообразил, чего от него хотят.

— Да, мы всё равно пойдём туда. Я пойду, а ты как хочешь.

Марк с шумом плюхнулся пятой точкой на гравий и пристально уставился на попутчика.

— Я пошёл бы дальше, совсем без проблем. Вот только — зачем? Ты ничего не рассказал о себе, не узнал обо мне. Мы с тобой не друзья. Жизнь ты мне не спасал. Стало быть — я тебе ничего не должен. И да, погибать мне в этом сне не страшно. Наоборот даже — желательно! Дабы не возвращаться сюда никогда. Но умирать тут тоже больно, как мне кажется. Так какого рожна я пойду на боль, спрашивается?

Блэк только ухмыльнулся да принялся карабкаться на насыпь. Марк посмотрел на удаляющийся поезд, огляделся по сторонам и не увидел ничего, кроме тёмных туч над почерневшей равниной. Подувший холодок напомнил о возможном дожде. Гул проводов наваял забытый страх одиночества. Пробелы в понимании происходящего заставили сердце колотиться чаще.

Марк извлёк из сумки термос и отвинтил крышку. В рот потоком хлынул терпкий коктейль, состоявший из остатков травяного чая и дождевой воды. Блэкблю, при вчерашней вынужденной стоянке, наполнил дождём не только свой бурдюк с фляжкой, но и единственную ёмкость, коей обладал Марк. Объяснил он это острой необходимостью запастись чистой водой, потому как: «вода из Магистрали не только утоляет жажду, но и вызывает понос».

Покрутив в руках красную жестянку, в которой ещё плескался разбавленный чай, Марк крепко задумался над тем, может ли он себе позволить путешествие в одиночку. Возражений было на порядок больше, чем аргументов «за». «За» было только два: Блэк ему не нравился и впереди ждала опасность. «Против» же было не счесть. Начиная, хотя бы, с того, что воду из Магистрали Марк доставать не умел (да и что такое Магистраль представлял лишь в общих чертах), плюс — палаткой-водосборником не обладал. А ещё не обладал знаниями, оружием, целью и уверенностью в быстром завершении бредовых сновидений. Зато всем этим обладал Блэк. Кроме, разве что, последнего.

Нехотя Марк поднялся и полез наверх.

4

Тучи стали рассеиваться. Равнина снова приобретала бурый цвет. Скромный алый луч пробился в крохотный просвет, озарив уходящую за горизонт извилистую ленту.

Блэк замер, разглядывая равнину под солнцем в бинокль. Марк смотрел назад, боясь упустить приближение поезда.

— Мы вскоре выйдем на посёлок фермеров, — выдал Блэк, прервав наблюдения.

— Это хорошо, — с облегчением сказал Марк и тут же напрягся. — Ты же говорил на миллион шагов в округе нет никого!

— Говорил. И сам так думал. Да видно ошибся.

Марк посмотрел в просветлевший горизонт, вдохнул прохладный и сладкий воздух равнины, и с улыбкой произнёс:

— А я было решил, что ты всезнайка.

Блэк, впервые за долгое время, расплылся в глупой улыбке.

— Был когда-то. В твоём возрасте. Потом понял, что ни черта в жизни не смыслю, ни в этой, ни в той. А про посёлок мне не грех не знать. Я тут не был четырнадцать лет.

Марк не предал словам спутника особенного значения. Ему было намного важнее увидеть хоть что-то кроме пресловутой бурой равнины, да серой ленты, уходящей за край.

— И где ты видишь посёлок? — нетерпеливо поинтересовался новоиспечённый Спящий.

— Нигде. Посёлка я не вижу, — Блэк протянул бинокль спутнику. — Но посмотри на траву у насыпи! На са-а-а-а-мом горизонте.

Марк повозился с фокусировкой увеличительного прибора и прицелился в указанное направление. Потратив целую минуту напрасно, он честно сознался, что ничего приметного не видит.

— Да на траву, на траву ты внимание обрати! Ничего не смущает? — по-детски весело воскликнул Блэк. Марк, не отрываясь от наблюдений, пожал плечами.

— Она чёрная, балда ты слепая! Рядом коричневая, а там чёрная. В потёмках и вдали — чёрная. Вблизи и при свете — зелёной станет. Понимаешь?

Марк протянул бинокль тому, кто пользуется им гораздо лучше, и тяжело вздохнул.

— Эх, дурья твоя башка. Зелёная трава тут не растёт сама по себе. Там её фермеры посадили.

Заметив понимающие кивки спутника, Блэк забрал бинокль и упрямо зашагал вперёд. Марк поспешил за ним, хотя стал чувствовать неимоверную усталость. Совсем неуместную и внезапную, но всё ещё контролируемую. Вскоре в мыслях заиграла навязчивая и противная мелодия, знакомая до боли, но совсем неподходящая для данной минуты. Марк с отчаянием попытался вспомнить, откуда он знает этот незамысловатый мотивчик, исполненный на рождественских колокольчиках. Но это не удалось.

— Блэк, далеко ли ещё до фермеров? — устало протянул Марк.

— Да прилично ещё. Тысяч сорок шагов, не меньше.

— Я не могу. Мне нужен привал.

— А который сейчас час? — с прищуром посмотрев на левую руку спутника, поинтересовался Блэк.

— Три часа ровно, — ответил Марк, взглянув на циферблат наручного девайса. И немного расстроился, обнаружив, что индикатор заряда на том же циферблате замигал красным цветом.

— Я ещё полчаса могу идти, — недовольно фыркнул Блэк.

— А я будильник на три поставил. Видимо, он меня сейчас в чувства приводит.

Внезапно усталость как рукой сняло. И надоедливый перезвон колокольчиков перестал играть в мыслях.

— Ладно, у меня перерыв в пять минут. Потом опять зазвонит, — осознав причинно-следственную связь, объяснился спутнику Марк. — Если проснусь... Усну... Короче, если в своём мире очухаюсь, ты меня тут сможешь вниз стащить?

Блэк задумался на секунду и покачал отрицательно головой.

— Старый я уже для таких подвигов. Спину сорву, потом ты меня тащить будешь. Давай вниз!

Когда мелодия колокольчиков заиграла вновь, Марк уже лежал на бурой траве, оставив

на себе свою многострадальную куртку. Блэк скинул заплечный мешок и облокотился об него. Переведя дух, он достал из мешка металлический портсигар. В нём лежало три самокрутки и газовая зажигалка. Блэк чиркнул кремниевое колёсико, и от вспыхнувшего сине-жёлтого пламени прикурил рассыпающийся цилиндрок. Воздух тут же наполнился ароматом тысячи нестиранных носков.

Марку этот запах был незнаком. Он поморщился и уткнул нос в подмышку. Так и уснул.

5

Лина очень обрадовалась домашнему ужину. Пусть её супруг и не тянет на хорошего повара, он, всё же, умеет приготовить съедобное и вкусное. Например: запечь давно обещанную курицу в духовке.

Хотя, если быть честным, сейчас Марк приготовил не целую курицу, а только окорочка. Зато целых восемь штук. Хватит не только объесться на сон грядущий, но ещё и оставить на завтра.

Однако на кухонном столе Лину ждали не только запечённые куриные запчасти. Её супруг, не желая напрасно терять свободное время, украсил место трапезы лепестками белых и бардовых роз. Посреди них стояли два бокала наполненные вином. И вино соответствовало лепесткам — в одном бокале было белое игристое, в другом — бардовое полусухое. От бокалов разливались тысячи искр, что были отражением десятков свечей расставленных повсюду. Пахло лавандой и апельсином — лучшим сочетанием для лампадки с ароматическим маслом.

Марк галантно помог супруге снять с себя обувь и верхнюю одежду. Убрал пальто и сапоги в стенной шкаф, он выключил свет на кухне. Свет свечей был достаточно ярким, чтобы без труда смотреть друг другу в глаза и видеть каждую тень улыбки.

В двери ванной комнаты заскреблись. Лина испуганно посмотрела на мужа и повернулась на звук. Марк извинился и вышел.

— А ну сиди тихо! — послышалось из коридора. — Не мешай маме с папой разговаривать!

В ответ протяжно мякнули.

— Смотри мне, кастрирую!

Раздался тихий, жалобный писк, и двери в ванную закрылись.

— На чём мы остановились? — с извиняющейся улыбкой, спросил Марк.

— Как ты меня глазами раздеваешь, — хихикнула Лина, протягивая руку к бокалу с белым игристым. Марк подошёл к ней сзади и опустил шершавые ладони на нежные плечи.

— Глазами, Марк, глазами! — игриво дёрнув плечами, снова хихикнула Лина.

Марк подчинился и занял место напротив. В неверном пламени свечей столь милые черты лица стали ещё милее. Он засмотрелся на супругу, совершенно забыв о еде и вине.

Лина же не стеснялась. Она с аппетитом ела окорок, при том, забыв про столовые приборы. Не смущалась и проталкивать в желудок не дожёванное мясо, солидными глотками опустошая бокал вина.

Марк старался не замечать, как пропечённый маринад пачкает милые и хрупкие щёчки любимой. Старался игнорировать и разбросанные по тарелке косточки. Собственно, и на то, как супруга берёт жирной рукой изящный бокал из тонкого стекла, Марк старался смотреть сквозь пальцы.

Его гораздо сильнее заботила лёгкая улыбка любимой, что проскакивала в перерывах между пережёвыванием мяса и очередным глотком вина.

— Почему не ешь? — спросила Лина с набитым ртом.

Марк, будто спохватившись, взялся за вилку с ножом. Глупо покрутил приборы в руках, а потом освободил руки и принялся есть на манер супруги.

— Тебе не звонили с работы? — спросила Лина, не переставая жевать. Марк молча помотал головой.

— Может тебе стоит самому позвонить?

Марк скривил гримасу, которую стоило расценивать как «возможно».

— И когда ты планируешь это сделать?

— Завтра, — ответил он, когда проглотил еду. — Если завтра она мне не позвонит, к вечеру пойду извиняться.

— А если она тебя пошлёт куда подальше?

Марк задумался и ответил:

— Пойду.

— Куда?

— Куда пошлёт.

Лина недовольно покачала головой. Её супруг только пожал плечами и вернулся к еде.

6

— Проснулся? А я уж думал на горбу тебя тащить.

Марк раскрыл глаза и увидел счастливое лицо Блэблю. Небритое, седое, морщинистое, но какое-то глупое и счастливое.

От Блэка всё ещё разило нестиранными носками. Хотя теперь он курил что-то более знакомое. Табак. Терпкий, слезоточивый, но привычный табак.

— Давай, поднимайся! Солнце уже высоко!

— Оно тут всегда высоко, — подыграл наивной улыбке Марк и поднялся.

— Давай, быстрее, давай! — торопил его Блэк, поспешно карабкаясь на насыпь.

Марк напряг уши, оглушённые порывом ветра. Знакомый до боли звук доносился издали. Какое-то мерное перестукивание. И оно быстро приближалось.

— «Поезд!» — промелькнула мысль в голове у новоиспеченного Спящего. И в её подтверждение раздался затяжной и громкий гудок.

Марк взглянул на Блэка. Тот будто не слышал приближение многотонной махины. Он спокойно поднимался по насыпи и был уже у самой вершины.

— Блэк, стой! Блэк, поезд! — закричал Марк, побежав по насыпи следом. То, что с Блэком не всё в порядке, стало очевидно.

Локомотив, похожий на винную бутылку с загнутым горлышком, приближался с очень высокой скоростью. Машинист, очевидно, заметил приближающегося к путям человека и отчаянно пытался предупредить об опасности, подавал короткие гудки. И тем же самым обрекал бродягу на верную смерть — ведь вооружённая мафия, или солдаты в сером, до аллергического кашля не переносят живых существ рядом с движущимся поездом.

Блэк подошёл к путям вплотную и глупо уставился на настигающий его локомотив. Ещё один протяжный гудок, и обкуранный Спящий отлетел в сторону.

На его счастье, не от столкновения с многотонной бутылкой. Марк чудом успел раньше и оттянул товарища назад за воротник. Немного не рассчитал с силой, и они оба кубарем покатались вниз.

Докатившись аж до самой травы, они остановились. Рассвирепев, Марк накинулся на Блэка и поднял его за грудки.

— Ты что творишь, придурок! — неистово заорал он. В ответ Блэк глупо улыбнулся, продемонстрировав кровь на зубах.

— Ах ты торчѣк! Ты что удумал тут? — Марк в приступе гнева принялся хлестать товарища по щекам. Но тот только глупо хихикал.

Сразу сообразив, в чём причина, новоиспечѣнный Спящий стянул с Блэка заплечный мешок, раскрыл и нашарил среди груды хлама тяжелый и увесистый предмет. Нет, искал не его. Но эта штука оказалась интереснее. Пистолет-пулемѣт «УЗИ».

Несколько секунд Марк смотрел на оружие как зачарованный. Потом, всё же, нашѣл в себе силы вернуть оружие назад и закончить начатое.

Металлический портсигар оказался на самом дне. Пустой. Похоже, Блэк всё выкурил, пока Марк был в отключке. Внутри осталась только газовая зажигалка, да выпавшая из самокрутки крошка.

— Долбанный наркоша! — зло сплюнув, сказал Марк.

— Не наркоша, а растаман, попрошу заметить!

— Да хоть доberman! Ты чего, угробить себя решил?

Вмиг взгляд Блэка стал осмысленным и серьёзным.

— А ты что, за меня волнуешься?

— Даже не мечтай. Не хочу слоняться тут без толку. А ты единственный в округе знаешь куда топать.

Блэк всхлипнул и насилу подавил смешок. А затем затрясся, издавая гортанные звуки через закрытый рот. Походило это на воркование голубя или на частое уханье совы.

Махнув рукой на безнадежно пьяного спутника, Марк расселся на гравии и устало посмотрел на вечный закат. Сегодня он был особенно красив. Солнце сияло багрянцем, озаряло алыми лучами низкие облака. Чѣрные тучи едва виднелись у самой кромки неба и вдавались в небо острыми пиками, напоминая прибрежные скалы.

Марк умиротворѣнно глядел на мерно плывущее небо. Это был сон, красивый и спокойный, какой нечасто приходит в отдыхающее сознание. Не хотелось никуда идти. Хотелось остановиться прямо тут и жить. Вернее умереть, но не совсем. Умереть телом, способным голодать и жаждать, способным уставать и требовать движения. Но остаться жить душой — чувствами и мыслями, ощущениями и восприятиями. Лишь бы зрение осталось, да слух. Да и запах с осязанием не помешали бы. А вкус и не нужен, и речь пусть только в мыслях звучит. Вот на такую смерть, прямо здесь и сейчас, Марк был согласен.

Но никак не на вечный мрак. Даже хоры ангелов с альтернативой в виде кипящих котлов, никак не манили. Перерождение — возможно. Реальная жизнь в теле одного из потомков — тоже интересно. А вот заикнуться в собственной судьбе... Чѣрт, это наказание достойное сатаны. Или Роланда из Гилеада. Даже возможность исправлять одну ошибку за раз — не меняет ужаса ситуации. А вот умереть, и душой навечно застрять здесь, в бескрайней равнине вечного заката, оставшись наедине с мыслями и воспоминаниями — это было то, что тешило загробные чаяния Марка.

Тучи, похожие на прибрежные скалы, немного приблизились. Ещё большее сходство им придало мельтешение мелких точек над острыми пиками. Марк догадался, что этими точками были птицы, которые, сами того не ведая, подражали чайкам. Они были крохотными, как крупички молотого перца на обеденном столе, и кружились в бурном и беспорядочном танце.

— Птички, — с улыбкой прошептал Марк. И тут же подскочил как ошпаренный. Ни

одной птицы он тут ещё не видел. Ни в близи, ни в дали. А их присутствие могло говорить только об одном — там, впереди, что-то поменялось. Возможно, пошли засеянные поля. Возможно, там стоит деревня с амбарами для хранения зерна. Да хоть бы и труп — растерзанный, окружённый стервятниками — всё ничего, лишь бы знать, что не стоишь на месте.

Желание остаться тут навсегда покинуло Марка быстрее, чем мысль воплощается в движение глаза. Тело требовало движения, а сердце — перемен.

— Блэк, вставай давай! Впереди птицы. Мы, похоже, недалеко уже.

Блэкблю, всё ещё дразня сову, поднялся, подобрал земли свой портсигар и полез в сумку.

— Где? — свирепо прорычал он. — Где они, мать твою, спрашиваю!

— Мать мою и спрашивай, я тут причём? — рассеянно развёл руками Марк.

Глаза Блэка налились кровью (впрочем, это могло случиться и раньше, просто он их так широко не раскрывал).

— Где мои стволы, ты, сучок древесный?!

— У меня, — сухо кинул Марк.

Блэк кинул мешок на землю, и по медвежье занеся руку, начал надвигаться на Марка.

— Отдал сюда, ты, енот потаскун!

Но обкурившемся медведю пришлось охладить свой пыл. Металлический щелчок обозначил изменившуюся обстановку. Марк, не теряя уверенного спокойствия, продемонстрировал револьвер, плашмя прижав его к бедру. Потом посмотрел в глаза собеседнику и сказал:

— Ты, папаша, не горячись. Сейчас тебя отпустит, и всё назад получишь.

Блэк грозно рыкнул, изверг длинную реплику, состоявшую сплошь из сквернословия и соединительных союзов. А потом выдохнул и вновь глупо улыбнулся.

— Ну и хрен в томате с тобой! Пошли!

Блэк махнул рукой, подобрал сумку и неуверенно зашагал к насыпи. Марк его догнал, хлопнул по плечу и кивком указал вперёд.

— Понизу пойдём. Земля чуть подсохла.

Извергнув новую матерную реплику, которая была преддверием финального заключения: «молокосос, жизни учить меня будет», Блэк, шатаясь, поплёлся по бурой траве.

7

О том, что спутник приходит в себя, Марк догадался по изменившемуся шагу. Он стал более уверенным и твёрдым. И быстрым.

Шли молча. Возможно, Блэку было стыдно за своё поведение. Но он мог быть и обижен на Марка за отнятое оружие. Выяснить истинную причину молчаливости спутника, не хотелось. Не хотелось и возвращать оружие преждевременно.

Блэк оказался прав — чёрная линия на горизонте при приближении становилась всё более зелёной. Потом она приобрела бугристые очертания. А после разбилась на тысячи мелких веточек.

— Так, я уже нормальный, — сухо отрезал Блэк и резко повернулся. Марк от неожиданности замешкался.

— Стволы на родину! — с самым серьёзным видом приказал Блэк. Ему возражать не стали. «УЗИ» перекочевал из старомодной сумки в заплечный мешок, а револьвер сменил карман чёрной джинсовой куртки на карман синей. С револьвером Марку было особенно

тяжело прощаться. Нет, не потому что тот был особенно красив или выглядел дорого. Или грозно, особенно в сравнении с «УЗИ». Дело было в ужасном пристрастии Марка к вестернам, и наивной убеждённости в том, что именно револьвер делает тебя крутым парнем на Диком Западе. Он отдавал этот маленький барабанный агрегат также неохотно, как маленький ребёнок отдаёт чужую игрушку.

Вскоре они добрались до того, что на горизонте выглядело как чёрная полоса. Аккуратный ряд высоких кустов встретил случайных спутников. Очень знакомых кустов. Известных даже тем, кто далёк от ботаники и садоводства. Главным образом в виду формы листа. Семиконечная звезда с самым большим лучом в зените.

Сразу стало понятно, почему Блэк потребовал вернуть оружие. Он давно понял, что это за кусты и потому позволил себе употребить за раз всю заначку. А уразумев резко негативное отношение спутника к курению древнего сырья для канатов, решил обезопасить себя и не оставлять тыл вооружённым.

Ни сколько не смущаясь от пристального взора спутника, Блэк принялся жадно обрывать верхние листья с кустов. Сорванное он грубо забивал в заплечный мешок, не обращая внимания на то, что ронял большую часть.

Поняв, что товарища не остановить, Марк решил подняться на насыпь. Он хотел осмотреть дальнейший путь, в надежде встретить следы цивилизации. Но открывшаяся картина поразила его куда сильнее, чем могли бы поразить небоскрёбы посреди Сахары. По обе стороны от насыпи, метров на двадцать, расползались заросли этого самого кустарника. А тянулись вдоль железной дороги настолько, насколько хватало взгляда.

— О боги, она у вас легальна, что ли? — спросил Марк у неведомых духов сонного мира. Но за них ответил Блэк, который как раз догнал своего спутника.

— Ещё как легальна. А табак, к слову, нет. Разве что тот, который сюда со Спящими попадает. А местный курить не советую. Торкнет да, на зависть. А там молись, чтобы insult не пришёл. Ядрёный он тут.

Марк с болезненной иронией покачал головой. Алкоголь — это единственная вещь, которой он мог притупить порывы психики. Да и то, в разумных пределах. На работу он предпочитал добираться на машине, да и выходные всегда предвещали разъезды. А садиться за руль после вчерашнего — он не смел. Был инцидент, закончившийся благополучно. Дай Бог здоровья тому инспектору ГБДД, который закрыл глаза на превышение промилле в крови. А так бы был ещё один порядочный водитель — пешеходом.

Однако спорить о морали и здоровом образе жизни Марк не стал. Он собрался было идти дальше, когда тяжёлая рука Блэка остановила его.

— Ты что, слепой? Видишь там дым?

Марк взгляделся туда, куда указывал зелёно-бурый палец спутника. Там стояла сизая дымка, едва ли различимая в лучах заходящего солнца.

— Готов спорить, это серые. Жгут плантации.

Марк инстинктивно пригнулся, хотя нужды в том было не много — дымка становилась заметной на таком расстоянии, на каком ни то, что человека увидеть было нельзя, танковую дивизию можно было проморгать.

— Давай в кусты! — решительно скомандовал Блэк, и, не дожидаясь спутника, рванул вниз.

(Он) жил по правилам, вы их нарушили

Как вы смеете говорить?

Враг кричал в отчаянии, вы не слушали

Для врага лишь боль, он не должен жить

Группа Paradise Lost — The Enemy

Смысловой перевод.

1

Пробираться через кусты было трудно. Стебли хлестали по щекам, резали ладони, то и дело норовили попасть в глаза. Марк радовался тому, что шёл за спиной Блэка: прокладывать путь было ещё тяжелее.

Растительность скрывала их с головой. Но стоило кому-нибудь взглянуть на них с насыпи, и парочка тут же была бы обнаружена.

Ноги проваливались в оросительные каналы. Неглубокие, но заполненные вязкой глиной. Воду по этим каналам запускали совсем недавно. Впрочем, тут могло сказаться и влияние вчерашнего ливня.

Через несколько часов утомительного пути Марк стал чують знакомый запах нестиранных носков. Подождённых нестиранных носков. Сначала слабо, будто мираж. А потом так ярко, как если бы горело прямо под носом.

Кислород исчез из воздуха. Голова закружилась. Пустой желудок начал судорожно сокращаться, извергая из себя кислоту.

Неведомая сила ухватила Марка за воротник и потащила из кустов. Прочь от насыпи и прочь от слезоточивого дыма. Мир завращался с неистовой силой. Солнце, кусты, солдатские берцы, бурая трава, камни, трава, снова берцы. Вращающиеся картинки сменялись так часто, что распознать в них здравый смысл не представлялось возможным. По крайней мере, не сквозь тот свинец, что залил голову.

Марк перестал ощущать своё тело: неведомая сила заставила воспарить над землёй и нестись вперёд, прочь от удушающего дыма. Нестись как ветер, легко и не на своих ногах. Правда, ветви продолжали больно хлестать по щекам. А вот и перестали. И ужасный запах прошёл. Но тело продолжало парить, уносилось прочь.

Сначала Марк увидел, как зелёные заросли, окружённые сизым дымком, отдаляются со скоростью самолета и превращаясь в точку. Затем увидел замшелые камни, пролетающие со скоростью метеоритов. Увидел бурую травинку. Она преследовала его. Увидел собственные ноги, обутые в перепачканные кроссовки. Почувствовал, как желудку удалось что-то выдавить из себя. А затем жуткий голод. Несравнимый ни с чем.

А потом мир исчез. В секунду. Только что был калейдоскоп из неясных образов, и хлоп — ничего. Только прохладный ветер. И дыхание любимого человека рядом.

Марк проснулся. В своей кровати, без одежды и без признаков опьянения. Сознание всё ещё боролось с данностью — ему не терпелось спастись от удушающего дыма, скрываться от возможных поджигателей, просить у Блэка оружие и идти в атаку. Но здравый смысл постепенно побеждал.

Сон как рукой сняло. Было около двух ночи, а спать совершенно не хотелось. Потратив полчаса на пустые *вороченья*, Марк всё-таки встал. И пошёл в туалет. Не потому, что было

нужно, а потому, что нужна была причина встать.

Он просидел на унитазе треть часа, промотал новостную ленту, лишь пару раз остановился на чём-то интересном. Часы в коридоре раздражающе тикали, напоминая о приближении рассвета. Капала вода из незакрытого крана. От общедомового стояка исходило журчание воды — очевидно, кому-то из соседей тоже не спалось.

— «Не надо было днём ложиться, — ругал себя мысленно Марк. — Отоспался, теперь будешь бродить как псих в диспансере».

Встать с «белого трона» было трудно — ноги затекли. Любое движение отдавалось уколами тысячи булавок. Грязно матерясь, Марк неуклюже переставлял ноги, чтобы добраться до умывальника.

— Когда ты уже кран до конца научишься закрывать? — вслух буркнул он. Но вряд ли Лина его сейчас слышала. Она крепко спала, изредка постанывая и частенько похрапывая.

Марк развалился на кожаном диване в гостиной и включил телевизор. Звуковой удар в сотни децибел потряс всю комнату. Задребезжал журнальный столик, зазвенели хрустальные рюмки в серванте, завибрировали зубы и где-то испуганно мяукнул кот. Да, кота удалось услышать, потому что звуковой удар оборвался так же резко, как и начался. В уголке экрана появилась надпись «MUTE».

— Лина, блин! Звук надо сбавлять после своих клипов! Курица! — Нелестно пожурил Марк супругу. На удивление, из спальни не донеслось испуганных возгласов и логичных вопросов типа: «что случилось?». Лина спала как убитая. Даже взрыв газового баллона под открытым окном не смог бы её разбудить.

Марк бесстрастно переключал каналы, даже не надеясь найти что-либо интересное в такое время. Шли повторы передач, премьеру которых Марк переключил бы так же быстро. Шли ситкомы — каждая их серия была затёрта до дыр. Шли политические дебаты между незначительными представителями власти. Шли старые зарубежные фильмы, мыльные оперы, футбольные матчи и кадры из жизни животных. Всё это задерживалось на экране не больше, чем на полторы секунды.

Марк вызвал контекстное меню на экран, чтобы посмотреть рекомендации от нейросети. Во главе рекомендованного списка стояла очередная отрывка Голливудского кинематографа, со сценарием, написанным на коленке. Марк видел предыдущие части этой «легендарной» серии. Потому, не задумываясь, перешёл ко второму предложению.

И тут его заинтересовали. Научно-познавательный фильм об устройстве Вселенной. Не самое увлекательное зрелище, зато быстро убаюкивающее. Как бонус: в засыпающем сознании могут отпечататься интересные и умные мысли.

«... Есть ещё одна теория об устройстве нашей Вселенной, — вещал интригующим, низким басом диктор. Передача была уже на середине. Но развалившегося поудобнее Марка это не волновало. — Теория Симуляции. Представьте на одну минуту, что наш мир нереален. Что всё это плод чьего-то воображения, сон или компьютерная программа! Этот мир ограничен чьим-то сознанием или возможностью вычислительной системы.

Главным доказательством нереальности нашей материальной Вселенной, Шведский астрофизик Никоэль Алано, считает *ограниченность*.

Никоэль Алано, астрофизик: вы когда-нибудь задумывались, почему на ночном небе видно так мало звёзд? Считаете много? Вы просто не представляете, сколько должно быть видно на самом деле! Но нам мешает атмосфера. Однако за её пределами появляются новые помехи. Они, как и атмосфера, кажутся нам естественными. Но это лишь потому, что мы

привыкли так считать. На земле наблюдениям препятствует воздушная сфера, на орбите — поляризационные стёкла. Орбитальные телескопы ограничены фокусом своих линз. Электронные анализаторы — волновым шумом.

Нам постоянно что-то мешает. Нас постоянно что-то ограничивает.

Пожалуй, самое обидное и само за себя говорящее ограничение — скорость света. Это предел всех скоростей, допустимых во Вселенной. Сколько бы вы ни прикладывали энергии, космический аппарат не наберёт и на один метр в секунду больше, чем скорость света.

Но подумайте не только об ограничениях со стороны физики. Существуют и социальные. Человечество, как таковое, не стремится к решению фундаментальных вопросов. Этим занимаются только редкие идейные добровольцы, которым мы отвели отдельную область деятельности — науку.

Человечество столкнулось с ограничениями и смирилось, не желая их преодолевать. И это тоже ограничение — ограничение нашей психики, как личностной, так и общественной.

Возникает закономерный вопрос — а для чего требовалось ограничение? Если предположить, что Вселенная — это компьютерная симуляция, то ограничения вызваны предельной мощностью компьютера. В таком случае, наш мир бесконечен только математически. То есть за неким пределом наступает зона декораций или текстур. И дабы тщательно скрыть непреодолимую черту, требуется целый ряд якобы логичных ограничений.

Однако далеко не все ограничения логичны. До тех пор, пока человек не научился преодолевать Земную гравитацию, миру не была известна альтернативная физика. Была классическая Ньютонская механика, коей подчиняются все мыслимые процессы на Земле. Но с развитием науки и инженерии вдруг обнаруживается альтернативная физика, которая вводит новые ограничения. То есть, теперь дотянуться до звёзд мешает не какая-нибудь гравитация, а предельно возможная скорость.

Говоря о проблеме ограниченности, нельзя затронуть ещё один, очень важный аспект.

Сара Кондон, уфолог: на мой взгляд, самым явным доказательством нереальности нашего мира, является одиночество. То есть фактическое одиночество человечества во Вселенной. Несмотря на многочисленные следы присутствия внеземных цивилизаций, выраженных в наскальных посланиях и необычайных находках, мы не имеем ни единого случая прямого контакта с инопланетным разумом. Это наводит на мысль о том, что все мнимые следы иных миров не происки шарлатанов, как привыкло считать большинство, а самое что не на есть доказательство смоделированной вселенной. То есть наша Вселенная скопирована с той, где были другие миры и другие цивилизации. Но мощности системы моделирования не хватает, чтобы включить и их. Потому на Земле остаются неотъемлемые доказательства присутствия инородной культуры, но нет следов пересечения с её представителями.

Даже если абстрагироваться от следов неведомых культур, само по себе одиночество жизни на Земле, является доказательством симуляции Вселенной. Задумайтесь, ведь в пределах нашей галактики существуют сотни триллионов планет, пригодных для жизни. При определённых условиях, даже не столь отдалённые от нас Венера и Марс могли бы быть обитаемы. Однако это не так. Нет и посланников из отдалённых глубинок пространства. Нет даже аналогов Вояджера, которые заявили о существовании хоть какой-то формы разума за

пределами Солнечной системы.

Второй аргумент, доказывающий симуляцию видимого мира — *математическая зацикленность*.

Никоэль Алано, астрофизик: вы когда-нибудь задумывались, глядя на модель Солнечной системы, почему все планеты лежат в пределах одной плоскости? Я впервые задался этим вопросом в школьные годы. И с удивлением обнаружил, что это не просто упрощённое отображение, а самый что ни на есть парадокс. Все планеты, и даже пояс астероидов, вращаются вокруг Солнца в пределах одной, условной плоскости. Условной, так существуют незначительные отклонения, вызванные воздействием независимых факторов.

При этом движение всех небесных тел совершается по математически правильным орбитам. Не всегда круглым, чаще эллипсоидным, однако правильным.

Движение Луны вокруг Земли точно синхронизировано с вращением спутника вокруг своей оси. Благодаря чему мы всегда видим только одну сторону ночного светила. И это не говоря уже о солнечных затмениях — явлениях с крайне низкой вероятностью, но математически выверенных. Просто посмотрите на диаметр видимого Солнца и диаметр видимой Луны. А теперь посмотрите на остальную часть неба. И вас не удивляет, что эти два объекта часто становятся в одну линию с нашей планетой?

И даже если мы спустимся на нашу родную Землю, во всём, что мы увидим, присутствует чистейшая математика. Формы раковин большинства моллюсков, расположение лепестков в плотных соцветиях — подчиняются геометрической прогрессии, известной как Спираль Фибоначчи. Строение листьев некоторых споровых растений, а так же морских кораллов — строятся по принципу фрактала. Пчелиные соты, губчатые породы, молекулярные соединения крепчайших материалов всегда связаны со структурой гексагонов.

И это только некоторые наглядные примеры. Трудно будет перечислить все физические процессы, где фигурирует загадочное число « e ». К тому же все биологические, социальные, химические и даже лингвистические явления всегда объясняются математическими закономерностями.

Казалось бы, мы нашли неоспоримые доказательства математической правильности нашего мира. А что ещё, кроме как не компьютерная система, могла бы обрабатывать такой массив данных, поддерживая уклончивые физические процессы. То, что Вселенная нуждается во внешней регулировке, многие учёные уже давно признают. Об этом нам расскажет профессор Левашёв Виктор, преподаватель физики в Институте Ядерных технологий.

Виктор Левашёв, преподаватель: не считаю себя религиозным человеком. Однако я часто задаю студентам вопрос: «верите ли вы в Бога?». Ответы, как вы понимаете, получаю разные, иногда даже не лестные. Так вот, тем, кто не отвечает утвердительно, я рассказываю о втором законе термодинамики. Если рассказывать языком формул, то выйдет длинная и скучная лекция. Вам я расскажу на пальцах, как моим студентам.

Давайте представим, что некто посадил в банку десять мух. Представим, что мухи посидели на ложке с вином, опьянели, и попадали без сознания. Этих насекомых Некто выложил на дно банки ровным треугольником. И оставил на час или два.

Как думаете, что будет с мухами? Если они не подошли от передозировки алкоголем, то,

скорее всего, разлетелись! Если банка закрыта, то они рассядутся по стенкам в беспорядке. А если он забыл крышку, то улетят вовсе.

Так вот, мухи это материя — частицы и энергия. Для тех, у кого туго с фантазией, пусть будут только частицы. Что мухи, что материя — без влияния из вне разлетаются в беспорядке. И если нет ограничивающих их стен, то разлетаются так далеко, что между ними можно строить целые галактики.

Это и есть второй закон термодинамики: в любой замкнутой системе (то есть в системе лишённой влияния из вне) с течением времени, энтропия (беспорядок) увеличивается.

А теперь представьте, что треугольник из мух — это вся материя во Вселенной. Упорядоченная, собранная в структуру. В математически верную структуру. А банка в таком случае — всё пространство, что мы имеем. И не важно, закрыта она или нет. Для простоты, пусть будет закрыта. И, как вы понимаете, однажды мухи проснуться и улетят, сломают структуру. А чтобы этого не произошло, нужен внешний фактор — ложка с вином и помешанный на геометрии Некто.

Итак, мы выяснили, что наша Вселенная математически выверена и нуждается в постоянном разумном контроле. Разумеется, выполнять контроль может не только сам разум непосредственно. С этой задачей может справиться и созданная им компьютерная программа. Если речь идёт о разуме, подобном человеческому, то программа справится с задачей даже лучше, так как требуется непрерывно обрабатывать громадный массив данных. С этим суперкомпьютер справится легко. Однако и он ограничен в ресурсах, и именно поэтому требуется внести ограничения.

Взять, например, те же звёзды над головой. Нам кажется естественным, что в городе мы видим десяток другой, а на природе миллиарды. Нам кажется, что списать всё на влияние искусственного освещения, разумно. Но задумайтесь о другой вероятности — в мегаполисе на небо одновременно смотрят сотни тысяч глаз (болтая по телефону, докуривая сигарету, прикидывая в уме цифры). В диких местах — лишь несколько человек, окружённых непроглядным мраком. То есть, существует вероятность того, что трансляция звёздного для каждого смотрящего вверх чрезмерно затрачивает аналитические и графические ресурсы системы. Особенно в городских реалиях, где нужно высчитывать движения миллионов автомобилей, силу нажатия на педаль газа каждого водителя, яркость каждой лампочки, свет витрин, звук покрышек, эхо разговоров, работу системы коммуникаций и силу дыхания миллионов людей.

Однако с этой теорией многие готовы поспорить. И даже те, кто искренно убеждён в нереальности нашего мира.

Борис Ясенев, автор научно-фантастического романа «Плен и явь», лауреат национальной премии в области философии, считает, что модель компьютерного симулирования не учитывает многих важных факторов. Более того, философ полагает, что все мы можем находиться в мире чьей-то фантазии.

Борис Ясенев, писатель, доктор философских наук: считаю самым ярким доказательством того, что вселенная не компьютерная модель, а сон, либо ограниченная фантазия — отсутствие дискретности. Любая компьютерная модель стремится к минимальной точке — пикселю, байту, единице или нулю. Материя бесконечна — сколько её не дели, сколько не расщепляй, последнего делимого элемента не получишь. Вселенная

аналоговая. В ней все перетекает плавно, без чётких границ. Как во сне или мыслях. Трудно сказать что эта мысль о семье, а эта о браке а эта — об обязанностях. В голове всё перетекает плавно. Разграничения вносим мы сами, для порядка.

К примеру — звук. Мы слышим множество тонов и полутонов. Мы слышим хоры и звуки природы, мы способны отличить голос человека от звука скрипки. Мы воспринимаем аналоговый звук, непрерывный, не разбитый на порции, не воссозданный по элементам. Компьютерные системы на такое не способны. Они делят всё на байты, на уровни, на частоту колебаний и силу звука. Технически невозможно отличить звук скрипки от голоса человека, если оба тянут одну ноту. Человеческий разум отличит. Система сможет, только если будет иметь аналог обеих записей. Потому что пользуется дискретной системой — делит звук на мелкие детали, превращает в цифры, цифры сравнивает.

Наглядно это демонстрируют компьютерные изображения. Мы видим картинку постоянной, непрерывной и целой. Компьютер воспринимает картинку как набор пикселей, которые необходимо отличить, классифицировать и проанализировать. Мы с вами видим экран или книжную страницу как цельный объект, начинающийся у края и кончающийся с краю. Компьютер видит лишь пиксели.

То же касается и ощущений. Мы чувствуем тепло или холод всем телом, а не ощущаем одной нервной клеткой холод, другой жар. Хотя на самом деле воздух находится в постоянной конвекции, где одновременно курсируют тёплые и холодные потоки.

Мы чувствуем букет запахов и вкусов, а не дискретный анализ разнородных ингредиентов.

В пользу идеи о том, что наш мир не компьютерная программа, а плод чьей-то фантазии говорит и наша история. Нет, не история человечества. История каждого из нас. Вы её помните? А достаточно хорошо? Вы помните, что было через месяц, после вашего рождения? Будь вы элементом компьютерной программы, у вас остались бы осколки воспоминаний об этом периоде жизни. Самые незначительные. Голос одного из родителей, расфокусированная картинка, стенки колыбели. Но нет. Ничего не было, и вот первый проблеск воспоминания в возрасте от полутора до трёх лет.

Проведём мысленный эксперимент. Возьмите в руки ваш смартфон или сядьте за свой рабочий компьютер. Попробуйте вспомнить день, когда эта техника попала к вам в руки. А теперь попытайтесь найти в ней самый старый файл. Любой. От фотографии до системного документа. И вы его обязательно найдёте. В крайнем случае, это будет файл датированный днём позже.

А теперь попытайтесь вспомнить, что вам снилось. Вчера. Уверен, начало сна вы не запомнили, однако самый яркий эпизод остался перед мысленным взором. Точно так же, как это происходит в жизни. Вы не помните что ели на завтрак три месяца назад. У вас не осталось и осколка воспоминания об этом. Даже если брать знаковые события, например, поездку за границу. Вы не сможете вспомнить, чем позавтракали на следующий день, после прибытия. Разумеется, если вам не подали нечто экстравагантное.

На этом Марк потерял нить повествования. Диктор продолжал ещё что-то бубнить о полемике между сторонниками теории сна и сторонников «разумного мечтания». Аргументы были весомые, украшенные незаурядными словечками. Но они доносились из темноты бесконечного тоннеля, в котором Марк медленно утопал.

Пробуждение явно было не и тех, о котором вспоминают с тоской. Не встречал Марка ни нежный поцелуй, ни ласковое солнце, ни лёгкий морской бриз. Его разбудила жгучая боль в обеих щеках и неритмичные шлепки у самого уха.

— Вставай! Вставай же, пубертатный! — наседал Блэк на спутника, который только-только начал мычать. Звонки пощёчины повторились, и в проснувшихся глазах отобразился ответ рассудка.

— Да, накрыло тебя знатно, — с неуместным хохотом, констатировал Блэк. Марк напряг все силы, чтобы встать на ноги, но ничего не получилось. Тело стало ватным и тяжелым. Во взбудораженном сознании мысли копошилось лениво, будто сытые хомяки. Мозг жадно впитывал всё, что видел и слышал, но ничего с этим поделать не мог — ни осознать, ни принять меры, ни заставить рот говорить. Только смотреть и запоминать, не анализируя.

Блэк усадил Марка на траву, прислонив спиной к большому валуну. Тело не почувствовало ни холода, ни облегчения, ни прилива усталости. Только жуткий голод.

Насыпь осталась далеко, метрах в трёхстах от них. И её саму, и заросли под ней, заволкло сизой дымкой. Со стороны солнца стало подниматься дребезжащее марево, искажающее стройные опоры электропроводных линий.

Голова Марка свесилась на грудь и накренилась вправо. Жадно хватая глазами всё, на что можно смотреть, он наблюдал за тем, как марево подползает всё ближе и ближе. Несколько минут спустя, во всполохах воздуха стала вырисовываться нечеткая тёмная фигура. Она приближалась неспешно, чрезмерно подпрыгивая на ровном месте. Внезапно от фигуры брызнул столб света. Короткий и на миг. Чёрно-зелёное пятно, которое было зарослями по ту сторону марева, вспыхнуло. Порыв слабого ветра тут же подхватил пламя и погнал в сторону солнца.

— Так, Хьюстон, у нас проблемы, — испуганно протараторил Блэк и скинул на землю заплечный мешок.

— Как же ты, юнга, не вовремя приход словил. Мне бы сейчас второй боец не помешал.

Блэк вынул из сумки «УЗИ», снял с предохранителя, передёрнул затвор и взял в левую руку. В правой руке в мгновение ока оказался револьвер с уже взведённым курком.

— Смотри мальш, если видишь, как дядя плохих фермеров наказывает. Ну ты не переживай, с ними всё хорошо будет. Они поваляются на солнышке денёк другой, а там вонять начнут. Стервятники учуют и отнесут их в их вечный дом. В царство птичьего помёта. Ну-ну, не плачь по ним. Они плохие. Они цветочки не водой, а напалмом поливают. И тебя тоже польют, если увидят. Даже не сомневайся.

Марк что-то промычал бессвязное. Блэк похлопал его по плечу.

— Тише-тише, малец. Ветер в другую сторону. Скоро тебя отпустит.

Может Марк ему что-нибудь и ответил бы на это. Да челюсть стала тяжёлой, а язык деревянным. Губы отказывались подчиняться — не хотели даже слюну внутри придержать. Благо веки были легки, да глаза быстры. Можно было смотреть досыта. Хотя желудок требовал не зрелищ.

Тёмный силуэт вышел из марева настолько, что можно стало различить цвет его одежды. Серый. В руках он держал нечто похожее на длинную винтовку. За спиной ранцем висел белый баллон. Серый солдат был вооружён огнемётом.

Блэк уверенно шёл прямо на огнемётчика. Тот успел создать ещё несколько очагов

возгорания. Руки Блэка были спрятаны за спину, дабы не выдать оружие. Но эта мера была напрасной. Поджигатель настолько увлёкся своим занятием, что вовсе не замечал идущую к нему смерть.

Кусты горели весело. Треск от них разносился по всей округе. Настолько сильный треск, что его отчётливо слышал Марк. К последнему начали возвращаться силы — очевидно, в кровь ударил адреналин.

Между Блэком и поджигателем было меньше пятидесяти метров. Руки плавно вышли из-за спины, обнажая смертоносный аргумент в возможной схватке. Огнемётчик совершенно этого не замечал. Должно быть, надыхался не меньше Марка, но всё ещё держался на ногах.

— Эй, служивый! Огоньку не найдётся? — крикнул Блэк так громко, что его услышал Марк. Ошарашенный огнемётчик начал поворачиваться. Но не успел. Раздался хлопок, и белый баллон-ранец разлетелся вдребезги. Огнеопасная смесь разлилась вокруг солдата. Тот словно не замечал всего этого. Демонстративно медленно, он развернулся и устоялся красными глазками на потенциального убийцу.

— Ха-ха, огоньку? — спросил солдат, глупо улыбаясь. И нажал на спусковой крючок. Струя пламени вырвалась из дула огнемёта. Поток бензина, смолы и пламени устремились прямо в лицо Блэка. Тот замер на месте от ужаса и нерешительности. Огонь отразился в его глазах, а лицо обдало жором.

И на этом всё. Больше ничем пламя не навредило. Струя бессильно упала в двух шагах от ботинок Блэка и быстро обуяла пламенем чахлую траву.

А вот хохочущему во всю глотку солдату повезло меньше. Выстрел по баллону был крайне удачным. Вся смесь из него вытекла и расплескалась в радиусе двадцати шагов. В системе нагнетания ещё оставалось горючее. Его-то солдат и испустил на незваного гостя. Может потому, что это был последний заряд, системе не хватило мощности на роковые два шага. Не хватило и на правильное завершение цикла. Вместо того чтобы выплюнуть струю как можно дальше и оборвать подачу, огнемёт медленно испустил последнее топливо, прочертив огненную дорожку от несостоявшейся жертвы к ногам оператора.

Пламя вспыхнуло с такой скоростью, что со стороны могло показаться — произошёл взрыв. Надыхавшийся токсичными парами оператор огнемёта даже понять не успел, что произошло. Сгорел заживо до того, как успел вскрикнуть от боли. Полыхнул молча и молча упал.

Блэк отвернулся от надделанного им пожарища и направился к спутнику. Тот понемногу начал приходить в себя, весело улыбался и быстро дышал. Увидев перед собой высокую фигуру в «ковбойской» шляпе, начал глупо хохотать. Футболка под его шеей намокла от слюны, а из левой ноздри то вылезал, то прятался зелёный шарик.

— Чёрт, и очухать тебя нечем, — разочарованно сказал Блэк, качая головой.

— О-о-очухать... Чухать. Чух-чухать. Чух-чух-чухать, — в голос хохотал Марк, полагая, что говорит нечто очень забавное.

Блэк строго посмотрел в красные глаза товарища и увидел в них куда больше смысла, чем в бессвязной речи.

— Давай, браток, ищи дорогу к свету! Ты нужен мне, слышишь! Не сможешь, нам обоим крышка! Эти ребята так далеко пешком не ходят. За ними скоро приедут. И не на бричке с ослом.

Марк понимал всё, что ему говорили. Понимал, что этот огнемётчик не единственный в окрестностях. Наверняка их целая бригада, и поджогами они занимаются по обе стороны от

насыпи. Понимал и то, что пешком с огнёмётами они не пошли бы. Понимал, что вскоре за ними приедет транспорт. И понимал, что за сгоревшего солдата с них спросят. Непременно спросят.

Понимал, но ничего не мог сделать. Только хихикать и носом надуть пузыри.

На месте гибели огнёмётчика пламя бушевало с четверть часа. Порывы ветра разбросали лисие хвосты чахлой траве, но в полномасштабный пожар не превратили. Заросли заволокло дымом, сквозь который больше не пробивались всполохи. Сочная зелень не желала сгорать. Треск вскоре стих и в дали слышались бранные перекрикивания.

— Ты, малой, не обижайся. Но ты мне поможешь, хочешь того или нет.

С этими словами Блэк принялся стягивать одежду с одурманенного юноши. Тот даже не думал сопротивляться, только недовольно мычал, когда его конечности загибали под неестественным углом.

— Что ж, официальная версия звучит так: ты солдат серых. Надышался токсинами при выполнении приказа. Одурел и решил передохнуть. Понял? Знаю, что не понял. Ты главное сиди и не дёргайся.

Раздетого до трусов Марка Блэк перетащи на замшелую сторону бульжника. Теперь его нельзя было увидеть издалека.

Но это было не всё. Блэк пошёл на пепелище, где от его рук погиб солдат серой армии. Обугленные человеческие останки напоминали миндальное печенье, забытое в духовке больше чем на два часа. Все части тела были на месте, а руки всё ещё сжимали устройство, похожее на длинноствольную винтовку.

Блэк обернул ствол огнёмёта курткой Марка и вырвал закоптившейся девайс из рук покойника. Тот не сопротивлялся. Не сопротивлялся и тогда, когда его ступню, ещё горячую, обернули той же курткой и потянули в сторону зарослей.

Труп только обуглился снаружи. Внутри все сухожилия остались целыми, поэтому Блэк без труда доволол его до уцелевших кустов.

Затащив останки в густую чащу, он вернулся за почерневшим стволом огнёмёта. Тот немного остыл, позволив взять себя голыми руками. Однако многострадальной куртке Марка не позволили спокойно проболтаться на плече. На неё Блэк накидал золы, той, что осталась от чахлой травы.

— Ну вот, ещё пара штрихов, — задорно улыбнулся Блэк. Он поставил ствол огнёмёта рядом с Марком, так, чтобы закопчённое дуло смотрело в голубое небо, а сам принялся обмазывать товарища золой. Она была ещё горячеей, и Марк это чувствовал. Однако только и мог, что мычать. А Блэка это нисколько не заботило. Радуюсь тому, что зола хорошо ложиться на вспотевшее тело, он превращал типичного славянина в представителя негроидной расы. Не убедительно и некачественно. Но это и не требовалось. Погибший солдат тоже не походил на коренного жителя Руанды. Маскировка нужна была только для того, чтобы подмену не опознали с первого взгляда. Мало ли, может на сгоревшем теле было множество татуировок или шрам во весь бок.

Волосы погибшего солдата, до того как сгорели, были спрятаны под пилотку. К сожалению, головной убор сгорел вместе с хозяином. Поэтому возможный прокол с цветом волос Блэк решил оригинально — достал из мешка охалку вожделенных листьев и приладил её на шевелюре товарища с помощью обрывка тряпки.

— Ну вот, солдат серой армии на привале в чистом виде. Ну как, в чистом. В слюнявом, сопливом и перепачканном.

Блэк, довольный своей работой, присел рядом и стал вслушиваться в звуки. Ветер уносил гомон в противоположную сторону, но когда он стихал, можно было услышать короткие крики. Очень далёкие.

— Ты бы поспал, малой, — заботливо предложил Блэк. — В таком виде ты мне поможешь сейчас. А вот через час-другой, вряд ли. Я тут одну гадость затеял. Она нам немного поможет, а может и убьёт. Так что, давай! Спи и возвращайся в сознание!

Неизвестно, сколько они так просидели — может час, может всего двадцать минут. Покой и отчаянные попытки обрести полный контроль над сознанием, прервал далекий рокот. Блэк, получивший ту же дозу наркотического дыма, что и Марк, не спешил верить слуху. Да, опыт у него был куда больший, и брало его не так крепко. Однако даже опытная психика даёт сбой под действием галлюциногена.

Но это оказалась не слуховая галлюцинация. В отдалённом мареве засияли две бело-лунные точки.

— А вот и наша карета. Интересно, пассажиров собирают на обратном пути или сразу?

Марк глупо хихикнул и пробубнил:

— Сразу. И счёт сразу, пожалуйста. Люблю есть то, за что уже заплатил.

Блэк усмехнулся. Нет, ничего забавного его спутник не сказал. Бывалого растамана веселило то, как излюбленная им дурь влияет на неподготовленные мозги.

Бело-лунные точки приблизились. Теперь было видно, что водружены они на передний бампер допотопного грузовика, очень похожего на Студебекер.

Из того, как рьяно и легко машина объезжает валуны, было ясно — пассажиров в кузове нет. В противном случае они бы уже давно повыпрыгивали и пустили вслед лихачу струю напалма.

— Ну, приятель, готовься. Сейчас твой выход на сцену. Ты главное из образа не выходи. Запомни, ты надышавшийся токсичным дымом солдат серой армии. Ох, ну ты посмотри, как у тебя хорошо получается. Солдат — нет. А вот — надышавшийся токсичным дымом! Я б так не смог сыграть. Чес-слово!

Грузовик приближался, виляя зигзагами на краю обгорелых зарослей. Блэк осторожно выглянул из-за валуна и медленно переместился, стараясь оставаться в слепой зоне для водителя. Тот, очевидно, почуял что-то неладное, когда заметил выезженное пятно бурой травы. Он неуверенно подъехал к месту гибели огнемётчика и остановился.

Не заметить целящийся в небо ствол огнемёта было нельзя. Да, валун, за которым он был, лежал в стороне, в двухстах метрах от выгоревшей травы. Но не обратить на него внимания было невозможно — этот камешек был самым крупным, что бросалось в глаза любому по эту сторону насыпи.

Студебекер проехал немного вперед. Водитель явно хотел посмотреть на солдата, прежде чем начать приближаться. То, что он увидел издали, едва ли можно было назвать необычной картиной. Солдат надышался, одурел, стал поджигать всё подряд, попал себе на одежду, быстро сорвал её с себя и на последних силах побрёл куда глаза глядят. Дошёл до камня, присел. Почувствовал, что жжёт голову. Намотал пучок зелени, дабы хоть как-то смягчить боль от ожога.

По крайней мере, так думал водитель. Но не стрелок, сидевший на пассажирском сиденье.

Он опустил боковое стекло, высунулся в окно по грудь и взял наизготовку пистолет-пулемёт с дисковой обоймой.

Грузовик осторожно повернул и медленно поехал к чёрному силуэту в зеленой шапочке. Медленно и прямо, подминая под огромные колёса мелкие камни.

Марк немного приподнял голову и ужаснулся. Огромное, серое чудище кралось к нему, светя зловещими, бело-лунными глазищами. Марк закричал. В голос, истошно и дико. Попытался встать, но сил не хватило.

— Тише, юнга, тише! — Попытался унять товарища Блэк. — Всё хорошо, я сейчас их свалю.

Но Марк успокаиваться не собирался. Когда чудище приблизилось настолько, что можно было разглядеть лицо водителя за тонированным стеклом, юноша не выдержал. Неизвестно как, но он заставил тело подчиняться и рванул прочь от надвигающегося кошмара. На ноги встать не получилось. Марк упал на четвереньки и заработал конечностями так быстро, как это делают тараканы при включении света.

Неизвестно, какие знаки отличия носил на голой спине погибший огнемётчик. Наколки, шрамы, родинки, да хоть запасные соски. Но ничего этого не оказалось на непокрытой сажей спине Марка. Может по этому, а может совершенно по другой причине, стрелок открыл огонь.

Ещё до того, как вспыхнула первая вспышка выстрела, Блэк протянул руку за спину, не глядя. Точно так же, не глядя, он ухватился за единственное, что оставалось на Марке из одежды — за трусы. Стоило приложить немного усилий, и они издали характерный треск. Однако, до того как навсегда прийти в негодность, они успели передать энергию руки Блэка своему носителю.

Ноги Марка подкосились, и он шлёпнулся на траву, почувствовав, как неведомая сила в районе паха тянет его налево. К счастью буквально. В таком виде вряд ли он бы смог изменить жене.

Одна пуля просвистела как раз там, где была голова Марка аккуратно перед треском трусов. Вторая вспорола сырую землю в дюйме от голого бедра. Третья врезалась в край валуна, выбив каменную крошку.

Нехотя кувыркнувшись влево, Марк укрылся за валуном. Ненадолго. Серое чудище было уже в трёх десятках метров.

Блэкблю подтянул свободной рукой Марка ближе к каменному укрытию. Во второй руке он сжимал «УЗИ». Выждав несколько секунд, Блэк перешёл к действию. Он, будто нырнув, вышел из-под правого края валуна. И смело выпрямился, встал в полный рост.

Студебекер подъехал очень близко. Недостаточно близко, чтобы на него запрыгнуть. Но достаточно для того, чтобы стрелок на пассажирском сиденье не смог достать Блэка. Ведь тот стоял в полный рост под слишком острым углом.

Не торопясь, Блэк вскинул «УЗИ» и прицелился в кабину грузовика. Водитель, явно со страху, дернул руль вправо, отвернув своего стрелка ещё дальше от потенциальной цели.

Блэкблю дал скупую очередь — всего в три выстрела. В лобовом стекле грузовика появились три звездообразные пробоины, и машину дальше понесло направо. Кузов сильно накренился, казалось, вот-вот упадет, видимо водитель наехал на большой камень. Но ничего не произошло. Водитель, ещё не осознал, что он умирает, сманеврировал и нажал тормоз.

Да, водитель ещё не понял, что обречён. Из дыры в груди потоком потекла кровь, но он чувствовал, что сердце ещё гулко бьётся. А вот пассажир ничего не чувствовал и ничего не мог понимать. Его мозг вылетел в открытое окно и забрызгал бурую траву.

Раздался скрипящий звук. Грузовик встал на ручной тормоз. Это было странно, но закономерно — водитель был военным, стало быть, педантом и человеком долга. А педантичность и долг предписывают ставить автомобиль на стоянку, если по состоянию здоровья продолжать управление нельзя.

Блэк вскочил на подножку и заглянул в кабину. Водитель, седобородый мужичок в серой униформе, его заметил и стал дёргать что-то на бедре. Очевидно, хотел расстегнуть кобуру. Напрасно. Силы покидали его быстро. Блэк даже не стал волноваться на его счёт. Просто дождался пока у старика сомкнуться потяжелевшие веки.

И это не заняло много времени. Закрыв глаза, мужичок согнулся и бессильно опустил голову на руль. Блэк церемониться не стал. Открыл дверь, выкинул из кабины ещё горячее тело, и залез внутрь.

— Ну и напачкали вы тут, ребята, — цинично хохотнул Блэк, осматривая следы крови в кабине. Затем он перевалился через рычаг передач, раскрыл дверь со стороны пассажира и скинул вниз тело стрелка.

— Эх, дыра в лобовом, — с досадой Блэк хлопнул себя по ноге. — Могу ангину схлопотать.

В этот момент из-за валуна выползло нечто чёрное с зелёной шевелюрой и замычало как корова.

— Уй ти мой сладенький, — хохотнул Блэк, глядя на это явление. — Не забуду я тебя тут. Заберу, не переживай.

3

С грузовиком Блэк справлялся неплохо. Наезжал на камни редко, видимо только тогда, когда это было неизбежно.

Ехать пришлось по дуге, дабы не вступать в излишние разборки с теми, кто рассчитывал прокатиться в кузове.

Марк сидел на месте убитого стрелка и уже осознанно смотрел по сторонам. Даже самостоятельно снял с себя зелёную шапочку. Хотел выкинуть её в окно, но Блэкблю не позволил. У него, очевидно, на эту растительность были свои планы.

— Нужно где-то спрятаться вместе с автомобилем. Вряд ли серые не заметили пропажу целого грузовика.

Марк толи покивал, толи просто покачался, подпрыгнув на кочках.

— Мне скоро вставать. Через час, может быть. Не знаю точно, часов у меня нет. За это время нужно уехать как можно дальше, по диагонали от насыпи. А потом возьмём курс на деревню. Она за тридцать тысяч шагов отсюда. Нам нужна горючка. Этот мастодонт жрёт как десять КАМАЗов.

— Пешком не легче, — с трудом ворочая ватным языком, сказал Марк.

— Уже не легче. Это пока вдвоём шли, терпимо было. Сейчас у нас компания появилась. Не знаю как ты, а я предпочту от неё поскорее отделаться. Неприятные типы. Для нас с тобой неприятные.

Марк снова не-то покивал, не-то покачался от тряски.

Полоса дыма осталась далеко позади. Где-то там осталась и железнодорожная насыпь. Под конец она показалась прямой, как натянутая струна.

Грузовичок ехал бодро, однако спидометр его явно привирал. Он показывал скорость около сорока в час, хотя по ощущениям едва ли было двадцать.

— Врёт, — утвердительно сказал Марк, кивком указав на приборную панель.

— Что? Да нет, — с задорным смешком ответил Блэк. — Он в тысячах шагов измеряет. То есть мы где-то тридцать в час едем. Будь у меня часок-другой в запасе, ехал бы прямо на деревню. А так видишь. Отсидимся в сторонке и в обеденный сон как заглянем на горяченькое! Ты как, со мной?

Марк намеренно кивнул, хотя не совсем понял, чего от него хотят.

Стрелка, указывающая уровень горючего, с середины шкалы опустилась на четверть. Этого было более чем достаточно, чтобы дотянуть до деревеньки. Или посёлка. Если вообще в этих краях была деревенька или посёлок. Вполне могло стать, что поезд остановился за полосой зарослей по приказу какого-нибудь идейного офицера. По его же приказу с состава спустили грузовик и бригаду огнеметчиков, дабы те доблестно поучаствовали в искоренении идеологического врага. Вернее в испепелении. Но даже в таком случае где-то должна была быть контрольная точка. И там должно было храниться топливо для грузовика и огнеметов. Если только все эти технические устройства не попали в мир снов вместе со Спящими. В таком случае горючее бы никогда не иссякало в резервуарах. Разве что, за управление не взялся бы некто, кто никогда не рождался в этих краях. Просто свалился сюда, думая, что дремлет.

Блэк заметно кинул носом и резко спохватился.

— Всё, привал, — сказал он, шлёпнув себя по щетине.

Марк, которому ужасно хотелось спать, обрадовался. Он медленно закрыл глаза, надеясь сразу же очнуться в своей квартире. Но ничего не вышло. Сердце стучало так, словно он пробежал стометровку наперегонки с взбесившимся ротвейлером.

А вот Блэк буквально отключался. Однако не спешил нажимать на тормоз и откидываться на спинку сиденья. Развернув машину кузовом в ту сторону, где предположительно проходила железная дорога, он, наконец, остановился и поднял ручник.

— Посиди пока, я сейчас замаскируюсь, — кинул Блэк через плечо, открыл свою дверь и выпрыгнул наружу. Его долго не было, что не могло не волновать. Особенно когда в кузове неистово загрохотал металл. Но Марк не мог выйти и посмотреть — тело ещё не слушалось. Кое-как пригнувшись, он стал смотреть в боковое зеркало.

С кузовом творилось что-то неладное. Серый тент на нём вспучился, раздулся, подался неровными буграми. Грузовик, должно быть, стал похожим на беременного паука с неровным брюшком.

Оттуда, откуда у паука должна была появляться паутина, вылез Блэк. Он ещё раз смачно дал себе пощёчину, потряс головой и направился в кабину.

— Ну как тебе? — спросил Блэк, довольно улыбаясь.

Марк покивал усталой головой в знак одобрения. Хотя совершенно не понимал, что сейчас произошло и зачем всё это нужно. Только порадовался тому, что грузовик не выглядел так изначально. Иначе, только криками дело бы не закончилось, когда он в дурмане принял Студебекер за чудовище. Марк настолько не контролировал своё тело, что мог запросто сходить под себя.

— Сам придумал, — зевая, промычал Блэк. — Жерди погнул, лавочки оторвал и ими бока растянул. Ломиком купол подравнял. Короче, пока на нас намеренно не посмотрят... В общем... Не заметят нас при беглом обзоре. Мы на булыжник похожи. Ну не мы... Маш... Машина...

Блэк опустил голову на руль и отключился. Марк попытался расслабиться на пассажирском сиденье. Но сердце не хотело давать ему такой возможности. Оно

продолжало стучать остервенело, будто желало пробить рёбра и вывалиться наружу.

И продолжило биться так же быстро, когда Марк, незаметно для себя, очнулся в собственной квартире.

Я брожу по пустыне уже много лет
Только кучи песка, здесь людей давно нет
День сменяет ночь, и я снова один
Я кричу в пустоту...
Группа Эскалада — Ничто не вечно

1

— «В чём дело? — пронеслось в мыслях Марка. — Нет, это не сон. Не сон заставил моё сердце бешено стучать. Но что?»

— Марк! — раздался крик из кухни. Пронзительный, пугающий, будоражащий. Не думая ни секунды, Марк подскочил с дивана и помчался. По дороге перевернул журнальный столик, опрокинул кошачью миску (от чего весь пол покрылся коричневым бисером) и раздавил заколку для волос.

— Что случилось? — спросил он, протаранив плечом двери. Лина, белая от ужаса, забралась с ногами на разделочный стол. Её губы судорожно дергались, а лёгкие конвульсивно раздувались и сжимались.

Марку хватило короткого взгляда, чтобы понять: то, что напугало супругу, находится на полу.

И действительно, на полу было нечто совсем неуместное. Нечто ужасное, с чёрными глазами. Полностью чёрными, без малейшего намёка на белок. И с такими же чёрными перьями, покрытыми нитями грязной паутины. К тому же Нечто обладало острым клювом и загнутыми когтями. Оно истерично било крыльями о ламинат и кричало. Пискляво и оглушительно, точно пикирующий орёл.

К счастью — это был не орёл, и тем более не пришелец из астральной реальности. Стриж. Самый обыкновенный, маленький стриж. Тот самый, которого часто пугают с ласточкой. Бедняга влетел в окно и столкнулся с люстрой. Приложился головой о стеклянную колбу, получил сотрясение и потерял способность ориентироваться.

Марк сдёрнул с петли кухонное полотенце и поспешил на помощь птице. А спешить было куда — в этом доме отнюдь не все боялись птиц. Тут обитал представитель древнего рода хищников, у которого на уровне инстинктов заложена охота на пернатых. Скрежет его острых когтей, рвущих лакированную древесину, уже доносился из спальни.

— Убери! Убери это! — взвизгнула Лина, когда Марк обхватил полотенцем чёрные крылья. Птица агрессивно забилась, попыталась клюнуть, дотянуться когтями. Но без толку. Полотенце защищало руки спасателя.

— Я спущу её вниз, — сообщил Марк, пытаясь пристроить неугомонную птицу подмышкой: одной рукой её было не удержать. Держать обеими руками уже не получалось. Лина ни за что бы не слезла со стола. А двери нужно было как-то открыть.

Барсик умудрился вырваться из комнаты и юлой закружился у ног хозяина. С трудом отогнав любопытного хищника, Марк кое-как справился с замком и вышел из квартиры.

Улица встретила его дуновением по-летнему тёплого ветра. Запах преющих листьев и освежающей влажности заставил глаза сомкнуться от наслаждения. Пернатое создание тоже не осталось равнодушным. Оно забилось с утроенной силой, стоило ему только учуять родной аромат вечной свободы.

Примета говорит, что нельзя выпускать птицу на свободу из рук. Случайно залетевшая в дом птица — вестник плохих новостей. И чтобы пришедшая новость тебя не коснулась, нужно открыть окно нараспашку и дать незваному гостю улететь. Мол, как само попало, так само и ушло. Через себя ты его не пропустишь и к сердцу не приложишь.

Марк знал эту примету. Знал её в больших тонкостях. Например: если птица белая — то эта плохая новость принесёт тебе счастье; а если чёрная и улетела сама, но оставила перо, то новость не коснётся тебя самого, но коснётся того, о ком ты переживаешь.

Однако знание редко перерастает в веру. Можно знать Библию наизусть, и не верить ни единому её слову. Можно знать лучшие качества друга, и никогда не доверять ему тайны. Можно знать точно, что однажды умрёшь, и не верить в конечность бытия.

Марк опустил птицу на асфальт вместе с полотенцем. Та нервно скинула с себя тряпичную помеху и неуклюже растопырила крылья.

— Давай же, лети! Давай, смелее! — шёпотом приговаривал её спаситель. Но птица не собиралась хлопать крыльями. Она просто поскакала на лапах в сторону припаркованной машины и спряталась под её днищем.

— Да, брат, плохи твои дела, — расстроено сказал Марк, поднимая кухонное полотенце. — Я бы тебя выходил. Но, сам понимаешь, у меня кот. Вы с ним точно не подружитесь. А ещё у меня жена. Ты видел её реакцию. Так что, бывай. Выживешь, дай весточку. Только в гости больше не залетай.

Не дождавшись ответа, Марк собрался было уходить, как вдруг услышал странный звук. Знакомый до боли. Похожий на урчание пустого желудка, правда, усиленный в сотни раз. Пёс, размером с небольшого барана, встал между ним и входом в подъезд. Его волчий оскал не оставлял ни малейших надежд на дружелюбные намерения. Свиные глаза нацелились прямо на Марка. Прижатые уши выдали желание броситься вперёд.

И нет с собой ножа, верного талисмана. Нет ни петард, подаренных случайным знакомцем. Нет даже бульжника под ногами. Но есть полотенце в руках, а это уже не так мало. Можно засунуть его в пасть обезумевшему животному и натянуть как конские поводья. Это не ранит и тем более не убьёт собаку, но может сбить пыл. Или напротив, разозлит в конец. Но тогда придётся драться до потери сознания. И вряд ли животное потеряет его первым.

Пролаяв сквозь рык, пёс ринулся в атаку. Марк уже приготовил полотенце для единственной возможной уловки, как вдруг нечто чёрное выпрыгнуло из-за спины. Оно помчалось навстречу взбесившейся собаке, истошно завизжало и захлопало крыльями.

Стриж. Это снова был стриж, и Марк не сомневался, что тот же самый. Бедняга толи оказался очень умным и высокоморальным, раз решил отплатить добром за добро, толи напротив, получил настолько серьёзную травму головы, что перепутал в какую сторону лететь, спасаясь от лая и рыка.

Птица столкнулась с мордой пса в нескольких шагах от Марка. Она принялась истошно верещать и хлопать крыльями, тем самым ослепила и обескуражила разъярённого зверя.

Марк тут же воспользовался заминкой и побежал к подъезду. Собака отреагировала на это и ринулась следом, но упустила пару драгоценных секунд. Тех самых, которых хватило, чтобы захлопнуть дверь перед её носом.

— Ну нафиг, — сказал Марк, тяжело переводя дух. — Куплю пневматический пистолет и сокращу вашу блохастую популяцию. Достали уже!

Не считая утреннего инцидента, день проходил довольно обыденно. Марк управлялся по дому: в пятый раз проверял дверные петли на скрип, почистил чайник от накипи, прикрутил дверцу кухонного шкафчика. Он уже добрался до наведения порядка в ящике с инструментами, когда внезапно зазвонил телефон. Приглушённо, будто за стеной.

— Лина, наверное, — вслух выразил мысль Марк и стал крутить головой в поисках источника звука. Телефона нигде не было. Тогда Марк решил заглянуть в спальную. Он открыл дверь, заглянул внутрь и обнаружил, что звук громче не стал. Недоумевая, Марк обернулся и посмотрел на Барсика. Тот вальяжно развалился на обувной полочке, как раз рядом со шкафчиком для инструментов. Кот вытаращил удивлённо-испуганные глаза и слабо мяукнул.

Марк заглянул в гостиную. Кроме ругани рабочих под окном, никакие другие звуки не усилились, а значит телефон не здесь. Осмотр ванной и кухни ничего не дал. Звонок особенно чётко слышался в коридоре, но так, словно его придавили подушкой.

Осознав, как глупо сейчас выглядит, Марк оставил телефона и по стенке скатился на пол. Он сел рядом с Барсиком, заглянул в его круглые от удивления глаза и тихо сказал:

— Я, кажись, с кукушкой от безделья расстался.

Кот, как и полагалось старому приятелю, не стал вдаваться в утешения и мурлыкать. Вместо этого он протяжно мяукнул, что можно было принять за согласие.

— Ах ты подкольщик усатый! Я тебя за это... — Марк принялся энергично растирать полосатый бок шерстяного товарища. Тому это явно не понравилось. Кот противоестественно изогнулся, пытаясь укусить хозяина за пальцы, и тем самым выдал свой страшный секрет. Из-под пушистой шерсти выглянул край закруглённого прямоугольника в силиконовом чехле.

Марк вознегодовал. Он скинул кота на пол, освобождая свой телефон от тяжёлого гнёта.

Звонила не Лина. На экране, под надписью пропущенный звонок, латиницей было набрано польское слово, которое лучше не переводить в приличном обществе. Что-то вроде Питерского варианта слова курица, с обязательным добавлением буквы «V» в последнем слоге. Так нелестно Марк записал номер менеджера Виктории.

Сердце снова застучало невероятно быстро. Точно так же, как утром при пробуждении. Да, Марк мог позволить себе скандал с работодателем, притом неоднократный. Но ни единого раза не было, чтобы его голова осталась холодной и кровь не вскипела. Не от страха, нет. От адреналина, что непременно выплёскивался, когда дело подходило к словесной перепалке.

— Алло, — сухо бросил Марк в трубку, когда гудки прервались шипением и хрипом.

— Да, алё! Маркуша, это ты? — раздался чрезмерно весёлый голос менеджера Виктории.

— Да.

— Маркуш, ты когда на работу выйдешь? Мы тут по тебе уже соскучились.

Марк не поспешил с ответом. Сначала он прикинул, как бы так ловко заставить её перейти к извинениям. Потом захотел послушать, как она подлизывается к нему. Но, согласившись со здравым смыслом, решил построить диалог в деловом русле.

— А что, работы привалило? — спросил он.

— Ой, да не то слово. Сашка тут зашивается. Очередь по расходникам на месяц расписана. А вот-вот резину менять начнут. Снег на днях обещают. Так что, работы много. Делать — не переделать!

— А что с тем, у кого колодки скрипят? — лукаво закинул удочку Марк. И ошибся.

Виктория тут же изменилась в голосе:

— Сашка разобрался уже.

Марк, непонятно зачем, покивал головой и, выждав паузу, согласился выйти завтра. Прямо с утра, к восьми. Обслужить первого клиента по записи.

Виктория явно обрадовалась такому завершению разговора, так как попрощалась словами: «ну всё, дорогой, жду тебя!». Марк, подавляя чувство тошноты, вызванное новым гормональным перепадом менеджера, набрал другой номер телефона. Изменившимися планами на завтра непременно нужно было поделиться с женой.

3

Марк проснулся первым. Вернее уснул, позволив себе скромный отдых после обеда. Очутился он на пассажирском сиденье в Студебекере. Чему совсем не удивился: тут он и отключился с тарахтящим сердцем.

Сердце, к слову, успокоилось. Более того, исчезло ощущение, будто конечности ватные. Да и мысли упорядочились. Единственное, что никуда не ушло — невыносимое желание поест. Впрочем, наркотический дым мог быть не причём. Вчера они и крошки маковой во рту не держали. Кажется, и воды не пили.

Марк подтянул к себе заплечный мешок товарища и принялся бесцеремонно обыскивать.

На этот раз «УЗИ» не вызвал никаких будоражащих ощущений — автомат как автомат, в ногах вон пулемёт с дисковой обоймой лежит, тот куда страшнее смотрится. Не вызвала негативных ощущений и пожухшая листва, заполнившая половину мешка.

А вот что точно не оставило равнодушным, так это холодная жестяная банка. Её Марк немедленно извлёк на свет и всё прочее отложил в сторону.

С помощью ножа-талисмана он вскрыл жестянку с вожделенной массой. Этикеток на банке не было, потому Марк с чистой совестью уплетал дрожащие кусочки, полагая, что имеет дело с говядиной. Может и хорошо, порой, не знать, что в твоей тарелке.

Орудя острым ножом, как вилкой, Марк вытащил из банки все куски мяса покрытые застывшим жиром. Оставшееся желе он просто вывалил себе в рот и, не жуя, проглотил. Тут же проснулась жажда. Но её быстро подавила жижа из термоса. Холодная жижа, сохранившая фантомный привкус чая из горных трав.

Не зная местные обычаи, Марк бросил пустую банку под ноги: мало ли, вдруг тут Гринпис за разбросанный мусор приговаривает к сожжению заживо.

В животе заурчало и даже кольнуло. Лёгкая тяжесть потянула вниз, но чувство насыщения не появилось. Нисколько. Есть по-прежнему хотелось, и очень сильно.

Понимая, что запасов еды у Блэка не так много, Марк решил заняться делом, чтобы отвлечься от требований неугомонного желудка. Он, приложив недюжинную силу, перетащил товарища на место пассажира. Ремней безопасности в грузовике не было, а бессознательное тело товарища нужно было как-то прижать к спинке сиденья, чтобы оно не билось головой о приборную панель. Марк не придумал ничего лучше, как воспользоваться заплечным мешком. Он перекинул мешок за спинку сиденья, а лямками обхватил грудь Блэка. Хлам, составляющий личное имущество странствующего рыбака, притянул своего хозяина к спинке кресла и надёжно зафиксировал. Правда, полной грудью дышать тоже не позволял. Впрочем, зачем много воздуха голове, которая в кровь разобьётся от тряски в дороге?

Марк занял место водителя и завёл мотор. Не с первой попытки. Он раз пять или шесть

впустую щёлкал замком зажигания, прежде чем догадался выдать педаль сцепления в пол.

По большей части все приборы и органы управления машиной были знакомы. Разве что — не было рычагов за рулём, которыми следовало включать указатели поворота или стеклоочистители. Рядом с коробкой передач торчало ещё два рычага неясного назначения. Не было понятно, как включать фары, как регулировать сиденье, как опускать боковое стекло.

Зато основные органы управления остались на месте — руль и три педали. А вот рычаг передач заставил помучаться. Хотя на приборной панели была схема, совсем нелогичная, но интуитивно понятная.

С четвёртой попытки Марк включил первую передачу (хотя следовало бы включить вторую) и сдвинул машину с места. И сразу же опешил, осознав, насколько она тяжела и неповоротлива.

Да, правом управления автомобилем «С» категории Марк не обладал. Что, несомненно, сказывалось на его способности водить габаритный транспорт. Но ему помогало то, что он восемнадцати лет не прекращал управлять самыми различными легковушками, в число которых входил раритет, на десятилетия старше этого Студебекера.

Впрочем, машина совсем не выглядела старой. Наоборот, приборная панель блестела, будто только сошла с конвейера. Да и руль с педалями скользили, как вымоченные в масле. Надписи на английском были свежими, будто только вчера их перенесли с трафарета.

Лавировать между камнями на первой передаче было легко. Даже для водителя, столь неопытного в вождении старомодных грузовиков. Правда и скорость развить, тоже не получалось. Стрелка прыгала возле цифры двадцать, что по соображениям Марка, равнялось пятнадцати километрам в час.

Блэк, безвольно болтал головой, напоминая собачку-болванчика, что крепят на приборную панель. Иногда он шумно всхрапывал и выдавал полубредовые фразы, среди которых часто повторял два английских слова: «блэк» и «рэд».

Если с первым Марку всё было более-менее понятно («блэк» — Блэк, названное имя его товарища), то ко второму оставались вопросы.

— Рэд, — повторил за товарищем Марк, когда они подпрыгнули на очередном камешке. — Только не говори мне, что раньше тебя звали Блэкрэд, а потом ты потерял память и тебе дали другое имя. Это пахнет дешёвым сюжетом, который уже в сотнях вариаций избит. Начиная с Росомахи и заканчивая первым Сталкером. «Поиск прежнего себя» — что может быть тупее? Ты вчерашний совсем уже не тот, что ты сегодня. Забыл былое? Радуйся! Не можешь? Ну и дурак. Поверь мне, там ничего кроме ошибок и сюжетных дыр нет.

Видимо Блэк услышал короткий монолог товарища, так как внезапно открыл залитые кровью глаза. Он с трудом что-то прохрипел, и Марк понял, что импровизированный ремень безопасности пора снять.

— Куда ты едешь? — спросил Блэк с хрипом. Марк стянул с товарища лямки мешка и ответил:

— Куда-куда? В деревню твою.

— Что так медленно?

— Извини, первый раз за рулём динозавра.

— Останови. Я за руль сяду.

Марк несколько не возражал. Он выжал педали сцепления и тормоза и перевёл рычаг

передач в нейтральное положение. Быстро покинул кабину через дверь, ожидая, что его товарищ поступит также. Но этого не случилось. Блэк перелез с одного места на другое, во всю используя простор большой кабины.

Блэкблю вёл машину куда веселее. Да, часто подпрыгивал на кочках, резко тормозил и делал крутые виражи, от чего пустая банка под ногами Марка со звоном билась о железные поверхности. Но стрелка спидометра то и дело переваливала за отметку с цифрой шестьдесят, что не могло не радовать.

— Слушай сюда. План такой, — начал Блэк, перекрикивая рёв мотора, — мы заезжаем в деревню на грузовике. Если видим много серых, делаем ноги. Попутно обстреливаем их транспорт. Разберись с пулемётом, он не так-то прост. Если там серых будет раз-два и обчёлся, устроим им резню. Раздобудем еду, топливо и медикаменты. А дальше можно ехать в стороне от Магистрала. Аж до самого леса.

Марк, молча слушая немолодого товарища, уже занялся изучением трофейного оружия. Пистолет водителя вместе с кобурой Блэк забрал себе. Про пулемёт он ничего не сказал, потому Марк смело его присвоил.

Впрочем, это был не совсем пулемёт. Пистолет-пулемёт. Возможно, тот самый ППШ, что в своё время гнал немцев назад в Европу. А может какая-то его разновидность или местная подделка. Последнее скорее всего — очень уж замысловато выглядел его механизм. Чтобы отстегнуть дисковую обойму, пришлось возиться с системой задвижек и болтов. Чтобы проверить количество оставшихся патронов, пришлось разобрать обойму. Собрать систему назад и взвести затвор — Марк вообще не смог самостоятельно. Благо Блэк не счёл лишним остановиться и объяснить что к чему.

— И главное: если заклинит — кидай его от себя подальше. Это случается, если ствол перегрелся. Так он тогда начинает шмалять без разрешения. А с такой отдачей ты не справишься. Развернёт стволом в тебя же и в фарш нарежет. Опасная техника. Но, что есть, то есть.

Марк опасливо покосился на оружие в своих руках и тут же решил: «буду бить только короткими».

О том, что он будет бить, Марк даже не задумывался. Эта мысль засела в голове как аксиома. Ещё бы — дайте человеку в руки оружие и скажите, что где-то есть некто, желающий его убить. И всё. Вы обратили человека в свою веру и сделали своих врагов его врагами. Притом, самыми заклятыми врагами, на войну с которыми человек «был обречен от рождения».

4

О приближении к деревне равнина известила красочно. Бурая трава сменилась золотым морем. В его волнах резвился ветер. Бескрайнее море созревших колосьев пшеницы. В лучах вечно заходящего солнца оно переливалось огнём и дышало от каждого дуновения. Низко плывущие облака оставляли размытые тени, превращали поля в шкуру тигра великана. Марк зачарованно смотрел на величественную и умиротворённую картину. И тем зачарованнее, чем ближе они подъезжали.

Однако очень скоро изумление сменилось неопишуемым ужасом, когда «Студер» (он же Студебекер) на всём ходу нырнул в пшеничное море. Марк рассчитывал на то, что Блэк повернёт в последний момент и поедет искать полевою дорогу. Но о таком варварстве он и помыслить не мог.

Машина с лёгкостью давила созревший урожай и бодро катилась дальше. Булыжников

под колёсами не было (видимо земледельцы избавились от них перед распашкой), поэтому тряска закончилась. Однако скорость упала. Примерно в половину. Крепкие стебли пшеницы всё-таки давали о себе знать.

Хотя, надо отметить, что местная разновидность злаковой культуры сильно отличалась от Земной. Она больше походила на речной камыш, верхнее соцветие которого сменилось связкой из трёх-четырёх колосков. Да и размером хлебоносный камыш походил на своего речного собрата. Вот только сеяли его не плотно — даже реже, чем сажают кукурузу. Между кустами (иначе густую тростниковую поросль не назовёшь) можно было пройти пешком. Только потому «Студер» мог «плыть» по золотому морю. Расти местная пшеница плотно, колосок к колоску, завязла бы машина сразу, как только въехала.

— Будь готов! Как только вынырнем из посевов, придётся стрелять. Только не бездумно! По местным не пали, их помощь нам нужна.

Марк шумно сглотнул слюну и попробовал прикинуть пулемёт к плечу. Кабина у «Студера» большая, но даже в ней было не уместиться с такой штуковиной. Пришлось опустить боковое стекло, благо теперь было кому объяснить, как это делается.

Но прикинуть, какво это стрелять из окна на ходу, так и не получилось. Высокие стебли тут же занырнули в кабину и хлестнули Марка по щекам. Стекло пришлось поднять обратно.

— Не суетись особо, — сказал Блэк. — На нашей стороне фактор внезапности. Пока серые поймут, кто именно сидит в кабине, ты уже стекло опустишь, прицелишься и выстрелишь. Стрелял с такой, когда-нибудь?

Марк отрицательно помотал головой и тут же уточнил:

— С такой — нет. Но вообще стрелял. В армии. По мишеням. Ну и так, на кружки ходил.

Блэк ухмыльнулся и не глядя полез в кобуру.

— На, возьми, — сказал он, протягивая пистолет прежнего водителя «Студера». — Вдруг с «Пыпышкой» облажаешься. Тогда хоть этой пародией на «Макар» стреляй. Только патроны считай. В нём их девять.

— В «ППШ» их сто семнадцать, — сказал Марк, пытаясь прицелиться в пол. Выходилс неважно, так как пришлось изогнуться спиралью ДНК молекулы.

— Не смей этот навоз называть «ППШ». «Пыпышка», вот его официальное название Местных мутантов творение. Мутантов в том смысле, что у них руки растут оттуда же, откуда и ноги. Образно.

— В смысле рукожо... — начал было спрашивать Марк, как вдруг плотная стена пшеницы исчезла. И сразу, без малейшего промежутка и передышки, появились бревенчатые стены дома.

«Студебекер» резко повело влево. Угол дома, состоявший из перекрестий брёвен, чуть было не расцарапал борт машины, но, к счастью, прошёл в нескольких сантиметрах. А вот тентованному кузову повезло меньше. Он по-прежнему имел маскирующую, неправильно вздутую форму, над которой недавно потрудился Блэк. И сейчас эти формы разлетелись со скрежетом и металлическим лязгом.

Шум мотора в купе со звоном, скрежетом и лязгом не могли оставить равнодушными обитателей деревни, кто бы тут сейчас ни находился. Впрочем, о нынешних обитателях долго вопрос не стоял — второй «Студебекер», припаркованный вдоль единственной просёлочной дороги, многое объяснил. Главным образом то, почему на шум дорожной

аварии из срубов высыпали не крестьяне с детворой, а солдаты в серой форме.

— Стреляй! — заорал во весь голос Блэк, когда выкатил на дорогу. Марк несколько замешкался. Впрочем, как и высыпавшие из всех домов солдаты. Пока те непонимающе глазели на невесть откуда взявшийся грузовик, пока пытались разглядеть лица сидевших в кабине, пока взводили затворы своих «Шмайсеров», «Пыпышек», «УЗИ» и даже «Калашей» — новоиспеченный Спящий возился со стеклом на двери. Может даже нарочно возился, так как совершенно не имел представления, как следует стрелять по живым людям. Да и вообще, следует ли по ним стрелять?

Блэк, боковым зрением наблюдавший за спутником, понял, что стрелок в машине только один — он сам. Не глядя, Блэк выхватил из заплечного мешка «УЗИ» и тут же ударил его рукояткой по боковому стеклу. Оно со звоном разлетелось в мельчайшие осколки. Грузовик внезапно остановился. Вернее замер, как вкопанный.

Но ещё не успела сойти инерция торможения, как раздался оглушительный треск. Да, именно треск, громкий и затяжной.

Марк от страха зажмурил глаза и спрятал голову за приборной панелью. Раздался звон стекла, глухой шлепок и свист. А потом всё стихло.

— Быстро из машины! — скомандовал Блэк, толкая в бок перетрусившего товарища. Марк, с трудом пересилил себя и подчинился. Он открыл дверь и спрыгнул на укатанную землю, не забыв прихватить пулемёт. Пистолет уже давно покоился за поясом.

— За мной! — тихо, но властно буркнул Блэк, который очень уж быстро очутился за спиной товарища. Марка, естественно, передёрнуло от столь внезапного перемещения.

Пригнувшись и следуя за товарищем к бревенчатой стене, он имел возможность, краем глаза, оценить результаты недавней стрельбы. Десяток солдат корчились на земле, напрасно пытаясь рукой пережать свои раны. Но никто не кричал. Потому что не могли. Все кто корчился, были ранены в грудь, что мешало дыханию, а тем более крику. Остальные не могли кричать, потому, что не могли даже корчиться — кто не словил пулю в голову, потерял сознание от болевого шока.

Всего пара секунд и больше десятка человек мертвы или смертельно ранены. Если бы Марк помнил события вчерашнего дня (если приснившееся прошлой ночью можно было датировать так), то присовокупил бы к этой картине ещё один эпизод — скупая очередь и два трупа в кабине грузовика.

В Блэке не было чего-то вдохновляющего и завораживающего. Не было Голливудской внешности, не было харизмы Клинта Иствуда и не было револьверов из переплавленного Экскалибура. Не был он похож ни на прожжённого убийцу, ни на бывалого вояку. Рыбак в камуфлированной пародии на ковбойскую шляпу, вот и всё. Седеющий и стареющий рыбак. Однако разбросанные по деревушке умирающие солдаты красноречиво подтверждали, что внешность порой обманчива.

Блэк поспешил обратиться с главной (единственной) улицы деревушки. Увлекая за собой Марка, он прокрался между оградами двух участков назад, ближе к пшеничному полю.

Задние стены срубов выступали в качестве продолжения ограждения участка. Между ними и полем проходила небольшая полоса отчуждения, вдоль которой часто наставили побеленные столбы. На столбах, свисая петлями то там, то тут, тянулись электрические провода. Получалось, что линии электропередач прокладывали не вдоль улиц, как обычно, а параллельно, за домами. Для чего это было нужно, осталось загадкой.

Аккуратно переходя от сруба к срубу, в любой момент готовый рухнуть в высокую,

полузасохшую траву, Блэк двигался вперёд. Иногда останавливался, вытягивался в полный рост и заглядывал внутрь деревянных строений. В основном, ничего интересного там не видел и двигался дальше. Но один раз сделал исключение.

Заметив внутри сруба что-то неладное, жестом приказал Марку смотреть вперёд. А сам развернулся, вытащил из куртки револьвер и прицелился прямо в окно. Хлопок, звон разбитого стекла и звуки нарастающей суеты с другой стороны домов.

— Быстрее за мной! — прикрикнул Блэк и побежал дальше. Марк, перепуганный не на шутку, рванул чуть ли не быстрее. Но обогнать товарища так и не успел — пуля просвистела совсем неподалёку и впиалась в столб электроснабжения.

Нога Блэка, видимо нарочно, оказалась на пути Марка. Тот налетел на неё, потерял равновесие и на всём ходу полетел в высокую траву. Даже проскользил на животе пару метров.

Над головой дважды грохнул револьвер. Исчезли все звуки. Моментально. Марк решил, что его спутник добил последних. Но напряжённое выражение лица Блэка не подтверждало этого. Будь Марк опытнее, понял бы, что дело совсем в другом. Дело, можно сказать, запахло керосином. В деревне оставалось ещё много солдат в сером, и они очень остались недовольны, увидев истекающих кровью товарищей. Кто-то заметил прощмыгнувшие тени и пошёл следом. Заметил, попытался достать, промахнулся и решил не играть в Рэмбо. Вместо того чтобы выскочить в полный рост перед главным матёрым стрелком этого боевика (как это обычно изображают недалёкие киношники), он вернулся и жестами указал товарищам, где искать виновников случившегося беспорядка. И теперь товарищи того, смышлёного и в меру трусливого солдата, окружают виновников, засевших в указанной точке. Окружают планомерно, продуманно и тихо. Слишком тихо.

Так тихо, что Марк слышал крик. Приглушённый, словно через подушку. Но отчаянный и... Женский.

Блэк коротко посмотрел на Марка и тут же понял его вопрос.

— За этой стеной, — кивнул он на уложенные и промасленные брёвна с боку.

— Давай так: ты разберёшься с ними, — Блэк снова кивнул в ту сторону, — а я с остальными. Так ты и мне и ей поможешь. Пора действовать, герой!

Что имел в виду спутник, Марк так и не понял. Понял только, что оставаться на месте больше нельзя. И сверкающие пятки начищенных берцов подтвердили это. Блэк перемахнул через ограду и скрылся за углом сруба. Марк последовал примеру товарища, но не рассчитал собственные возможности — преодолев ограду, он не встал на ноги, а полетел лицом в землю. Правда, само лицо встретила не земля, а тёплая ароматная подушка, что вышла из-под хвоста пасущейся рядом бурёнки. В плохом ситкоме тут бы вставили смех аудитории. Однако ситкомом и не пахло.

Раздался треск, грохот, свист и глухие шлепки.

— Быстро внутрь, что разлётся? — прокричал Блэк. Марк почти не соображал, что делает. Он с места рванул к крыльцу под деревянным навесом, боковым зрением заметил товарища, который по брёвнам взбирался на кровлю. Несколько пуль просвистели совсем рядом, а одна, та что летела прямо в висок, глухо стукнувшись, застряла в бревне, что держало навес над крыльцом.

Марк всем весом навалился на деревянную дверь, ожидая, что та не поддастся. Она бы и не поддалась, не приди в голову одному обитателю сруба выглянуть наружу.

Дверь, с которой только-только сняли металлический засов, распахнулась и врезала по

голове любопытному солдату. Тот отлетел к стене и замер, испуганно уставился на заходящего внутрь Марка.

Женский крик раздавался с оглушительной силой. Ритмично и неистово. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, от чего она могла поднять такой шум. Явно не от удовольствия. Хотя кому-то удовольствие в этот момент и приносила. Удовольствие и от крика, и от тела.

Если бы знали жертвы насильников, что своим сопротивлением и криками оказывают неоценимую услугу своим мучителям. В большинстве случаев у тех физически не может произойти эрекция, если объект вожделения будет хладнокровен. Одних заводит крик, других страх, третьих попытка отбиться. Но безразличное согласие (не страстное, нет, совершенно холодное — а ля: сделай дело и вали) обезоруживает. Не всех. Но большую часть.

Эта женщина явно о таком не знала. Кричала что есть мочи и, судя по болезненному шипению с мужским голосом, сопротивлялась. А комментарии, которыми насильник сопровождал свои действия, служили явным доказательством тому, что он в комнате не один. Красуется перед кем-то, пытается беседовать и шутить, отпускает яростные и бестолковые оскорбления.

Где находилась комната с недобровольной оргией, Марк уже понял. Понял и то, что своими криками женщина оглушила насильников и не дала расслышать звуки стрельбы на улице. А тот, что теперь сидит у стены, сторожил увлеченных товарищей. И, видимо, до последнего не покидал свой пост, пока шум не прокатился под самыми окнами.

Не высокая мораль, а самый банальный социальный инстинкт заставил Марка принять очевидное решение — помочь даме попавшей в беду. Такое решение принимать легко, когда у тебя в руках пистолет-пулемёт с сотней патронов. Пусть даже ты из него ни разу не стрелял.

Но прежде чем ворваться в комнату, откуда доносятся столь неблагозвучные вопли, предстояло разобраться с тылом — то есть с тем самым горе-охранником. Что с ним делать? Пристрелить, обнаружив своё вторжение? Двинуть прикладом неблагонадёжного ствола, вызвав тем нечаянный выстрел? Приказать бросить оружие и лечь мордой в пол? Так тот безоружный, вроде бы.

Солдатик (парнишку с девственным пушком под носом, назвать солдатом можно было с большой натяжкой) поднял обе руки и умоляюще посмотрел на Марка. Тот навёл ствол пулемёта в грудь юнцу и замер в нерешительности. Напряжение росло с каждой секундой.

— Пожалуйста, не надо, — прошептал паренёк, явно не желавший выдавать присутствие постороннего. И в этот миг Марка осенила гениальная мысль.

— Встань и войди туда! — сквозь зубы процедил он и кивнул в сторону криков.

— Пожалуйста! — срывающимся голосом сказал паренёк. Глаза его наполнились слезами. Марк наигранно прицелился (в чём необходимости не было — солдатик был в паре метров) и потихоньку начал добиваться своего.

Юнец, дрожа всем телом, поднялся и неуверенно приблизился к Марку — тот стоял между солдатиком и дверью в комнату. Готовый выстрелить в любую секунду, Марк проводил трясущегося паренька стволом пулемёта и встал за его спиной.

Солдатик постучал в дверь.

— Какого чёрта! — раздался приглушённый крик с той стороны.

— П-проверка, — выдавил солдатик.

— Какая нах проверка?!

— Пол-полковник Решер... Сту-стучит.

Дверь небрежно отворили. Никто не выглянул наружу. Видимо полагали, что внутрь посторонние пробраться не могут. И зря.

Подгоняемый дулом автомата, солдатик зашёл в комнату. Истошный женский крик не смолкал, хотя рядом явно появилась смущённая суета.

Марк, прикрываясь молодым солдатиком как живым щитом, зашёл внутрь и увидел картину во всей красе. Два молодых солдата, лет на пять старше «живого щита», в одних трусах да форменных тельняшках носились по светлой, выкрашенной белой краской, комнате. Элементы их униформы были раскиданы по всем углам. Наскоро пытаясь собрать одежду, на ходу разбираясь «где моё, а где чужое?», они бранились и не замечали нависшей опасности. Но куда белее беспечно вёл себя третий, тот, что был куда как меньше ростом и куда как больше весом. Он продолжал своё мерзкое занятие, заставляя женщину, распластавшуюся на столе, вскрикивать снова и снова.

Марк напряженно смотрел на троицу насильников и не решался перейти к действиям. Но долго он не мог оставаться незамеченным, да и истошные женские вопли подстёгивали перейти в наступление.

Один из молодых солдат, натянувший на себя форменные брюки, нечаянно бросил взгляд на вошедшего товарища. Нечаянно и себе на погибель. Не заметить чужака с пулемётом наперевес он просто не мог. Принять адекватное решение, по-видимому, тоже.

— Тима! — крикнул солдат и потянулся рукой под стул. Ждать пока солдат достанет «Шмайсер» Марк не стал. Слишком затянулась напряжённая пауза, да и руки затекли под весом тяжёлого оружия. Он выстрелил.

Короткая очередь показалась взрывом гранаты. Слишком маленькой оказалась эта комната, и слишком мощным оказался пулемёт. В солдата попала только одна пуля. Остальные, из-за отдачи, раскидало вдоль дальней стены. Но и одной оказалось достаточно. Она вошла в левое плечо с боку, прошило его насквозь, развернувшись, и полубоком вошла в грудь. С обратной стороны не вышла. Зато превратила сердце и оба лёгких в свежий кровавый фарш.

Солдатик, прикрывавший собой Марка, прыгнул на пол и закрыл голову руками. Второй солдат, лишь секунду потративший на созерцание конвульсий товарища, протянул руку к подоконнику и выхватил пистолет. Марк потерял живое прикрытие, зато сразу заметил манёвр врага. Плечо свело болью от отдачи, но он через силу заставил себя вскинуть пулемёт ещё раз и вдавил приклад куда положено.

Два выстрела прозвучали одновременно — выстрел из пистолета и выстрел из пулемёта. Тяжёлый патрон «Пыпышки» наделал много шума. И ещё больше грязи. Белая стена за спиной солдата вся покрылась красными брызгами. И ещё чёрно-красной полосой на уровне груди. Вскоре к этой картине прибавилась красная дорожка, шириной с крепкую мужскую спину. Её напоследок оставил солдат, скатываясь по стене на пол.

Но кроме кровавой полосы солдат успел оставить ещё кое-что. Выпущенную из пистолета пулю. И надо сказать, выпустил её не мимо. Она летела прямо в грудь Марку. И попала бы, если бы не дисковая обойма пулемёта. Пуля увязла в нём, точно стрела в маленьком щите Скандинавского воина. Правда стрела не навредила бы щиту, а вот пуля обойме — запросто.

Марк прицелился прямо в голову последнему, оставшемуся на ногах, солдату. Тот,

очевидно осознал свой собственный конец, но решил довести начатое до конца. Видимо был пьян, и совсем не только от алкоголя, иначе инстинкт самосохранения переборол бы инстинкт размножения, даже такой извращённый.

Плечо жутко болело от предыдущих отдач, и часть разума наотрез отказывалась получать новый удар от приклада. И его мольбы были услышаны. Марк нажал на спуск, но не услышал ничего. Ничего, даже холостого щелчка. В ужасе решив, что так переклинило оружие и, вспомнив, что на этот счёт говорил Блэк, он швырнул пулемёт за дверь. Это было напрасно — всего на всего пуля застряла в пулемётной ленте и не позволила завершить цикл перезарядки. Впрочем, до замены обоймы, или тщательного ремонта установленной ныне, толку от пистолета-пулемёта не больше, чем от дубинки.

Марк выхватил из-за пояса пистолет бывшего водителя «Студера». Коротышка, не обделённый лишним весом, но обделённый волосами на голове, всё не останавливался. Пистолет дышал ему в затылок и вот-вот изрыгнул бы кусок свинца, но коротышке не было до этого дела.

Марк медленно приближался, ступая прямо по разбросанным вещам. Пистолет смотрел в блестящую точку на лысой голове коротышки. Снизу жалобно пискнул дрожащий юнец, и Марк пнул его ребром ботинка.

Коротышка сладострастно заревел и ускорил движения, явно приближаясь к кульминации своего действия. Но Марк выстрелил раньше.

Он не видел того, что наделала выпущенная им пуля. Не видел всего того, что воочию наблюдала жертва изнасилования. Не видел как обрюзглое, щекастое лицо превратилось в кровавое месиво и разлетелось на кусочки. Не видел как тёмная, густая жижа толчками выливалась наружу из того места, где раньше был нос. Не видел, как повис на ниточке расплющенный глаз. Он видел только маленькую дырочку на блестящем затылке и мелкие брызги на стене.

Но даже этого хватило, чтобы живот скрутило в тугий узел. Марк рухнул на колени и обильно опустошил желудок. Осознание того, что он убил троих человек, кувалдой било по рассудку. Потрясённая психика наивно пыталась выстроить логичные блоки, пуская в ход все доступные оправдания: «это всё сон, всего лишь сон; проснёшься и забудешь», «они были моральными уродами, мучали девушку, а ты её спас; ты герой!», «это был поединок, они тоже могли тебя убить; вспомни — пуля звякнула о пулемёт; а если бы не он, ты бы тоже валялся на полу, а девушку продолжили бы истязать!».

Всё это не помогало. Спазм за спазмом сдавливал пустой желудок. Дыхание сбилось, потому воздух пришлось буквально глотать, что непременно порождало отрыжку.

Женщина оттолкнула от себя мёртвую тушу солдата коротышки. Та грохнулась на пол, точно мешок набитый жиром и костями.

Будь это фильм с плохим сюжетом, женщина тут же кинулась бы на шею спасителю и осыпала поцелуями. Жизнь же оставляет минимум романтики своим героям.

Жертва изнасилования слезла со стола, скатилась вниз по стенке и забилась в дальний угол. Копна чёрных волос наискось перечертила ей лицо, на котором отражалось смесь рыдания и ярости. Разбитая губа противоестественно выкатилась, бледное лицо покрылось каплями пота, а затуманенные глаза выражали лишь ненависть затравленного зверя. Женщина тряслась всем телом и тяжело дышала, иногда издавала звуки, похожие на рычание.

Но Марк не обращал на неё никакого внимания. Он сосредоточенно склонился над

дымящейся лужицей, в которой узнавались волокна жёваного мяса. Желудок всё силился добавить в неё еще одну порцию желчи, но напрасно. Он уже был пуст, как кошелек за день до зарплаты.

Ничего удивительного в том не было, что Марк так и не заметил появление ещё одного человека в комнате. Вооружённого человека. Человека с оскаленной ухмылкой.

5

К счастью это оказался Блэк. Вот только его появлению никто не обрадовался. Женщина в углу взвизгнула и закрыла лицо руками. Молодой солдатик перевернулся на спину и прижал руки к груди, нелепо изображая сдачу в плен. Марк ощутил появление нового лица за спиной, но никак не отреагировал: «убьёт — хорошо, не буду мучаться, а может проснусь; не убьёт — так попинает, тоже не плохо, встряска была бы кстати».

— Я так понимаю — это твой пленник? — раздался за спиной знакомый голос. Марк обернулся, увидел, что Блэк вытянул руку с револьвером к юному солдатику, и покивал головой.

— Надо же, я думал ты так и не сможешь, — с лукавой улыбкой сказал Блэк.

Марк непонимающе прищурился.

— Не сможешь, ну это... Замочить. А ты вон как, троих сразу! Честно говоря, я рассчитывал, что ты всех этих гавриков в плен возьмёшь. Поэтому прихватил это.

Из внутреннего кармана джинсовой куртки Блэк извлёк предмет, до боли знакомый Марку. Его нож-талисман, подарок тестя. Рука Блэка легко вспорхнула, выпустив нож в полет. А через пару секунд воронёное лезвие вонзилось в дощатый пол, аккуратно в сантиметре от ладони Марка.

— Хочешь этого юнца оставить в живых? — спросил Блэк с привычным ехидством.

Марку ничего не хотелось: ни убивать, ни миловать. Разве что — надыхаться вчерашним токсичным дымом и выпасть из реальности. Ну или двинуть по роже Блэку за то, что в чужих вещах копается.

Но Марк всё равно покивал головой.

— Значит, будем брать с него клятву, что он никогда не возьмёт в руки оружие и не наденет солдатскую форму.

— Клянусь, никогда! Честное слово! До конца жизни! — затараторил испуганный солдатик. Он скосил глаза на дуло револьвера и неотрывно следил за каждым его движением.

— А ну заткнись! Твои слова мне на кой чёрт? Такая клятва даётся при особом обряде! И если вон тот юноша, — Блэк указал на Марка, — соблаговолит провести его — ты будешь жить. А поленится — присоединишься к своим сослуживцам.

— Нет, пожалуйста! Пожалуйста! — взмолился солдатик.

Марк, успевший увидеть, как легко и непринуждённо Блэк убивает людей, решил вмешаться. Превозмогая головокружение и очередные спазмы, он поднялся с пола и выдернул свой нож из деревянного настила.

— Какой ещё к чёрту обряд? — спросил Марк не своим голосом.

— Очень простой — отсечение лишнего.

Очередной позыв подкатил к горлу Марка, а парнишка завизжал, ухватившись за промежность. Блэк, глядя на них, в голос расхохотался.

— Нет-нет. Его отсутствие тебе воевать не помешает. Наоборот, породит жажду мести. А вот... Марк, угадай, без чего нельзя воевать?

— Без мозгов, — буркнул тот в ответ.

— Тоже мысль, но без них не живут. Но есть кое-что, что у человека отнять можно, и он останется и жив, и дееспособен, но не боеспособен.

Марк пожал плечами. Его позеленевшее лицо не выражало никакой заинтересованности.

— Указательные пальцы, — радостно сообщил Блэк, и поднял в воздух руку, ткнув пальцем в потолок.

— Нет! Пожалуйста! — снова взмолился парнишка под ногами.

— А ну тихо! — пригрозил ему Блэк и обратился к Марку:

— Тебе решать. Отрежешь ему указательные пальцы — пусть живёт. Не захочешь пачкаться...

— Я тебя понял, — холодно оборвал Марк и склонился над трясущимся солдатиком.

— Пожалуйста! Я вас очень прошу! — со слезами молил тот.

— Ага! Хочешь дожидаться, пока мы уйдём и выстрелить в спину? — злобно зарычал Блэк. — Хватит. Это мы уже проходили.

Марк коротко посмотрел на спутника и вмиг понял, что тот не шутит. Это явно было что-то из личного опыта, а не из приключенческих романов. И раз опыт говорит: «перестрахайся!» — значит, следует перестраховаться.

Марк, отбросив в сторону все сожаления и робость, схватил руку солдатика и подтянул к себе. Тот завизжал хуже свиньи на бойне. Ему аккомпанировать начала женщина из своего угла. Но обледеневшие чувства Марка не дали руке дрогнуть. Он ухватился за указательный палец солдатика и положил лезвие между фалангами. Сильно напрягся и принялся водить ножом назад вперёд. Кожа легко разошлась, тёмная кровь побежала по ладони, но суставы и сухожилия не хотели поддаваться.

Марк дёрнул палец юнца со всей силы. Что-то щёлкнуло внутри, позволив ножу пройти насквозь. Кровь хлынула ещё сильнее, и куда как сильнее поднялся дикий крик в маленькой комнате. Удивительно, но только сейчас Марк обеспокоился, что их могут услышать и прибежать.

Блэк содрал с одного из убитых солдат тельняшку и вырвал из неё два длинных лоскута.

— На, перевяжи повыше запястья, не-то кровью изойдёт.

Марк, без особого энтузиазма и человеколюбия, принялся перетягивать руку солдатика лоскутом ткани. И совсем не заметил при этом, как его нож снова умыкнули. Блэк, с видом опытного хирурга во время операции, перевязал вторую руку парня и ловко, всего в одно движение, сотворил симметрию обеих конечностей. Марк холодно взглянул на его творчество и только подумал: «ещё раз возьмёт без спроса мой нож, я и с него возьму клятву; вот только отрежу двадцать один палец».

Беспалый солдатик затравлено забился в угол. Теперь два из четырёх углов белой комнаты были заняты перепуганными и обесчещенными людьми.

Марк пожелал поскорее выбраться на воздух. Слишком многое он увидел и ещё больше наделал. Но Блэк торопиться не стал. Он склонился над забившимся в угол парнем и, перейдя на доверительный тон, начал давать советы:

— Пальцы перебинтуй и облей самогонкой. Будет больно, но иначе гангрену словишь и помрёшь. Постарайся сам, в деревне тебе никто помогать теперь не будет. Ещё: серых теперь бойся, как туберкулёза. Они знают, что означает беспалый солдат. Ты предатель и дезертир, которого отпустили враги. За такое тебя точно расстреляют. И заслуг твоих прежних не

спросят. Двигайся по насыпи к Бэк-порту. Там таких принимают.

— Меня не примут, — сквозь стиснутые зубы выдавил солдатик.

— Почему это? Политический?

— Нет. Я оттуда. Отряд добровольцев.

— Тогда твои дела совсем паршивы. Впрочем, сам виноват.

— Нет. — Уверенно выдал солдатик и добавил:

— Нас никто не спрашивал. Всем должникам из местных пообещали амнистию, если в отряды поставят людей. Неважно кого — себя, своих сыновей, братьев, подопечных, племянников. Да хоть рабов, коли право законное на них не отняли. Я вот, племянничек местного предпринимателя. Работоторговца в прошлом, до запрета.

— Да, брат. Но за пальцы извинений не жди. Сам понимаешь, мы тебе большую услугу оказали. Если бы не мой юнец, ты бы уже гнил. Слушай сюда: на *Сан*, как я понимаю, кругом ваши. Тебя они казнят за явку в таком виде. На *Бэк* дорога тебе тоже заказана. Тогда остаётся одно — в деревне еды собрать побольше, воды ещё больше, и двигать к белым холмам. Не сдохнешь в пути, новую жизнь начнёшь. Там ты пригодишься, даже без двух рук, не то, что без двух пальцев.

Паренёк ничего не ответил. Да и что тут можно ответить? Сказать спасибо? Да разве есть за что?

Блэк ответа и не ждал. Он прошёл в дальний угол и протянул руку женщине. Та вжалась в стены ещё сильнее и жалобно заскулила.

— Леди, вас тут больше никто не обидит, — ласково сказал Блэк и игриво улыбнулся. — Мы с моим другом убили всех. Всех ваших обидчиков. В деревне остались только местные жители. Пойдемте к ним! Дед Макар вас спрашивал. Просил привести домой, если найду.

Услышав знакомое имя, женщина подняла голову. В её взгляде по-прежнему читались боль и ярость, но промелькнуло и что-то ещё — надежда. Блэк припал на колени, просунул руки женщине под ноги и за спину, и, напрягшись изо-всех сил, встал с пола вместе с ней. Та, очевидно почувствовав напряжение поднявшего её мужчины, обхватила его шею руками. На благодарные объятия это мало походило, однако было лучше, чем болезненные для всех попытки отбиться.

Марк слышал все разговоры издали. Он стоял на пороге сруба и разглядывал красноречивую картину боя. Вернее побоища. К десятку с хвостиком солдат, убитых первым залпом Блэка, прибавился ещё десяток. С хвостиком. Марк предположил, что по дамам наверняка лежит ещё десяток. Быть может тоже с хвостиком.

За исключением первых, застигнутых врасплох, солдаты погибали не стоя истуканами посреди улицы, а укрываясь за надёжными преградами. Три бойца лежали за бревенчатой стеной соседнего дома. Один за побеленным электрическим столбом. Квартет в ливневом канале по ту сторону дороги. Ещё парочку Марк увидел на полосе отчуждения. Они пробирались через посев пшеницы, пытались зайти в тыл единственному вражескому стрелку. Но погибли сразу, как только закончили маневр. Так и остались лежать на границе золотого моря.

Картина боя наглядно рассказывала и о том, как часто Блэк менял диспозицию. Кровля сруба, внутри которого развернулась кровавая драма с участием Марка, теперь больше походила на дуршлаг. Каменные стенки колодца, стоявшего в этом же дворе, с одной стороны завалились внутрь. Те, что остались, были испещрены десятками пуль. В какой-то

момент роль укрытия выполнила бурёнка, с чьей лепёшкой имело честь познакомиться лицо Марка. Корова лежала на боку и совсем не переживала о рое мух, оседлавших её морду. Между рёбер обильно красовались пулевые отверстия, некоторые по-прежнему кровоточили. Крыльцо соседнего сруба всё вздыбилось, превратившись в бесформенного ежа со щепками вместо игл. Печная труба, над тем же срубом, сохранила лишь общее очертание.

Было понятно, что Блэк невероятно быстро менял укрытия. При этом он с каждой огневой точки по максимуму отрабатывал вражеские позиции. Добавь к тому быстрый обход всех домов, и получишь чуть ли ни «клокстопера» с бесконечным запасом дара «Улья». Впрочем, дело могло обойтись совсем без сверхъестественных способностей. Их вполне мог заменить боевой опыт, помноженный на регулярные стычки с превосходящими силами противника. А ещё — полным отсутствием необходимости перезаряжать оружие.

— Подвинься-ка, — попросил Блэк, пронося мимо Марка измученную женщину. Он нёс её на другую сторону дороги. Марк только и успел заметить, как они скрылись за дверьми деревянного дома. Потом силы стали покидать его, в глазах потемнело, уши заполнил звон. Марк сел на траву, прислонился спиной к брёвнам сруба, почувствовал, как дёрнулся пустой желудок и отключился.

*Пораскидав одеяния
Тыкаясь носом в глаза
Вот подошли к процессу слияния
И на тебе — вдруг голоса*

Группа Потомучто — Нам живых пугать нельзя

1

Сон Марка оборвала Лина совсем не нужным телефонным звонком. За что психика новоиспеченного Спящего похлопала в ладоши. Случившееся в том мире, куда теперь его заносит во сне, Марк хотел бы забыть. Но не получалось. Словно это был не сон. Словно всё произошло здесь и сейчас, в третьей комнате (к слову в квартире было всего две — спальная и гостиная). Как будто за стенкой до сих пор лежит три трупа и заливают деревянные полы своей кровью.

Болтовня с супругой ни о чём, готовка ужина, мелкие хлопоты — немного развеяли голову. Однако не выветрились всё без остатка.

Всё и без остатка не выветрился и ужин при свечах, и две бутылки красного вина, и рюмка коньяка «на посошок». Даже исполненный страсти и нежности супружеский долг не справился с дурными грёзами. Зато в купе всё это помогло крепко заснуть.

2

Марк очнулся в деревянной избушке. Окна, выходящие на улицу со всех четырёх стен, немногословно объяснили её размер. Прямо посередине стояла глиняная печь, широкое отверстие которой прикрывала металлическая решётка. За решёткой сочно скворчало мясо. Запах жареной курицы заполнил помещение, а потолок заволокло сизой дымкой.

Женщина, одетая как горничная девятнадцатого столетия, хлопотала над чем-то в углу. Судя по звону железной посуды, там располагался кухонный стол.

Марк приподнялся и услышал, как скрипнула сетка кровати под ним. «Горничная» тут же отреагировала на звук.

— Уже проснулся?

Марк на секунду замешкался с ответом. Обаятельная улыбка на миловидном личике немного сбила его с толку. Внешность «горничной» буквально кричала о кокетливой натуре. Сильный слой пудры на щеках скрывал её истинный возраст. Который, впрочем, легко могли выдать морщинки в уголках озорных глаз.

— Вроде бы, — сказал Марк и глубоко вдохнул. Внутренности напомнили о недавнем инциденте тупой болью и икотой. Голова тут же закружилась, умоляя тело принять горизонтальное положение. Но получила отказ.

— Там мы баньку затопили. Твой товарищ всю парится. Не хочешь присоединиться?

Пожалуй, нет, — буркнул Марк и поднялся с кровати. Его уложили прямо в одежде, на которой виднелись бурые брызги крови, зеленоватые пятна от травы и кляксы оставленные (лепёшкой бурёнки?) сырой землёй.

— Зря, — холодно выдала женщина. — Тебе бы не помешало.

Марк, не успев обидеться, посмотрел на «горничную». Та, воздержавшись от комментариев, приоткрыла дверцу буфета. Вместо классического стекла в дверцу было

вставлено зеркало. В нём Марк увидел совсем не то, что ожидал.

Нет, там был действительно он. Вот только совсем не тот, каким привык себя видеть. Отражение показывало не парня, почти мужчину, с грубой щетиной и лбом в мимических морщинах, а юнца с девственным пушком под носом и клочками щетины на скулах. Гладенького юнца, со впалыми от недоедания щеками. Юнца, каким он был лет в семнадцать. То есть, восемь лет назад.

Да, лицо было в крапинку перепачкано чем-то коричневым (наверняка дурно пахнущим). Но это не мешало разглядеть разительные перемены во внешности.

Марк решил, что нужно срочно идти в баню и умыться, как следует. Мало ли, может так спросонья разум шутит.

— А где тут банька? — поинтересовался он извиняющимся тоном.

— Во дворе. Увидишь, — вновь доброжелательно сообщила «горничная». Марк быстро направился к выходу, как вдруг услышал из-за спины возмущённый возглас.

— Стой! Одежду сними. Мне постирать её нужно.

Марк остановился и нерешительно обернулся. На лице у него проступил румянец, а нижняя губа слегка отвисла.

— Чего застыл? Раздевайся давай!

Марк без стеснений скинул чёрную, джинсовую куртку, стянул с себя футболку с принтом, снял кроссовки. Но стоило только оттянуть пояс джинсов, как в памяти тут же всплыло одно неловкое обстоятельство. На нём не было трусов. Те, что прибыли с Марком в новый мир, с треском разорвались, когда Блэк вытаскивал его из-под пуль.

— Ну и? — с ещё большей игривостью спросила «горничная». — Думаешь, я за твоими штанишками в баню побегу? Нет уж, увольте. Знаю я ваши уловочки. Зайду я, дверь закроете и начнёте мёдом уши заливать.

Марк отметил, что на самом деле «горничная» совсем не против того варианта развития событий, что только что описала. Да и вообще было видно, что мужским вниманием она не обделена. Это всегда бросается в глаза. Забитая и нелюдимая женщина — наверняка одинока и лишена поклонников. А вот весёлая и открытая к общению с мужчинами (даже с юнцами) — спроваживает толпы от своих ворот. А как иначе раскрепостить женщину, не дав ей полную свободу выбора?

Марк нерешительно стянул с пояса ремень. «Горничная» осознала, чего именно стесняется парнишка и отвернулась. Джинсы упали на пол, оголив волосатые бёдра и голени.

Поспешно стягивая носки, Марк бросил нечаянный взгляд в сторону «горничной». Из-под длинной и пышной юбки «невзначай» выглянули мускулистые икры. Бёдра, тоже «невзначай», раскачивались из стороны в сторону при каждом движении. Руки двигались плавно и воздушно, как не должны двигаться при готовке (если только повар не желает произвести впечатление).

Марк немного засмотрелся на «процесс готовки» и до последнего не замечал, что на него тоже засмотрелись. Дверца буфета, снабжённая зеркалом, была повернута как раз так, как требовалось «горничной», чтобы рассмотреть юношу во всей красе. Встретившись с Марком взглядом, она беззастенчиво подмигнула.

Тот вылетел из избушки как ошпаренный. Зажав обеими руками промежность, он пересёк двор со скоростью гепарда и на всём ходу влетел в предбанник.

Блэк встретил его удивлённым взглядом.

— Ты чего это?

— Да так, в неловкую ситуацию угодил, — запыхавшись, ответил Марк. В предбаннике стоял плотный туман, состоявший из смеси пара и дыма. Дыма приятного, чистого — видимо вырвавшегося из дровяной печи.

— Садись, — не-то предложил, не-то приказал Блэк, указывая на лавочку подле себя.

— Мне бы сполоснуться.

— Успеешь. Хлебни кваску местного! Ржаного! Али ты к Марусе торопишься?

— К какой Марусе? — удивлённо спросил Марк усаживаясь.

— Як к какой? От которой ты в чём мать родила вылетел.

— Так её Марусей зовут. Мы как-то познакомиться не успели.

— О молодёжь! Познакомиться не успели, а штаны уже на люстре. Завидую-завидую!

— Блэк, в самом деле, — раздражённо фыркнул Марк, взявшись за деревянную кружку с квасом. — Она моё шмотьё постирать обещала.

Блэк молча покивал, довольно улыбнулся и поднял свою кружку.

— Ну, будем, — сухо выдал он и стукнулся деревом об дерево. Квас солидно зашипел и вскоре направился в рот. Оба крякнули от удовольствия.

— Ты не думай, Маруська хоть и в годах, но баба хоть куда. И погуляет с тобой, и делу научит.

— Блэк, я женат. Мне не до Марусек.

— Это ты там женат, — нервно бросил Блэк. — А тут холост как ветер. К тому же я не детей тебе предлагаю тут строгать, а просто пообщаться. Нет у нас времени на детей. Сегодня тут переночуем, бельё посушим и в дорогу.

— Блэк, — оборвал Марк, — вопросы скопились.

— Это мы сейчас решим. От коровьего аромата тебя отмоем и решим. Бегом в парилку!

3

После водных процедур Марк и Блэк расслабились на лавочках в предбаннике. Маруся принесла им ещё кваса и целый тазик запеченных окорочков. Смачно жуя жирное мясо, Марк принялся задавать свои вопросы. И начал с последнего.

— Мне показалось, что я в зеркале выгляжу лет на шесть моложе.

— На восемь, — безэмоционально уточнил Блэк.

— На восемь?

— Примерно. Местные учёные, «Гильдия книжников, считают, что всех спящих откатывает лет на восемь назад. Они это как-то по детям вычислили. Как именно — не спрашивай! Что-то связанное с интеллектуальным развитием и физическими пропорциями. Типа: по росту — детский сад, средняя группа, по интеллекту — шестой класс общеобразовательной школы.

— Так сюда и дети попадают?

— И дети, и старики, и женщины. Даже трансгендеры. Насчёт животных не уверен. Хотя поговаривают, что кто-то с кошкой своей прибыл.

Марк отхлебнул кваса, подумал и спросил:

— А попадают сюда как?

Блэк закатил глаза и неохотно выдал:

— По-разному: героин, кокаин, белая горячка, чёрная магия, психические отклонения и прочая лабуда в этом роде. Я тебе уже говорил.

— Говорил, помню. Но не понимаю. Не понимаю и другого. При встрече ты выстрелил

мне в ногу. Зачем?

— Ох, ты подошёл к самой сути проблемы. Видишь ли, Спящие попадают в этот мир не с пустыми руками. Нас сюда забрасывает вместе с тем, что находилось рядом. Со всеми движимыми предметами в некотором радиусе. Каком именно? ХЗ. Всегда по-разному. Но это и не важно. Важны сами по себе те вещи, которые заносит сюда вместе с нами. Они имеют совершенно иную физику, нежели местные. Они не подвержены никакому влиянию, пока не окажутся в руках Спящего.

— В каком смысле?

— Если ты попал сюда с пистолетом, то можешь стрелять из него, сколько душе угодно, патроны не кончатся. При условии, что ты не попадёшь в себя или другого Спящего. Стоит пуле оставить на тебе хоть маленький след, и всё — в обойме на один патрон меньше. То же самое со скобами в степлере. Можешь сколько угодно ими пользоваться, хоть всю бумагу местную изведи, хоть всем местным в пальцы скобы засовывай — ни на одну не убавится. И даже если ты их просто вытащишь. Всё равно — вернутся в исходное состояние. Этим парадоксом и пользуются серые, когда Спящих выискивают. Степлерят всех, а на ком скобы не досчитаются — оп, пуля в лоб!

— Такая радость только с патронами и скобами?

— Да нет, со всем, что с нами попадает. С одеждой, например — отдай свою майку местным, и она станет семейной реликвией. Из поколения в поколение будет передаваться и ни на йоту не изменится. Испачкаться может, но после стирки вернёт прежний облик. А вот на тебе износится как обычно, год-другой и половая тряпка.

— Это от чего же?

— А кто знает? Загадка. Или магия. Или парадокс пересечения вселенных. Не знаю что это, зато знаю, как его применять. За дорого продавать то, без чего можешь обойтись. И ни за какие пряники не терять то, без чего не можешь.

— А что с бензином? Да и вообще, с горючим? Я видел, что у нас бак пустел, пока мы ехали.

— Да, с топливом всё грустно. У местных нет нефтяных вышек. И вообще, с добычей полезных ископаемых всё туго. Используют только то, что прилетает со Спящими. И местным, по большому счёту, хватает. А чего? Они же это истратить не могут. Будут на половине бака ехать до тех пор, пока геморрой из кресла не выдавит. Будут сливать с половины бака цистерны бензина, и края не увидят. Правда, сломать чего-нибудь могут, к примеру, бензонасос, и тут уж ничего не поделаешь, само не починится. Зато при эксплуатации техники по назначению не возникнет никаких проблем. Только мой от грязи и не врежайся в стены.

— А если Спящий оказался в машине?

— Думаю, ты понял. Топливо будет уходить по стандартам знакомый нам физики.

— А почему с пулями не так? С патронами, имею в виду.

— А почему солнце тут в одной точке висит? Ответишь? И я нет.

Марк понимающе покивал и после небольшой паузы спросил:

— Ты меня не просто так подобрал, верно?

Блэк хотел воспользоваться возникшей паузой и глотнул кваса. Но слова спутника заставили его поперхнуться. Багровея и откашливаясь, он пытался спросить что-то вроде: «О чём это ты?».

— Да ясное дело, о чём. Ты дал мне оружие, нарочно заехал в деревушку, чтобы

устроить кровавое побоище, закинул меня в ситуацию, где я должен был пройти крещение боем. И хочешь сказать, что я для тебя случайный попутчик? Я, конечно, наивен, как влюблённый в одноклассницу подросток, но не настолько же!

Вечно весёлые глаза Блэка посуровели. Он тяжело вдохнул, выпил ещё глоток кваса и кивнул головой.

— Верно. Пусть попутчик ты и случайный, но на тебя у меня есть планы. Появились. Сегодня. Когда ты троих замочил, а с одного клятву взял.

— Хочешь сказать, до этого ты на меня не рассчитывал?

Блэк усмехнулся и ответил:

— Не больше чем на огородное пугало. Прости за откровенность. Я собираюсь пройти через опасные места и вляпаться в опасные истории. И мне не мешает рядом рука способная стрелять. Но до сегодняшних событий я не был уверен, что ты вообще сможешь нажать на спуск.

Марк потупил взгляд, уставившись на тазик с печёными окорочками. Ему хотелось сказать что-нибудь резкое и обидное. Но нужные слова разбежались, оставив место кровавым картинкам из недалёкого прошлого. Блэк, очевидно учуял перемену в настроении товарища и похлопал его по плечу.

— Ты сделал всё правильно, парнишка. Бедную девочку бы до смерти загоняли эти уроды. Ты спас ей жизнь. Гордись этим! И избавил мир от потенциальных маньяков. Гордись и тем! При том нашёл в себе мужество взять клятву. Знаешь, как много юнцов гибло потому, что другому юнцу было страшно сделать два движения ножом? Ты настоящий солдат. И ты настоящий человек. Только псих может убить человека и спокойно жить дальше.

Марк поднял на Блэка взгляд полный боли и недоумения. Между двумя карими глазами, так же, как между чёрными строками, можно было прочесть один простой вопрос: «а ты?». И Блэк его прочёл.

— А я? Я уже своё отплакал. На моём счету столько, сколько тебе не увидать за всю жизнь. Меня, брат, крепко в этих местах приложило. Тридцать лет хожу по бурой траве, щурюсь от вечного заката. Даже больше, чем тридцать. И первые мои годы здесь были куда более жестокими. Сейчас все кричат: «Серые! Серые нас всех в могилу сведут!». А тогда и кричать было не о ком. Феодалные порядки, каждый сам себе господин. И каждый господин других господ прахом по ветру рассеять хочет. Стреляли все и во всех. А там ещё и рабы смуту подняли. Кровь лилась не литрами — цистернами. И кровь любая — и местная, и спящая. Некому было разбираться. Да и незачем. Все в одном котле варились.

Марк покивал. А как ещё на это следовало отреагировать? Разве что новым вопросом.

— И что ты сейчас намерен делать? Куда идёшь? Зачем? Вернее, за кем?

Блэк аж съёжился от слов Марка: «За кем? — да этот парень не так-то прост; видит всё издалека; хороший напарник, если только не утка подсадная».

— За кем? Хороший вопрос. Правильный. Но я тебе пока не скажу. Пока.

Марк невесело усмехнулся и демонстративно ухватился за жирный окорочок. Он не хотел есть, так как желудок неистово сопротивлялся. Но и продолжать беседу — тоже.

4

Маруся раздобыла для гостей одежду: брюки и косоворотки из мешковины цвета линялых джинсов. Не Версаче конечно, но ходить можно. Даже не стыдно.

К слову о стыде. Марку досталась пара трусов из тонкого льна. С непривычки длинные

«семейники» показались ежом за ширинкой (ещё бы, кроме хлопка вперемешку с полиэстером, этих частей тела прежде ничего не касалось).

Поле битвы расчистили местные жители. Трупы солдат частично раздели и побросали в кузов «Студебекера», (того самого, на котором приехали Блэк и Марк). Трофеи же аккуратно сложили во дворе у деда Макара, местного старейшины. Тот хорошо знал, кто вызвался в освободители их небольшой деревни, и знал, что те могли потребовать взамен. Потому рядом с грудой пулемётов, «Шмайсеров» и пистолетов, стояли две здоровенные канистры, до отказа заполненные горючим из бензобака «Студера». Канистры вмещали по сорок литров каждая. К слову, изначально в баке плескалась половина этого объёма.

Ещё местные жители позаботились о скромном провианте на дорожку. В узелок собрали сушёные фрукты, сухари и копчёную курицу. Не пожалели кинуть и пару бурдюков с ржаным квасом.

По деревне разносился запах костра и жареного мяса. Ценители наверняка узнали бы в нём нотки говядины. Притом, букет пряностей свёл бы с ума, и не в хорошем смысле — казалось, в готовку пустили всё, что только смогли найти на запыленных полках. Но дело обстояло несколько иначе. Убитую бурёнку, за чьей трёхцентнеровой тушей укрывался Блэк в перестрелке, разделили по всем дворам. (Не благородства ради; хзяин скотины был Спящим, и его, по понятным причинам, уже не было в живых). Вот и готовил каждый двор — кто во что горазд. Кто-то пытался коптить, кто-то варить, кто-то печь на углях. Отчаянные пытались изобразить подобие шашлыка — очевидно забыв, насколько жёстким он может получиться, если использовать говядину.

Со стороны могло показаться, что в деревне собираются закатить пир по случаю победы. Но на деле всё обстояло не так. Происходящие хлопоты были всего лишь попыткой отдышаться после того, как сдавливающие горло руки на секунду ослабли. Никто не сомневался в том, что серые ещё вернутся. И вернутся скоро.

Да, у большинства жителей хватит ума и смелости удрать отсюда. В основном это будут женщины. Но кое-кто останется. К примеру, дед Макар. Ему самому, и всем приближенным к его годам, проще умереть по прихоти оккупантов, чем пройти сотни тысяч шагов по безводной равнине.

Блэк склонился над расстеленным брезентом. На нём неровной горкой громоздилось всё трофейное оружие, что собрали по домам и дворам. В изобилие были «Пыпышки» и «Шмайсеры». В дефиците — пистолеты и «УЗИ». «Калашников» — только один. Но, что характерно, это был не образец сорок седьмого года, а его более поздний собрат — «АКС-74У». Его-то Блэк взял в первую очередь.

— Я возьму только оружие Спящих, — сказал он, отстегнув магазин.

— Да бери все, что мне с них? — махнул рукой дед Макар.

Блэк пересчитал вслух патроны.

— ... Двадцать восемь, двадцать девять. Тридцатый в стволе. Похоже, с «ГАИшником» сюда попал. Хотя, кто их знает... В смысле: «что с них»? Ты думаешь — война закончилась? Отсчитай двенадцать колоколов — и они явятся.

Дед Макар вздохнул, прочистил горло и тяжело произнёс:

— Явятся. А что делать? Кому воевать то? Бабам я не дам. Ишь чего! Вас спровадим, да в путь их соберу. Хай на *Райт* топают. Неча им здесь...

— Верно мыслишь, старик. Да только голышом девчат не отправляй. Дай каждой в зубы

по стволу. И стрелять научи! Сам то умеешь?

— А кто не умеет? У нас всякий, кто волос седой имеет, стрелял. Сам вон в зеркало глянь. Седой как пепел. Значит, знаешь наше время.

— Знаю, старик. Значит их научишь.

Прогремел выстрел. Эхо отразилось от железнодорожной насыпи и исчезло. В наспившей тишине звон в ушах стал громче тревожного набата.

— Так и думал, — удовлетворённо улыбнулся Блэк, вновь пересчитывая патроны. — Это то, что надо. Марк, проверь «УЗИ»!

Марк подошёл к брезенту, поднял сразу два маленьких пистолета-пулемёта. Магазины у этих малышей оказались куда удобнее, чем на «Калаше» — их не пришлось отстёгивать, чтобы узнать оставшееся количество патронов. С торца имелись круглые отверстия, закрытые прозрачным пластиком, сквозь которые виднелись непробитые капсюли. Через каждые пять отверстий стояла цифра, облегчающая подсчёт — «30, 25, 20, 15, 10, 5». В одном магазине пустовало только одно отверстие. В другом, ниже отметки «15» было ещё два капсюля.

Марк поднял обе руки вверх и выстрелил. Треск заполнил уши. Затяжной и противный. Когда он смолк, все почувствовали облегчение.

Марк вновь заглянул в отверстия на магазине.

— Все на месте.

— Отлично! Нам этого хватит, — с азартом сказал Блэк.

— Может одну «Пыпышку» возьмём? — предложил Марк, чувствуя, как заныло плечо отбитое отдачей.

Блэк с удивлением на него посмотрел. Он хотел съязвить что-то на тему: «Тебе понравилось видеть кишки своих врагов?» или «Так привязался к той, что лишила тебя девственности?». Но промолчал. А Марк добавил:

— Эта штука неудобная, зато мощная. Может нам понадобится грузовик обстрелять?

Блэк посмотрел с ещё большим удивлением, но теперь прибавил к нему нечто похожее на уважение.

— Ну что же, давай одну возьмём! Только их проверять не надо. Во-первых, как? Во-вторых, они почти все местные. Оригиналы все на заводах стоят, патронами безлимитными армии снабжают.

Марк попытался пристроить громоздкие «УЗИ» за поясом мешковатых брюк. Это не получилось настолько, что штанишки чуть было не слезли с бёдер. Осознав, что так с оружием поступить не получится, просто вернул его на брезент и принялся выбирать «Пыпышку». Блэк, по собственной инициативе, решил помочь.

— На, возьми этот, — протянул он Марку выбранный агрегат. — Ты с ним уже знаком.

Марк взял оружие, отметил некоторое его отличие от остальных и поднял стволом в воздух. Нажал на спуск. И ничего не произошло. Попытался передёрнуть затвор, но почувствовал, что механизм не поддаётся.

— Заклинило, — сквозь зубы сказал Марк.

— Не может быть, — возмущённо ответил Блэк и вырвал оружие из рук спутника. Он покрутил пулемёт, рассмотрел со всех сторон. А через мгновение выдал с радостной улыбкой:

— А, так он твой спаситель! Смотри-ка — пуля в диск попала. Вот только не нужно мне байки про рикошеты рассказывать. Стреляли прямо!

Марк, который и не собирался рассказывать байки про рикошеты, начал припоминать недавнюю перестрелку. Действительно, в него стреляли из пистолета. Действительно, пуля звякнула о металл. И действительно, после этого он остался жив, а пулемёт заклинило. Вспомнил и то, как швырнул оружие в коридор, опасаясь фатальных последствий перегрева ствола.

— Да, теперь ты обязан взять его с собой. Талисман, как ни крути. Вот только обоим придётся поменять. Эту долго чинить.

5

Заправить топливом решили второй «Студебекер», тот, у которого остались целыми все стёкла. И так, как заправкой занимался Спящий — стрелка указывающая уровень топлива в баке отклонилась вправо до упора.

Пока Марк заправлял и загружал машину, Блэк отправился с дедом Макаром и двумя седьмыми мужичками на равнину. Отправились на первом «Студере». И отправились не просто покататься.

Далеко за «золотым морем» они устроили погребальный костёр — сложили в кучу трупы солдат и солидно обдали напалмом из огнемётов. Тошнотворный, сладковатый аромат от пожарища разнёсся по всей округе, наплевав на направление ветра. Марк учуял его, несмотря на окружение бензиновых испарений.

Когда Блэк вернулся, у Марка всё было готово. Оружие уже лежало в походных сумках. Кроме «Пыпышки». Его пристроили за пассажирское сиденье. Рядом с ним лежали запасы провизии и комплект сменной одежды.

Очень интересный комплект — униформа серых солдат, собранная из не залитых кровью элементов. Трудно сказать, скольким солдатам эти вещи принадлежали раньше. Ещё труднее сказать — как они будут сидеть на новых владельцах. Да и будут ли когда-нибудь сидеть.

Всё было готово, но Блэк не спешил с отъездом. Бельё, развешанное в остывающей бане, ещё сохло. А он, очевидно, ни за что не согласился бы оставить свою шляпу. Дурацкую, совершенно не подходящую под джинсовый костюм и берцы, но горячо любимую.

Дед Макар тоже смекнул, что гости не уедут без своих порток, и потому пригласил к себе.

Избушка у старосты деревни была маленькая, да к тому же завалена разным хламом. Но места для четверых хватило. Вместе с Блэком и Марком в гости к деду Макару заглянула Маруся. Её, разумеется, никто не приглашал. Но и выгонять не стали.

Мужчины расселись вокруг маленького и низкого стола. Маруся, по просьбе хозяина дома, хлопотала насчёт угощения, выгребая из запасов деда Макара всё съестное. Так на столе очутились три банки варенья, орехи залитые мёдом, нарезанная буженина и то, что хозяин дома назвал чесночной колбасой. Не обошлось и без алкоголя — в прозрачном графине плескалась мутная жижа, до которой гости добрались лишь в самом конце.

А пока все аппетитно ели, Маруся непрерывно улыбалась Марку, то и дело демонстрировала глубокое декольте. Поворачиваясь за очередным угощением, она ни разу не преминула возможностью покачать бёдрами. А о возможности прикоснуться к юноше, лучше вообще промолчать.

Марк всё это замечал, но старался не реагировать. Он думал о том, что в деревне совсем нет молодых мужчин. Думал о том, что совсем недавно Марусю могли обижать солдаты. Думал, что сильно обидит ее, если резко оборвёт попытки соблазнения.

Впрочем, что-то не клеилось в поведении женщины в свете последних событий. И у Марка стали назревать вопросы.

— Дед Макар, а где все мужики ваши? — собравшись с мыслями, спросил он. — Такие поля, такое хозяйство! Неужто всё на трёх стариках держится?

Дед Макар подумал и ответил грустно:

— Известно где... Кто за бабу свою заступился, кто за корову. Серые с этим быстро. Чуть что не по-ихнему... И всё! Кого не убили, тех в грузовик и к себе на базу.

— На базу? Концлагерь у них там что ли?

— Своего рода, — вмешался Блэк. — Это и их порт, и их база, и концлагерь, и столица, и промышленный центр. Всё в купе. Колыбель серой заразы.

— Да, колыбель, — грустно согласился дед Макар. — Там эта нечисть собирается. Там плодиться.

— А кто они такие? Откуда взялись? Я знаю, что они Спящих выискивают. Но что ещё они хотят? Весь ваш мир захватить?

— А что ещё? — ухмыльнулся дед Макар. — Захватить и вычистить от Спящих. И не только. И ведьм они всех сжечь хотят. И оборотней лесных. И Белые Вершины вычистить.

— Оборотней? — с сарказмом уточнил Марк.

— Оборотней, — кивнул Блэк. — Только это не совсем те ребята, о которых ты подумал. Это не люди что в полнолуние превращаются в зверей. Это монстры, которые превращаются в ещё более страшных монстров. Это гигантские звери, способные трансформироваться в спрутов пожирающих всё, что только движется. Одни похожи на медведей, другие на птиц, третьи на динозавров. И все они способны в секунду потерять свой облик, превратившись в нечто бесформенное, склизкое и ужасающее. Нечто с тысячью щупалец и сотней ртов. Ни на что не похожее. Но незабываемое!

— Люди среди них тоже есть, — заметил дед Макар.

— Это не люди, — возразил Блэк. — Это твари напоминающие людей. Но они не живут как люди, не общаются с людьми и не понимают ценности человеческой жизни. Для них мы обед на блюдечке, за которым даже гоняться не нужно. Нарисуй для человека указательный знак в лесу, протопчи дорожку, и он сам на обед пожалует. Это твари, которые обладают человеческим интеллектом, но используют его по-звериному.

— Да-да, — мрачно подтвердил Макар. — И серые хотят их всех истребить. Это смысл жизни серых — уничтожить всё инородное на материке. Всё, что не укладывается в их понимание о бытии — уничтожить. Нечисть — уничтожить. Спящих — уничтожить. Ведьм — уничтожить. Порталы — уничтожить. Оставить только зверьё в лесах, скот на пастбищах да людей из местных.

— А с чего такой расизм, позвольте узнать?

— А шут знает. Идея. Идеология! Тфу! Чёрт бы их в пучину утащил. Нужно же народ вокруг чего-то сколотить. Не скажешь же народу прямо: «Надоел нам Блэкред, давайте сожжём его со всею свитой!».

Повисло молчание. Блэк впился напряжённым взглядом в Марка. Марк заметил это краем глаза, но предпочёл проигнорировать. Он хорошо помнил недавние бредни Блэка, что пробивались сквозь заснувшее сознание. И хорошо помнил, как тот произносил имя Блэкреда.

— Кто такой Блэкред? — заговорщическим тоном спросил Марк у деда Макара.

Тот прищурился и ответил вопросом на вопрос.

— Ты, видимо, новенький. Совсем ничего не знаешь. Даже Блэккреда не знаешь. Его-то всякий знать должен. Чай не купец из Бэк-порта.

— Да, новенький, — честно сознался Марк. — Но имя Блэккреда уже слышал. Правда, не помню от кого и почему.

— Чёрно-красный кардинал, — внезапно выдал Блэкблю. — Негласный лидер всех домов и главнокомандующий армии Спящих. Ферзь на чёрно-красной доске материка. Единственный ферзь в этой партии. Тиран и диктатор. Инициатор кровавых расправ и вершитель судеб. Плач матерей и ужас отцов.

— Это ваш король? — с нескрываемым сарказмом уточнил Марк.

— Нет-нет, — перебивая всех, затараторила Маруся. — У нас нет королей. Нет царей. И президентов нет. Каждый хозяин своей земли и своей судьбы.

— Да, почти, — улыбнулся Блэк. — Царя и правда — нет. Зато царьков — прорва. Каждый, у кого денег чуть больше, царьком становится, загребаёт и земли, и души. Этакая смесь капитализма с феодальным строем. И всё под эгидой свободы личности. Вот только появляются ребята с мозгами поумнее и находят точки давления на таких царьков. Блэкред по наследству владеет совсем небольшим уделом. Но плетёт интриги, набирает средства и силы и подчиняет себе тысячи, если не стони тысяч, царьков. Графов, как мы их называем. Они формально независимы. Но реально... Реально — мочатся в штаны от одного имени своего патрона. И, как ты понимаешь, не всем такой патрон угоден. Против Блэккреда собираются коалиции. Причём, самого разного толка. А он, по сей день, успешно их разобщает. А кого не может разобщить — ставит на колени армией Спящих. В этом смысле серые — всего лишь очередная коалиция, собранная против диктатуры кардинала. На сегодняшний день — самая сильная. И неудивительно, что серые выбрали своим идеологическим врагом Спящих: Блэкред — из Спящих, большинство графов — из Спящих, верхушка «Гильдии книжников» — из Спящих. Про армию Спящих и говорить нечего. Из названия всё понятно.

— А серые, — перебил Марк, — почему вы их так называете? Из-за формы солдат?

— Нет, это они сами себя так назвали, — с раздражением оставил прежнюю тему Блэк. — В противовес Спящим. Мы же носим имена по английскому названию цветов. Первая часть имени, своего рода, фамилия. Немного шире, на самом деле, но не об этом сейчас. Вторая часть, второй цвет, личное имя. Блэкблю — Блю из дома Блэков, если сказать иначе. А серые, в свою очередь, назвались так в утверждение превосходства местного языка. Причём они делают особый акцент на том, чтобы их название всегда писали с маленькой буквы — как определение цвета, а не имя собственное. Снова в противовес Спящим. И цвет выбран не случайно — дома «Грей» не существует. Был когда-то. Возможно, был. Но не оставил о себе никакой памяти. И в качестве имени собственного — «Грей» даётся редко. Это своего рода клеймо, а не имя. Спящие так называют предателей, отщепенцев, отшельников и перебежчиков. Серый — как цвет неопределённости, пограничное состояние между чёрным и белым. Для самих серых — это символ отделённости от системы. Прямой укол в глаза, говорящий о чуждости взглядов.

Марк покивал, давая понять, что это усвоил и тут же спросил:

— Блэк, Блэкред, Блэкблю — ты как-то связан с этим кардиналом?

Блэк вмиг побагровел. Глаза зло сверкнули, лицо перекосила недружелюбная гримаса. Воздержавшись от комментариев, он взял со стола графин с мутной жижей, открыл и плеснул добрую порцию в деревянную кружку. Раздалось деловитое шипение. Очевидно, в

кружке ещё оставался квас. Блэк в один присест заглотившийся «Ёрш».

Марк впился в товарища взглядом, желая выудить ответ. Но ничего, кроме звучной отрывки, не услышал.

Маруся заметила невесёлую ситуацию и защебетала по птичьему:

— Мальчишки-мальчишки, а не пора ли нам всем выпить? По рюмке, не больше. На сон грядущий. Я так понимаю, вы скоро на боковую. Так давайте же, для крепкого сна!

— И бодрого пробуждения, — с натянутой улыбкой вставил Блэк, подтягивая к себе кружки собеседников. Маруся тоже не захотела оставаться в стороне. Она вынула из-под верстака гранёный стакан и пристроила рядом с кружками. Блэк разлил всем понемногу. Всем, кроме себя. Себе не налил ни капли. Но и графин, заполненный на треть, из рук не выпускал.

— За успех в наших путях! — громко крикнул Блэк. Все разобрали свои ёмкости и занесли для столкновения. Блэк без стеснения чокнулся графином и жадно приложился к его горлышку. Все бросили на него короткий взгляд, полный осуждения. Но ничего не сказали.

Марк заглотив то, что было в кружке. Одним глотком, как водку. И очень сильно пожалел об этом. Жижка, хоть и ударила в нос крепким градусом, оказалась на удивление вкусной и приятной. Она пахла пшеницей и имела привкус молодой кукурузы (той самой, белой, что можно сорвать с куста и тут же съесть, совсем без варки). И была приятно сладковатой. Такой алкоголь совершенно не хотелось закусывать. Да и не хотелось пить большими глотками. Вкусовые рецепторы прямо требовали смаковать этот нектар, как смакууют хороший коньяк. Или пить залпом, заглатывая за раз по пятьдесят грамм, как это делал Блэкблю.

Крепкий градус сразу дал о себе знать. Губы онемели, в голове зашумело, а взгляд потерял способность фокусироваться. Но не всем теперь требовалась фокусировка. Блэк опустил голову на грудь и мешком повалился на бок. Благо рядом с ним, накрытая брезентом, покоилась куча тряпья (по-видимому, трофейного). Блэк повалился на эту кучу, откинул расслабленную челюсть и через минуту захрапел.

— Марк, голубчик, пойдём ко мне! У меня поспи, — ожидаемо предложила Маруся. Марк огляделся, посмотрел на груды хлама в узкой избушке и понял, что тут ему негде приклонить голову. С другой стороны, идти спать к той, что весь день трясёт перед тобой бёдрами, идея так себе, если ты женат и хочешь сохранить верность.

Новоиспеченный Спящий взглянул на деда Макара, ожидая от того какой-либо поддержки. И получил её. Старик одобрительно кивнул. В этот момент вкусная жидкость подействовала с новой силой. Моральный барьер разбился вдребезги. Этот барьер, словно калёное стекло, выдержало все атаки в лоб. Натиски, тараны, катапульты и молоты. Но алкоголь, точно так же, как Эфиальт при Фермопильском сражении, указал обходной путь. Это калёное стекло нельзя пробить в лоб, как нельзя пробить в лоб Спартанскую фалангу. Зато один маленький удар в торец (не надо даже молотом, достаточно кольца на пальце), и стекло покроется сеткой трещин. А треснутое оно не выдержит и удара кулаком.

Так и случилось. Хмельной и глупо улыбающийся Марк не смог отказать Марусе. Ни тогда, когда она приподняла его из-за стола. Ни тогда, когда под руку отвела к себе в избу. Ни тогда, когда раздела его догола. Ни тогда, когда добила своё.

После того, как всё уже случилось, Марк начал приходить в себя. Совершенно голая Маруся прижалась обвисшими грудями к его животу и тяжело дышала. Совесть дикой болью

сдавила сердце, напоминая о той, кто также прижимается к нему в реальном мире.

Да, технически он не изменил. Это всего лишь сон, астральная реальность. Что происходит тут, остаётся тут. Но с другой стороны — он чувствовал всё как наяву. И удовольствие получил как наяву.

— «Ну что ты несешь? — спорил Марк с собственным разумом. — Какая же это измена? Просто приснилось, как я осчастливил милфу. Тоже мне. В первый раз, что ли? Когда Лина болела целый месяц, мне кто и что только не снилось! Да и, по большому счёту, не такой я уж праведник: нет-нет да засмотрюсь на чью-нибудь юбку. А бывает, и представлю, как задираю эту самую юбку. Так что изменилось то теперь?»

Но совесть эти аргументы совсем не утешали. Тогда Марк решил отвлечься. И сделать это он решил единственным известным способом — начать задавать вопросы.

— Ты замужем? — спросил он, будто невпопад.

— Была когда-то. Давно. А что?

— Да так, хочу узнать, не обидели ли тебя серые.

— Ах, вон ты о чём? А я-то думала, захочешь узнать, где я таким штучкам научилась. Так то́ точно не от мужа. От него кроме пьянок да драк ничего не получала.

— Развелась?

— Ушёл. В Сан-порт, кажется. Не знаю точно. Тринадцать *вех* его не видела. Может убили уже. Он из Спящих был. Браунгрин звали. А серые — нет. Не обижали. Я их офицеру приглянулась. Вот и получила покровительство. Правда — это всё, что я получила.

— В каком смысле?

— Да импотент он был. Старый импотент. Что с него взять? Только то и делал, что мои пироги трескал. Боров жирный.

Марк слегка улыбнулся. Конечно, он был рад, что Марусю не обидели. Её он ни в чём не винил, а потому и радовался как за друга. В том, что они лежат голые в обнимку, виноватым он считал только себя (а мог бы предположить влияние третьей силы).

— Уезжайте завтра! — С грустью приказал Марк.

— Завтра? Ох уж этот ваш жаргон. Через *круг* — ты, наверное, имел в виду.

Марк вспомнил, что солнце здесь стоит на одном месте, постоянно. Стало быть, дни могли считать совсем по-другому. Да и днями не называть. Как день отличить от ночи, если из поколение в поколение солнце не садиться?

— Через круг, — согласился он. — А как вы тут время считаете? Часы, дни, месяцы, годы?

Маруся напряглась и приподнялась на локтях. Это доставило боль Марку, так как один из локтей упёрся в его рёбра.

— Ты серьёзно? — удивилась она.

— Вполне. Я тут пару дней... Кругов... Короче, не знаю ничего.

— И про то, чем Спящие отличаются от местных, тоже не знаешь?

— Нет, ничего не знаю. Знаю только, что Спящих тут много, и что они костью в горле встали у серых. Ну и то, что солнце тут никогда не заходит. В общем — всё.

— Да, и, наверное, знаешь, что ваше оружие здесь бесконечно стреляет.

— Да, это знаю.

— А про время не знаешь...

— Нет, — уже с некоторым раздражением ответил Марк.

— Ладно, это просто. Самая маленькая единица измерения — капля. У нас вместе

ваших часов, — Маруся указала на запястье Марка, — устройство, откуда вода капает по капле. Дорогое устройство, у нас на деревне одно, у старейшины. Потому как изготавливают и настраивают его мастера только в Сан-порте. И больше нигде. Капля примерно равна скорости одного шага давно идущего человека. Это примерно. Точно каплю только по другой капле настраивают. Так вот — двенадцать тысяч *капель* — это один *колокол*. Шесть *колоколов* — это *круг*. Двенадцать *кругов* — *поклон*, шесть *поклонов* — *жертва*, двенадцать *жертв* — *веха*. Всё очень просто — двенадцать — шесть, двенадцать — шесть, двенадцать.

— Думаю, это надо записать. Я так не запомню.

— Зачем записывать? Ты *оборотник* купи. У старейшины наверняка лишний будет. У нас за временем только он и следит. Он команды на подъём и на отбой даёт. Он нам о *кругах* отдыха сообщает. Он же и на *поклон* собирает.

— А кому поклоняетесь?

— Да кто кому. Кто во что верит, тому и поклоняется. Кто верит в Вечную, кланяется вечной. Кто верит в духов — те духам. Спящие тоже кланяются — кто Богу, кто Аллаху. Но не все. Некоторые собираются для приличия и стоят, смотрят. Наверное в Тьму верят. У нас многие Тьме верят. А как не верить, если из всех божеств она громче всех говорит. И поклонов не просит. И вообще ничего не просит, только даёт.

Марк понял, что ему это рано слышать. Инстинктивный, суеверный страх стал терзать его, наводя на нехорошие рассуждения. Он приблизился к тонкой грани того, чего не понимает и пока не желает понять. Осознав это, Марк предпочёл сменить тему.

— А большой он, Материк?

— Очень. Из конца в конец, наверное, три *вехи* идти. Не знаю точно. Знаю только, что длина Великой Магистрали одиннадцать миллионов шагов.

— А что такое Великая Магистраль?

Маруся зевнула и ответила слабым голосом:

— Железная дорога. На Лэфт от нас. Проснёмся — покажу.

Марк подумал, что не стоит. Вид этой железнодорожной насыпи ему уже осточертел.

Вскоре дыхание Маруси стало мерным и глубоким. Марк понял, что она уснула. Алкоголь уже перестал действовать и сон всё не шёл. С каждой секундой (или как там у них, каплей?) лежать не двигаясь становилось всё тяжелее. Затекала придавленная рука, зачесалось под лопаткой, стало жарко ступням. Пошевелиться — означало разбудить Марусю. А этого Марку совсем не хотелось. Да, они только познакомились и скоро расстанутся. Да, они не были близки по духу, а без алкоголя не приблизились бы телами. Но Марка всё равно заполнял благоговейный трепет от прикосновения этой немолодой женщине. Не молодой, но очень хорошей собой.

Марк устался в потолок и прислушался к своим ощущениям. Сердце замедлило стук. Лёгкие с жадностью втягивали в себя прохладу. Бедро чувствовало прикосновение твёрдой и гладкой коленки. Живот ощущал тяжесть женской головки и теплоту дыхания. Грудь приятно щекотал шёлк длинных волос.

Это было чертовски приятно. От наслаждения Марк прикрыл глаза. Лишь на мгновение. И сразу открыл.

Ничего, вроде бы, не изменилось. Лёгкие по-прежнему втягивали в себя прохладу. Бедро, по-прежнему, чувствовало прикосновение твёрдой и гладкой коленки. Живот, по-прежнему, ощущал тяжесть женской головки и теплоту дыхания. Грудь, по-прежнему, приятно щекотал шёлк длинных волос. Вот только над головой теперь был гляцевый

натяжной потолок, а не деревянные балки. И солнце заливало комнату ярким, жёлтым светом, а не тусклым багрянцем.

*Тайнами заката исчезает время,
Улетают звёзды, вокруг растут цветы.
Я не знаю, сколько времени мне нужно,
Для того, чтобы опять в себя прийти*

*Сколько на моей душе осталось места?
Забирает её кто-то по кускам.
Я ломаю руки о стены веры,
Забывая кто на самом деле сам*

Группа MONOLOG METRO — Сон

1

В первый день после отпуска работать хочется меньше всего. Пусть отпуск был не запланированным и коротким, но своё дело сделал — рабочее настроение напрочь отбил.

Марк, не спеша и лениво, ворочал инструментом и часто бегал к кофейному аппарату. Встречи с последним вызвали нестерпимое желание сбежать ещё кое-куда. К белому престолу. И там, в царственном одиночестве, потрясая скипетром, обхватив рулон туалетной бумаги, точно державу — насладиться опустошением мочевого пузыря.

А что? Когда никто не видит и некуда спешить — можно и сидя справить малую нужду.

Виктория не соврала — работы действительно прибавилось. Саша, коллега по цеху, без малейших колебаний передавал все звонки Марку, дабы тот составлял свой план на месяц. Да и без звонков — во дворе, перед въездами в боксы, стояла очередь из тех, кому «по-быстрому», «по-братски», «если появится минутка».

Менять резину ещё не спешили. За исключением одного, совсем плачевного случая. Клиент на поддержанной иномарке скатал покрышки до такой степени, что на них вылезло шишек больше, чем на стометровой ёлке. *(Да как он доехал вообще?)*

Менеджер Виктория старалась не попадаться на глаза Марку. И это было взаимно. Они пересеклись взглядами рано утром, до начала смены, поздоровались, натянули фальшивые улыбки и разошлись в разные стороны.

Пережитое во сне немного тревожило Марка. Он был верен своей супруге, принципиально. Не потому, что так сильно любил. Не потому, что уважал. Не потому, что боялся потерять. Это всё, разумеется, было так, но не определяло мотивов преданности.

Таковым мотивом, на самом деле, было упёртое желание доказать всему миру, что он, Марк Вяткин, выходец из неблагополучной семьи, сможет создать стабильную ячейку общества. Стабильную, надёжную и счастливую.

Лёгкость, с которой он переступил через себя во сне, пугала. Где гарантия того, что в этом мире ему не подольют водки в сок, а потом не разведут на интим? Да он и без коварных подливов может напиться в дрова (если только не приехал на машине).

После сытного обеда, Марка начало клонить в сон. Это ощущение было ему совсем незнакомо — как можно спать на рабочем месте? Но расслабленное состояние, помноженное на чувство лёгкой безнаказанности, толкнуло пойти на провокацию. Марк опустил рулонные ворота, отрезав бокс от внешнего мира, поставил таймер на час и растянулся на промасленном диванчике, что пылился в углу, ожидая задницы клиентов.

В избушке никого не было. Та половина кровати, на которой спала Маруся, давно остыла. Остыла и глиняная печь. Остыл и скромный завтрак, что лежал на кухонном столе.

Марк решил не выяснять, куда делась его «пассия на одну ночь». Он подошёл к столу, быстро расправился с подсохшей болтуней из двух яиц (*какая гадость, хоть бы посолила*) и запил терпкой жижей, отдалённо напоминавшей кофе. А затем направился в баню, где омылся еле тёплой водой и нарядился в собственную одежду.

Наслаждаясь прикосновением ветра к влажной коже, Марк закрыл глаза и по памяти вышел из двора. А когда вновь прозрел, то от удивления чуть было не подпрыгнул. «Студер» исчез. Тот самый, который он целую ночь (*или целый круг?*) снаряжал. А вместе с ним исчезла и вся жизнь из маленькой деревни. Не чадил дымом трубы над избушками, не бродили коровы по загонам, не горел свет в окнах. Да и случайного прохожего не было. Нигде. Кроме избы старейшины. Там был весь комплект — и дым из трубы, и свет в окнах, и коровы во дворе (целый табун коров).

За неимением выбора, Марк поплёлся к дому старейшины.

— Здорово паренёк. Никак, хмель голову замучил? — добродушно поинтересовался дед Макар. Марк неуклюже протиснулся между двумя коровами, чтобы подойти поближе к крыльцу. Старейшина расселся на ступеньках и мирно попыхивал трубочкой. В воздухе снова завоняла нестиранными носками.

— А куда все делись? — поинтересовался Марк, хотя уже догадывался об ответе.

— Як куда? Ды умчали. По вашему же совету и умчали.

— По нашему совету и на нашем же грузовике, — буркнул Марк.

— Но-но, не бузи! Не на вашем. Ваш вон стоит, — дед Макар указал рукой за калитку. Где-то там, вероятно, стоял первый «Студебекер».

— Этот наш, значит? А в поход грузил я тот. И никто ни слова! А как тот снаряжённым стал, так сразу планы поменялись. Так выходит?

Дед Макар насупился.

— Ды за кого ты нас держишь? Чтобы мы за добро подлостью?! Никогда! Вон возле вашего грузовика две полные канистры стоят. Мы бы и залили сами, ды толку с того не будет.

— А оружие, что я погрузил? А шмотки?

— Всё перенесли и уложили так же. Ды не злись ты на нас. Мы ж за ради бабонек наших заморочились. Их полный кузов набился. А в вашем кузове трупами воняет. Вчера ж возили. Ну пойми ты нас и их — как до Белых Вершин ехать в такой вонизме? То ж пути ни на *круг*, ды ни на два. То ж до второго поклона ехать. Если путь боги устроят. Ды и лавки там оторваны, и жерди погнуты, и стёкла побиты. Смилуйся ты над стариками, что за руль сели. С ветром в лицо они не доедут, с простудой слягут. А кто без них доведёт?

Марк мельком вспомнил Марусю. Да, близки они не стали (разве что физически), но она была к нему добра и хорошо позаботилась. Одежду постирала, трижды покормила, спать уложила да баньку согрела. Ненавидеть её — повода не было (*или был? разве не она тебя вокруг пальца обвела?*), а вот ответить добром на добро — повод был. Плюс ко всему — уехал грузовик давно, и без особой причины гнаться за ним Блэк не станет. А без Блэка — говорить не о чем.

— А они с собой воды взяли? — спросил Марк, всё ещё держащий в памяти Марусю.

— И воды шесть бочек, и еды кулёчек. И оружие не забыли. Не бойсь, не пропадут.

Марк расслабленно покивал. Он был рад, что жители деревушки покинули насиженное место. Ещё больше был рад тому, что покинули его не с пустыми руками. Да, на новом месте придётся туго — начинать всё с нуля. Но это лучше, чем жить, уповая на милость вооружённых захватчиков.

— Ты один остался, дед Макар?

— Ды нет. Тут ещё Сарочка осталась, Михайло, Броня. Отчаянные головы! Но а чег им? Чего спасать? Жизни им той осталось — *круг-другой*. А так, глядишь, коровок сбережём, посевы уберём, ды птице разбрестись не позволим. Может не для своих. А хотя, вдруг вернуться? Как думаешь, могут вернуться? Потом, когда серые отстанут?

Марк хотел подбодрить старейшину, но язык не повернулся сказать хоть слово. Всё, что удалось выдать — неуверенное пожатие плечами.

Старик опечалился ещё сильнее. Трубка, забытая в пальцах, выскользнула и шлёпнулась на вытоптаный пяточок земли. Зола и тлеющий лист выпали из неё и покраснели от дуновения ветра. Дед Макар поднял трубку и без сожаления растоптал тлеющую крошку тяжёлым сапогом.

— Пусть бы и нет, — задумчиво произнёс старейшина. — Лишь бы жизнь гладко устроилась. Марк молча согласился и похлопал старика по плечу.

Когда Блэк проснулся, у Марка снова всё было готово. «Студер» был заправлен, провизия проверена и арсенал пересчитан. Даже удалось немного поправить изогнутые жерди, дабы тент не смотрелся так убого.

Блэк, на удивление бодрый с похмелья, попрощался с дедом Макаром:

— Бывай, отец!

Тот пожал мозолистую руку и молча отвернулся. Марк не удосужился на подобный жест. Он забрался в кабину, завёл двигатель и, пользуясь заминкой, заткнул дыры в лобовом стекле обрывками ветоши.

Внезапно открылась дверь со стороны пассажира

— Давай, трогай! — бросил Блэк. Пока Марк мучился с включением первой передачи, тот уже комфортно разместился в кресле.

— Почему на первой? — вскинул удивлённые брови Блэк.

— Как почему? Потому что только тронулись, — ответил Марк, чувствуя подвох. Опустевшие дворы мерно поплыли за окнами.

— «Студер» трогается со второй, — с обыкновенной лукавой улыбкой сказал Блэк. — Первая нужна будет, если дождём землю размочит. Так что, давай, не насилуй движок!

Марк переключился на вторую передачу, и грузовик побежал быстрее. Очень скоро за спиной остался последний двор, а просёлочная дорога сменилась укатанной колеёй. Слева, в просветах между рядами плодовых деревьев, снова можно было разглядеть старую спутницу — железнодорожную насыпь.

3

Марк клюнул носом через несколько минут, после того как ряды деревьев скрылись из виду. Сначала он не придал этому значения (*да нет, я просто отвлёкся на секунду*). Но после понял, что дела его плохи. В глазах резко потемнело, в ушах раздался писк — протяжный, как сигнал профилактики телеканала. Он понял, что теряет контроль над телом (*и в то же время его обретает*). Единственное, что он считал необходимым сделать, перед тем как тьма и звон поглотят сознание, так это остановить грузовик.

Марк выжал педаль тормоза до упора (очевидно забыл, что такая техника не снабжена антиблокировочной системой) и, не дожидаясь полной остановки, потянулся к рычагу ручного тормоза. Но так и не смог привести его в действие. Пальцы скользнули по рукоятки и свисли с ослабевшей кисти, как отрывные номера с бумажного объявления.

Машины накренило и повело в сторону. Мотор заглох (*кто бы про сцепление вспомнил*), но инерция ещё толкала вперёд.

К счастью, даже по проторенной колее Марк не ехал больше сорока тысяч шагов (примерно тридцать километров) в час. Потому широкие, двухосные колёса зарылись в грунт. Грузовик замер на месте, лишь немного сойдя с раскатанных полос.

— Эй, вставай, соня, — кто-то мягко шлёпал Марка по щекам. — Вставай, говорю, пока Вика не видит.

Марк недовольно поморщился и приоткрыл глаза. Рулонные ворота в боксе были подняты. Перед ним, поклонившись в пояс, стоял Сашка — коллега из второго бокса.

— Ты вообще как? В порядке? Может скорую вызвать?

— Да нормально, не выспался ночью. Сны дурацкие мучают.

— Ты смотри, Вика застучает — вышвырнет с концами.

— Ой, да пошла она... — отмахнулся Марк.

— Пойдёт, вместе с тобой и пойдёт. Главный вчера приезжал. Сказал, что больше не потерпит, чтобы бокс без дела стоял. Прямо Вике и заявил — сдам в аренду, человек, мол, очень просит. А её вместе с тобой вышвырнут отсюда. Вот и все дела.

— С какого перепуга её турнут?

— С самого обыкновенного. Без тебя она тут — пятое колесо в телеге. Так она хоть очередь рулит, нагрузку распределяет, за скоростью следит. А тебя не будет, чем ей заниматься? Меня гонять не надо, со своими клиентами я сам разберусь. Так что...

— Подожди, она же ещё закупками занимается.

Сашка брызнул смешком.

— Не смейся! Сам знаешь, как это делается — два клика в компе, один звонок, и поставщик всё привезёт. Накинь нашему продавцу пятнадцать к зарплате, и он сам с радостью этим займётся.

— За пятнадцать и я бы занялся.

— Вот то-то же!

Марк поднялся с дивана, прохрустев всеми существующими в теле суставами. Сашка с наивной улыбкой потрепал его волосы, хлопнул по плечу и вышел.

— Спасибо что предупредил! — крикнул ему вслед Марк. Тот не обернулся, развёл руками и скрылся в пятне света.

«Теперь понятно, почему Виктория до сих пор меня не уволила, — подумал Марк».

Он вышел вслед за Сашкой, зажмурил глаза от яркого солнца, а когда чуть приспособился, посмотрел на очередь из «по-быстрому», «по-братски» и «если появится минутка». Минутка, похоже, появилась. И появилась сразу возможность заработать сверхурочные.

4

Этой ночью он снова уснул рано, чем немного обидел Лину, ведь сегодня была её очередь выбирать фильм. Но она нашла в себе силы простить мужа. В конце концов, и с ней бывало подобное. Потому, пока Марк мирно похрапывал, витая в собственных грёзах, Лина погрузилась в грёзы сценаристов и режиссеров.

Грузовик стоял как-то странно. Полубоком, по отношению к колее. Вот только места остановки Марк не узнавал. Да, та же бурая трава вокруг и насыпь сбоку. Но там, где он остановился, было всё по-другому. Чёрт, да и он сам сидел на другом месте — не на пассажирском, а на водительском.

Блэк, уткнувшись лицом в руль, нехорошо посапывал. И Марк сразу понял почему. С руля свисали запёкшиеся капли крови, и по штанине расплзлось багрово-бурое пятно.

Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что произошло. Блэк вырубился точно так же, как Марк — неожиданно и быстро. Успел затормозить, но не так мягко. Должно быть, скорость держал больше. Лицом впечатался в руль. Расквасил нос. Но в сознание не пришёл.

«А как я-то уцелел?» — подумал Марк. И сразу же обнаружил ответ. Блэк применил к товарищу его же затею — прихватил к спинке кресла лямками от вещмешка.

На поверку, ранения Блэка оказались не столь серьёзными. Пятно крови на джинсах, двойная сплошная линия на руле (*опять же из крови*) и вымазанный подбородок (*опять же в крови*). Ну и два симметричных синяка под глазами — а-ля панда. В целом, всё обошлось (*страшно представить, что будет, если грузовик перевернётся*).

Марк перетащил товарища на своё место, приладил к нему «ремень безопасности» и сел за руль.

Немного побрезговав кровью, Марк вынул кусок ветоши из дыры в лобовом стекле, смочил (*какая оскорбительная трата*) квасом из своего красного термоса и протёр руль. Приступ брезгливости отошёл, а ветошь вернулась на прежнее место.

По колее ехать было намного веселее, чем лавировать между валунов. Отсутствие последних на пути, явно свидетельствовало о том, что дорогу расчищали. А раздавленные в пыль камешки объясняли то, что расчисткой занимались совсем недавно. Причём с применением гусеничной техники.

— «Неужели танки?» — с ужасом подумал Марк. И, словно в подтверждение его страшных догадок, колея приобрела отчётливо-рифлёное покрытие, которое оставляет железные гусеницы.

Марк притормозил и увидел, что кое-где следы гусениц пересекают отпечатки солдатских ботинок — тоже рифлёные. И, судя по направлению отпечатков, направлялась эта шумная компания туда, куда ехал Марк на своём «Студере».

Блэк очнулся не скоро. К этому моменту Марк так осмелел за рулём, что стал держать скорость шестьдесят (*если мерить тысячами шагов*).

Первым делом бывалый Спящий привёл лицо в порядок. Для этого он не пожалел ни воды из бурдюка, ни дверей «Студебекера». Прямо на ходу и высунулся наружу, решил экстремально умыться.

— Значит так, днём едим только тогда, когда оба не спим, — выдал он безапелляционное заявление, когда захлопнул дверь. — Ночью можешь ехать, если уснул первым. Но только в том случае, если уверен, что тебя будить не будут.

Марк согласно покивал. Два синяка вокруг глаз товарища служили бесспорным аргументом.

— Слушай, а калия всё не кончается, — заметил Блэк. На что Марк высказал своё предположение, подкреплённое визуальными следами гусеничной техники.

— Танки? Нет, у серых нет танков, — возразил Блэк.

— Значит БМП или ещё какая-то машина на гусеницах, — парировал Марк.

— Вряд ли. У серых таких штук всего ничего. И все в авангарде сил. А тут авангардом не пахнет. Скорее разведка.

— Или скрытое передвижение большой колонны, — намерено зажевав слова, таинственно произнёс Марк.

— Что ты имеешь в виду?

— Допустим, поезд остановился тут, высадил людей и технику. Техника пошла аккуратной колонной, буквально колесо в колесо. Может быть, даже во главе с БМП. А замыкает колонну второй гусеничный монстр и затирает все прочие следы. Согласись, после гусениц такой машины, ни один следопыт настоящего числа прошедших машин не определит.

— В этом ты прав, безусловно, — согласился Блэк. — Но есть одна неувязочка: зачем выгружать боевую колонну за столько тысяч шагов от ближайшего поселения? Не проще ли подвести технику по рельсам и разгрузить в непосредственной близости?

— Может это уловка? Может они хотят скрыть число поставляемой техники?

— И потому выстроили её как на параде, а не прогнали в тентованном вагоне? Ещё гениальные идеи есть?

Марк насупился. Не то, чтобы он мнил себя военным экспертом. Но всё-таки оскорбился от столь сокрушительного разгрома на поле диванных сражений. Не желая так просто признать своё поражение, Марк прибегнул к единственному необнародованному аргументу:

— Я видел следы от рифлёных подошв.

Блэк уставился на него с нескрываемым удивлением.

— Ты уверен? — спросил он.

— Абсолютно. Их было много.

— Так-так. У серых такой обуви нет. И танков нет. Зато и танки, и вот такие берцы, — Блэк высоко задрал ногу, демонстрируя начищенный до блеска ботинок, — есть у армии Спящих. С рифлёной подошвой, попрошу заметить.

— И что это значит? — уточнил Марк.

— То и значит, что армия Спящих готовится вступить в игру. Это следы разведчиков. Ну, или диверсионной группы. Может, разведку боем произвести хотят. Может, провокацию готовят. А самый верный вариант — ищут лучшее место для засады, чтобы скинуть с рельсов очередной эшелон. Подумай сам — один выстрел из танка, и целый состав под откос. А там всё — кони, люди, танки, Юди*. Всё всмятку. Зубы от костей не отличишь.

У Марка пробежали мурашки по коже. Не от того, что он сильно сочувствовал участи воображаемого состава. А скорее от того, что он сидел за рулём «Студебекера», выкрашенного в характерный серый цвет. И как знать, не выстрелит ли танк по одиночной цели? А если и не выстрелит, просто заставит остановиться. А там досмотр личных вещей, два комплекта обмундирования, допросы, пытки и расстрел за ненадобностью. Да, повстречаться с этим отрядом очень не хотелось. Настолько, что нога без спроса ослабила нажатие на педаль газа — стрелка спидометра спустилась к отметке сорок.

— Блэк, не подумай, что я струсил, — нервно сглотнул слюну Марк. — Но какого лешего мы едем в самое пекло? Что ты там забыл? Не пора ли сказать попутчику, куда вы собственно путь держите?

— Я ищу одного человека. Очень серьёзного и влиятельного. И у меня с ним есть одно

незаконченное дело.

— Это я уже и сам понял. И про дело это тоже. Вот только что это за человек и где его искать — увы, не догадался.

— Что за человек — я тебе пока не скажу.

— Не доверяешь?

— Жизнь научила.

— А где его искать? Это мы могли бы обсудить? Место. Если это скит одинокого отшельника, намекни хоть — сколько до него ехать и в какую сторону.

Блэк усмехнулся и на несколько секунд погрузился в мысли. Марк подумал было, что ничего уже не услышит, как вдруг.

— Я сам не знаю где эту тварь найти. И знаю, что об этом никто не скажет.

Марк, не без театрального эффекта, затормозил. Послышался металлический скрип и машина замерла.

— То есть как это, не знаешь? А какого рожна мы прёмся в самую задницу?

Блэк уставился на собеседника со своей фирменной, лукавой улыбочкой.

— Да, где его искать — не скажет никто. Но про «ничто» речи не было.

Марк скептически покачал головой.

— Слушай, заводи, расскажу все, — похлопал его по бедру Блэк. Мотор снова взревел, и грузовик тронулся (*теперь уже со второй передачи*).

— В этом мире много непонятной и непривычной ерунды, — начал Блэк, когда скорость «Студера» опять дошла до шестидесяти. — Ведьмы, оборотни, предметы быта и оружие из незнакомых миров. Этот Материк словно свалка из предметов и личностей, что загремели сюда из параллельных реальностей. И бытие многих реальностей нам настолько непривычно, что происходящее там мы списываем на магию или мистику. К примеру: перевоплощение гигантского медведя в ещё более гигантского спрута. В нашем мире — это фантастика, в этом мире — вещь инородная, но привычная. А есть миры, в которых они живут и здравствуют, притом считая нас уродливым порождением, отдалённо напоминающим их. Но это всё не то, о чём я хотел бы говорить. А хочу я поговорить о волшебных шарах.

*Юди — имеется в виду исковерканный Польский вариант слова Иудеи — Żydzi, откуда образовано оскорбительное сокращение «жиды».

Марк брызнул смехом, вероятно присовокупив к последнему словосочетанию собственную ассоциацию. Но Блэк смерил его суровым взглядом, после чего продолжил.

— Волшебные шары, они же кристаллы. Вещи инородные для этого мира. Зато совершенно обыденные для того, откуда приходят ведьмы. Они у них вместо гаджетов. Каждая попадает сюда с парой-другой таких штук. А некоторые с целой дюжиной. Так вот — у каждого такого шарика, что размером с мандарин, есть свои уникальные свойства. Они тоже варьируются по цветам. Собственно — привязанность Спящих к цветным именам корень берёт от тех же шариков. Но об этом позже. Так вот, шары, в зависимости от цвета дымки внутри них, имеют полезные свойства. К примеру: шары с серой дымкой помогают найти то, что ты ищешь. Притом, чем более определённая твоя цель, тем яснее дымка покажет тебе, что и где искать. Красный шар — предупреждает об грядущей ныне опасности, будь то болезнь или коварный замысел. Фиолетовый позволяет заглянуть в будущее, но с поправкой — таково оно будет, если увидевший не захочет радикальных перемен. Это только те, с какими мне довелось столкнуться. Их много больше, и по цветам,

и по свойствам. Но, видишь ли, такие штучки в дефиците. Потому в магазине ты их не купишь. Ни за какие деньги.

— А нам, стало быть, нужен серый шарик? — поинтересовался Марк.

— Да, серый. Самый распространённый.

— Отлично! Так, он, судя по всему, находится на базе серых.

— Нет, — с грустной усмешкой ответил Блэк. — Серые уничтожают такие вещи. Не все, очевидно. Уверен командиры держат у себя парочку полезных. Но простому солдату внушают страх и отвращение к ведьминным шарикам. Ещё бы оружием Спящих и грузовиками побрезговали бы, и вообще красота — была бы не внушающая ужас коалиция, а кучка безобидных сектантов с амбициями.

— Ладно, с маразмом серых мы вроде бы определились. А вот куда топать за серым камушком — нет.

— В Портал, — сухо бросил Блэк.

— А, в Портал! Ну как же я не догадался, — съехидничал Марк.

— Посёлок Портал, — снизошёл до объяснения Блэк. — На пути Великой Магистральной среди Мрачного леса. Э-э... Лес начнётся за равниной. Там мы не проедем. Да и горючки не хватит. Через лес пешком пойдём.

— А в Портале этом шарики на деревьях растут? — не унимался Марк.

— Нет. Портал — это самый обычный посёлок. Почти город. Почти — самый обычный. Этот посёлок плавно переходит в парк — живописный и всегда осенний. Гуляя по этому парку ты можешь сам, совершенно не заметно для себя, уйти в глухой лес. Там редко встречаются хвойные деревья, потому границу между парком и лесом никто провести не сможет. Зато, если тебе повезёт, можешь попасть в иной мир — так же незаметно.

— Ты наверняка ждёшь вопроса, типа: «о боги, и что там за мир?».

— Да нет. Там ничего такого, для нас с тобой, нет. Обычный городок нашего мира. Студенческий городок. Молодежь приезжает туда учиться, кутить и закладывать фундамент своего будущего. А на каникулы уезжает. Куда? А вот чёрт его знает. Считай в закат. Вместе с ними не уедешь — в текстуры провалишься. Прямо из автобуса. Лично проверял.

— Подожди, ты хочешь сказать, что там какая-то симуляция?

— Чего? Впрочем, забудь. Не знаю я, что там такое. Обычный городок нашего мира. С кафешками, супермаркетами и светофорами. Русскоязычный, судя по надписям на билбордах. Но нам этот осколок нашей реальности особо не нужен. Из надёжного источника я узнал, что в парке Портала поселился колдун. Кто он такой и с чем его едят — понятия не имею. Зато знаю, что у колдунов и ведьм водятся полезные шарики с цветным дымом.

— Значит сейчас мы едем в Портал, чтобы купить у того колдуна нужный нам шарик?

— Купить? Это вряд ли. Такие вещи не продают. Мы попробуем украсть. Или смародёрить. Зависит от ситуации.

Марк криво улыбнулся. С одной стороны — ему не нравилась затея. С другой — собственных задач и целей не было. А потому, предложенный план дальнейших действий его порадовал.

— Как долго ехать до твоего Портала? — поинтересовался Марк, подбавив оборотов двигателя. Появившаяся цель бодрила и дала дозу азарта.

— Такими темпами — дня за четыре доехали бы. Но горючки не хватит. Этот красавец жрёт тридцать на сто. Это если шагами мерить. А у нас, на всё про всё, литров триста — не больше. Но и на том спасибо.

— И докуда нам этого хватит?

— Надеюсь, до ближайшего посёлка. Там изловим местного да попросим фокус с бесконечным топливом повторить. А нет. Да и чёрт с ним. Я пешком идти собирался. А это так, приятный бонус на пути выпал.

1

Жизнь Марка вошла в прежнее русло — подъём в семь утра, работа до шести вечера, время с любимой женой до десяти и сон. Вот только с последним случились перемены. Теперь Марк, словно по предварительной настройке, начинал зевать в 21:50, а в 22:00 похрапывать. Лина отчасти радовалась этому — ведь раньше супруг засыпал за полночь, а перед тем досыта ворочался и до отдышки бегал в сартир. Ей казалось, что организм Марка теперь отыгрывается, восполняя утраченное за годы бессонницы.

И крепкий сон приносил свои плоды. Настроение у супруга с утра и вечером было приподнятое (*если вы понимаете, о чём я*), подъёмы перестали походить на переключивание желе из одной тары в другую. Если бы Лина видела Марка на работе, то заметила бы, насколько продуктивнее он стал обслуживать клиентов.

Однако это заметила не Лина а Виктория — менеджер. Заметила и даже похвалила, ведь очередь из «по-быстрому» куда-то исчезла. Исчезла и предварительные записи на время с двух до трёх — Марк принял их заранее и на это время больше никого не записывал. Виктории он попросил не заполнять это время.

— Мне нужен час отдыха в обед, — сказал Марк. — Это позволит мне до вечера работать в таком темпе.

Виктория возражать не стала. Если бы у автомехаников была норма выработки, и она равнялась предыдущим показателям Марка, то он имел бы полное право опустить рулонные ворота в час дня и уйти домой.

При этом самому Марку было совсем не трудно ускорять темпы работы. Он этого практически не замечал. Зато замечал, как кошелек раздувает от купюр, полученных за сверхурочную работу. И замечал острую необходимость прилечь на засаленный диван во второй половине дня. Вряд ли кто-то мог понять, чем же эта необходимость вызвана на самом деле.

А вызвана она была тем, что в ином мире, куда можно попасть только посредством сна, его остервенело тряс за плечо товарищ, носивший странное имя Блэкблю.

Вместе с Блэкблю они преодолели больше миллиона шагов, сидя в кабине «Студебекера». Запас топлива подходил к концу, чего нельзя было сказать о бескрайней равнине. Ей не было края и не было предела. И если бы не извивалась лента железнодорожной насыпи, то можно было решить, будто вся оставшаяся впереди Вселенная состоит из бурой травы и россыпи валунов. Но железная дорога внушала уверенность в том, что впереди ещё что-то есть. Не может же она идти вечно в никуда.

— Всё, привал, — сообщил резко Марк, останавливая грузовик. Он услышал в голове мелодию, мягко намекавшую на истечение отведённого часа. Со временем он приспособился отличать мысли от звуков из другого мира.

— Боюсь последний в этом красавце, — с грустью сказал Блэк, пристраиваясь для сна на пассажирском сиденье. Марк коротко глянул на показатель уровня топлива и покивал головой. Без горючего даже автомеханик не заставит машину ехать.

В голове, почему-то, промелькнуло воспоминание о прошлогоднем конфузе. Денег на зимнюю резину не хватало, и автомобиль целый месяц стоял на парковке без дела. В суматохе дней, Марк совсем позабыл, что оставленный на морозе автомобиль нужно время

от времени прогревать, даже если ехать никуда не собираешься. А когда вспомнил, то не смог завести. Первая, и вполне резонная мысль, пришла насчёт аккумулятора — как и любой элемент накопления электрического заряда, он разряжается на холоде. Аккумулятор был поднят в тёплую квартиру, отогрет и подзаряжен. Но его возвращение под капот не изменило ничего. Тогда пришла мысль о том, что могли испортиться автомобильные свечи. Но и их замена ничего не решила. Тогда Марк начал грешить на стартер, матеря в сердцах инженеров разработавших коробку автомат, не предусмотревших возможность завести машину, что называется, «с толкача». К счастью его отчаянные попытки реанимировать машину не остались незамеченными. Сосед «случайно» подошёл к парковке, «случайно» предположил, что мог закончиться бензин. Марк, досадуя на инженеров, которые придумали отображение уровня бензина только на заведённой машине, решил идти пешком на заправку, дабы проверить неочевидную теорию. Сквозь сугробы он прошёл половину города, чтобы купить сначала пластиковую канистру, а потом, ещё через полгорода, бензин. А когда вернулся с покупками и открыл бензобак — сразу всё понял. Слили. Или попытались слить бензин. Скорее всего — не смогли, но и крышку на место не прикрутили. А на дверце характерные следы от плоскогубцев или чего-то подобного. На память сразу пришёл сосед, который и «предположил» отсутствие бензина. Кто, как ни он, мог попытаться слить горючее? Всё сложилось как пазл. И мотор завёлся с первой попытки — что странно, ведь бензонасос должен был подтянуть топливо. Но, маленькие чудеса случаются. А с соседом Марк поссорился. По другому поводу, но имея в виду именно этот.

Воспоминание плавно убаюкало Марка. Он опустил голову на руль и закрыл глаза.

2

А проснулся (если так можно сказать), спустя семь часов (три с лишним круга по местному времени). Тело ныло от боли, суставы просили размяться, а нежная, ни разу не бритая в этом мире щека, просила убрать из-под неё острые камни. И тут Марк очнулся окончательно. Он был не в кабине «Студера». Более того, он был не один. Даже если не брать в расчёт Блэкблю. Плотным кольцом его обступили стройные парни в военной форме. Серой, как гравий на котором лежит Марк. И вид у них был отнюдь не дружелюбный.

— Смотри, очухался, — раздался чей-то молодой и звонкий голос. Марк мысленно приготовился получить пинок в живот, но напрасно. Его не собирались бить. Однако и обнимать не спешили. Наверное потому, что Марк не смог бы ответить взаимностью — его руки были туго связаны за спиной.

— Эй, Красвачик, посади ка его ровно, — послышался хриловатый бас.

— А можно мне встать? Ноги жутко затекли, — твёрдо и уверенно спросил Марк.

— Раз наш чтец хочет произнести речь стоя, мы возражать не будем. Так даже торжественно.

Крепкие руки ухватили Марка за подмышки и рывком поставили на ноги. Он осмотрелся. Вместе с ним в окружении солдат был и Блэк, тоже связанный, но пока в отключке. «Студер» тоже никуда не делся, так и стоял посреди проторенной колеи.

Разглядывать окрестности Марку помешали. Перед ним возник коренастый и невысокий мужик в серой форме, заметно отличавшей его от остальных солдат. Не нужно быть гением, чтобы понять — это командир.

— Когда мы вытащили вас из машины, — начал командир размеренным тоном и неспешно, — то хотели сразу прикончить. Как никак, двое гражданских в военной машине. Но тут нам в глаза стали попадаться интересные детали: два комплекта формы аккуратно

сложены, арсенал из табельного оружия офицеров, четверть бака горючего. Последнее удачно подметил мой сержант, и я с ним согласен: будь вы Спящими, далеко бы на этом не уехали. И тогда я пришёл в замешательство, не в силах понять, кто же вы такие. Дезертиры? Разведчики? Диверсанты? Мародёры? Ну-у?!

— Не пытай его, — раздался слабый голос снизу. — Мальчишка ничего не знает. А я всё расскажу.

Командир обернулся, посмотрел на Блэкблю, а затем щёлкнул пальцами. Двое крепких парней тут же подняли спутника Марка и поставили рядом.

— Красавчик, принеси ка степлер, — весело прикрикнул командир.

— Господин ротмистр, так мы же его забы... — не успел закончить высокий белокурый солдатик, столкнувшись со свирепым взглядом командира.

— Так, значит будем проверять трофейное оружие. Сержант!

— Я, господин ротмистр! — отозвался высокий и хорошо откормленный солдатик за спиной командира.

— Принести сюда оружие, что нашли у наших гостей.

— Я, сэр! — ответил откормленный и собрался выйти из строя, как вдруг Блэк снова заговорил.

— Не трать время, я и так всё скажу.

Командир резко поднял вверх согнутую в локте руку, и сержант вернулся на прежнее место.

— Я — Спящий, парнишка — нет. Я подобрал его в деревне, в миллионе шагов отсюда. На *Бэк*.

Командир немного повернул голову, градусов на тридцать, при том не переставая смотреть прямо в глаза Блэку. Отреагировав на условный знак, сержант выдал краткий рапорт:

— Посёлок типа два, наш аванпост в *Бэк* направлении.

— Да, был там аванпост. Восемь кругов назад, — с ехидной улыбкой продолжил Блэк. — А потом туда один отряд армии Спящих подъехал. На танке, кажется. Весь аванпост и перебили.

Марк тут же смекнул, о чём говорит Блэк. Если следы гусениц действительно оставила техника армии Спящих, то можно было списать произошедший недавно инцидент на их вмешательство. Особенно в свете того, что двое путников не выглядели серьёзной угрозой для вооружённого отряда серых.

Командир повторил прежний жест, и сержант снова разразился рапортом:

— Согласно сводке от Генштаба, аванпост разбит. Разведка доложила о следах боя, об отсутствии караула и об отсутствии признаков хозяйственной деятельности местного населения. Предположительно — шквальный обстрел, подразумевающий уничтожение, как живой силы нашего гарнизона, так и потенциальных свидетелей.

— Вот значит как, Спящие нам войну объявили. Опрометчиво, опрометчиво... Так этот юноша из той деревни? И как же он выжил?

— Выжил не только я, — подал голос Марк. — Там ещё дед Макар остался. Мы в его подвале отсиделись.

— Вот значит как... Хорошо...

— Я мимо проходил, — продолжил Блэк. — Шёл на *Сан* по Великой Магистрале. Когда проходил через пепелище дурманящей травы, услышал стрельбу. Естественно подождал,

пока всё стихнет и появился в деревушку. Там вот этот грузовик стоял. Обстрелянный. Прямо в кабине стрелок с водителем лежали — убитые, разумеется. Я их вытащил, да сел за руль. Ну и трофеи с поля боя собрал. Чего бросать то? Там они никому уже не нужны были. Ну, разве что, старику. Парнишке я сразу поехать со мной предложил. Ему приключения, да и от мёртвых родственничков подальше, а мне тот, кто может топливо из воздуха доставать. Всё взаимно.

Командир жестом остановил Блэка и повернул мертвенно холодные глаза к Марку.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил он.

— Марк.

— А из какого ты дома?

Марк замялся, подумал несколько секунд и выдал смущённо:

— Из деревянного.

Командир в голос рассмеялся. Лёгкий смешок пролетел и по строю солдат.

— Ладно, с этой деревенщиной всё ясно, — резко оборвав смех, выдал командир. — А что с тобой? В том смысле, есть ли у тебя хоть одно обстоятельство, по которому мы могли бы оставить тебя в живых.

Блэк замялся, оглядел строй солдат, посмотрел тоскливо в сторону «Студебекера» и нехотя выдал.

— Одно есть. Общий враг.

Командир изобразил заинтересованность.

— Я ведь не просто так поехал через эти края, зная, что встречу вас. Вас, имею в виду серых.

— Ближе к делу, — нетерпеливо бросил командир.

— Я хочу убить одного очень влиятельного Спящего.

Командир глубоко вздохнул и молниеносно вынул из набедренной кобуры пистолет.

— Думаешь, мне есть дело до того, чего ты там хочешь? По мне — все вы куски дерьма, что не отличить и под микроскопом. И какая разница — влиятельный кусок, или самый обыкновенный? Всех вас нужно в землю зарыть, чтобы не воняли.

— Ты прав, — сказал взволнованно Блэк. — Всем Спящим место в земле. Я тут не спорю. Но есть одна гадина, которая упорно не хочет туда ложиться. Очень упорно. И я, наверное, один из немногих, кто мог бы её уложить.

Щёлкнул предохранитель пистолета. Командир отложил расправу ещё на какое-то время.

— И что же это за гадина? — спросил он.

— Блэкред.

Лицо командира пережило несколько метаморфоз за секунду. Сначала он удивился, потом захотел рассмеяться, а после нахмурился.

— Ты в своём уме? — спросил Командир.

— Вполне. Меня зовут Блэкблю. Я из дома Блэков. Служил в личной охране Блэка Реда, пока этот мелкий гавнюк не сослал меня на рудники в Бэк-порте.

— И за что сослал?

— Отказался выполнить приказ. Он решил казнить всех детей, с которыми учился. Казнить за то, что они его дразнили. Всех детей, и Спящих и местных. Восемнадцать человек.

— И ты отказался.

— Да. А он заставил двух моих друзей обезоружить меня, скрутить и держать. Держать так, чтобы я видел, как по его приказу казнят детей. По одному. Прямо на моих глазах. Никогда не забуду, что он мне тогда сказал: «Смотри Блю, смотри! Если бы ты не выдрыповался, они бы уже мирно спали в луже собственной крови. Но так как ты возомнил себя героем — они будут умирать в страшных муках. Долго. Мучительно. А мы с тобой будем наслаждаться этим зрелищем. И они тоже. Они будут видеть, как их кишки выпадают из животов. Они будут держать в руках собственные сердца — а некоторые в панике будут пытаться запихнуть их обратно. Другие будут смотреть на это, и писать в штаны. Но никто не уйдёт от той же участи. И в этом виноват ты Блю. Только ты!». Ему тогда было шесть *вех*. Остальным детям тоже.

— То есть ты служил Блэкреду, когда тот был ещё ребёнком?

— В этом мире — ребёнком. В своём — ему было *вех* двенадцать.

— Было, — с нажимом сказал командир. — Было! А сейчас всё не так. Блэкред взрослый и очень влиятельный мальчик. Наверное, и в своём мире тоже, потому как он собрал целую армию. Армию из вашего мира. И ты думаешь, что сможешь до него добраться?

— Я один из немногих, кто это может, — уверенно заявил Блэк.

— Возможно... — протянул командир. — Вот только не мне решать, что с вами делать. Вы, видите ли, важные свидетели. Свидетели открытой агрессии со стороны армии Спящих. Судьбу вашу будет решать комендант.

3

В коридоре приёмной было сыро и душно. Вечно заходящее солнце от чего-то так сильно нагрело землю, что открытая настежь дверь ничем не помогала. На лавочках сидели молодые люди в потрёпанных вещах и с потрёпанными лицами. Преимущественно парни. Их всех, в том числе и Марка, остригли налысо. Двух девушек, забившихся в углу, эта участь миновала.

Судя по разговорам, что осуществлялись тихим шёпотом, все молодые люди были местные. Они говорили об урожае, о работе, о перспективе вступить в ряды серых. А некоторые не боясь злословили хозяев приёмной и заявляли свою готовность послать их всех к чертям.

Блэка Марк не видел со вчерашнего (*дня? сна?*). Тогда его под руки затащили в приёмную коменданта. Что они там обсуждали, Марк не слышал. И вообще ничего не слышал, кроме раскатистого смеха. (*А ведь мог услышать выстрел или звуки ударов*). Куда делся Блэк после, никто не знал.

— Эй, парень! Ты откуда? — поинтересовался юноша с чёрными бровями.

— Из деревни, — решил держаться прежней легенды Марк. Он всё боялся, что кто-то спросит о чём-то таком, что известно каждому местному жителю, но совсем неизвестно ему. Потому заранее решил выдавать глупые и неоднозначные ответы.

— Да ясное дело, что из деревни. Все мы тут из деревни. Портал и порты ещё не по зубам серым. Так из какой ты?

— Из равнины, — сказал Марк и широко развёл руки, намекая на большие размеры оной.

— А я из деревни Майк-таун. Это в лесу-у, — последнее слово юноша растянул и сопровождал тем же жестом, что и Марк. Тот покивал в знак понимания и отметил, как миглом утратил интерес к своей персоне.

Из кабинета коменданта вышел молодой человек, такой же обритый как все. Он прямо лучился счастьем (*или это солнечный свет так отражался от его белоснежных зубов?*).

— Да, берут! — Радостно пискнул молодой человек. Очередь зашелестела языками — одни в искренней радости за товарища, другие в желчной зависти, третьи в откровенном презрении. Последние часто употребляли словосочетания, в которых, помимо обценной лексики, фигурировали синонимы понятия «оккупант».

— Следующий! — раздался протяжный, почти медвежий, рёв. Шёпот тут-же смолк, но никто не поспешил подняться с места.

— Давай, иди! Иди! — С лукавой улыбкой, сосед пытался вытолкнуть вперёд Марка. Тот, с каждой секундой всё убедительнее вживался в роль «деревенского дурачка», поднялся, и неуверенно поплёлся к открытой двери.

— Садись! — комендант жестом указал на стул, что боком стоял у письменного стола. Сам стол был завален кипой пожелтевших бумаг. Прямо перед комендантом, точно тарелка супа, расположилось пятно мерцающего света, что падало от электрической настольной лампы. Рядом с лампой, будто элегантное пресс-папье, располагался большой офисный степлер. Марк как зачарованный уставился на него, когда проделывал свой путь от двери до стула.

— Как тебя зовут? — продолжал басить комендант.

— Марк.

— Полное имя! — недовольно проревел комендант. Марк испуганно посмотрел на него, непонимающе похлопал глазами и, не в силах выдержать суровый взгляд, отвернулся к степлеру.

— Откуда?

— С деревни. На равнине.

— С какой деревни?!

Марк снова изобразил непонимание. И это привело к неожиданному результату. Морщинистое, будто прелая дыня, лицо коменданта разгладилось. Глаза, затуманенные беспричинной злобой, просветлели. Уголки губ широко разошлись, обнажив неполный ряд передних зубов.

— Умственно отсталый, что ли? — добродушно поинтересовался комендант. На что, ожидаемо, не получил ответа.

— И чем ты занимался? Там, в деревне на равнине?

— Торговал, — выдал Марк заранее обдуманый ответ.

— Вот как? И чем торговал?

— Всем. Всё, что делали в деревне, я грузил в телегу и нёс на поезд. Он останавливался за много-много шагов от дома. И я шёл туда. А там переключивал с телеги в вагон. За это деду Макару давали... — Марк запнулся. Он понял, что может сломать всю легенду одним обычным словом — деньги. Он не видел, чтобы Блэкблю доставал из кармана какие-нибудь банкноты или монеты. Не слышал, чтобы тот говорил о чековой книжке. Словом, он совсем ничего не знал о местной торговле. Вполне могло быть, что она тут вообще осуществлялась без денег. Методом бартера или по принципу коммуны (сдал что сделал, получил что нужно).

— Что давали? — настороженно спросил комендант.

— Всё, — неопределённо махнул рукой Марк, объединив в голове два безденежных способа расчёта. Но такой ответ коменданта не устроил, пришлось уточнять.

— Семена, каких в деревне не было, спички, сахар. Бумагу иногда. Инструменты. Таблетки, иногда.

— Получается, не ты торговал, а дед Макар? — уточнил комендант.

— Ну да. Дед Макар и я. Я и дед Макар. Мы торговали. Много торговали. Много носил. А приносил мало, но дед Макар говорил, что то мало — больше того, что много. Чтс мы их даже перехитрили. Он умный. Он хорошо понимает.

— Значит так и запишем — умственно отсталый, работал грузчиком, — пробубнил под нос комендант, положив перед собой разлинованную под бланк бумагу. — Дом свой, ты, разумеется, не знаешь?

— Знаю. Как не знать? Деревянный такой. В деревне самый маленький. Крыша из соломы.

— Запишем как Деревянный, — с добродушным смехом сказал комендант. — Теперь, если кто спросит твоё имя, говори: Марк Деревянный. Понял?

— Марк Деревянный, — тупо пробубнил Марк, который всю жизнь считал себя Вяткиным. Он по-прежнему переводил взгляд с коменданта на степлера, и со степлера на коменданта. Слишком часто, чтобы это осталось незамеченным.

— Ты боишься этой штуки? — установив зрительный контакт, поинтересовался хозяин степлера. Марк энергично покивал.

— Ты знаешь, что она делает?

— Знаю, — изобразил испуг Марк, и для пущей убедительности подпустил поближе слезу. — Она делает больно руке. Оставляет в ней железку. Холодную, но обжигающую.

— Тебе уже делали больно такой штукой?

— Да, солдаты, когда в деревню пришли. Они всем такой штукой делали. А потом стреляли, если с этой штукой случалось то, что им не нравилось.

Марк говорил всё это с такой убедительностью, что был готов поверить во всё сам. И в то, что он слабоумный, и в то, что видел солдат, зачищавших деревню. Готов был поверить даже в то, что работал всю жизнь грузчиком, а не автомехаником.

Но, похоже, не все были так легковерны, как Марк. Комендант схватил степлер резким движением и протянул к руке Марка. Тот отдёргнулся и испуганно вскрикнул. Только тогда его ложь стала убедительной — так степлера бояться только те, кто знает, какую боль он может причинить. Ну или те, кому есть что скрывать. Но эта мысль коменданта не посетила. И не удивительно — как можно подозревать деревенского недотёпу, с местным именем Марк, якобы проверенного на принадлежность к Спящим, в том, что он затеял какую-то игру? Более того, этот парнишка — ценный свидетель, который поможет раздуть пожар из маленькой искры, если того пожелают в Генштабе.

А могли ли в Генштабе не пожелать? Могли, вполне. Если стратегически это было бы не выгодно. Потому что союзу с Бэк-портом не было ни малейшего доверия (половина из них — Спящие, а какое доверие может быть к Спящим?). А без их поддержки — армия Блэкреда раздавит серых как стеклянную лампочку. Впрочем, она уже занесла сапог.

— Ладно, не бойся. Лучше расскажи, что ты там в деревне видел?

— Коров, пшеницу, дома, — продолжил гнуть свою линию Марк.

— Да нет. Я же слышал о тебе. На вас Спящие напали. Разве нет?

— Серые напали, — осторожно сказал Марк.

— Да нет же, потом. Потом что было? Прямо перед тем, как ты сел в машину и сюда поехал.

Марк изобразил просветление в разуме и ответил:

— Танк приехал. Сначала много стреляли, и дед Макар велел в подвал спуститься. А потом, когда стрелять перестали, я танк увидел. Большой такой. Железный. Он когда ехал, изба дрожала. Страшно было.

— А тех, кто за танком шёл, ты видел? Или танк один проехал?

— Видел. Ботинок видел. Из окошка в подвале мало что видно. Улицу немного видно. Танк было видно. И ботинок было видно, прямо у самого окошка.

— И что за ботинок? — без особого интереса уточнил комендант.

— Чёрный. Блестящий. На подошве зигзаги такие, — Марк начертил в воздухе проекцию того, что увидел в отпечатке ботинка в колее.

— «Чёрт побери, этого мало, — подумал комендант. — Да с такими показаниями, да ещё от сумасшедшего... Нет, так мы далеко не уедем. Хорошо хоть того Спящего не прихлопнули. Он вроде не отрицает вторжения армии Блэкреда. Да и с самим Редом у него проблемы есть. Хех, ну и выдумал — отпустите меня, я вам голову Блэкреда на подносе принесу, как голову какого-то там Помпея. Тоже мне, великий убийца, вершитель судеб. Вот за свои амбиции путь и расплачивается. Пусть узнает, где его место в пищевой цепи. Пусть насладиться откровением жизни, пока он нам нужен. А там — пусть катится в свой мир».

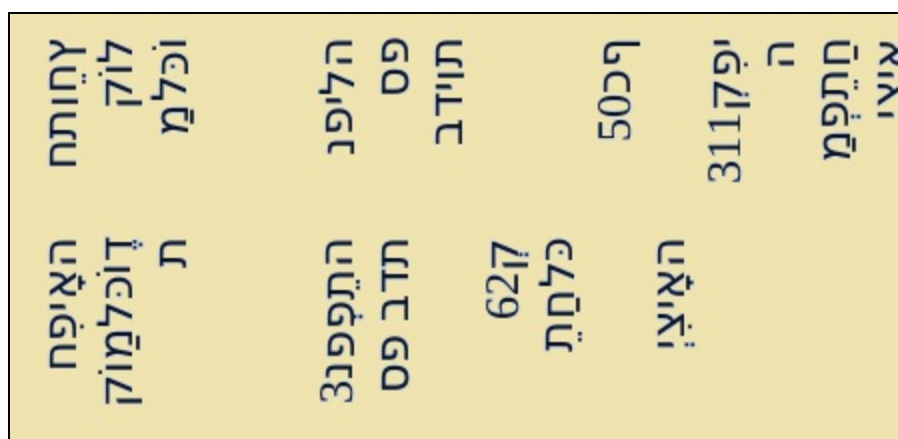
— Ладно, парень, ступай! На выходе скажешь, что тебя к складам пристроили. В качестве грузчика. Тебя отведут куда положено.

Марк покивал и встал со стула. Он обернулся и увидел, что вся стена за ним залита кровью — и старой, и свежей. Внутренности сразу похолодели, а в памяти всплыли приглушённые хлопки, что раздавались тогда, когда он только проснулся. Это был не просто кабинет коменданта — это была допросная, пыточная и экзекуционная камера. И в ней ему, Марку, приспичило поиграть в опасную игру с самым опасным человеком в этом поселении. Теперь улыбка с неполным рядом зубов перестала казаться такой дружелюбной. Теперь и вся беседа перестала выглядеть такой безобидной.

4

Ребятам на складе Марк понравился. Поначалу над ним подтрунивали, отпускали двусмысленные шутки и пошлые намёки, но лишь раз напоровшись на осмысленный ответ, раскаялись. Парни были не плохие — все местные, обритые наголо, «беженцы» из оккупированных деревень. И не было среди них ни одного крепкого или коренастого — все худенькие да высокие. «А других в ополчение забрали», — объяснили ребята. Они много чего объясняли Марку, сами притом спрашивали мало. И их вопросы были не сложными: «какой возраст?», «умеешь читать?», «откуда такая одежда?». На что получали ответы типа: «считаю плохо», «читать не умею», «дед Макар купил».

И Марк действительно не умел читать. В этом мире. Многочисленные надписи на ящиках оставались для него набором иероглифов. Знакомыми остались только арабские цифры, которые, почему-то, писалась поперёк строки.

Однажды, когда ящики из очередного грузовика были сложены в аккуратную стопку, Марк устало расселся на голом бетоне и стал пристально приглядываться к столбикам иероглифов на сопроводительной бумаге. Она была приклеена к стенке ящика заполненного какими-то гремящими железяками. Закорючки, из которых состояла надпись, очень напоминали символы еврейского алфавита. Но складывались символы в странное сочетание столбиков и строк, сводя с ума любого, кто попытается в них разобраться.

— Так ты, всё-таки, умеешь читать? — спросил Шили. Этот парнишка больше всех проникся симпатией к Марку (наверное, потому, что больше всех над ним издевался). Марк покачал головой и добавил:

— Но всегда хотел.

— Понимаю, — добродушно протянул Шили и подошёл к ящику с сопроводительным листком. — Тут написано: «Во исполнение сказанного вождём. Изъятое оборудование инородное: 50 бытовых приборов; 311 пуль экспортного оружия; серый шар; 3 религиозных символа; 62 тысячи лезвий; конец списка».

— Что это значит?

— Да так, разное барахло, что отнимают у Спящих.

— И что с ним собираются делать?

— Всё собирают, описывают, а потом по складам распихивают и ждут приказ — уничтожить или в дело пустить.

— А ты долго учился читать?

— Да нет. У нас был хороший староста в деревне — всех грамоте обучил. И каждый год в Сан-порт ездил, чтобы книги новые купить. Хороший был мужик. Спящим оказался. Серые его... того... — Шили грустно опустил глаза. Марк сочувственно покивал.

— Да ладно, чего уже, — отмахнулся Шили. Но его глаза успели влажно блеснуть. — Ты мне лучше расскажи, как тебя дед Макар учил!

Марк нехотя улыбнулся и повторил небылицу о том, как его пороли, да без толку. Почему-то она очень сильно нравилась Шили. Может потому, что его тоже пороли, когда обучали чтению. Не исключено, что порол тот самый староста. Возможно, знания ему тоже вбивали через мягкое место, и тогда это казалось жестоким безумием. Но сейчас... Крепкой отцовской рукой, которой так не хватает всем детям.

Шили был не единственным другом Марка на складах. Одновременно с ними на смену заступал Саша — кареглазый коротышка с дистрофичным телосложением. В переноске грузов толку от него было немного, зато всей подготовкой заведовал исключительно он. А это было немало — сходить к коменданту на поклон, дабы получить ключ и разрешение на разгрузку, найти ответственного за склад (*обычно проматывающего рабочее время в*

местном кабаке), подыскать хорошее место в ангаре и выставить там поддоны, сходить за причитающейся похлёбкой и вернуть назад посуду. Всё это требовало времени и сил (*моральных*), на которые Сашка оказался богат. К тому же он всегда поддерживал разговор и ненавязчиво руководил разгрузкой — что тоже полезно, ведь голова не сильно полезна, когда все мысли заняты одним — как бы не уронить чёртову громадину.

Сашка, ко всему прочему, был тут старожилом — одним из первых, кто попал на склады. И за это время (с прошлой *жертвы* я тут) успел поднатореть в выживании на новом месте. И навыки его оказались весьма ценными. Он знал, где можно урвать краюху-другую хлеба, у кого задаром попить чистой воды, умел разжиться самогоном и даже знал девок на всё согласных. Без этих знаний тяжело было бы волочить своё существование в необъявленном плену у серых.

Марку же было не до доступных увеселений. Отпахав положенную смену (четыре колокола) он возвращался к своему койко-месту и отключался. Разница во времени давала о себе знать — то приходилось ложиться спать в семь вечера в своём мире (к величайшему изумлению жены), то просыпаться половину смены в этом. Благо репутация умственно-отсталого как щитом укрывала от возможных последствий.

Койко-место Марка находилась в бывшем хлеву (запах навоза насквозь пропитал стены). Тут парни со статусом РБОЗ (рабочий беженец освобождённых земель — *читай как «раб»*) сколотили себе двухъярусные кровати из прелых досок. Ряды таких кроватей выстроили вокруг стен, оставив посередине тесный пятачок, на котором врыли в землю небольшой круглый столик. Над ним, прикрытая жестяным плафоном, висела лампочка — единственный источник света в помещении — не считая щелей с солнечной стороны.

Что касается Сашки — Марку очень нравился этот парень. Во-первых, потому, что он всегда занимал позицию второстепенного, маленького человека (даже когда руководил). Во-вторых, потому, что всегда старался прикрыть своих товарищей. Но, по истине, Марк жалел его. Парень оказался сыном двух Спящих, и выяснилось это в самый последний момент. Он с родителями отправился, как говорил отец, в Лэфт-порт — на небольшое приключение. На самом же деле — они поехали в то место, которое спустя *веху* назовут Базой серых. Небольшой порт (самый маленький, если не брать в расчёт рыбацкие деревни) славился своими прогулочными катерами. Гринблэк (отец Саши) решил порадовать свою семью и арендовать на пару *кругов* один из катеров, чтобы отплыть в открытое море — так далеко, чтобы не было видно земли, остаться один на один с любимой семьёй и морскими чудищами (благо последние катерам не докучают). Но отдых не задался с первого же шага. Когда семья Гринов спешила со своих скакунов — их тут же окружили солдаты в серой форме. Тогда она ещё не ассоциировалась с опасностью для тех, кто носит «цветную» фамилию. Узнав о планах посетителей порта, они предложили место в прогулочном катере господина Доннера — новоиспеченного вождя серой идеологии. Указав на то, что иных прогулочных катеров в порту сейчас нет, они обрекли Гринблэка на наивный выбор — согласиться.

Гринблэк со своей женой, миссис Аннабэль Грин, и сыном Александром взошёл на борт катера «Пена». Беду ничего не предвещало — офицеры в серых мундирах шумно произносили тосты, радостно и хором кричали, когда из бутылок вырывалось вспененное игристое вино. Слышались поздравления, много поздравлений — с победой на выборах, с назначением на новую должность, с укреплением производства и экономического влияния. Тостов было много. И много поклонов. Офицеры в серых мундирах кланялись невзрачному мужичку в коричневом костюме-тройке. Тот мирно потягивал игристое, сидя за плетеным

столиком. Когда материк укрылся в прибрежной дымке, отец сказал Саше:

— Смотри, это господин Доннер. Он недавно победил на выборах в главы Лэфт-порта.

Саша, которому тогда только исполнилось двенадцать *вех*, не вполне осознал, кто перед ними сидел. Всего лишь глава маленького порта. Всего лишь невзрачный, лысеющий и тощий мужичок в костюме-тройке.

Саша зачарованно смотрел за борт, наблюдая за тем, как волнами раскидывает в разные стороны тысячи разноцветных медуз. Ими буквально кишели солнечные берега. Иногда среди молочно-белых желеобразных голов можно было заметить длинное и тонкое щупальце подводного *однорука* — головоногого моллюска, с характерной многометровой конечностью. Как ни странно, основным рационом этого чудища были птицы — чайки, что пытались выискать среди медузных зарослей одинокую рыбёшку. Для их поимки *однорук* и вытаскивал своё щупальце из воды. И, надо сказать, ловец он ловкий — вот есть щупальце над водой, вот есть птица в десятке метрах от него, секунда — и нет ни того, ни другого, только всплеск и брызги.

Наблюдения Саши оборвала внезапная тишина. Обернувшись, он сразу вычислил её причину — господин Доннер встал из-за своего плетёного столика и вытянулся готовый говорить.

— Друзья! — начал он дрожащим, писклявым, но поставленным голосом. — Благодарю всех вас... Что выбрали меня... На эту почётную должность. Хочу заявить!.. Что не подведу вас... И исполню все обещания!.. Какие давал в своей предвыборной речи. Первым делом — я увеличу производственную мощь наших предприятий. Вторым — начну массовую закупку техники и вооружения, для составления славных авангардов наших войск. Третьим делом — будет укрепление нашего могущества над всем материком, и укрепляться будем мы... На костях!.. наших врагов! На костях Блэкреда и его армии!

Все офицеры на корабле подняли ор, больше похожий на боевой клич варваров, чем на цивильное «ура!». Саша не уловил ничего из слов невзрачного господина, зато многое понял по виду отцовских глаз. Страх и ужас — вот что в них читалось.

— Это всё хорошо, — вмешался голос из толпы офицеров, такой же писклявый как и у невзрачного господина. — Первое у вас — производство, второе — закупка, третье — укрепление нашего могущества. Простите — а каким по счёту делом у вас идёт то, что вы обещали прежде всего — уничтожение инородной нечисти?

Невзрачный господин подобрался, театрально повёл подбородком и уставился прямо на чету Гринов.

— А уничтожение нечисти, господин фельдфебель, это то, что прежде всех дел.

Как по команде, из толпы офицеров вынырнуло четверо солдат в серых мундирах. В руках каждый держал толстые цепи оканчивающиеся крючьями. Вспоминая события того времени, Саша не раз убеждался в том, что всё было приготовлено заранее — и речь, и контр аргумент, и цепи. Даже жертва была приготовлена заранее — ведь Гринблэк отправлял телеграмму с просьбой забронировать катер, забронировать на его имя (характерное и в узких кругах известное).

Отца схватили первым. Да он и не сопротивлялся, только вытянулся по стойке смирно, натянув на груди свой фрак в чёрно-зелёную шашечку. Таким он и остался в памяти Саши — гордым, подтянутым и смелым (*фальшиво смелым*). Крики матери, почему-то, не запомнились. Не запомнились и последние слова отца. Только общий их смысл, что-то из разряда: «вы совершаете чудовищную ошибку».

Гринблэка обмотали цепями и скинули за борт. По большому счёту — в цепях необходимости не было — каждая десятая медуза в воде обладала временно парализующим ядом, каждая сотая — смертельным. Стоило выкинуть человека за борт и отплыть на два десятка шагов — и можно было забыть о нём навсегда. Но красота момента требовала реквизит, и они выбрали подходящий.

Выбрали, как и Аннабель Грин своё платье, когда собиралась в плаванье — белое, складчатое и многоярусное. То самое платье, что так хорошо сочеталось с её рыжими кудрями и зелёными глазами. Платье, что так подходило под её бледное, веснушчатое личико. Платье, что до конца дней будет сниться Саше в ночных кошмарах.

Аннабель, в отличие от мужа, яростно сопротивлялась. Но противостоять квартету крепких мужчин не смогла. Цепи крест-накрест легли ей на грудь, сковав руки. Сопротивляться дальше не было смысла, но она всё равно пыталась. Пыталась и кричала то единственное, о чём могла думать: «Мой сын! Он не Спящий! Мой сын! Он местный! Он родился тут! Пощадите его, молю!».

Вряд ли Аннабель Грин разбиралась в тонкостях идеологии серых. Скорее, желала разжалобить кровожадные сердца. Разжалобить простым фактом — если умрут Спящие, то проснутся в своём мире, но если умрёт местный, то участь его туманна. Наивно надеясь на жалость, Аннабель Грин сказала то единственное, что могло спасти её сына. Ведь цепь приготовили и ему.

Из лучших побуждений, Аннабель сказала то, что спасло её сына, но погубило сотни, если не тысячи, других. Ведь до этого дня серые даже не задумывались о способах отличить местных от Спящих. Считали, что наличие «цветной фамилии» — главный и надёжный способ определения. А ведь далеко не все Спящие соблюдали эти нелепые традиции.

Аннабель перекинули через поручень. Саша до сих пор с ужасом вспоминает, как трепались на ветру белые ленты платья, пока его мать летела к водной глади. Всплеска о воду он вспомнить не мог, зато живо перед глазами стоял подол платья, что растёкся по водной глади. Аннабель была ужасающе красива в свой последний миг. Она выглядела как королева медуз в окружении своих верно подданных. Ленты трепыхались, уходя в водную толщу, точно щупальца. Рыжие волосы блестели огнём, предвещая гибель врагам. Подол дрожал и перекачивался складками, точно грибовидная голова медузы. Она уходила под воду медленно, спокойно, будто оставила на палубе всю свою бойкость. Возможно, ядовитое щупальце встретило её у самой поверхности. А может Аннабель просто проснулась в своём мире, оставив тело в бездонному морю.

Что было после, Саша помнит плохо. Вроде бы не били, хотя полной уверенности в том нет. Но и не приняли в объятия. Сбитые с толку низким ростом и худобой, серые отправили мальчика в интернат (по сути, тюрьму с двухразовой кормёжкой и клопами в кроватях). Первый пострадавший от рук серых, первый житель и первый выпускник интерната, и один из первых, кого направили таскать ящики во славу серой идеологии.

Но Саша, несмотря на все пережитые неурядицы, по-прежнему сохранял способность улыбаться. Причём всегда. Почти всегда.

5

Таскать ящики — дело не хлопотное. Если бы межпозвоночные диски развивались так же, как и мускулатура — даже лёгкое. Руки практически перестали чувствовать вес содержимого — приноровились. А вот спина давала о себе знать часто и больно.

Марк провёл здесь уже три недели (если считать привычным календарём). За это время

он сблизился с Сашей и Шили так сильно, что их взаимоотношения можно было назвать дружбой. В перерывах между очередными перемещениями тяжёлых грузов, они часто болтали, вспоминая прежнюю жизнь. Марк, по-большой части, молчал и слушал, лишь изредка подавал голос, чтобы что-то уточнить. Между тем он понемногу учился понимать местную письменность — благо местный язык (волею необъяснимых причин) вытеснил из разума родной — русский. Всё оказалось куда проще, чем на первый взгляд: каждый отдельный столбик являлся отдельным словом или устойчивым словосочетанием, отдельный символ означал слог. Слогов, на поверку, оказалось не так уж и много. Столбики складывались в строки. Каждая строка — отдельное предложение. Строки разбивались между собой пропусками, которые читать следовало слева на право. Главной трудностью в восприятии текста оказалось полное отсутствие знаков препинания и средств выразительности. Сплошной набор слов разбавленных цифрами.

Однако об успехах Марка не знали даже его новоиспеченные друзья. Им он только показывал, что запомнил тот или иной слог в виде символа, да уточнял значение ранее не встречавшихся.

Дни (*круги*) проходили однообразно. Ящики, похлёбка, задушевные разговоры. Марк стал воспринимать происходящее как зациклившийся сон. Не самый приятный, но спокойный. Страх быть разоблачённым исчез, а понимание местной жизни улучшалось. Марк стал замечать, что не одинок в подобных переменах. Шили тоже перестал испуганно клонить голову при виде офицеров в сером. Он почувствовал себя чуть ли равным простому гражданину. А таких было в поселении много — в основном местные жители, плюс — дельцы, приехавшие сюда в поисках наживы.

С Блэблю Марк столкнулся лишь однажды. Как-то раз, проснувшись, он поинтересовался: «который *колокол* сейчас?». Сосед по кровати нехотя буркнул в ответ: «кажись, второй. Извини, не считал, не моя смена! Но точно не третий. Нет».

Этого было достаточно. Марк должен был заступить на смену при четвёртом звоне колокола. Благо серые организовали доступное оповещение о времени — устроили нечто вроде колокольни, переоборудовав одну из сторожевых башен. И самое рациональное, за что стоило благодарить администрацию — количество ударов соответствовало текущему по счёту *колоколу*. То есть, если наступал третий *колокол* — звонили в три удара. Марк не мог по достоинству оценить это местное «*ноу-хау*», так как понятия не имел о том, что многие поколения люди просто считали одинокие удары и старались упомянуть накопившееся число.

Времени было ещё много — даже если колокол зазвонил бы прямо сейчас, у Марка оставалось ещё два с небольшим часа на личную жизнь. На что их потратить — он не знал. Впервые у него выдалась такая возможность. Потому, не придумав ничего лучше, он покинул барак и принялся бесцельно бродить по улицам.

Воздух в тот *круг* был необычайно прозрачным. Грузовики, уезжающие по прокатанной колеи, оставались на виду до тех пор, пока не исчезали за горизонтом. Солнце, в такую погоду, теряло свои алые очертания и грело землю с неистовой силой, невольно заставляя думать, будто оно поднялось в зенит. Наступала жара сильно подкреплённая испаряющейся сыростью.

Марк потел и тяжело дышал, но всё равно продолжал свой бесцельный обход поселения. Не обладай он репутацией «деревенского дурачка», местные стражи порядка заподозрили бы в нём шпиона. И в особенности тогда, когда он, наплевав на все предупреждающие таблички, направился к казармам.

Казармы были расположены в нескольких ангарах, наподобие тех, что отдали под склады. Но в тот момент они пустовали. Марк спал, когда всех бойцов по тревоге подняли, вооружили и вывели из посёлка. Куда и зачем их повели — не знал никто, но Марк и не спрашивал. Хотя было у кого — двое караульных стояли у КПП и курили самокрутки. В воздухе витал знакомый запах нестиранных носков.

— Ты куда идешь? — спросил один из караульных, сверкая покрасневшими глазами.

— Да никуда, просто хожу, — ответил Марк и уверенно приблизился к шлагбауму.

— Ну так ходи! — выдал караульный и брызнул смехом. Второй тут же подхватил, и оба закатились в безудержном хохоте.

— «Вот тебе и ЗОЖники», — подумал Марк и, как ни в чём не бывало, прошёл на охраняемую территорию.

Фривольное поведение солдат легко объяснялось — внутри не было ни души. Пустые ангара так и стояли с распахнутыми дверями. Кровати, на которых спали солдаты, так и остались не заправленными. Полевая кухня оставила о себе на память горстку пепла и баки с мусором. То тут, то там валялись серые пилотки, платки, носки из грубой ткани, даже сапоги. Всё это говорило о том, что солдат подняли внезапно и вынудили поспешно выдвигаться. Но куда?

Думать об этом Марку не хотелось. Как и о том, что будет с двумя весельчаками на КПП, если кто-то из начальства вернётся.

Однако Марка не покидало чувство, что рядом есть ещё кто-то живой, что на него смотрят, его шаги слышат и с удивлением наблюдают. Вскоре он и сам начал что-то слышать. Какие-то звуки, очень похожие на натужное кряхтение. Ускорив шаг, он прошёл вдоль ангара и выглянул во внутренний двор.

То, что он увидел, едва ли могло заставить забыть то, что он почувствовал. Увидел он Блэкблю, красного от напряжения и мокрого от пота. Блэк стоял в паре шагов от широкой ямы и интенсивно работал лопатой — засыпал землёй бездонную дыру. А запах из дыры шёл самый характерный — так должны пахнуть испражнения двух сотен человек, собранные за месяц. Собственно — в яме и были испражнения двух сотен человек, собранные за месяц. Цельный рядок туалетных кабинок валялся поодаль, демонстрируя миру ржавые крепления усиленного дна (и характерные прорези в полу).

— Что ты тут делаешь? — удивлённо спросил Марк. Его обуяло чувство, будто он застал товарища за непристойным занятием, вроде излюбленного подростками уединения с журналами. Но Блэк и не думал смущаться. Он с той же интенсивностью налегал на лопату — наваливался на неё и правой рукой, и правой ступнёй — кидал комья земли в зловонную могилу.

— Я думал, тебя расстреляли уже, — сказал Марк, всё острее ощущая неуместность своего присутствия.

— Для достижения поставленной цели, иногда приходится идти на уступки, — невпопад выдал Блэк, притом не отрываясь от занятия.

— Я не понимаю, какого чёрта ты творишь?!

— А разве не видно? Сортир закапываю. Вчера яму под новый рыл. Сегодня старую засыпаю.

— Это я вижу. Но понять не могу! Какого рожна ты этим занялся? Почему ещё не удрал? Почему всех серых тут не перебил?

— Времена меняются и требуют перемен в наших поступках. Я пошёл на небольшое

соглашение, чтобы выжить. Главное — выжить. Остальное шелуха.

После Марк не смог объяснить себе, почему он молча развернулся и ушёл. Нечто надломилось в его восприятии. Блэк, в его воображении, представал неким Роландом Дискейном, гонящимся за Блэкредом, как за Человеком в чёрном. Но стал бы Роланд Дискейн рыть сортиры, чтобы спасти свою жалкую шкуру? Вряд ли.

Увиденное стало потрясением для Марка. Потрясением, от которого он бы так и не оправился, если бы спустя пару ночей не завывли сирены.

*Да, вот и всё, о чём мы мечтали
Но жизнь не для тех кто любит сны
Мы слишком долго выход искали
Но шли бесконечно вдоль стены
Группа Ария — Осколок льда*

1

Марк, Саша и Шили работали несли очередное дежурство на складе. Начальство, повинувшись воле шизофренических голосов в голове, приказало переставить все коробки с литерой «7» из правой стороны склада в левую. Глядя на ангар, выходы из которого были одинаковыми с обеих сторон, Саша почесал за ухом и решил: «сориентируемся по солнцу». Но и эта идея не выгорела — ангар стоял как раз поперёк солнечным лучам.

Пойти за уточнением было глупо — пулю в лоб, конечно, не пустили бы, а вот дать по зубам — за милую душу. Тем более в последнее время, когда всё руководство постоянно пребывает в нервном состоянии.

Причины такого состояния были ясны, хоть и не до конца. Солдат сняли с насиженного места явно не для участия в параде. К тому же, из бескрайней равнины частенько доносились звуки, похожие на раскаты грома, это при том, что на небе не было ни облачка.

Шили полагал, что армия Спящих перешла к решительным действиям и решила-таки дать по зубам серым. Саша же считал, что солдат бросили на зачистку какой-нибудь деревеньки, в которой, по всей видимости, нашлись мастера военного дела.

— Это весьма вероятно, — говорил Саша. — После графских войн много оружия у простого народа осело. Да и бывалые стрелки — не редкость. Думаю, серые как раз на таких напоролись. Могли даже отряд целый потерять, после чего, собственно, и вызвали подкрепление в две сотни голов.

Марку в такое с трудом верилось (впрочем, напрасно).

Вой сирены раздался внезапно и оглушительно. Несколько секунд Марк не мог осознать, что бы это значило. Сам звук электрического прибора заставил его оторопеть — в этом полудиком мире не было даже проводной телефонии, не говоря уже о радио. А сирена, как оказалось, существовала. Очень знакомая по звуку сирена.

— Что происходит? — Марк выдал самый глупый в такой ситуации вопрос. Его товарищи пожали плечами и рванули к выходу.

То, что они увидели, было красноречивее любых слов. Толпы серых солдат — в оборванных гимнастёрках, в окровавленных бинтах, в грязи и поту, — бежали сломя голову. Некоторые с опаской оборачивались в сторону железнодорожной насыпи, отмечали что-то для себя и бежали дальше. Бежали, забирая в лево от солнца, но всё таки против него. Прямо чувствовалось, что им хотелось побежать прямо на *Лэфт*, но что-то не позволяло им это сделать. И это что-то двигалось как Японская эскадрилья — в лучах близкого к горизонту светила.

Сирена внезапно замолкла. Из своего штаба вышел комендант в окружении свиты. Размахивая перед лицом большим пистолетом, он отдавал распоряжения. После каждой паузы, небольшой, в половину секунды, от свиты отделялся один солдат и бежал выполнять

поставленную задачу. Когда последний солдат оставил коменданта, тот направился напрямик к складам. Пользуясь временем, которое требовалось грузному коменданту, чтобы дойти косолапым шагом до единственного открытого ангара, Саша и Марк бочком проскользнули внутрь. Шили не успел этого сделать, так как встретился взглядом с комендантом и в ужасе оцепенел.

— Шили, пошли! Шили быстрее! — шёпотом звал его Саша, но без толку. Тот так и застыл в дверном проёме, неотрывно наблюдая за тем, как к нему приближается человек с походкой и голосом медведя.

Марк тоже остановился в дверях, только с противоположной стороны ангара. Лишь на несколько секунд. Но и их хватило.

К ногам Шили подкралась широкая тень. Парень так и стоял, замороженно глядя туда, где тень начиналась. Раздался выстрел. Из головы Шили вырвался фонтан крови вперемешку с кусочками костей и серой массы.

Марк оцепенел. Нет, вовсе не от вида крови. Скорее от «флэшбэка» — ведь он сам, и совсем недавно, проделал дыру в человеческом черепе. И особенно — этот фонтанчик.

Марк так бы и стоял столбом, если бы не Саша. Тот дёрнул товарища за рукав джинсовой куртки и едва не сбил с ног. Благо, Марк вовремя вышел из ступора и сообразил, что пора уносить ноги.

Саша, вопреки всем здравым законам логики, не побежал прочь на равнину. Не побежал и к железнодорожной насыпи. Вместо этого он обогнул ангар и направился напрямик к зданию комендатуры. Едва поспевая за товарищем, Марк оглянулся. Он ожидал увидеть бесформенный силуэт коменданта. Но его там не было. Видимо, перешагнул через тело Шили и направился в ангар в поисках ещё парочки голов.

— Быстрее! — сдавленно крикнул Саша и пробежал мимо входа в приёмную коменданта.

— Куда мы? — спросил Марк. Он уже задыхался от бега.

Саша не ответил. Да это и не требовалось. Он на полном ходу врезался в дощатую дверь аварийного выхода и тем самым сорвал её с петель.

То место, куда они попали, никак не вязалось со всем, что Марк видел в затянувшемся сне. Длинная зала с высокими потолками была выложена гладкими, чёрными плитами — и по полу, и по стенам, и по потолку. Замысловатый узор, в виде белых разводов эмульсии, с трудом узнавался в царившем тут полумраке — и это при том, что узкие окна-бойницы, высотой в добрых четыре метра, выходили на солнечную сторону. Окна начинались у самого потолка и спускались к мраморному пьедесталу, тоже чёрному, на котором, должно быть, раньше стоял трон. К пьедесталу вели низкие, но широкие ступеньки. В солнечных лучах они отливали изумрудом, хотя тоже были чёрными.

Наслаждаться красотой тронного зала было некогда. Саша бежал вглубь тёмного помещения, вызывая гулкое эхо каждым шагом.

Что-то противно скрипнуло.

— Быстрее! Сюда! — скомандовал Саша. Марк приблизился и увидел, что товарищ из последних сил держит приподнятой одну из плит, что устилали пол.

— Быстрее, вниз! Давай, мне тяжело!

Марк недоверчиво глянул во тьму, что открывалась под полом, но возражать не стал. Нырять в квадратный зазор, он надеялся нащупать ногами лестницу или пол. Но их там не оказалось. Пустота и темнота. И чувство свободного падения.

Марк приземлился на что-то мягкое — достаточно мягкое, чтобы не сломать кости, но недостаточно мягкое, чтобы не набить себе синяков. Было больно, но не так, чтобы закричать во всю глотку.

— Двигайся! — прокричал Саша сверху, и, судя по радостному крику, спрыгнул. Марк, кувыркнулся и чудом успел убраться из зоны жёсткой посадки. Плита над головой, и Саша за спиной, упали одновременно. Смачный хлопок отразился эхом от стен.

То место, где они оказались теперь, было точной копией зала наверху — те же чёрные плиты устлали полы, потолок и стены, такой же полумрак царил тут и такие же пропорции соблюдались в высоте стен и ширине пола. Однако сюда свет попадал не через длинные бойницы, а через маленькие квадратные окна под самым потолком. И не было тут пьедестала со ступенями. Зато в изобилии были перегородки из дерева, очень похожие на разделители кабинок в общественных туалетах.

— Где это мы? — спросил Марк, оглянувшись на стопку спортивных матов, смягчивших его падение с пятиметровой высоты. С них как раз сползал Саша.

— Моё наследство, — сказал тот. — Замок Гринблэка. Отца. Прости, что не сказал раньше. Не доверял.

Марк хотел было присесть на выпавший из стопки мат, но Саша его остановил.

— Нет-нет. Надо уходить. Серые знают об этом месте. Сюда придут те, кто не успеет сделать ноги.

— Да что, чёрт возьми, происходит?! — не выдержал Марк. — От кого они бегут? За что убили Шили? Какого хрена здесь творится?

Саша потянул Марка за куртку и кивком указал в какую сторону следует идти.

— Тебе часто говорят, что ты тугодум? — поинтересовался без злобы Саша. — Спящие наступают. Спящие разгромили серых. Серые ноги еле уносят. А мы — ты да я — балласт ненужный. Пленные, которых в живых оставлять нельзя. Нас убить, склады поджечь — вот и все дела. Постой ка, чуть не забыл.

С этими словами Саша толкнул дверцу в одну из кабинок. За ней действительно оказался туалет с винтажным клозетом. Рядом с вмонтированной в пол раковиной лежал предмет до боли знакомый Марку — его сумка. И, судя по растянутым тряпичным бокам, не пустая.

— На прошлой неделе достал из хранилища. Твоё имя на коробке было — Марк Деревянный. Открыл, любопытства ради, а там...

Марк и сам не знал, что теперь там. Потому поспешно открыл сумку и с любопытством уставился на содержимое.

Самое главное никуда не пропало — нож-талисман был на месте и термос тоже. В боковом отделе так и лежала общая тетрадь в сорок восемь листов и ручка. Аптечка бесследно испарилась. Зато кошачий корм и огрызок яблока остались на месте. Но бока сумки распирало намного сильнее, чем должно было. И Марк не стал гадать — почему. Он открыл ещё один отсек и обнаружил там то, что в сумке изначально не лежало — револьвер, «УЗИ» и пистолет.

— Это тоже в моей коробке было? — спросил Марк, примеряя как ложиться в руку уже знакомый револьвер.

— Нет. Это было в коробке твоего знакомого. Того, что из деревни тебя увёз. Блэкбрауна, что-ли...

— Блэкблю, — уверенно поправил Марк и протянул пистолет рукояткой вперёд.

Пистолет тоже был знаком — с помощью именно этой шгучки Марк вызвал кровавый фонтан из головы насильника.

— Не-не, так не пойдёт, — запротестовал Саша. — Оружие я тебе не дам!

— А кто тебя спросит? — парировал Марк. Саша на секунду опешил.

— Всё, цирк закончился, — продолжил Марк. — Никакой я не умственно отсталый. Я обычный Спящий, которого забыли проверить. И эти вещи принадлежат мне и моему другу. Хочешь поспорить?

Саша с опаской поглядел на револьвер в руке Марка и неуверенно потянулся к предложенному пистолету. Когда между его пальцами и рукояткой оставался какой-то сантиметр, Марк отдёрнул руку назад.

— Хотя, нет! Теперь я тебе не доверяю, — пояснил он и убрал пистолет в сумку.

Сверху послышались выстрелы.

— Марк, не глупи, — выдал испуганно Саша. — Хотел бы я тебя убить, оставил бы на складе.

Марк согласно кивнул и полез за пистолетом в сумку, но в эту секунду раздался оглушительный звон разбитого стекла. Одно из окон под потолком заслонило тенью. Саша, оставив споры на потом, потянул Марка за собой.

2

Через запутанную систему коридоров и лазов, они вышли на поверхность земли далеко за посёлком. Перед ними, во всей красе, предстала железнодорожная насыпь, на которой было какое-то движение. Нет, отнюдь не железнодорожный состав. Но без техники точно не обошлось. Колона бронемашин, в числе которых были и танки, и БМП, и бронетранспортёры, двигалась прямо по шпалам. На броне сидели солдаты одетые в пиксельную форму образца двадцать первого века. Головы их защищали шлемы типа «Сфера» с поляризационным забралом. В руках (реже, за спинами) они держали автоматы Калашникова различных моделей. Лица всех солдат выражали каменное спокойствие и непреодолимую решимость. Будто не было впереди них никакой армии серых и не горели склады с боеприпасами.

Лишь несколько военных обернулись, чтобы посмотреть на стоящих внизу Марка и Сашу. Но посмотреть холодно и без интереса — парочка явно не принадлежала к числу серых, и оружия (если забыть про спрятанное в сумку) у них не было.

Проводив взглядом колону освободителей, Марк собрался идти в сторону солнца. При этом он не сразу заметил, что его товарищ направился в совсем другом направлении. Саша размахивал руками, желая привлечь внимание удаляющейся колонны бронетехники.

— Саш, ты чего? — спросил Марк.

— Да так... Дома хочу остаться. Заодно — выдать места, где серые засядут.

Марк понимающе покивал. Вместо слов прощания и объятий, он предложил ещё раз то, от чего и сам хотел бы избавиться — пистолет, который когда-то принадлежал водителю «Студебекера». Саша принял прощальный подарок и без промедления погнался за колонной Спящих.

3

— «Ну и бред», — думал Марк, откручивая очередную гайку с очередного колеса. — «Это шизофрения, не иначе. Каждый раз засыпать и видеть продолжение сна. Нет, не так. Во сне жить другой жизнью, в другом мире. Нужно показаться психотерапевту, пока не поздно... А если уже поздно? Да, может быть я уже крякнулся. Пофигу... Надо показаться!

Но что если всё это не бред воспалённого подсознания, а некий прорыв в материи реальности? И что тогда? Что это меняет? Ну, во-первых, я психически здоров. Во-вторых, у меня есть уникальная возможность побыть кем-то ещё в каком-то ещё мире. Разве не об этом мечтают миллионы людей, когда читают книги или смотрят фильмы? Разве не это желание воплощают компьютерные игры? Разве не на этой почве растут все религии? Очень многие люди мечтают о другой жизни в другом мире. Возможно потому, что их души вопют: «Нас обделили! Мы пришли из мира эльфов, ведьм и ангелов, а вы нас на должность автомехаников определили!». Как бы оно ни было, а возможность у меня действительно уникальная — прожить две разные жизни в двух разных измерениях. Вот только... А смысл в этом? Какой смысл мне во второй жизни? Да, моя первая не фонтан. Рутинная, тоска, день сурка. Гайки, колодки, патрубки, масло. Вечером — еда, фильм, секс. И по кругу. До субботы. Два дня на домашние хлопоты (такие же рутинные и однообразные), и снова — пять дней рутины и однообразия. Хоть со скуки вешайся. А в том мире? Война! Что может быть хуже? Раньше я думал, что нет ничего хуже рутины и отсутствия развития. Сейчас я понимаю, что нет ничего хуже войны. Постоянное чувство, что вот-вот случится что-то ужасное. Постоянное чувство, что тебя убьют (то, что я просто проснусь в своём мире, слабо утешает инстинкт самосохранения). А самое гадкое — замарать собственные руки в крови! Да, в крови насильников и опустившихся людей... Но людей! Людей, которые после смерти нигде не проснутся. Или проснутся? Кто этот мир разберёт... Никто, и я уж подавно. И понятия не имею, на что обе свои жизни трачу. Нет у меня, как оказалось, цели. И пути тоже нет. Только бессмысленные шаги. Я как мотылёк, что летит на свет — не понимаю в своём движении никакого смысла и не чувствую логики. Инстинкт, в моём случае — социальное взаимодействие, толкает меня вперёд. И я иду. А зачем? Что мне нужно от этой лампочки? Что мне нужно от вечно заходящего солнца в том мире? Или что нужно от гаек и фильмов в этом? Дать потомство и обеспечить всем необходимым? А мне-то что с того? Удовлетворённый инстинкт размножения. Долетел до лампочки, сгорел и засох. Вот она — реальность. Лови от неё кайф! Или поищи смысл в альтернативных мирах — если не повезло, и ты не просыпаешься ночами в потусторонней реальности, то прибегни к помощи химикатов. Начни с C₂H₅OH в различных формах и различных смесях. Уйди от себя!».

4

Лина сидела на кухне в окружении свечей и лепестков роз. Одна. Марк должен был вернуться с минуты на минуту. А Барсик брезговал её обществом. Даже запах запечённой курицы не топил лёд в его сердце.

Впрочем, не у одного Барсика в сердце наступили холода. С Марком творилось что-то не ладное. Он стал больше приносить денег домой. Стал рано ложиться. Несколько раз отказался от выбора фильма и бессовестно уснул на том, который включила Лина. И в постели. Он резко переменялся, стал каким-то отстранённым, импульсивным.

Нет, Лина не подозревала мужа в измене — если он не был на работе, то был дома. И друзей, с кем он отпрашивался бы попить пива, у него нет. Но она всей своей интуицией чуяла перемены. И, как любая женщина, начинала искать причину в себе.

— «Может я растолстела? — Спрашивала Лина себя. — Может приелась ему? Может ему со мной стало скучно?»

Сумерки за окном сгущались. Сгущались и краски в воображении Лины. Ей уже мерещился развод и раздел имущества: «Как же моя фирма? Её тоже будем делить?». Свечи, что напрасно горели и поднимали к потолку нити копоти, напоминали не романтический, а

скорее религиозный атрибут — будто горели в память об их усопшей любви.

Внезапно щёлкнул замок на входной двери.

— Дорогая, я дома!

Все переживания как рукой сняло. Родной голос заставил Лину подскочить и побежать навстречу. Она спешила так, как могла — перевернула стул, чуть не свернула дверную ручку, споткнулась об порожек. Но опоздала.

Барсик на пару секунд опередил Лину. Он нагло вскарабкался по джинсовой ткани от ног до самой груди (*как только когти от такого веса не ломаются?*) и замер, ожидая ответных объятий. Марк, привыкший к таким вот нежностям, оторвал от себя мурлыкающий комок агрессивной ласки и небрежно кинул на пол. Тот со стуком приземлился на все четыре лапы и, повернув голову, недовольно проследил за поцелуем хозяина и его супруги.

— Я ужин приготовила, — застенчиво улыбнулась Лина.

— Да, я почувствовал. Пахнет великолепно!

— Пошли же!

Марк, не развязывая шнурков, стянул с себя кроссовки, скинул прямо на них куртку и пошёл на кухню.

С ужином справились быстро. Наверное, потому, что вина и сырной закуски не было на столе — только запечённая курица и остывший чай. И не было другого, без чего не обходился ни один ужин прежде — беседы. Она всё как-то не складывалась:

— Как дела на работе?

— Хорошо. А у тебя?

— Потихонечку.

— Что так?

— Да... Сезонные трудности.

Или:

— Какой фильм посмотрим?

— Сегодня твоя очередь выбирать.

— А что бы ты хотел?

— Посмотрим, что система предложит.

После ужина они вместе пошли в душ. Наслаждаясь струйками воды, текущими по разгоряченному телу, содрогаясь от нежных прикосновений мужа, разжигаясь от страстных поцелуев, Лина потихоньку стала забывать о страшных переживаниях, что донимали её целый вечер.

Но, увы! Забвение длилось не долго. Как только журчание воды стихло, Марк обтёр себя полотенцем и вышел. Лина быстро навела порядок в ванной и пошла следом. И снова опоздала. Марк пошёл не в гостиную, а в спальную и уже крепко спал.

Свечи ещё горели и освещали кухню дребезжащими бликами. Теперь они не походили на траурное украшение. Теперь они были похожи на оккультную атрибутику, подготовленную для вызова духа из преисподней. И, возможно, кого-то действительно вызвали. А как ещё объяснить то, что в Лине проснулось отчаянное желание упасть на колени и высказать вслух свои переживания? Кто ещё мог выслушать её? Кто-то выслушал, это точно. Ведь ей стало легче. Возможно, Бог. Возможно, дух. Возможно кот, что оставил в покое косточки из мусорного пакета. А, возможно, кто-то ещё.

5

Марк, по свойственной мужчинам толстокожести, не замечал волнения супруги. Для

него всё оставалось как раньше — ужины, супружеский долг (*в ванной? это что-то новенькое!*), рутинная работа. И отсутствие совместно просмотренных фильмов его совсем не затрагивало. Отсутствие бесед — тоже.

«Бывают времена!»: ответил бы он, если бы кто-нибудь спросил. Кто-нибудь, кроме Лины. Ей бы он ответил: «У тебя нет ни малейших причин переживать! На меня свалилось много работы. А люблю я тебя ещё больше, чем раньше! На выходные давай оставим всё и рванём куда-нибудь?! Это будет здорово!». Что, в принципе, то же самое, что и — «бывают времена!», только разбавленное отговорками, ложью и пустыми обещаниями.

В другом мире, где он был так далеко от семейных дразг и ежедневной рутины, Марк уверенно шагал навстречу вечно заходящему солнцу и мял ногами бурую траву. Путеводной нитью простиралась вдаль железнодорожная насыпь. В этом мире и оставалось только, что идти вперёд навстречу приключениям. К которым относишься благосклонно, когда на кону не стоит единственная жизнь.

6

Шесть ночей одиноких странствий значительно изменили отношение Марка к происходящему во сне. Ему страстно захотелось жить тут. А способствовали этой страсти голод и жажда. Причём последняя в большей степени. Жижу, в которую превратился перебродивший квас, едва ли можно было пить. Но приходилось. По паре глотков в одну ночь. Один, чтобы сбить жажду, второй чтобы протолкнуть в желудок кошачий корм. Уходя, Марк не позаботился о провизии. Да и вообще поступил безрассудно. Не окажись в сумке термоса, огрызка яблока да пакета с сухариками для домашних хищников, он был бы обречен на голодную смерть.

Или, был бы обречён вернуться. Этот вариант Марк всё ещё рассматривал. В термосе жижи оставалась половина. И пакет с кормом содержал в себе еще три тысячи килокалорий. На этом можно было протянуть несколько ночей.

Но планы пошли под откос. Измождённый организм поднял протест и вызвал головокружение. Пройдя по инерции несколько шагов, Марк замер и потихоньку сполз вниз. Сполз сам по себе — точно брикет мороженого вмиг растаял и растёкся по бурой траве. Слева от его взбунтовавшегося тела осталась железнодорожная насыпь, справа — проторённая гусеницами колея. Он так и распластался посередине, точно герой гололомок, на карточке которой написано: «Определите: этого человека сбил поезд, автомобиль, танк или солнечный удар». Правильный ответ должна была подсказать зелёная лужа рядом с головой. Однако, в случае с Марком, никакой зелёной лужи не было — организму не из чего было её произвести.

Он понял, что не сможет встать, если не сделает хоть глоток воды. Перебродивший квас вряд ли таковой можно было назвать, но за неимением... Руки отказались протянуться за ним. Тело стало ватным и неподъемным.

— Вот и всё. Добегался. Инсульт! — заключил вслух Марк и принялся покорно ждать судьбу. Он ждал, когда веки потяжелеют и сами собой закроются. Ждал, когда же наконец очнётся в своей кровати. Но тосковал. Возможно потому, что душа слилась и с этим телом и не хотела прощаться. Возможно потому, что инстинкты этого тела стали близки душе, и она стала к ним прислушиваться. А какой инстинкт сильнее инстинкта самосохранения?

Но пробуждения Марк так и не дождался. Зато дождался галлюцинаций. Слуховых. Ему померещилось, что приближается вертолёт. Характерный рокот раздавался издали и медленно приближался. Слишком медленно для вертолёта.

Марк даже не стал прислушиваться к новому звуку. Не стал гадать, что бы это могло быть. Просто лежал и слушал.

Но когда рокот навис над самым ухом, силы внезапно вернулись. Моментально. Будто и не было никакого солнечного удара. Будто не было у организма никакого бунта. Мысли об инсульте испарились вместе со слабостью.

Марк присел и обернулся на звук. Скромный «ЗиЛ» болотного цвета приближался к нему. Неброский грузовичок вилял туда-сюда, повторяя неровную колею. И Марк нисколько не удивился, разглядев в кабине Блэкблю.

Блэк лучился счастьем. Его «ковбойская» шляпа съехала на бок. Одной рукой он держался за руль, а другой за большой стакан с коктейлем.

«ЗиЛ» противно завизжал тормозами, когда поравнялся с Марком.

— Отдыхаешь? — с фирменной улыбкой поинтересовался Блэк. Марк хотел что-то ответить, но пересохшие губы слиплись намертво. Глаза впились в стакан с коктейлем и отказывались от него оторваться.

— А я сморю, давно идёшь. И как оно? Не очень? Да не отвечай.

Марк почувствовал некоторую ненависть за саркастической улыбкой, но никак не мог вспомнить, за что Блэк может его ненавидеть.

— Как видишь, я снова на коне. У меня полный багажник горючего, а в кабине — вода и жрачка. А что у вас? Вода из Магистрали? О боги! У вас даже нет воды из Магистрали! Вы так и не узнали, как её оттуда доставать. Какая досада. Так в путь отправляться было безрассудно.

Марк почти не слышал всего этого. Он всё так же таращился на стакан.

— Хорошо, я возьму вас на борт, если вы сможете предложить мне что-нибудь стоящее. Дружбу и натуру не предлагать — товар дешёвый и некачественный.

Последние слова чудом дошли до сознания Марка. Он подумал, что у него есть единственное, что он может предложить — оружие Блэка. Почти не осознавая, что делает, Марк вынул из сумки «УЗИ» и револьвер и протянул вперёд. Попытался встать, но без толку. Только тогда он увидел то, чего никак не ожидал — сочувствие во взгляде.

Блэк вылез из кабины, забрал оба ствола, подобрал сумку, а самого Марка перекинул через плечо и потащил к машине.

— Как тебя приложило! Что же ты ушёл? Я тебя, балбеса, четыре круга искал. Хорошо парнишка местный сказал, что ты ушёл. Ну и балда! Ну и балда!

Марк ничего не отвечал. Только молча смотрел, как его усаживают на пассажирское сиденье.

— А меня, представь, пришёл комендант убивать, когда все драпали. А я ему в рожу медвежью лопатой двинул. Из-за угла, да... Не в честном поединке. А как честно против пистолета с лопатой, а? Сознание тот потерял. Ну а как очухался, я его в яму то и спустил. В ту самую, что закопать до конца не успел. Пока тот в себя приходил, я её до нужного слоя расчистил. В общем, ушёл из жизни комендант не благородно. Утонул в дерьме! А я вот что на память забрал!

Блэк продемонстрировал большой пистолет, который выглядел гигантским в руках Блэка.

— Жаль только, местная штучка. Патроны к ней искать нужно. Ну да ладно. Трофей-то знатный.

«Зилок» тронулся бодро. По проторенной колее, где каждый камешек вдавило глубоко в

почву, а иной и раскрошило в пыль, ехать было комфортно. Трясло минимально, резких поворотов не бело, перекрёстков и лежачих полицейских не попадалось. Благодать! Зелёный свет да полный бак. Что ещё нужно, чтобы стрелка спидометра дребезжала в районе восьмидесяти?

Марк жадно впился в бурдюк с коктейлем. Что именно это было — Марк не понял. Показалось — компот из неизвестных фруктов разбавленный горькой пародией на пшеничное пиво. Впрочем, вкусовые ощущения заботили в десятую очередь.

— Почему он ещё холодный? — поинтересовался Марк, когда, наконец, смог разлепить пересохшие губы.

— Рефрижератор в кузове. На бортовом электричестве пашет. Явно не родной. Может с японки какой скрутили.

Блэк нахмурился. Вместе с его улыбкой померк и свет вечно незаходящего солнца.

— Осталось не далеко до леса. Пару ночей такой езды. Дальше дороги не будет. Там местами и по склону насыпи не пройти — чаща жуткая. Пойдём пешком. Через лес это очень опасно. Но что делать?

Блэк почесал седую щетину. От неё раздался электрический треск.

— Спасибо тебе! — печально добавил Блэк. — Без тебя я бы голым в дебри пошёл. В этой пукалке, — Блэк продемонстрировал пистолет коменданта, — осталось шесть патронов. С ними в лесу делать нечего. Даже застрелиться не хватит. Армия Спящих все трофеи собрала. Я этот-то чудом утаил. А ты гляди ка — весь старый арсенал прихватил.

— Не я, — буркнул Марк. — Это Саша, парень из местных. Он для себя их стянул. Не так уж получилось...

— Да, видел я того Сашку. Он вроде как — сынок местного воротилы. Как Спящие зачистили посёлок да укатали на *Лэфт*, его местные тут же графом объявили. Грэй он, что ли?

— Грин, — поправил его Марк с ехидной улыбочкой. — Саша Грин.

7

Блэк немного ошибся: ехать предстояло не две ночи, а три. «ЗиЛ» сжигал топливо беспощадно — заправляться приходилось по два раза за ночь. Но и при таких расходах к концу пути остались нетронутые канистры.

В последнюю ночь езды на «ЗиЛке» Марк стал замечать, что пейзаж за окном стал постепенно меняться. Чаще стали попадаться искорёженные деревца. Бурая трава превратилась в сплошной ковёр, утопив в собственном ворсе россыпь булыжников (за исключением самых крупных). Местами можно было заметить пучки тростника.

— Мы подъехали к Полосе дождей. Посмотри на небо! Видишь? Тут всегда плывут облака. Бывают редкие. Бывают погуще. Бывают низкие, что за туман принять можно. А бывают и грозовые. Я как-то попал в грозу, которая прямо у земли разразилась. Страшно аж жуть. Молнии по земле бьют, поперёк проносятся. Озоном пахнет. Деревья загораются. Животные в панике бегут. Чувствуешь, как волосы от электричества дыбом встают. А грохот-то какой! Будто под артобстрел попал.

— Невероятно!

— Да это ещё что... В общем, эта полоса через весь Материк тянется. Вдоль неё лес и разросся. А где-то и до болот дело дошло. Нам поперёк полосы идти надо. Но недалеко. С неделю где-то. Там мы к Порталу и выйдем. К посёлку Портал, если помнишь.

Марк покивал.

Вскоре горизонт превратился в одну сплошную, чёрно-зелёную линию. Медленно, словно грозовая туча, эта линия подплывала всё ближе и ближе. Затем линия превратилась в непреступную стену.

— Это лес? — поинтересовался Марк, глядя на приближающуюся массу черноты и зелени.

— Он самый.

В непроходимой стене стали проявляться отдельные фигуры. Марк сразу признал в них деревья — огромные, многовековые ели. Точно такие же, как в привычном мире.

По мере приближения, Марк стал различать и мелкую хвойную поросль. Она заполняла всё пространство вокруг своих могучих сородичей. И казалось, ту поросль можно перешагнуть. Но это был обман восприятия. Самый маленький хвойный кустик доходил до груди высокому мужчине. А вековые ели — могли бы конкурировать по высоте с секвойями (проиграли бы, конечно; но второе место заслуженно заняли).

Колея закончилась внезапно. Её перегородило то, что и проложило. Танк песчаного цвета замер у подножья первого хвойного гиганта. Башня с дулом устало упёрлась в землю, а чешуя брони местами взерошилась. С первого взгляда казалось, что танк взорвали. Но едва ли тут пахло взрывом. Броня осталась чистой — ни копоти, ни гари. Не было рваных дыр и порезов осколками. Просто брошенный танк с оторванной башней.

— Ого! — воскликнул Марк.

— Да, зря они так далеко на тракторе заехали. И мы, тупицы, за ними следом.

Блэк поспешно покинул кабину «ЗиЛа», прихватив с собой заплечный мешок (судя по виду — новый). Марк последовал его примеру.

— На, возьми «УЗИ»! Я в кузов — заберу припасы. Увидишь что необычное — стреляй и беги к танку. Обязательно беги!

Марк согласно покивал, принимая оружие. Что именно он мог увидеть — было непонятно. Но явно что-то страшное и сильное. Что-то, что способно оторвать танку башню, точно голову таракану. Есть ли смысл стрелять в такое? Наверное, нет. Но стрелять нужно. Ради приличия.

— А что это с танком? — спросил Марк, когда Блэк уже шуршал в кузове «ЗиЛа».

— Оборотень порвал.

— Оборотень?

— Ага. Помнишь? Я о них рассказывал. Твари в виде людей и животных, что способны превращаться в гигантских спрутов.

— Да, помню, кажется.

— Так вот, у края самые опасные из них обитают. На мелочь, вроде одинокого путника, не размениваются. Обычно — жрут себе подобных. Тех, что размером поменьше. Ну или табуны оленей выслеживают. Они твари умные. У многих интеллект сравним с человеческим. А по слухам, есть и те, у которых он превосходит. Так вот — на танк не с голоду зверюга бросилась. Скорее всего, показала кто тут главный. Может вояки её раззадорили.

Марку захотелось уйти отсюда, и как можно скорее. Иди знай, не решит ли она свои обиды на грузовике выместить? А то ещё и под горячую руку попадёшь.

Блэк долго ждать не заставил. Через пару минут вылез из кузова, неся в руках два вещмешка набитых под завязку.

— Помогай! — сказал Блэк, сунув один из мешков Марку. Тот покорно принял ношу и

натянул на плечи как рюкзак. Сумка, что уже весела на плече, несколько мешала, но девать её было некуда.

— Пошли! — скомандовал Блэк. — И гляди в оба! А ещё — слух напрягай! Уши опасность лучше улавливают, нежели глаза. Глаза за спину не смотрят. А опытное ухо — за километр в радиусе всех мышей пересчитает.

Марк согласно покивал, хотя про себя думал: «Мой предел — бегущего мамонта с трёх метров заслышать!».

Впрочем, Марк быстро понял, насколько себя недооценил. Не успели они отойти от грузовика и на сотню шагов, как все органы чувств обострились до предела — слух уловил скрип ветвей, кожа почувствовала холодок, ноздри различили запах разлагающегося тела. И мозг сразу приспособился к различению инородного — по одинокому жужжанию мухи определил, откуда тянет ароматом мертвечины; по лёгкому шлейфу машинного масла обнаружил брошенный в кустах автомат; по обломанным веточкам определил размер пробежавшего тут создания.

— Тут, похоже, было жарко, — шёпотом сказал Марк. Инстинкты подсказали ему, что лучше быть тихим.

— Не то слово! — в полный голос ответил Блэк. У Марка даже зазвенело в ушах от его баса. — Видать экипаж успел через аварийный люк удрать.

— И что, их всех сожрали? — чуть громче спросил Марк.

— Не думаю. Разве что — они по оборотню из бортового орудия попали. И не убили. Тогда элемент мести возможен. А в качестве гастрономического удовольствия — вряд ли. Для оборотня такого размера, человек — семечка подсолнуха. Одинокая, нежареная и несолёная.

— Значит, у нас есть шанс с этими ребятами повстречаться?

— Мизерный. Они, скорее всего, по рельсам ушли на *Сан*. Вот и мы так же поступим.

8

— Марк! Марк! Очнись! Бежим!

Пеленой окутало разум. Ею же застило зрение. Посреди рабочего дня, когда машина зажата в лапах подъёмника и висит в полутора метрах над землёй, потерять контроль над собой — непростительно. Особенно когда клиент смотрит прямо на тебя. Но в голове набатом раздавалось: «Вставай! Подъём! Бежим!», и мысли путались.

— Извините, я на минуточку, — сказал Марк, бросил на пол гаечный ключ и скрылся в недрах подсобки. Едва успел закрыть за собой дверь туалета, как беспроглядная тьма выкатилась из крохотной точки внутри мозга и расплылась до масштабов Вселенной.

Марк очнулся в мире вечно заходящего солнца. Но солнца не увидел. И света тоже. Темнота заполняла всё вокруг. Темнота, но не тишина.

— Да что мне с тобой делать? Сожрут ведь! — истерично кричал Блэк. Марк еле увидел его морщинистое лицо в зените.

— Ну и чёрт с тобой! Я уношу ноги.

Услышав последние слова, Марк попытался что-то ответить и пошевелиться, но не смог — тело как будто отказывалось подчиняться приказам головы.

Медленно, словно через вязкую тину, Марк пробивался к контролю второго тела. Вот начали слушаться пальцы. А вот губ коснулся ветер. Теперь и веки стали закрываться и открываться по команде.

Но кое-что ускорило возвращение в иную реальность. Раздался оглушительный рёв —

настолько мощный, что завибрировала земля. Казалось, что голос разъярённого тигра усилили через канцерные динамики и поверх наложили брачную песню кита. Звук получился будоражащий до оцепенения и наводящий тоску до боли.

— «Вот так кричали динозавры, — пронеслась в голове Марка неуместная мысль. — Все не так, как показывали «Дискавэри» и «Парк Юрского периода». А вот так!».

В секунду Марк очнулся и вскочил на ноги. В густой темноте были видны только силуэты вековых елей, да листья гигантских папоротников. Низкое солнце, мало того, что не пробивалось сквозь густые хвойные кроны, так ещё и скрылось за тяжёлыми, чёрными тучами. Света было ровно столько, сколько нужно кроту для комфортной жизни.

В ушах ещё звенело от рёва «динозавра». Но не смотря на это, Марк услышал, как трещат ветви деревьев. И треск становился всё ближе.

Рука сама скользнула в раскрытую сумку. «УЗИ» исчез. Вернее, его умыкнул Блэк, когда решил, будто спутник так и не очнётся. Единственное, что оставалось Марку — взяться за нож-талисман — ведь бежать стало поздно.

Листья гигантского папоротника расступились. На долю секунды перед Марком возникло существо, больше всего похожее на помесь бурого медведя и шакала — огромная, бесформенная и широкая туша оканчивалась маленькой, узкой, но очень зубастой пастью.

Существо низко пригнуло голову, так, чтобы смертоносный клыки сомкнулись поперёк талии. Инстинкт подсказал Марку прыгать — так, как если бы в него летел капот разогнавшегося автомобиля. И не зря. Столкновение получилось жесткое. Узкая морда поддела Марка, точно бык тореадора. Он кувыркнулся в воздухе и прокатился по щетинистой спине неведомого зверя.

Марк не отдавал себе отчет в том, что делал (да и до отчетов ли было в эти три роковые секунды?). В полёте он вонзил нож в густую шерсть зверя. Лезвие вошло легко, как в бисквитный торт, пропорол несколько дюймов и застряло в чём-то твёрдом.

Марк крепко схватился за рукоятку. Так крепко, что смог удержаться на спине неведомого монстра. Не без последствий — от столкновения он получил переломы обеих берцовых костей, а от резкого торможения — растяжение и разрыв связок правой руки.

Но всего этого Марк не почувствовал — слишком сильно действовал адреналин, и слишком быстро развивались события. Он только понял, что ободрал кожу, и что сидит верхом на многотонной туше, которая решила-таки затормозить.

Что зверюга намерена делать, когда остановится — было очевидно: скинуть наездника и сожрать в два укуса. Может помучать перед смертью, откусив для начала ту половину тела, которая не умеет кричать. Поэтому Марк не стал дожидаться полной остановки щетинистого экспресса. Он со всей силой потянул за "стоп-кран" (нож в спине монстра). Не сразу, но тот поддался. А потом снова по рукоятку ушёл в густую шерсть. И снова с трудом вышел обратно.

Марк бил монстра истерично, неистово и бессистемно — просто тыкал ножом в загривок, даже не надеясь на успех. Это были отчаянные попытки мыши отбиться кошки. И Марк, ослеплённый яростью и отчаянием, не заметил, как одна из шести лап монстра превратилась в гигантское щупальце. Оно потянулось к непрошеному наезднику.

Марк не заметил, как то же самое случилось с хвостом — тот тоже стал трансформироваться.

Щупальца практически схватили Марка в тот миг, когда он, по чистой случайности, угодил в что-то твёрдое. Нож застрял, отказался вылезать наружу и от коротких рывков, и от

всей приложенной дури. Зато вглубь ушёл быстро, стоило только навалиться всем весом.

Когда рукоятка ножа скрылась в щетине, Марк отчётливо услышал звук: «чпок». Он прямо почувствовал, как что-то отделилось внутри монстра.

Щупальца судорожно заметались в разные стороны. Раздался хруст ломающихся ветвей, который тут же заглушил протяжный рёв Медведеподобного существа. И рёв этот был настолько сильным, что Марк невольно зажал уши руками. Щупальце взметнулось бесконтрольно и сбilo Марка со спины монстра. И он успел оценить, насколько сильным и упругим были это щупальце — все позвонки прохрустели от такого удара.

Марк пролетел с десятков метров, прежде чем столкнулся с плотным переплетением листьев папоротника и лопуха. Приземление, можно сказать, было более чем удачное. Откинь его щупальце на десять градусов левее, и свежесломанные ветви пронзили бы тело новоиспечённого Спящего, точно шампур кусок маринованного мяса.

Марк наконец почувствовал, какие травмы получил на самом деле. Ещё не ощутил всю полноту и гамму предстоящей симфонии, но уже начал понимать, какие части тела будут задействованы в оркестре.

Толи тучи над головой утончились, толи глаза привыкли к темноте — Марк стал различать размеры и очертания монстра. Машина, габаритами превосходящая бегимота, корчилась на земле. Все её конечности (и хвост) превратились в щупальца и бессмысленно цеплялись за воздух. Все ветви и кусты вокруг них уже были срезаны, точно тут потрудились гигантский триммер. Голова неподвижно лежала на земле, из пасти тихо лилась жалобная песня, похожая на брачный призыв кита.

Марк попытался подняться. Тщетно. Боль пронзала всё тело, а правая рука отказалась слушаться. Понимание не лёгкого положения пришло быстро.

— Блэк! — отчаянно выкрикнул Марк. Никто не отозвался. Даже эхо проигнорировало его. Тогда Марк прикрыл глаза, всем сердцем надеясь, что сможет проснуться в своём мире и забыть о чудовищной боли во всем теле.

И проснулся. Щека почуяла влажную прохладу кафельной стены. Нос уловил пары хлора.

*Назови мне своё имя,
Я хочу узнать тебя снова,
Всё по кругу, но всё будет иначе,
Я даю тебе слово.*

Группа Липен — Назови мне своё имя

1 Оттепель

Слабый луч надежды озарил испуганное сердце Лины. Марк, как будто охладевшей к ней в последнее время, снова начал проявлять знаки внимания. Во-первых, с работы он стал возвращаться на полчаса раньше. Во-вторых, редко пересекал порог дома с пустыми руками — обязательно приносил скромный букетик, безделушку или коробку конфет. В-третьих, и пожалуй самое важное, он перестал рано засыпать, благодаря чему они вместе могли досмотреть фильм и ещё кое-чем заняться.

— «Возможно, у него было много работы, — решила Лина после долгих раздумий. — А я, дурочка, подумала, что семья рушится. Вот и верь после этого женской интуиции. Страхи это всё. Необоснованные страхи».

В тот вечер замолчали все: и страхи, и интуиция и сама Лина. В наступившей тишине было слышно только, как Марк потягивает из картонной коробочки китайскую лапшу. Свечи не горели, и лепестки роз остались на нижней полке холодильника. В них не было нужды. В улыбках супругов было куда больше романтики, чем в любом антураже. И еда из китайского ресторанчика становилась деликатесом, потому что приправлена была не гастрономическим аппетитом.

Насладившись десятью минутами счастливой тишины, Лина всё же решила завести разговор. Не потому, что устала молчать. Но потому, что захотела услышать голос любимого.

— Как дела на работе? — спросила она.

— В целом — хорошо!

— Случилось что-нибудь запоминающееся?

— Да нет. Хотя постой... Точно! Представляешь, сегодня генеральный директор приезжал!

— Да ладно! И что?

— Я, в последние дни, так уставал за половину рабочего дня, что на обед закрывал бокс и ложился спать. На час, обычно. Но сегодня этого не стал делать. Наверное потому, что работы стало меньше. И представляешь, как раз сегодня директор приехал! Не надолго, минут на двадцать. Посмотрел на нас (даже не поздоровался, сволочь зазнавшаяся), посмотрел на боксы, да пошёл с Викторией чай пить.

Лина, получив по своим необоснованным страхам очередной удар, широко улыбнулась. Она понятия не имела, что ей сейчас навешали лапшу на уши. Да, директор действительно приезжал. И да, он действительно видел открытый бокс и работавшего там Марка. Вот только увидел это всё не потому, что у его подчинённых убавилось работы, а как раз наоборот.

Директор явился на свою СТО, дабы убедиться в том, что сотрудники ни минуты не простаивают — как никак, выпал первый снег и автолюбители массово кинулись переобувать колёса. И, надо сказать, несколько расстроился, когда обнаружил кипучую

деятельность. Ведь на один из боксов у его приятеля имеются свои планы, которым, похоже, не суждено исполниться в ближайшее время.

— Надо же, так много работы, что тебе нужен был сон в обед, — с сочувствием прокомментировала Лина ту часть рассказа Марка, на которой её внимание оборвалось.

— Да, очень много. Но сейчас полегче будет. Мне так кажется.

— Я тоже на это надеюсь.

Последние слова Лина произнесла думая о своём. Она действительно надеялась, что сейчас будет легче. Но не Марку, а им. Им обоим. Будет легче в общении, в отношениях друг с другом, в интимной жизни (что, по сути, залог всего остального).

2

Настоящая же причина, почему Марк перестал вести себя так, как его любимый кот (то есть спать днём и ночью) заключалась вовсе не в объёме работы. Эту причину вообще нельзя было отследить в привычном мире. Зато в другом...

В другом мире переломанное тело Марка было изувечено и иммобилизовано. Блэк, как мог, сопоставил переломанные кости ног и зафиксировал с помощью ветвей и лоскутов ткани. Правую руку он тоже счёл сломанной и подверг одной участи с ногами. В распоряжении Марка осталась только одна рука. Но на ней далеко не уйдёшь. А оставаться посреди глухого, вечно мрачного леса, в окружении оборотней и неведомых тварей, было не уютно.

Блэк первое время думал бросить своего спутника и отправиться дальше в одиночку. С этой мыслью он провёл не одну ночь (*если считать по Московскому времени*). Но туша громадного зверя, лежавшая всё это время рядом, в конце концов, заставила передумать.

— «Это надо же, ножом оборотня прихлопнул! Такую зверюгу взвод пулемётчиков целый час обстреливать будет, и не навредит! А этот... Удачливый чёрт! Нельзя такого бросать. Может пригодиться».

Конечно, про взвод и час было преувеличением. Но и без громадной доли везения тут действительно не обошлось. Марк, волей Фартуны и местных богов, угодил лезвием ножа прямо между позвонками монстра. И сделал это в последний момент. Ещё секунда, и оборотень превратился бы из громадного медведя с шакальей мордой в беспозвоночного спрута. Тогда бы Марку не помог ни нож, ни танковая батарея — в облике спрута оборотни теряют уязвимость, хоть и не становятся бессмертными. В облике зверя (или человека) оборотня можно убить обычными для мира Марка способами — с поправкой на габариты монстра и толщину его шкуры. А в облике спрута — разве что напалмом или взрывчаткой в центр тратила. Спруты невероятно живучие: если не сгорают до тла или не разлетаются на миллиарды кусочков — регенерируют, и быстро.

Марк успел перебить позвоночник псевдомедведю. Только тем и спасся. Хотя, если посмотреть на внешний вид победителя оборотня, можно усомниться в последнем утверждении.

Блэк смирился с мыслью, что придётся тащить на себе своего «удачливого» товарища. Прикинув кое-что в голове, он понял, что может разделить участь оборотня, если взвалит тушу товарища на немолодую спину. Позвоночник выдержит от силы двести метров, а дальше — в лучшем случае, ущемление и грыжа.

Осознав, что напрягать спину не выйдет, Блэк напряг голову. И она подсказала единственное верное решение — собрать волокушу.

Ветвей в лесу — хоть отбавляй, но вот чтобы найти подходящие — нужно постараться.

И Блэк с задачей справился: нашёл парочку изогнутых веток на молодой сосне. С помощью затяжной очереди из «УЗИ» он «срубил» их с дерева. Усердно поработав ножом, а кое-где и револьвером, Блэк вытесал из ветвей полозья. На полозья натянул освежёванную шкуру псевдомедведя (*от которой, надо сказать, шёл тот ещё запашок*).

Поучилось нечто среднее между волокушей, санями и носилками. Изогнутые полозья скользили по хвойной постилке и позволяли не тратить лишние силы. А в мешке из медвежьей шкуры спокойно спал Марк.

Блэк ругал себя за то, что не освоил в своё время выделку кожи. Шкура быстро начала разлагаться, и к аромату мокрой псины прибавились нотки тухлого мяса. Но выбор был не велик: или терпеть зловонье, или бросить товарища — вот и всё.

И Блэк, сам до конца не осознавая почему, терпел. Терпел и тащил.

Марк приходил в сознание часа на четыре за ночь. Это время было невыносимой мукой, так как тело на любое подпрыгивания отзывалось жуткой болью. А подпрыгивать приходилось часто.

Блэк старался идти через просеки. Их, на счастье, было немало в бескрайних лесах. Очевидно, голые полосы образовались в результате массовых вырубок, которых было, по словам Блэка, очень много за последнее время.

— Первые просеки появились, когда строили Великую Магистраль, — рассказывал Блэк. — Потом их обновляли, при замене шпал на железной дороге. После началась массовая электрификация, что опять повлекло масштабные лесозаготовки: столбы то нужны. В общем, тут любая грандиозная затея на лесах сказывается. А просеки, сам понимаешь — рациональное расходование безграничного ресурса: и тебе дорога получается (если пни выкорчёвывать), и защита леса от крупного пожара. Да и географическая разметка, на случай, если кто заплутает.

Марк почти не слушал рассказы Блэка: сил едва ли хватало на то, чтобы поесть, попить, да нужду справить. Последнее было самым тяжёлым, благо Блэк не отказывал в поддержке.

3

Блэк планировал добраться до Портала за три недели. Но случившийся инцидент замедлил продвижение в несколько раз. По истечении расчётного времени он с ужасом обнаружил, что лес заканчиваться не собирается. Больше того, лиственные деревья только-только начали появляться. А это значило, что они не преодолели и двух третей намеченного пути.

От досады Блэк бросил волокушу и бессильно скатился вниз, рассевшись у подножья громадной сосны. Напротив, по другую сторону просеки, рядом стояли белостволые берёзы. Ветер теребил золотые листики на низких кронах, иногда срывал один или два. Сорванные листья кружились в полёте, медленно падая на бурую постилку.

Блэк зачарованно уставился на умиротворяющую картину: лес, пребывающий в вечной осени, грелся в лучах вечно заходящего солнца. Редкие птички стайкой проносились мимо, заливались звонким щебетом. Воздух пронизывал аромат сырости и хвои. Иногда ветер доносил запах древесной смолы.

Разочарование, многодневное напряжение, умиротворение и тишина убаюкали бдительность бывшего Спящего. Наслаждаясь красотой момента, Блэк не заметил, как к ним кое-кто подкрался.

А вот Марк заметил. Собственно, это было первое, что он заметил, когда проснулся.

— А-а-а! Блэ-э-эк! — истерично заверещал он. — Помогите!

Блэк обернулся и в мгновение вооружился револьвером. Но стрелять не стал.

— Блэк! Помоги! — не унимался Марк. Да и как ему было уняться. Ведь прямо к его обездвиженному телу ползло будоражащее воображение существо. Нечто, что очень напоминало и человека, и паука. Из мохнатого тела симметрично выходило шесть лап, очень похожих на человеческие руки. Позади болтался шар телесного цвета, украшенный пульсирующим узором вздувшихся вен. Голова выходила из туловища сразу, без шеи. А вот лицо существа ставило в ступор. Оно было почти человеческое. Шесть глаз симметрично расходились от середины лица к ушам — к совершенно человеческим ушам. Под глазами торчал крошечный треугольник носика — точно снятый с фарфоровой куклки. А под носиком — пухлые девичьи губки, розовые, будто смазанные помадой.

Существо медленно подползало к Марку. Чудовищные глазки поочерёдно моргали, треугольный носик пробовал воздух.

— Блэк! Твою мать! Что это такое?!

— Арахна, — спокойно ответил Блэк. Его револьвер уже покоился во внутреннем кармане куртки.

— Что ей нужно? Ты что, меня нарочно к ней тащил?

— Упокойся, она людей не жрёт.

— Да?! Что-то не похоже!

Блэк уверенно подошёл к арахне и протянул руку. Существо шмыгнуло носиком, оторвало от земли передние лапы-руки и нежно, по-кошачьи, обтёрлось личиком об ладонь.

— Она хочет помочь тебе.

Марк перестал кричать. Однако заставить себя дышать нормально так и не смог: судорожно глотал воздух, делая по шестьдесят вдохов-выдохов в минуту.

Арахна подползла поближе к волокуше, поморщилась (*ещё бы, такая вонь от шкуры*) и уставилась на ноги Марка. Тот только и успел заметить, как существо прикинуло что-то в голове, как вдруг...

Арахна обнажила четыре острых клыка, что прятались под кукольными губками. В несколько укусов они разорвали в клочья перевязки, которыми Блэк зафиксировал сломанные конечности Марка. Освободив от фиксирующих шин свою жертву, арахна принялась за свежее мясо. Она кусала Марка за обе ноги и правую руку. Кусала снова и снова. Пониже колена, за ступню, повыше щиколотки, прямо в место перелома, чуть повыше.

Марк попытался отпихнуть от себя монстра здоровой рукой. Но не удалось. Арахна лапой-рукой вцепилась в его кисть и отвела далеко назад. И продолжила болезненные укусы.

Клыки вбрызгивали яд при каждом укусе. От яда мышцы быстро немели и отказывались слушаться. Сердце бешено заколотилось от страха. Рот наполнился едкой и вязкой слюной. В глазах поплыло.

Кровь в местах укусов сразу сворачивалась, образуя чёрно-красные бусины. Вскоре такими бусинами покрылись обе ноги и рука Марка. Он сам перестал чувствовать боль и потерял контроль над телом. Дышать стал легко и медленно. Ничего не видящие глаза уставились в небо. Струйка пенистой слюны потекла из уголка губ.

Наделав своему «пациенту» инъекций, арахна принялась за перевязку. Она легла на спину и подняла четырьмя лапами в воздух обездвиженное тело. Нижняя пара лап вытащила из круглого брюшка толстую нить паутины — настоящий шнурок, даже бельевая верёвка. Быстро перебирая лапами, арахна закрутила в воздухе тело Марка с такой скоростью, с

какой космонавтов крутят в центрифуге в предполётной подготовке.

И вот, одна переломанная нога до бедра забинтована липкой паутиной. Ещё мгновение, и та же участь постигла вторую ногу. А вот рука обошлась без перевязки.

Арахна положила Марка на хвойную подстилку и коротко осмотрела. По скользнувшей улыбке на её фарфоровом лице можно было догадаться, что она довольна проделанной работой. А потом её личико снова перекосила гримаса отвращения. Она отвернулась от Марка и рванула к волокуше. Мгновение, и шкура оборотня была сорвана с полозьев.

Блэк поспешил к Марку. Его нужно было срочно положить на бок, пока пеннистая слюна не потекла в горло.

— Не бойся, дружок: она тебя подлатала. Отдохни чуток.

Марк попытался что-то сказать, но получилось только невнятное мычание. А потом его вырвало. Обильно.

— Ну ничего, это бывает. Ты главное не глотай пену. В ней ничего такого. Просто похмелье будет. Слюна токсины выводит.

Арахна тем временем занялась модернизацией волокуши. Вместо медвежьей шкуры она наплела плотный тент из серебристой паутины. А между полозьями закрепила две поперечные ветки, из-за чего тент сильно натянулся и не провис мешком.

— Спасибо тебе, красавица, — сказал Блэк, оценив труды арахны. — Только чем бы тебе отплатить?

Арахна всеми шестью глазами уставилась на Марка и обнажила два верхних клыка.

— А, ну пожалуйста! — с фирменной улыбкой сказал Блэк и быстро попятился в сторону.

Паучиха с руками и лицом милой девушки подползла близко к своему пациенту. Дымка, что навалилась на его карие глаза, стала улетучиваться. Пена перестала течь из уголка губ. Лоб стал морщиться, отзываясь на возвращение чувствительности.

Арахна провела тыльной стороной ладони по губам Марка. И он это почувствовал. Она подвинула его в сторону, подальше от дымящейся лужи блевотины, и он был ей за это благодарен. Она склонилась над ним, и он увидел её лицо: очень милое, несмотря на шесть разноцветных глаз. И когда она его поцеловала, он хотел ответить ей встречным движением губ, но понял, что ещё парализован.

Арахна беззвучно убежала в чашу леса. Марк только раз заметил её брюшко между вековыми елями. И почувствовал, наконец, след от поцелуя. Подозрительно знакомый.

4

Чудесного исцеления не произошло. Марк по-прежнему чувствовал нестерпимую боль в ногах, когда подпрыгивал на кочках. Больше того, к боли прибавился ещё и зуд — каждая бусинка запёкшейся крови чесалась так, как будто блохи ползали поверх комариных укусов. Да это полбеда: каждая рана зудила внутри. Нестерпимо зудила.

Абгрейд волокуше пошел на пользу. Марк больше не болтался в мешке, раскачиваясь как вымя у дойной коровы. Он был буквально приклеен к плотно натянутой паутине. И это принесло большой комфорт. К тому же: в таком положении его ноги могли правильно срастись, что было никак не возможно в мешке. При том, отклеиться от паутины, при желании, было не сложно. Главное не паниковать и не дёргаться, а отрываться плавно, как отклеиваешь скотч от картонной коробки.

Марк озадаченно изучал кроваво-чёрные бусинки на правой руке — места укусов. Они зудили намного меньше, возможно потому, что не были завёрнуты в кокон из паутины. И

укусы оказывали анестезию, благодаря которой можно было шевелить пальцами руки. Марк, почему-то, был убеждён, что пальцами нужно шевелить — разрабатывать, дабы поскорее ввести в эксплуатацию.

— Ты мне всё таки объясни, — попросил Марк, — что она там такого со мной сделала? Третью ночь от её нежных поцелуев отхожу.

— Да ничего особенного, — пыхтя, ответил Блэк, ему всё труднее становилось тащить тушу напарника. — Ввела тебе свой яд. В разумных дозах. Не чтобы переварить, а чтобы помочь твоим костям срастись быстро и правильно.

— Она что, на хирурга училась?

— Арахна? Не-е-ет! Это у них коллективный разум. Даже не пытайся понять. Скажу так: мы тысячи умов, сливающихся в общество. А они — один ум, управляющий отдельными пустыми головами. Вот их сообщество знает, как такие различные травмы лечить. Хотя, чего там знать — кусай где болит, замотай где сломано.

— И что, они всем больным помогают? За поцелуи невинные?

— Э-э не-е-е! Ей кто-то приказал это сделать. Скорее всего — их паучье сообщество. Может в благодарность за избавление от оборотня: наверняка он их собратьев покушивал.

— А не далековато ли мы от их сообщества? Скоро месяц, как мы с оборотнем тем свиделись.

— Не говори о том, чего не понимаешь. Они весь лес населяют. И все они — единый разум. Что знает арахна на одном конце леса, то видит другая на втором. Что болит у одной арахны, то болит у всех её сородичей, где бы они ни были. И если пожирают живьём одну арахну, кричит от боли и ужаса весь их род.

— Да уж, весёлая семейка. Погоди, это что выходит: меня всё их поучье сообщество в лице этой куколки поцеловало?

— Выходит так.

Марк немного позеленел от услышанного. Теперь, когда он почти забыл милое, кукольное личико с треугольным носиком, этот поцелуй ему казался прикосновением к Вселенской клоаке. А тут выясняется, что тем поцелуем насладились целая стая Вселенских клоак.

— «Какая гадость! — думал Марк. — Хорошо, что я проблевался перед этим. Надеюсь сей привкус они тоже распробовали».

Мимо проплывали золотые берёзки. Кое-где встречались невысокие дубы с широкими стволами — казалось и десятку человек не обхватить такое основание дерева. Сквозь хвойную постилку стала пробиваться знакомая бурая трава. Изредка появлялись цветочные полянки, на которых густо росли фиолетово-зелёные одуванчики. Белые бабочки стайками кружили над полянками — самые обычные бабочки, капустницы. Хлопанье их тонких крыльев навеяло страшную тоску по нормальному миру, где солнце и садиться, и встаёт, где тьма и свет разграничивают периоды бессмысленной суматохи, где нет нескончаемых патронов, где нет оборотней и арахн, где одуванчики жёлтые, а их перевоплощение — белое. Где можно просто лечь спать и повитать в мире шизоидных образов. Как оказалось — психика по ним начинает скучать.

— Блэк, а давно ты здесь? — спросил Марк, когда понял, что находится на грани слёз.

— Ты о чём?

— Ну об этом... О мире снов.

— Трудно сказать. Полагаю, лет двадцать.

— И чем ты тут занимался, все эти двадцать лет?

— В основном, на рудниках батрачил. Вину перед Блекрэдом искуплял.

— И в чём ты перед ним виноват?

Блэк на какое-то время замолчал, и Марк решил было, что не дожждётся ответа. Но, всё таки, его получил.

— Я был на службе у этого маленького засранца. Тогда шла Графская война — каждый дом пытался урвать как можно больше власти. Дом Блэков, на тот момент, был слаб и малочислен. Но этот мелкий гадёныш, Ред, всё равно втянул своего отца в общую заварушку. Естественно, Блэквайт, его приёмный отец, погиб, и довольно быстро. А Ред, по местным меркам в возрасте шесть *вех*, стал главой дома Блэков. И вот тогда началось.

Первым делом он приказал убить всех служанок, потому что они докучали ему и не позволяли себя лапать. Потом приказал расстрелять всех баронов — свиту своего отца — и реквизировать их имущество. А потом решил расправиться с теми, с кем он вместе учился. Мы, личные гвардейцы, притащили его одноклассников на Бессову опушку, жертвенник древних оккультистов. Среди детей были и местные — отпрыски знатных баронов. Были и Спящие — приёмные дети глав домов и наследники их подчинённых. Дети. Будущие политики и полководцы. Там были мальчики и девочки. Все жутко испугались. Все плакали. Все молили о пощаде, знали, для чего их сюда привели.

Ред приказал нам всех расстрелять. И я знал почему. Эти дети дразнили его в школе, подтрунивали и не хотели впускать в свой круг. Обоснованно: Ред на всех смотрел, как на идиотов. Он ни с кем не соглашался ни в чём. Часто спорил и стоял на своём. Пытался интригами и подлостями заставить детей подчиняться ему. Но они его только призирали. За это он решил их всех перебить.

Но я отказался. Отказался и сказал, что убью любого, кто спустит курок. И это была глупейшая ошибка. Остальные гвардейцы меня не поддержали, обезоружили и на кленях притащили к Реду. То, что он мне тогда сказал, до сих пор звучит в ушах: «Смотри Блю, смотри! Если бы ты не выдрывовался, они бы уже мирно спали в луже собственной крови. Но так как ты возомнил себя героем — они будут умирать в страшных муках. Долго. Мучительно. А мы с тобой будем наслаждаться этим зрелищем. И они тоже. Они будут видеть, как их кишки выпадают из животов. Они будут держать в руках собственные сердца — а некоторые в панике будут пытаться запихнуть их обратно. Другие будут смотреть на это, и писать в штаны. Но никто не уйдёт от той же участи. И в этом виноват ты Блю. Только ты!».

Они убивали детей по одному: подводили к жертвенному камню и медленно резали. Резали по одному пальцу, полосовали лицо, потрошили наживую, кололи глаза, отрезали языки. Почти всех девочек насиловали. И резали прямо во время изнасилования.

И я всё это видел. Ред приказал поставить меня рядом с камнем и заставлять смотреть. И сказал, что если я попытаюсь отвернуться, то он будет пытаться каждого ещё дольше. И я понимал, что это не пустая угроза.

И ещё я понимал, что всё это только из-за меня. Если бы я не вмешался, они бы уже тихо лежали на земле и остывали. Одни проснулись бы в своём мире, другие ушли бы в лучший. А не стояли бы здесь, и не смотрели бы на то, как расчленяют и насилюют их товарищей. Не стояли бы и не ждали своей очереди.

Дети молились, кричали, умоляли. Почти все описались — никто не старался прикрыть громадные пятна на брюках, никто не переживал насчёт ручейка, что выбегал из-под юбки

на бёдра.

Не выжил никто. Ред замучил до смерти всех. Дольше всего издевался над Никой Елоу, над девочкой, что ему нравилась. Её пытал он лично. И насиловал лично. И распотрошил её он лично. Никому не доверил.

А после той расправы меня сослали на рудники. И я спокойно нёс эту службу, зная, что однажды выйду и отплачу за каждого из тех детей. За каждого из двенадцати мальчиков. За каждую из девяти девочек. За каждого всажу в Реда по пуле. Из вот этого оружия.

Блэк остановил волокушу, вытащил из внутреннего кармана револьвер и продемонстрировал Марку. Тот понимающе покивал.

— Этот револьвер принадлежал его отцу — Блэквайту. Я был там, в тот день, когда главу дома Блэков бессовестно расстреляли вельможи Бэк-порта. Он поехал на переговоры, хотел узнать их круг интересов в Райт-порте, хотел договориться о нейтралитете в отношении друг-друга. Но получил четыре пули в грудь. А его гвардейцы едва унесли ноги. И я в их числе. В пылу боя смог подобрать именно оружие Блэков. Тогда думал лишь о бесконечных потронах. Позже, когда прятал в кровле одной голубятни, понял и символическое значение этой железяки.

— А с чего ты взял, что это Ред виноват в смерти отца? — спросил Марк, разглядывая ничем не примечательную железяку в руке Блэка.

— Узнал, пока пахал на вельмож в рудниках. Они даже не скрывают, что Блэкред им хорошо заплатил за смерть папаши, да ещё пообещал неприкосновенность на долгий срок. Они смекнули, что малец дальновиднее отца.

— Значит, мы ищем твоего Блэккреда ради акта благородной мести?

— Не только. Блэкред тиран и деспод. За то время, что я провёл в рудниках, он натворил столько бед... Он развязал десятки полномасштабных войн. Он стравливал все крупные дома. Он сотнями вырезал конкурентов. Он заказал тысячи убийств. Его зовут «Чёрно-красным кардиналом». Его зовут «Великим гроссмейстером». Его называют «Ферзём обеих сторон». Блэкред — неуповимое чудовище. Он пожирает жизни сотнями и сухим выходит из любой воды.

— И ты считаешь, что твоего Блэккреда до сих пор не пытались убить? Если он такое чудовище, то почему ты считаешь, что только у тебя есть мотив для мести?

— Я так не считаю. Уверен, многие пытались свести с ним счёты. И, как ты понимаешь, их всех постигла неудача.

— Тогда почему ты думаешь, что у нас может получиться?

— Потому, малец, что я был его гвардейцем и знаю все слабые места его охраны! Потому что я стреляю так, как умеют стрелять единицы во всех мирах! Потому что со мной ты — единственный, кто смог одолеть оборотня ножом!

— Это была случайность.

— Тем более! Значит ты чертовски везучий. А с таким можно на любые затеи выдвигаться.

— Да уж, везучий, — с иронией сказал Марк, разглядывая перебинтованные ноги.

*В заросшем парке
Стоит старинный дом
Забиты окна
И мрак царит извечно в нём*

*Сказать я пытался:
Чудовищ нет на земле
Но тут же раздался
Ужасный голос во мгле
Голос во мгле
Группа Король и Шут — Проклятый старый дом
1*

Олав зевнул так, что затрещало за ушами. Собравшиеся за столом не могли этого не заметить. И вряд ли поднесённый ко рту кулак исправил положение. Впрочем, на правах главы совета, Олав мог бы не волноваться о таких мелочах.

За круглым столом в пыльной зале собрались бюрократы Портала. Они горячо обсуждали повестку дня: то перешли на крик, то возвращались к неуместным театральным манерам. Перебивая друг друга, они битый час спорили на тему: выделять ли деньги на ремонт городского водопровода.

Глава комитета по вопросам здравоохранения утверждал, что город не проживёт и *вехи* без центрального водоснабжения и канализации. Старался убедить остальных в том, что через несколько *жертв* разгорятся эпидемии. И в первую очередь — эпидемия кишечной палочки. Глава комитета по вопросам экономики поддерживал своего коллегу и предрекал разорение нескольких крупных предприятий, зависимых от стабильной подачи воды. К этим же предсказаниям присовокупил статистику, в которой говорилось о возросшей *рурализации* (оттоке населения из Портала). И, по разумению главы комитета финансов, главной причиной этого процесса был сломанный водопровод.

Против них выступил глава комитета обороны со своей свитой (в её число вошли все главы комитетов, что не сумели сохранить независимость: глава комитета образования, глава комитета спорта, глава комитета научной деятельности, глава транспортного комитета, глава комитета по политическим связям). Глава комитета обороны с пеной у рта доказывал, что сейчас все ресурсы необходимо направить на вооружение армии города.

— Как вы не понимаете: угроза со стороны серых ещё не миновала! Спящие отбросили их назад, к базе, но сокрушить не смогли! Сейчас начнётся осада. Но она не будет длиться вечно! На своей базе серые могут ждать *вехи и вехи*. А потом...

— «А потом» — будет потом, — мягко парировал глава здравоохранения. — Армия Спящих дарит нам передышку, за которую мы должны утрясти внутренние проблемы. В том числе и проблему вооружения. Но планомерно.

— Планомерно?! Скажите мне, что вы пошутили! Умоляю! У нас нет времени на «планомерно»! Если кольцо блокады серые прорвут, а это может случиться через *круг-другой*, нас раздавят! Молниеносно!

— Может вы все позабыли, — внезапно ожил Олав, — но председатель здесь я, а не

господин полковник. Значит последнее слово за мной.

Полковник, он же глава комитета обороны, застыл на глубоком вдохе и крепко сжал кулаки.

— Амбиции наших храбрых вояк мне ясны. Близлежащие деревни остались без покровителей. Сейчас они бесхозные и беззащитные. Это действительно хорошая возможность. Но! Нынешних сил городского гарнизона достаточно для такой задачи. Разве нет?

Полковник выдохнул, но ответить так и не смог. Он хорошо обманывал только на поле боя. В беседе его максимум — хранить тайну.

— То-то и оно, что да! Значит, у комитета обороны возникла иная стратегия. И если вы, полковник, решили, что она не очевидна, то сильно ошиблись. Спящие загнали серых обратно, на базу. Там серые могут держаться хоть десять *вех*. Потому они так спокойно приняли осаду.

Спящие же не решаться на штурм. Они сильны за счёт техники. А в городских боях она не столь эффективна.

Спящие прибегнут к эскалации: бомбёжки, рытье подкопов, диверсии, агентурное создание оппозиции. И тут лучом надежды явитесь вы, полковник, с предложением о военном союзе. В обмен на то, что Спящие закроют глаза на отнятые деревни (в перспективе их деревни), вы подарите им успешное проведение штурма — ведь у кого, кроме вас, есть такой богатый опыт ведения уличных боёв? Вы, сами по себе, большая находка для армии Спящих. Но вы намерены поднести им не только самого себя, но и тысячу смертников, что ныне числятся в городском гарнизоне.

Нет уж, господин полковник! Эти деньги я передаю на починку водопровода. Точка. А что касается близлежащих деревень — поручаю вам, полковник, и главе комитета политических связей — провести переговоры с Сан — портом и представителями армии Спящих. Заявите им о наших притязаниях и действуйте. В случае категорической реакции с их стороны — проведем дополнительное совещание. Малое. По форме три.

Собравшиеся за столом загудели на все лады. Олав же решил, что сказал достаточно. Он поднялся из-за стола, положил правую руку на грудь и торжественно произнёс:

— Во благо города и во имя спокойствия! Моё правление — служба! Мои решения — с горожанами в сердце!

По примеру председателя, встали все. Хором произнесли ту же речь. И все, кроме полковника, положили руку на грудь. Полковник, традиционно, взял под козырёк.

Олав больше не проронил ни слова, молча вышел на балкон и запер за собой дверь. Собрание начало расходиться, и гул от голосов заполнил не только зал заседаний, но и длинный коридор.

Только глава комитета здравоохранения не торопился. Он подошёл к двери, ведущей на балкон, и замер: видимо ждал, когда в зале не останется никого.

— Господин председатель, — жалобно пропищал глава комитета, когда дверь в залу закрылась за последней спиной.

— Входите, Патрик, — раздался приглушённый голос Олава.

Глава комитета здравоохранения (он же Патрик) робко вышел на балкон.

— Господин председатель, вы хотели меня видеть?

— Да, наедине. Надеюсь, этот разговор останется только между нами.

— Можете на меня...

— Я утаил от совета крупную сумму. Глава комитета финансов это прикрыл, хотя сам не знал для чего. Мне от вас нужны цифры — какое количество медикаментов мы сможем закупить и произвести на сумму — пять миллионов копеек. Срок — две жертвы. Медикаменты — для полевой медицины.

— Господин, я не понимаю...

— Это не важно. Мне нужны расчёты. Через два круга.

— Пять миллионов не такая крупная сумма. Могу я всё-таки узнать о конечных целях? Это бы мне помогло рационально использовать деньги.

— Хорошо, конечная цель — материальная помощь в рамках будущего военного союза. Нужно подготовить всё, что может помочь в оказании первой помощи раненым на поле боя. Плюс — оборудование для полевого госпиталя.

— Я вас понял, господин председатель. Представлю расчёты к назначенному сроку. Благодарю за оказанное мне доверие. Вы столь великодушны ко...

— Что это там? — встревоженно спросил Олав. Его взгляд уперся в просеку, в то самое место, где она плавно перетекала в главную улицу города. С балкона башни совета трудно было не заметить фигуру человека, вышедшего из пучины хвойного моря. Любой, кто проходил тем путём, напоминал Моисея вышедшего из расступившихся вод Чермного моря. Но Моисеи приходили тем путём так редко, что их появление вызывало переполох. Обычно в роли легендарного пророка выступали оголодавшие медведи, подраненные олени, оборотни, стаи кабанов. А вот люди — редко. И, как правило, это были или заплутавшие грибники, или отставшие от группы охотники.

Последнее время по просеке стали приходиться потрепанные солдаты. Одни в пиксельном камуфляже, другие в серых кителях. Им в Портале оказывали первую помощь и настоятельно рекомендовали сменить одежду. Кто-то менял её навсегда, а кто-то прятал на дно сумки. Но уходили из Портала все. Одни на *Лэфт*, другие на *Райт*, третьи на *Сан*. Но заставить идти на *Бэк* их могли только автоматы. Впрочем, к подобным методам прибегать не пришлось.

Но те, что вышли на главную улицу сейчас, не подходили ни под одну из вышеперечисленных категорий. Одеты были в одежду Спящих, но гражданскую. Один сильно хромал, то и дело наваливаясь на посох. Второй шёл бодро, несмотря на то, что тащил поклажу за двоих.

— Извините меня, — тактично откланялся Олав, и поспешил удалиться с балкона.

2

— Куда путь держите? — поприветствовал Олав путников, приближавшихся к нему по главной улице. Низкое солнце отражалось от брусчатки и слепило нелепую парочку — те никак не могли отойти от лесного сумрака.

Один из путников, тот, что был значительно старше, приложил к голове ладонь козырьком. Он немного посмотрел на представителя приветственной делегации и ответил:

— В Портал, шериф.

Олав добродушно рассмеялся.

— Шериф? Давненько не слышал этого слова. Ну, так вы уже в Портале. Что тут ищите?

— А зачем обычно приходят в Портал? Разве не ради вашего знаменитого парка?

Олав широко улыбнулся и покивал.

— Я Блэкблю, — представился седой путник. — А это Марк, мой товарищ. Марк хочет воочию увидеть тот мир, откуда мы с вами пришли, и со сверстниками пообщаться.

Обогащаться познаниями, так сказать. Вы нам в этом не откажете?

— Конечно, нет! Наш парк открыт для всех желающих. Однако позвольте узнать, куда вы намерены пойти после?

Блэкблю задумался. Он в действительности не знал, куда намерен идти после. Особенно в том случае, если они не встретят колдуна.

Когда парочка совсем сблизилась с Олавом, Блэкблю сказал:

— Если честно, ещё не думали. А почему вы спрашиваете?

— Ох, извините, я даже не представился — Олав Индиго, глава этого города. Имею давнюю привычку встречать путников и предлагать им работёнку. Вы как на этот счёт?

— В целом — за. Но прежде, о какой работе идёт речь?

— Сначала скажите, куда пойдёте после нашего парка. От этого и зависит то, что я вам предложу.

Блэк почесал колючую щетину и неохотно выдал:

— Скорее всего, пойдём на Сан. Хотя, не уверен. Может быть, по ту сторону добудем нечто интересное, да назад двинем.

Олав ехидно расхохотался.

— Всё интересное есть и здесь. Спайс? Кокаин? Табак? Этого и в Портале завались, и заморачиваться с валютой не нужно.

— Да, мы в курсе. Если честно, мы и сами не знаем толком, что ищем. Просто хочется побыть в знакомой обстановке.

Олав снова рассмеялся.

— Ну, тогда вам следует лечь спать.

Блэк соорудил кислую мину. Ему не сильно понравились остроты шерифа. Но и с резким ответом он не хотел спешить — всё-таки шутник выступил с деловым предложением, а это чего-то да стоит.

— Если вы, всё-таки, соберётесь на Сан, то обратитесь ко мне, — внезапно серьёзно сказал Олав. — Есть у меня одно поручение.

— Непременно заглянем, — с фирменной улыбкой ответил Блэк.

3

Парк посёлка Портал мало чем отличался от леса. Тут в изобилии росли златолистые берёзы, дубы с широчайшими стволами, вековые ели и гигантские папоротники. Единственное, что здесь было не так — сеть ухоженных асфальтированных дорожек. Они уходили извилистой лентой в чащи, петляли вокруг холмиков, тянулись к многочисленным ручейкам и перебрасывались через них деревянными мостиками. Через каждую сотню шагов стояли изящные, лакированные лавочки из тёмного дерева. То там, то тут попадались прилавки, на которых лежал, казалось бы, обыденный товар — нижнее бельё, кроссовки, футболки, пачки сигарет и коробки шоколадных конфет. Вот только всё это явно производилось не в здешних местах: на футболках и кроссовках были до боли знакомые логотипы фирмы «Nike». Да и на коробках конфет было написано «Ozera». Вряд ли Портал мог похвастаться филиалами этих компаний.

Марк провожал прилавки жадным взглядом. Его организм с бунтом требовал вкусить хоть что-то из знакомого мира — шоколадку, лимонад, пиво, да хоть сигарету. Осознание того, что он получает всё это (за исключением никотина) в другой реальности — не помогало. Организм истосковался по знакомым вкусам — все здешнее отдавало пресностью.

А ценники на товарах ставили в тупик. Десять, двадцать, тридцать. И без малейшего

уточнения о единицах измерения: рубли то, или доллары.

— А какая у местных валюта? — спросил Марк. Блэк полез во внутренний карман и извлёк медный кругляш, изрядно покрытый патиной. Кругляш завертелся в воздухе и направился прямо в руку Марку. Тот неловко словил.

Марк не был искушённым нумизматом, однако держал дома скромную коллекцию иностранных монет и отечественной погодовки. В закромах, скорее ради истории, лежали и монеты, что вышли из обращения в далёком тысяча девятьсот девяносто первом году — медные и никелевые копейки СССР.

И тот кругляш, что сейчас лежал на ладони, Марк без труда узнал — две копейки, тысяча девятьсот шестьдесят первого года, с серпом и молотом на фоне глобуса.

— Тут что, Советскими деньгами пользуются? — удивленно спросил Марк, едва поспевая за Блэком: после укусов арахны он быстро пошёл на поправку, но всё ещё хромал и не мог обходиться без посоха.

— Только металлическими копейками. Рубли и бумажные ассигнации не прижились.

— Как? Почему?

— Спасибо Порталу. Он в своё время экономикой Материка руководил. Думаю, как раз тогда, когда переход в Советский город вёл. А потом всё изменилось: и город тот, и положение Портала. А копейки так и остались. А чего им? В руках местных они не портятся. Инфляции не подвержены — источник навсегда исчез с лица земли. Коллекционеры попадают сюда редко, и с собой у них горсточка монет, не больше. В общем, твёрдая валюта и привычная. А главное — не подделаешь. Подделку можно расколоть, погнуть, сточить. А этим то — всё нипочём. Разве что Спящий поиздеваться решит.

Марк понимающе покивал и хотел уже сунуть монету в карман, как вдруг услышал предостерегающее кряхтение.

— Кхе-кхе! Обворовать меня решил? — с издёвкой спросил Блэк.

— Да нет, что ты! Забирай! — Марк поспешно протянул монету.

— Ты на эти ценники не смотри — это обдиралово чистой воды. Замануха для местных. Типа: нескончаемая бутылка пива или бесконечная коробка конфет. А как тебе кроссовки, что никогда не сносятся? А? Звучит классно, но к правде совершенно не относится. Это бизнес, страшный даже. Но ведутся на него полные деграданты. Только те вещи, что попадают сюда со Спящими, обладают особенными свойствами. А шмотки с той стороны парка самые обычные. А просят за них, глянь сколько! Десять копеек, чтобы ты понимал, дневная зарплата рабочего на заводе. Двенадцать — дневной оклад военного в армии Спящих. Так что, ты у меня чуть литр эля не стащил.

— А чего тогда лавочники такие цены лупят?

— Да на суеверных идиотов расчёт. По народу поверие ползёт, мол: попадешь на ту сторону, и не вернёшься; а коли вернёшься, то не весь — тело тут, а душа там, приведением бродит. Гупость! Ей богу, глупость! А верят, простачки. Вот и бояться сами далеко в парк уходить. До последней лавочки, и назад. А торгаши те, чего проще, — набьют сумку пятиконечным листом, на той стороне студентам впарят, и в магазин — хош в «Магнит», а хош в «Пятёрочку». Или за шмотьём.

— Неплохо устроились, — с усмешкой прокомментировал Марк.

— А я о чём? Разводилы!

Вскоре лавочки закончились. Марк продолжал ковылять за Блэком, энергично перекидывая посох. Ноги болели от каждого шага. Но выбора не было — тормозить

товарища Марк больше не хотел.

Они оба даже не заметили, когда именно ландшафт изменился. Когда асфальтовая и ухоженная дорожка превратилась в протоптанную тропу. Когда среди елей, берёз и дубов появились акации. Не заметили, как под ногами появился настил из опавшей листвы. Не заметили как позеленела трава. Этого никто не замечает, когда попадает на эту сторону.

4

Марк понял, что они уже на другой стороне, когда увидел перед собой забор из металлических прутьев, покрашенный в чёрный цвет. Тропинка вела прямо к открытой калитке. Она смотрелась совершенно неуместно посреди густых зарослей. Казалось бы, для чего посреди леса ставить забор? А зачем делать калитку? А зачем ставить стражника?

Впрочем, стражником трудно было назвать ту милую женщину, что загородила собой проход. Она было одета в белую блузку, строгую форменную юбку и черные колготки. В таком наряде женщина скорее напоминала стюардессу или контролёра в пригородной электричке. Впрочем, один элемент внешности отличал её от стюардессы — распущенные волосы, что лежали на плечах золотыми завитушками.

5

— Как бессонница в час ночной, — напевал Марк себе под нос. Это мало-мальски отвлекало от мрачных мыслей. А мысли, надо сказать, лезли самые мрачные. В сравнение с ними, сырое и тёмное помещение за порогом казалось детской колыбелькой.

От порога вверх вела узкая лестница с деревянными ступеньками. Марку, почему-то, захотелось сразу подняться по ней, а не обыскивать первый этаж. Деревянная стена, вдоль которой поднимались ступеньки, была в свежих потёках. Доски под ногами скрипели от каждого шага и угрожали вот-вот провалиться. Поручня не было, так что, в случае падения, не за что было и ухватиться.

— Тёмный мрачный коридор, — продолжал утешать себя Марк «забавной» песенкой. Судьба тоже решила позабавиться: лестница привела в то место, о котором пел Марк. В коридор выходило четыре дверных проёма. *Без дверей.* Слабое свечение пробивалось из каждой комнаты. Свет мерцал и менял цвет, будто бы там работали телевизоры. Но не было слышно голосов, только бульканье — как будто кипела вода в кастрюле или работал компрессор в аквариуме.

— Я на цыпочках, как вор, — не унимался Марк и подкрадывался к ближайшему дверному проёму. Но, вопреки следующим словам песни, пугать там было некого — ни куклы, ни экранов, ни магических шаров.

В маленькой, пыльной комнатке (на вид заброшенной) стояли стеллажи. На них располагались сотни разноцветных колбочек и трубочек, змеевиков и спиртовок, генераторов молнии и пневмо-прессов. На вид — лаборатория и дешёвого фильма. Для антуража не хватало только стола припорошенного белым веществом и сто долларовых купюр, скрученных в трубочки.

Аналогичная картина ждала Марка и в остальных комнатах. С той лишь разницей, что в одной были полки с соленьями, в другой — на ниточках сохли кроличьи лапки, в третьей, уму непостижимо, лежали детские игрушки.

Всё было на виду — никаких закрытых полок, коробок и ящиков. Взгляд не цеплялся ни за что такое, что можно было вскрыть и проверить. Разве что — распотрошить детские игрушки. Но Марк от чего-то был уверен, что необходимости в этом нет. И он, не мешкая, пошёл на третий этаж.

Тут лестница была в ещё более плачевном состоянии. Одна радость — стены с обеих сторон поджимали ступеньки, и, в случае внезапного провала, можно было растопырить руки в стороны и удержаться. Но не пришлось.

На третьем этаже комната была всего одна. Маленькая коморка из мебели имела один только стул: деревянный, покосившейся. На подоконнике стоял предмет, очень похожий на доисторический радиоприёмник. На эту мысль очень наводила телескопическая антенна. Однако что-то было не так. И Марк сразу заметил, что именно: к приёмнику тянулись две трубки, прозрачные. Они выходили из дырки в полу. Одна была наполнена ярко красной жидкостью, другая тёмно-синей. По проносившимся пузырькам воздуха было видно, что жидкость течёт, и довольно быстро. И ещё по пузырькам можно было определить, что красная жидкость течет по направлению к приёмнику, а синяя наоборот.

Марк нерешительно подошёл к неизвестному устройству. На лицевой стороне его была крутящаяся ручка, будто бы для регулировки диапазона. Но Марк понял, что это кодовый замок. Который, впрочем, был не заперт. Да и дверца была приглашающе приоткрыта.

Марк осторожно, мизинчиком, откинул дверцу на себя. За ней обнаружилась полость: просто полость, как в пустой микроволновке. Только не было диска под тарелку. Трубки приходили в эту полость, заходили внутрь чёрных колпачков и исчезали в задней стенке.

— «Тупик. Полный бред. Что это за устройство? Может ли внутри него сидеть магический шар? Почему бы и нет. Но как это выяснить? Разбить грёбаный приёмник! А вдруг взорвётся? А может внизу поискать? На первом этаже? Точно! Пойду вниз».

С этими мыслями Марк направился к лестнице. Пыльные, стёртые в труху ступеньки вновь закрипели под весом хромого вора. Один поворот, второй. И вдруг — силуэт скрюченного старика появился на лестнице внизу. Он прошёл несколько ступеней, сильно опираясь на посох, что Марк оставил у порога. Вспашка света вырвалась из комнаты за спиной Марка и озарила старика — седого как лунь и скрюченного, как высушенный перец чили. Он сверкнул недобрыми глазами и оскалил морщинистые челюсти. Белая рубашка, в тонкую синюю полоску, отразила очередную вспышку света и на миг ослепила Марка.

Он бросился бежать вслепую. Ну как бежать — хромать со скоростью полураздавленного таракана. Старик, сильно хрустя старыми ступенями (и не менее старыми суставами) поднимался вверх. Зрение вернулось, но толку от него не было — других лестниц в доме оно не обнаружило бы. А прыгать со второго этажа, учитывая последствия недавних переломов, ужасно не хотелось.

— «А зачем прыгать-то?» — пронеслась спасительная мысль. Марк забежал в одну из комнат, в ту, где лежали детские игрушки. Он с трудом обогнул стеллажи и чуть не опрокинул колбу с полуразложившейся лягушкой. Раздавил голову детской кукле (*чёрт возьми, тут всё-таки была кукла*) и подошёл к окну. Ветхие стёкла были тонкими, как лист бумаги. Разбить их не составило бы труда, но вот осколки...

Марк поднял куклу с пола (*признайся, ты увидел, как из дыры в её голове потекло что-то серое*) и принялся колотить по стёклам. Те разлетались вдребезги без сопротивления, осыпая пыльные полы тончайшими осколками. Волосами куклы Марк провёл по раме в том месте, куда собирался приложиться плечом — смахнул осколки.

Один удар — и разохшаяся рама вылетела наружу. Её место тут-же занял Марк, готовый к прыжку.

В эту секунду в дверях появился старик. Grimаса злости на его лице сменилась ужасом. Он как зачарованный смотрел на куклу в руке Марка и с трудом дышал. Марк коротко

посмотрел на то, что держал и оцепенел. Из рта куклы тонкой струйкой потекла кровь (позже он говорил себе, что это была его кровь, что он порезался об осколок и не заметил этого — *но порезов-то не было*).

Ужаснувшись не меньше старика, Марк швырнул куклу в дверной проем а сам вышел в оконный. Благо, лианы плакучей ивы росли на расстоянии вытянутой руки. Ободрав ладони и перепачкав джинсы, он соскользнул на землю. Было больно, но не так, как тогда, когда столкнулся с обратнем.

Над головой раздался истеричный крик. Душераздирающий, отчаянный и громкий. Кричал старик. Кричал дико, бесстрастно и тоскливо.

— «Это просто кукла, — убеждало само себя сознание Марка. — Просто игрушка. А кровь — твоя, смотри: руки ободраны». Но глубоко в душе он знал, что кровь была совсем не его.

«Стюардесса» мило улыбнулась Марку и Блэку и отвесила пригласительный жест.

— Доброго вечера, друзья! Добро пожаловать на нашу сторону! Что вы принесли с собой?

— Из запрещённого у нас только оружие, — быстро отчеканил Блэк.

— С оружием я не могу вас пропустить, — мило ответила женщина.

— Я в курсе. Оставим его у вас на хранение.

— Это за отдельную плату.

— Я оставлю мешки по эту сторону забора. Присмотрите за ними, большего не прошу.

— Именно за это я и прошу заплатить. И не предъявлять претензий, если что-либо пропадет.

Блэк закатил глаза и с недовольным видом полез во внутренний карман. Оттуда он извлёк кусочек сверкающего металла и протянул «стюардессе».

— Платина. Сплав с бронзой. Ничего другого нет.

— А ничего другого мне и не нужно. Милости прошу!

Женщина дождалась, пока путники скинут свою ношу и отошла в сторону. Блэк прошёл первым, широко улыбаясь прямо в лицо «стюардессе». В улыбке явно чувствовалось издевательство. И Марк не сразу уловил его причину.

Их не обыскивали, а значит во внутренних карманах можно было пронести всё, что угодно. Даже револьвер. Что, в общем-то, Блэк и сделал.

Тропинка вывела их на широкую проселочную дорогу. По обеим сторонам от неё стояли деревянные постройки — двух-трёх этажные хибары, спревшие от сырости и времени. Убогие настилы из шифера поросли толстым слоем мха. Штекетники тонули в побегах дикой акации. Плпкучие ивы заполняли своими лианами всё пространство между хибарами. Стояла кладбищенская тишина, прерываемая только стуком дятла.

Где-то бежал ручей, и его журчание наводило тоску. Солнце спряталось за свинцовым куполом неба. Одиночество и заброшенность — вот что царило на безвестной улице, затерянной в заброшенном парке.

Марк разглядывал покинутые дворы, замечал останки спревших плюшевых медведей, остовы велосипедов, опутанные вьюном качели. Кое-где стояли проржавевшие мангалы, рядом с которыми покоились кучки гнилых пеньков.

Марк следовал за Блэком и оставил за спиной домов сорок, когда они вышли к ухоженному дворику. Он мало чем отличался от тех, что остались позади. Тут росли две большие плакучие ивы, висели качели на проржавевшей цепи, сквозь лианы проступали

очертания трёхэтажного домика, перекошенного от старости. Но тут не было шпакетника, и не было поросли акации. Трава не росла вовсе — голую землю, утопанную и укатанную, регулярно подметали. Лежавшие около качелей детские игрушки выглядели новыми. А на лужайке, рядом с разваленным крыльцом, рос куст шиповника.

— Нам сюда, — сухо бросил Блэк.

— Тут и живёт твой колдун?

— Да. Только его сейчас нет дома.

— Откуда ты знаешь?

— Видел его на опушке. Ходит, мухоморы собирает. Скоро вернётся, так что поспеши.

— Поспеши? В смысле? Ты хочешь, чтобы я к нему домой пошёл?

— Так и есть, а что тебя смущает?

— Ну, во-первых, я не знаю, какие там могут быть ловушки. Во-вторых, я понятия не имею, что искать. В третьих, ты не обнаглел?!

Блэк тихо посмеялся.

— Нет, Марк, не обнаглел. Просто я смогу заметить возвращение старика, а ты нет.

— Старика?

— Да Марк, этот колдун, как оказалось, старый дед. Но и он может быть опасен. Потому: ты идёшь, а я стерегу.

Марк в мыслях выругал Блэка самыми грязными словами и обреченно поплёлся к развалившемуся от сырости крыльцу.

— А что искать то? — спросил он обернувшись.

— То, что имеет форму шара, — нервно сказал Блэк и отвернулся.

— Тьфу, гений, — кинул Марк и пошёл к дому колдуна.

5

— Как бессонница в час ночной, — напевал Марк себе под нос. Это мало-мальски отвлекало от мрачных мыслей. А мысли, надо сказать, лезли самые мрачные. В сравнение с ними, сырое и тёмное помещение за порогом казалось детской колыбелькой.

От порога вверх вела узкая лестница с деревянными ступеньками. Марку, почему-то, захотелось сразу подняться по ней, а не обыскивать первый этаж. Деревянная стена, вдоль которой поднимались ступеньки, была в свежих потёках. Доски под ногами скрипели от каждого шага и угрожали вот-вот провалиться. Поручня не было, так что, в случае падения, не за что было и ухватиться.

— Тёмный мрачный коридор, — продолжал утешать себя Марк «забавной» песенкой. Судьба тоже решила позабавиться: лестница привела в то место, о котором пел Марк. В коридор выходило четыре дверных проёма. *Без дверей.* Слабое свечение пробивалось из каждой комнаты. Свет мерцал и менял цвет, будто бы там работали телевизоры. Но не было слышно голосов, только бульканье — как будто кипела вода в кастрюле или работал компрессор в аквариуме.

— Я на цыпочках, как вор, — не унимался Марк и подкрадывался к ближайшему дверному проёму. Но, вопреки следующим словам песни, пугать там было некого — ни куклы, ни экранов, ни магических шаров.

В маленькой, пыльной комнатке (на вид заброшенной) стояли стеллажи. На них располагались сотни разноцветных колбочек и трубочек, змеевиков и спиртовок, генераторов молнии и пневмо-прессов. На вид — лаборатория и дешёвого фильма. Для антуража не хватало только стола припорошенного белым веществом и сто долларовых

кушюр, скрученных в трубочки.

Аналогичная картина ждала Марка и в остальных комнатах. С той лишь разницей, что в одной были полки с соленьями, в другой — на ниточках сохли кроличьи лапки, в третьей, уму непостижимо, лежали детские игрушки.

Всё было на виду — никаких закрытых полок, коробок и ящичков. Взгляд не цеплялся ни за что такое, что можно было вскрыть и проверить. Разве что — распотрошить детские игрушки. Но Марк от чего-то был уверен, что необходимости в этом нет. И он, не мешкая, пошёл на третий этаж.

Тут лестница была в ещё более плачевном состоянии. Одна радость — стены с обеих сторон поджимали ступеньки, и, в случае внезапного провала, можно было растопырить руки в стороны и удержаться. Но не пришлось.

На третьем этаже комната была всего одна. Маленькая коморка из мебели имела один только стул: деревянный, покосившейся. На подоконнике стоял предмет, очень похожий на доисторический радиоприёмник. На эту мысль очень наводила телескопическая антенна. Однако что-то было не так. И Марк сразу заметил, что именно: к приёмнику тянулись две трубки, прозрачные. Они выходили из дырки в полу. Одна была наполнена ярко красной жидкостью, другая тёмно-синей. По проносившимся пузырькам воздуха было видно, что жидкость течёт, и довольно быстро. И ещё по пузырькам можно было определить, что красная жидкость течет по направлению к приёмнику, а синяя наоборот.

Марк нерешительно подошёл к неизвестному устройству. На лицевой стороне его была крутящаяся ручка, будто бы для регулировки диапазона. Но Марк понял, что это кодовый замок. Который, впрочем, был не заперт. Да и дверца была приглашающе приоткрыта.

Марк осторожно, мизинчиком, откинул дверцу на себя. За ней обнаружилась полость: просто полость, как в пустой микроволновке. Только не было диска под тарелку. Трубки приходили в эту полость, заходили внутрь чёрных колпачков и исчезали в задней стенке.

— «Тупик. Полный бред. Что это за устройство? Может ли внутри него сидеть магический шар? Почему бы и нет. Но как это выяснить? Разбить грёбаный приёмник! А вдруг взорвётся? А может внизу поискать? На первом этаже? Точно! Пойду вниз».

С этими мыслями Марк направился к лестнице. Пыльные, стёртые в труху ступеньки вновь закрипели под весом хромого вора. Один поворот, второй. И вдруг — силуэт скрюченного старика появился на лестнице внизу. Он прошёл несколько ступеней, сильно опираясь на посох, что Марк оставил у порога. Вспашка света вырвалась из комнаты за спиной Марка и озарила старика — седого как лунь и скрюченного, как высушенный перец чили. Он сверкнул недобрыми глазами и оскалил морщинистые челюсти. Белая рубашка, в тонкую синюю полоску, отразила очередную вспышку света и на миг ослепила Марка.

Он бросился бежать вслепую. Ну как бежать — хромать со скоростью полураздавленного таракана. Старик, сильно хрустя старыми ступенями (и не менее старыми суставами) поднимался вверх. Зрение вернулось, но толку от него не было — других лестниц в доме оно не обнаружило бы. А прыгать со второго этажа, учитывая последствия недавних переломов, ужасно не хотелось.

— «А зачем прыгать-то?» — пронеслась спасительная мысль. Марк забежал в одну из комнат, в ту, где лежали детские игрушки. Он с трудом обогнул стеллажи и чуть не опрокинул колбу с полуразложившейся лягушкой. Раздавил голову детской кукле (*чёрт возьми, тут всё-таки была кукла*) и подошёл к окну. Ветхие стёкла были тонкими, как лист бумаги. Разбить их не составило бы труда, но вот осколки...

Марк поднял куклу с пола (*признайся, ты увидел, как из дыры в её голове потекло что-то серое*) и принялся колотить по стёклам. Те разлетались вдребезги без сопротивления, осыпая пыльные полы тончайшими осколками. Волосами куклы Марк провёл по раме в том месте, куда собирался приложиться плечом — смахнул осколки.

Один удар — и разохшаяся рама вылетела наружу. Её место тут-же занял Марк, готовый к прыжку.

В эту секунду в дверях появился старик. Grimаса злости на его лице сменилась ужасом. Он как зачарованный смотрел на куклу в руке Марка и с трудом дышал. Марк коротко посмотрел на то, что держал и оцепенел. Из рта куклы тонкой струйкой потекла кровь (позже он говорил себе, что это была его кровь, что он порезался об осколок и не заметил этого — *но порезов-то не было*).

Ужаснувшись не меньше старика, Марк швырнул куклу в дверной проем а сам вышел в оконный. Благо, лианы плакучей ивы росли на расстоянии вытянутой руки. Ободрав ладони и перепачкав джинсы, он соскользнул на землю. Было больно, но не так, как тогда, когда столкнулся с оборотнем.

Над головой раздался истеричный крик. Душераздирающий, отчаянный и громкий. Кричал старик. Кричал дико, бесстрастно и тоскливо.

— «Это просто кукла, — убеждало само себя сознание Марка. — Просто игрушка. А кровь — твоя, смотри: руки ободраны». Но глубоко в душе он знал, что кровь была совсем не его.

6

Марк нашёл Блэка возле ручья. Тот жадно глотал воду, потом засовывал себе пальцы в рот, выпускал воду из желудка наружу, и снова пил. Тут и гадалка не нужна, чтобы понять — товарищ съел что-то не то. И это что-то явно грозит не только острой диареей.

— Блэк, твою мать, что случилось!

— Фантом, старик выпустил фантома.

— Фантома?! Это что ещё за хрень?

Блэк в последний раз вырвал чистой водой, громко рыгнул и принялся умываться.

Пока Марк шарил в доме колдуна, Блэк неотрывно следил за опушкой. Он расположился на пригорке и укрылся за широким стволом плакучей ивы. Старичок бродил по опушке с таким видом, будто искал в траве ключи от дома. Иногда он низко наклонялся, заметив что-то интересное в бурой поросли. Тогда в его руках непременно появлялся выкидной ножичек. И Блэк буквально слышал, как щелкает механизм, когда обнажалось лезвие. Но не слышал другого. Блэк не слышал крадущихся неуверенных шагов за спиной. Неуверенных, косолапых и спотыкающихся.

Хрустнула веточка. Глаза Блэка округлились от удивления: к нему невозможно подойти незаметно. Ещё больше он удивился, когда старичок на опушке растворился в воздухе. Нет, не исчез и не скрылся из виду — буквально растворился. Расплылся клубами дыма, как капля йода в стакане с водой. Только воздух не окрасился в карий цвет и не потерял прозрачность.

— «Это отвлекающий манёвр», — в секунду пронеслось в голове Блэка. Он уже начал оборачиваться, готовый стрелять навскидку. Краем глаза успел заметить скрюченную фигуру с седыми волосами. Челюсть сама собой отвисла — столь неожиданным и ужасным оказался манёвр колдуна. И именно этого старичок ждал.

Ловким движением руки он подкинул в воздух горсть мелких, чёрных ягод — настолько

мелких, что их легко можно было спутать с лягушачьими икринками. Но это были именно ягоды, в чём Блэк через секунду убедился.

Горсточка ударила Блэка прямо по лицу. Несколько ягод легко проскочили в раскрытый от удивления рот. Язык тут же уловил горько-кислый вкус, и слюна произвольно брызнула из всех желез. Так же произвольно сократились мышцы горла, активировав глотательный рефлекс. Несколько ягод проскочили в желудок, и Блэк сразу понял, что ничем хорошим это не закончится. Позабыв про старика, он начал отплёвываться и невнятно материться. Инстинкт гнал к воде, к спасительному журчанию, и Блэк не стал с ним спорить.

— Прости юнга, подвёл, — закончил Блэк пересказ событий.

— Да я тебя — тоже. Шарика там толи не было, толи я его не разглядел. Прости.

— А что там вообще было?

И Марк рассказал всё, что там было. Почти всё. Он в подробностях описал змеевики и колбы, электрические установки и банки с соленьями. Детально описывал прибор, похожий на радиоприёмник. А вот про куклу не сказал ни слова (*потому что это не важно, и потому, что тебе всё померещилось*).

— Да, никакой это не колдун, — резюмировал Блэк. — Зельевар, гомеопат с крошечными задатками телепатии. Может — экстрасенс на полставки. Но на колдуна не тянет.

Марк согласно покивал, хотя понятия не имел, чем колдун отличается от зельевара с телепатией на полставки.

На побелевшем лице Блэка читались признаки болезни — под глазами проступили тёмные мешки, на побледневших щеках красовался нездоровый румянец.

— Что с тобой? — побеспокоился о товарище Марк.

— Думаю, ягоды действуют. А может, от рвоты никак в себя не приду.

Марк покивал и помог товарищу подняться. К счастью, силы не покинули Блэка, и он смог самостоятельно передвигать ноги. Но и от поддержки хромого товарища не отказался.

Поддерживая друг друга, как два бетонных столба линии электроснабжения, они поплелись обратно, к выходу из заросшего парка.

7

— Проход на сегодня уже закрыт. Выходной день, — копируя фирменную улыбочку Блэка, ехидничала «стюардесса».

— Да брось, ты же здесь, открой, пожалуйста! — просил сам Блэк.

— Попробуйте пройти через центральные ворота.

— Но... Это же надо в город заходить.

— И что тебя смущает?

— Да ничего. Просто не хочу крюк такой делать.

— Правила есть правила! В обход, голубчики.

— Пошли, юнга. Тут не наливают больше, — обречённо сказал Блэк.

— А как же вещи? — испуганно спросил Марк.

Блэк неопределённо пожал плечами и поплёлся по тропинке. Марку ничего не оставалось, как только пойти следом. При этом старался он старался разглядывать деревья. Не потому, что они были интересны, но чтобы отвлечься от боли в ногах, которая без посоха разыгрывалась с новой силой.

Они вышли из парка внезапно — просто оказались на пересечении пешеходной дорожки с оживлённой автомагистралью. Благо два лежачих полицейских придерживали

сотни бешеных лошадей, ревуших под капотами машин. По ту сторону автомагистрали шёл целый ряд придорожных кафетериев. Цивилизация — столь непривычная для мира снов, засияла сотнями лампочек и слегка разогнала грусть пасмурного дня.

— Ладно, нам на ту сторону, пошли! Постарайся ни с кем не разговаривать. В целом, тут привыкли к гостям из другой реальности. Но первокурсники и новые приезжие могут позвонить в психушку, если ты им расскажешь, как тут оказался.

Марк молча хмыкнул и пошёл вслед за Блэком по пешеходному переходу.

Городок и правда оказался студенческим: за прилавками кафетериев стояли юноши и девушки никак не старше двадцати. Их сверстники кружились вокруг столиков в костюмах официантов. И за столиками, за редким исключением, сидели одни студенты: их выдавали униформы учебных заведений.

Марк успел различить униформы трёх типов. Первый тип: белая рубашка, синий жилет и коричневые штаны — для юношей; то же самое, только вместо штанов — коричневая юбочка — для девушек. Таковую униформу ещё отличал логотип в виде короны с миниатюрной державой. Второй тип: строгий синий костюм тройка, одинаковый для девушек и юношей. А третий тип, если его так можно назвать, был самым популярным — повседневная одежда (*что называется: кто во что горазд*) поверх которой надет медицинский халат.

В машинах, что проносились на бешеной скорости, сидели молодые люди в такой же униформе. Иногда, правда, проезжали представительные мужчины в деловых костюмах, на лицах которых читалось превосходство во всём — начиная с интеллекта, и заканчивая материальной обеспеченностью. Последнее, как нельзя лучше, подчёркивали их автомобили: мерседесы прошлогодней модели, Бентли с транзитными номерами, Тойоты премиум класса. Марк даже на секунду не усомнился, что это преподаватели. Хотя, это вполне могли быть и не они — мало ли кто руки греет на торговле с неведомой реальностью?

И, разумеется, оберегать такую роскошь доверят не двум пропойным участковым, а минимум целому отделу полиции, в который отберут сотни лучших сотрудников (*лучших — по мнению коррумпированного сообщества*). А те, в свою очередь, будут доблестно нести свой долг, закрывая в обезьянники обдолбанных студентов, провожая за порог любопытных чужаков, прикрывая сделки, где фигурируют тяжёлые чемоданчики и иностранные лица. При том неустанно патрулируя улицы, дабы нечисть какая не пришла по таинственным тропам городского парка (*прецеденты были*).

Патрульная машина проехала мимо Марка и Блэка всего один раз. Но и этого было достаточно, ведь она остановилась. На тротуаре появились сотрудники полиции, одетые по форме, вооружённые как табельными «Макарами», так и «табельными» АКС-74У. Их лица однозначно выражали, что они знают, кто такие Марк и Блэк, и что присутствие здесь этой парочки нуждается в объяснении.

— Сотрудник полиции, лейтенант Гавриков. Предъявите ваши документы, — сухо бросил полицейский, подойдя вплотную. Блэк что-то промямлил невнятное, и лейтенант хотел было продолжить, как вдруг Марк удивил их обоих. Он полез в свою сумку, что так долго била его по бедру, и вытащил книжечку в кожаном переплёте. Это оказался паспорт гражданина Российской Федерации — документ, который значительно смягчил лицо полицейского.

— Студент? — спросил полицейский, сравнивая фото в документе с лицом Марка. Сходство было однозначным, но вызывало некоторое сомнение — гражданин на фото был

явно старше. Вдобавок, дата рождения свидетельствовала о том, что молодому человеку уже исполнилось двадцать пять. А тому юнцу, что предъявил документ, было никак не больше восемнадцати.

Лейтенант Гавриков знал много о мире по ту сторону, но не всё. Не знал, к примеру, что разрушившая один из учебных кампусов зверюга была оборотнем. Он видел, как военный вертолёт нафаршировал гигантского паука сталью из бортового пулемёта. Видел испуганные глаза студентов очевидцев. Но не верил в их рассказы, будто лапы паука превращались в щупальца.

Не знал лейтенант Гавриков и про то, что в мире по ту сторону люди делятся на Спящих и местных. Не знал, что у Спящих могут быть документы, которые врут о биологическом возрасте.

— Аспирант, — уточнил Марк. Придумывание правдоподобной лжи, стало входить у него в привычку.

— Какой институт?

— Медицинский, — сказал Марк, стараясь не выдать волнения — у него не было ни малейшей уверенности в том, что студенты в белых халатах учились на медиков. Больше того, он не знал, бывают ли аспиранты в медицинских университетах. К счастью, этого не знал и лейтенант Гавриков.

— А вы? — лейтенант обратился к Блэкблэу. Блэк вывернул наизнанку карманы джинсов, показывая тем самым, что он пуст и в плане документов, и в плане валюты.

— С той стороны? — спросил лейтенант. Блэк кивнул.

— Что притащил? Травку? Платину? Что молодёжи толкаешь?

Блэк замялся. Травки при нём не было, не считая маленькой самокрутки в пачке с сигарет. Но о ней он беспокоился в последнюю очередь. О чём он действительно волновался, так это о шестизарядном револьвере Энфилд редкого калибра, под тридцать восьмой патрон.

— Товарищ лейтенант, — торопливо вмешался Марк, — я ничего не собирался покупать или продавать этому человеку. Меня предупреждали о таких сделках. Мы встретились в парке, и он попросил проводить меня к центральному входу. Сказал, что заблудился при прогулке.

— Ага, как же, — сквозь зубы процедил лейтенант и достал табельный «Макаров» из кобуры. — Руки за голову! Стоять и не шевелиться.

Лейтенант хотел начать обыск. Но стоило только хлопнуть по нижним карманам джинсовой куртки, как необходимость в дальнейших действиях отпала.

Глаза лейтенанта округлились и невольно поднялись к лицу Блэка. А там играла фирменная улыбка. С куда большей осторожностью, лейтенант запустил руку под пуговицы джинсовки и...

И только тут понял, какую фатальную глупость сделал. Его коллеги стояли в трёх десятках метров отсюда. Они не знали, что он там такого нащупал. Они не были готовы к решительным действиям. А этот человек...

Блэк резко опустил руки. Так резко, что табельный «Макаров», не заряженный и не снятый с предохранителя, вылетел из рук лейтенанта на проезжую часть. Другая рука обхватила шею полицейского и рывком развернула на сто восемьдесят градусов — благо вместе с телом, не то это был бы последний день лейтенанта Гаврикова.

Тройка полицейских похвасталась за автоматы. Пока лязгали затворы, пока

предохранители съезжали в нижнее положение, пока стволы наводились на цель — как раз цель и исчезла. Одна. Вторая замерла на месте с поднятыми руками.

— Стой! — бессмысленно кричали полицейские. Марк идти и не собирался.

— Руки на башню! Ноги шире!

— Отставить! — скомандовал лейтенант Гавриков, приходя в себя от внезапного изумления. Полицейские нехотя опустили стволы, но продолжили приближаться с опаской.

— Я не причём, — оправдывался Марк, не удравший только потому, что бегать хромому не комфортно. — Просто провожал. Поверьте! Просто провожал!

— Да верю, — сурово буркнул лейтенант. Он уже всматривался в поток машин и ждал достаточного зазора, чтобы выскочить на проезжую часть и подобрать свой пистолет. Благо тот лежал по серединке, аккуратно между двумя сплошными полосами.

— Я задержан? — спросил Марк.

— Да кому ты нужен, — ответил лейтенант и направился за своим оружием.

8

В эту секунду Марк действительно был никому не нужен. Даже своему спутнику — Блэку. Тот удирал переулками от тех, кто и не думал за ним гнаться. Наряды полиции отправились ко всем известным переходам на ту сторону. Они совершенно точно знали, что вскоре гость соберётся назад. И скорее рано, чем поздно.

Впрочем, картинку с камеры наблюдения уже направили в участок, и по городу поехал удвоенный патруль. Блэка хотели арестовать и посадить в местный «обезьянник» на пятнадцать суток. Могли и застрелить при задержании. Но чего бы точно не сделала полиция, так это не стала бы заводить протокол задержания — горький опыт подсказывал, что дело об хранении и ношении огнестрельного оружия без лицензии быстро переросло бы в дело о побеге — тире — исчезновении подследственного. И исчез бы подследственный при транспортировке в областной центр, так как в городке камеры предварительного заключения не существовало.

Марк ждал, что Блэк сам его найдёт. Некоторое время он крутился возле места, откуда его забрали. Когда столкнулся с патрульными в третий раз, решил уйти подальше. Искать в одиночку переход на другую сторону не решался.

Марк принялся бродить по улицам неизвестного городка. Над головой, в самом зените, сквозь серую пелену тускло просвечивалось светлое пятно. Дороги были покрыты грязью и слякотью. Яркие краски городского квартала поблекли без солнечного света. Витрины магазинчиков навевали тоску (*или это отсутствие наличных тебя так беспокоит*).

Студентки стайками проносились мимо, укрываясь зонтиками от несуществующего дождя. Что-то инородное Марк слышал в их щебетании. Что-то знакомое, но инородное. И Марк не сразу понял, что именно. Речь. Они говорили по-русски. А он привык слышать во сне нечто невразумительное в фонетическом смысле, но совершенно понятное для разума.

Но что-то ещё было не так с проходящими студентками. Каждая смотрела на него уверенно, смело. Так, как смотрят на знакомого или друга (*или первокурсника, который сам таращится без повода*).

На перекрёстке Марк намеренно поискал номер дома, в надежде узнать название улицы.

— «Улица Ленина. И что мне это дало? В каждом городе есть улица Ленина, — размышлял Марк. — Стоп! Это не наш мир! В нашем мире сейчас зимняя ночь. А что это за место?»

Ответить на вопрос было не кому, хотя по улицам бродило множество людей. Тут уже встречались лица постарше. Да и вычурные бутики с кафешками сменились серыми панельками. Это был спальный район.

Марк бесцельно бродил по улицам и переулкам, заходил в скверики, любовался фонтанчиками. Ему стало холодно — пусть это был не его мир, в котором на улицах командует вьюга, но и тут тропиками не пахло. Промозглый ветер забирался под джинсовую курточку, заставляя зубы стучать в ритме степа. Из носа потекло. Ушные раковины пронзили тысячи иголок.

В отчаянии Марк добрёл до ближайшего скверика, присел на лавочку и закрыл уши ладонями. Ладони тоже были холодными, но они, по крайней мере, защищали от ветра.

Мимо проходили студенты в серых плащах. Видимо, плащи тоже были частью униформы. И если это было так, то среди студентов встречались бунтари и неформалы: прошла парочка в малиновых пальто и в жёлтых шапочках; прошли парни, одетые как исполнители блэк-металла в лучших традициях; прошёл одиночка в костюме водолаза, разве что без акваланга и ластов.

Марк провожал взглядом проходивших мимо, и в тайне злился, что ни один из них не предложил ему помощь. Мысленно он корил род человеческий за безучастие. Но был не прав. За ним уже давно наблюдала пара живых, серых глаз.

Ветер усилился и стал приносить с собой капли влаги — мелкие, но частые. Марк сидел с безучастным видом, хотя дрожь пробирала всё тело.

Легкая тень упала на него сверху. Капли перестали падать на неприкрытые волосы. Над ним вырос гриб с полиэтиленовой шляпкой.

Марк поднял взгляд и увидел юную студентку в сером плаще. Её личико не было симпатичным, но обаятельная улыбка сглаживала этот недостаток. Серый плащ скрывал её формы, но каштановые волосы, отяжелевшие от сырости, приковывали взгляд к хрупким плечикам. Девушка лучилась добротой и теплом. Казалось что не зонтик, а само её появление заставило стихию умолкнуть над головой. Бушевать где угодно, но не трогать невзрачного ангела и того, к кому он спустился.

— Ты с той стороны? — без нотки застенчивости спросил ангел с зонтиком. Марк в ответ кивнул, и дрожь пробрала его с новой силой.

— Пойдём, тебе нужно отогреться, — улыбаясь, приказала девушка, и Марк послушно встал.

9

Она привела Марка в студенческое общежитие. Не бог весть что — панельная многоэтажка повидавшая виды. Разноголосый гул выдал страшную тайну — общежитие действительно общее, в том смысле, что тут жили и девушки и юноши. Но удивляться этому Марк не стал. Как не удивился и выражению лица консьержки на проходной.

Пожилая особа, будто сошедшая с экрана фильма о студенческой жизни, вперила недружелюбный взгляд в Марка.

— Алла, это кто с тобой?

— Это мой друг, из политехнического. Мы на пару часов, тётъ Свет.

— А студенческий у него с собой?

Марк покачал головой, от чего запоздавшие капли слетели с мочек ушей.

— Без документов не пуцую, — повысила голос консьержка.

— А п-по пасп-порту п-пустите? — заикаясь от дрожи, спросил Марк.

Что-то промелькнуло в глазах консьержки: толи человеческое сострадание, толи отвращение перед неуверенной речью.

— Давай сюда свой паспорт, — сухо сказала она и протянула руку. Марк с трудом вынул книжечку в кожаном переплёте и передал консьержки. Та открыла документ, с сомнением посмотрела на молодого человека, а потом махнула рукой и вернулась к своему столику и журналу посещений.

— На два часа, не больше, — строго проговорила консьержка, внося записи на пожелтевшие строчки.

— Спасибо, тёть Свет! — воскликнула Алла и потянула Марка за руку. Тот нерасторопно последовал за ней. Его спасительница по-кошачьи изогнулась над столиком консьержки, забрала паспорт, и пошла дальше. Зонтик, подцепленный на пояс, хлопал её по ягодицам, которые проступили-таки через плотную занавесь плаща.

— Раздевайся, — беззастенчиво скомандовала Алла, когда они вошли в её комнату. Судя по вещам, двум койкам, двум шкафам и двум письменным столам, Алла делила комнату с соседкой, которой сейчас не было на месте. Марк разулся у порога и прошёл, как ему показалось, на половину Аллы. Капли воды уже не стекли с его волос и одежды, потому он не боялся промочить стоптанный ковёр.

Несколько стесняясь незнакомки, Марк скинул с себя только куртку и замер стоя. Алла же разделась до лифчика и колготок, правда тут же прикрылась халатом.

— Давай знакомиться, друг из политехнического, — задорно сказала Алла.

Марк представился, не сводя удивлённого взгляда с ангела спасителя. Впрочем, это был взгляд благодарности, а не вожеления: вожелеть особо было нечего — под плащом ничего кроме стройности не пряталось.

— А я Алла. Ничего, что на ты? Я-то знаю, что ваш внешний вид привирает насчёт возраста.

Марк улыбнулся. Маленькая, но жилистая ручка толкнула его в грудь, и он плюхнулся на кровать, прямо поверх раскиданных вещей. Алла села на кровать напротив.

— Откуда ты знаешь про ту сторону? — спросил Марк.

— Встречалась с одним. Парень не плохой... Был... Но очень уж рисковый. Ни дня без драк.

— Он был из Спящих?

— Да, насколько я понимаю. Оттого и страха не знал.

— А как ты поняла, что я с той стороны?

— Да у тебя на морде написано! По возрасту — студент первачок, одет как бомж... Извини за прямоту... На прохожих волком смотришь. Хотя... Может и интуиция женская подсказала.

— Я не знаю, чем тебя отблагодарить за помощь.

— Да я без задней мысли. Просто по доброте душевной. А что ты вообще тут забыл? Зачем пришёл.

— По делам пришёл. С другом. Да друг пропал куда-то. А без него возвращаться не хочу. Да и не знаю куда идти, если честно.

Алла широко зевнула и грациозно, по-кошачьи, потянулась.

— С другом помочь не смогу, — сказала она сквозь зевоту. — А вот обратно проводить — запросто. Частенько я того парня до калитки провожала. Только завтра, ладно? Холодно там, да и устала я очень.

— Ладно. Вот только я не знаю, где бы мне переночевать. Скоро просыпаться... Там у себя, а я...

— Странный ты человек. А зачем я тебя к себе притащила? Располагайся!

— Но на вахте же сказали, чтобы через два часа...

Алла не дала ему договорить, возмущённо поморщилась, махнула ручкой и сказала: «ай!». Марк скромно улыбнулся.

— Ты, если можешь, расскажи, что там сейчас твориться? Давно новостей не слышала.

Марк задумался, покрутил в голове последние события и начал неуверенно:

— Война там началась.

— Война? Ух ты! А кто с кем?

— Да серые со Спящими... Подробностей не знаю, да только я в плену у серых был, а Спящие меня отбили. Армия Спящих.

— Армия Спящих... — повторила Алла уставившись невидящими глазами в стоптанный ковёр. — Вот это поворот сюжета!

— Что? — удивлённо спросил Марк.

— Поворот сюжета. Я книжку про ваш мир пишу. Разумеется, пишу так, мол: это всё фантазия и обрывки моих снов. И дело даже не в том, что мне не поверят, если я скажу что история основана на реальных событиях... Нет... Дело в местных олигархах. Они ни за что не допустят, чтобы люди узнали про наш парк. Не допустят, чтобы кто-то узнал правду о торговле с потусторонним миром. Это же приведёт к взрыву! Сюда же нагрянут учёные! Тут же всё оцепят войска! Золотую жилу обрубят! Вернее, платиновую жилу. Да и не только платиновую. Ваши же наркоту несут. Оружие незарегистрированное. И чушь всякую магическую. Нет-нет, рассказать так, будто это правда, мне не позволят. Вот я и пишу что-то вроде романа. Правда, не очень удачного. Главный герой там погибает на середине. Глупо. Просто в пьяной драке. К сюжету никакого отношения. И я рада бы вырвать эту главу и писать о нём дальше... Но я плохая выдумщица... Умею только иначе рассказывать о том, что где-то, с кем-то было...

Марк понимающе покивал и сказал:

— Если хочешь, я расскажу тебе свою историю. Она, правду сказать, не сильно интересная: в ней только пара красивых эпизодов. Но вдруг тебе это поможет! Может вырвешь пару страниц из романа, да продолжишь повествование.

Алла улыбнулась. Да, это было именно то, чего она хотела. Собственно, только за этим она и притащила мокрого и холодного парня к себе в комнату. Разумеется, в подсознании были и другие цели. Но они казались второстепенными, пока. Пока кольцо на безымянном пальце парня отвлекало. Возможно, немного позже, когда рассказ гостя будет закончен, блеск золота потеряет свою отпугивающую силу. Возможно.

Но возможное не произошло. Дойдя в рассказе до момента, где его и товарища остановила полиция, Марк попросил прощения и сказал, что ему пора спать. Алла, несколько возмущённая таким развитием событий, поблагодарила за рассказ и подошла к шкафу.

— Я постелю тебе на полу, — сказала она, вынимая свёрнутый в рулон матрас. — Скоро придёт соседка. Она и так не рада будет, что ты на её кровати валяешься...

— Ой, извини. — Марк тут же поднялся на ноги.

— Надеюсь, ты не храпишь. В противном случае — рискуешь проснуться с прищепкой на носу.

— Надеюсь, — скромно улыбнулся Марк, помогая Алле расправить матрас.

В движениях новой знакомой Марк стал замечать некоторую раздражительность. Она будто рассердилась на него. Вот только на что?

Марк улёгся на импровизированную постель. Вместо подушки Алла дала ему плюшевого медведя, достаточно большого, но недостаточно мягкого.

Закрывая глаза, Марк успел увидеть ноги своей новой знакомой. Очень привлекательные, тонкие ножки с округлыми икрами. Это породило в его воображении запоздалые мысли. Которые, впрочем, он не собирался воплощать — единственный инцидент, что произошёл в этом странном сне, до сих пор аукался болью в совести.

*Ты помнишь, как весело бились витрины
Мальчишеским смехом областных магазинов
Четыре аккорда, бутылка портвейна
И кто что умеет от Горшка до Кобейна
Варёные джинсы, рваные кеды
За каждым углом гопота и скинхеды
И первая ночь в 16 лет в отделении
Зато мы узнали кто мы на самом деле
Группа Йорш — Андеграунд*

1

Марк проснулся рядом с Линой. Холодное утро за окном сказалось и на комнате — батареи не справились с первыми декабрьскими морозами. Вылезать из-под одеяла жутко не хотелось: тут было тепло и уютно, да ещё и нежная попка прикасалась к бедру.

Наручные часы показали без четверти шесть. Значит, он проснулся на час раньше обычного. Почему? Внешние факторы не раздражали. Может всё дело в том, что в ином мире он устал и промёрз?

Марк чувствовал себя бодрым. Желания закрыть глаза и досмотреть сон — не возникало. Пришлось молча уставиться в потолок и придаться размышлениям.

«Может быть, я действительно поехал крышей? — думал Марк. — Может, стоит показаться психотерапевту? Наверное, да. Но, Господи, как же это стыдно! И что я ему могу рассказать? “Доктор, у меня реалистичный, сюжетный сон, который продолжается каждую ночь; как думаете, это признаки шизофрении?” “Не беспокойтесь, голубчик, диазепам и галоперидол сделают свою работу, вы станете овощем; тогда вас сны беспокоить перестанут; тогда вас всё беспокоить перестанет, даже сексуальное влечение; но сны никуда не денутся”.

С другой стороны, если бы ты встретил человека, который так же, как и ты проваливается в иной мир? И увидел бы, что этот человек нормален и психически здоров. Тогда бы ты поверил в реальность происходящего? Возможно. Но как найти такого попаданца? Можно, конечно, бегать по улицам и спрашивать: “А что вы знаете о мире, где никогда не заходит солнце? Слышали о Блэкреде, красно-чёрном кардинале мира снов?”. Есть вероятность наткнуться на того, кто поймет, о чём речь. А есть вероятность угодить в психиатрический диспансер.

Думаю, ты знаешь, чего хочешь. Ты хочешь найти того, кого знаешь в ином мире. И, думаю, ты знаешь кого именно. Блэкблю».

2

После тяжёлого трудового дня, и не менее тяжёлого ужина (*желудок очень просил забрать последнюю порцию роллов обратно*) Марк лёг спать. Лину совсем не удивило, когда он захрапел на середине фильма.

В мир вечно незаходящего солнца сознание возвращалось неохотно. Сначала оно напомнило Марку, что он находится в студенческом общежитии.

— «Какого чёрта? — спорил он сам с собой. — Я три года, как закончил учиться. Два года, как демобилизовался из армии. Какого чёрта я делаю в студенческой общаге?».

Потом сознание напомнило, что ему сейчас семнадцать, не смотря на цифры в

паспорте. И это Марк принял. Отсюда цепочка мыслей размоталась полностью: он вспомнил, где находится и как сюда попал.

На кровати сидела девушка в эротичном шёлковом халатике. Это была не Алла, и это была не её кровать.

— Смотри, твой очухался, — сказала девушка голосом недовольной вредины. На лицо Марку тут же упали пряди каштановых волос. Они были мягкие, как шёлк. Что-то щёлкнуло, и Марк почувствовал ужасную боль на кончике носа. Запах ворвался в ноздри — каштановые кудри пахли цветами и свежесглаженным бельём.

— Привед, Медвед! — мелодично прозвенел голосок Аллы. Марк разглядел сквозь плотную занавесь волос то, чем щёлкнула девушка. Зажим для бумаг шириной в пятьдесят один миллиметр. Удобная вещь: бельё держит на верёвке в десять раз лучше прищепки, скрепляет толстенную папку бумаг и файлов и зажимает нос так, что синяк остаётся недели на три.

— Я храпел? — немного раздражённо спросил Марк.

— Нет, что ты! Так, посапывал как бурый мишка.

— Скорее ревел как тираннозавр, — недовольно выдала соседка Аллы.

— Простите, — искренне сказал Марк и просунул руку под занавес из волос — нос прямо требовал, чтобы его потрогали.

Алла дернула головой, и волосы покинули лицо Марка. На секунду это вызвало грусть.

— Если ты спешишь, — сказала Алла, — то нужно собираться прямо сейчас. У меня пары через два часа. Потом я тебя проводить смогу только вечером.

— Да я, в общем-то, собран, — ответил Марк и рывком поднялся с пола.

— Вот и прекрасно, — недовольно буркнула соседка. Но Марк на неё даже не посмотрел. Его взгляд замер на Алле. А если быть точным, на её теле. Девушка сидела на кровати совершенно голая, не пыталась даже прикрыться.

Ничем таким Алла не отличалась, разве что жилистыми и загорелыми ногами. Но это и не требовалось Марку, чтобы покраснеть, несмотря на отток крови в известном направлении.

Алла не смотрела на него, слишком была занята подведением ресниц чёрной тушью. А вот соседка уставилась прямо-таки пристально, будто хотела сказать: «Что вылупился? Топай отсюда!». И Марк потопал. Подобрал куртку с пола и вышел за дверь.

— Я тебя здесь подожду, — сказал он.

— Слабак! — крикнула вслед Алла, скорее с издёвкой, чем с горечью.

Разрушая сложившийся стереотип о девушках, Алла собралась довольно быстро. Они спустились на первый этаж по аварийной лестнице и остановились около комнаты «013». Алла постучалась в дверь.

— Кто там? — спросил юношеский, почти детский голосок.

— Алла из триста пятой. Мне нужно выйти.

Дверь приоткрылась, повиснув на цепочке. В просвет выглянул зелёный глаз с рыжей бровью.

— Таксу знаешь, — бесстрастно сказал обладатель зелёного глаза тем же детским голосочком. Алла вынула из кармана серого пальто пачку сигарет, открыла, прощуршила фольгой и протянула две сигареты. Из-за двери резко появилась рука, плотно усеянная веснушками, и забрала сигареты.

— Это за одного? — спросил «зелёный глаз». Алла кивнула.

— А ты с ним не пойдёшь?

Алла отрицательно покачала головой.

— Заблудится же, — заботливо произнёс «зелёный глаз». И Алла сдалась — протянула вымогателю ещё парочку сигарет.

— Милости просим, — торжественно пропел детский голосок, и дверь снялась с цепочки.

— Максим, открыть шлюз! Команда по местам! Готовсь!

Тюль съехал в сторону. Створка пластикового окна открылась настежь, а одна из тумбочек подъехала к столу, образовав лестницу в две ступеньки. Алла первой выскочила в окно. Судя по тому, как она это сделала, с обратной стороны тоже была импровизированная лестница. И Марк вскоре с ней познакомился. Прямо под окном стояла закрытая бочка из-под технического масла. Под бочкой — пластмассовые ступеньки, похищенные из супермаркета (там они помогали дотянуться до верхних полок). И Марк сразу понял, почему шарлатаны из «013» дерут нещадную мзду — их окно плотно закрывали кусты жасмина, а камера наблюдения смотрела в противоположную сторону.

Алла и Марк шли неспешно по городским улицам, можно сказать прогуливались. Она много шутила, подтрунивала и больше не обижалась. Особенно после того, как он рассказал ей о жизни по ту сторону сна. Алла даже похвалила Марка за то, что тот не воспользовался моментом и не стал приставать к ней вчера.

— Сейчас редко встретишь парня, — говорила она, — который был бы верен своей возлюбленной до конца. Открою тебе страшную тайну — девушку ещё реже. Мы нарочно трубим на всех углах о мужских изменах, чтобы мир меньше думал о женских. Поверь, я знаю, о чём говорю.

Марк соглашался с новой знакомой, однако логическая цепочка никак не проходила мимо его супруги. У него, как, наверное, и у сотни других мужчин, мысль об измене со стороны супруги приходила в последнюю очередь.

При том он всё же задался вопросом: «А если бы Лина заявила мне, что во сне спала с другим, как бы я отреагировал? Наверное, расстроился, но ругаться бы не стал — предъявить то нечего. Кроме её чистосердечного признания — никаких доказательств. Да и последствий никаких. Вот только сам факт, что где-то, в каком-то ином измерении, она с кем-то была... Обидный факт. Но к скандалу его не притянешь».

— «Тогда почему ты ни о чём не рассказал Лине? — завыл голос совести. — Почему остался ночевать у незнакомой студентки? Ты ведь знаешь, что это нечто большее, чем сон. Так почему ты позволяешь себе то, на что не пошёл бы наяву?»

Алла провела Марка через центральный вход в парк. На удивление, это оказались ворота среди живой изгороди, а не калитка в железном заборе.

Полицейские по-прежнему дежурили у ворот. На мирно болтающую парочку бросили лишь короткий взгляд, решив, что оба местных студенты.

Марк и Алла шли и мирно болтали обо всём и ни о чём. Она рассказывала, как трудно было поступить в институт, он делился тяготами армейского быта. Она рассказала про нападение гигантского паука на кампус её института, он рассказал о схватке с оборотнем ещё раз, но в мелких деталях. Она жаловалась ему на частые простуды, он рассказал ей о своих переживаниях, насчёт психического здоровья.

И о своих переживаниях Марк рассказывал так рьяно, что не заметил, как остался один. Алла тоже не заметила, как пропал её собеседник. Наверное потому, что его голос с минуту

звучал в отсутствии тела. Но она не удивилась, с ней такое случалось не впервые.

Марк попытался вернуться назад, чтобы, как минимум, попрощаться с Аллой и поблагодарить — всё таки она оказала ему достойный приём, а по дороге в парк ещё и угостила чашечкой кофе со сдобной булочкой. Но его встретил чёрный забор из металлических прутьев. Прямо по тропинке стояли откатные ворота, широкие и открытые. Проход перекрывали три женщины «стюардессы», одна рыжая и две брюнетки. У всех волосы распущены — очевидно, часть дресс-кода. Они продемонстрировали Марку приглашающий жест — все трое синхронно, но он отрицательно покачал головой. Он побоялся, что не сможет вернуться второй раз на эту сторону самостоятельно. Необоснованный страх, но на что можно надеяться в мире с такой абсурдной физикой?

Вместо этого, Марк пошёл вдоль забора, мысленно представляя, где был тот проход, у которого они побросали поклажу.

Калиток в железном заборе оказалось огромное количество. Только на своём пути Марк насчитал восемнадцать шгук. И у каждой калитки стояла «стюардесса».

Возле многих проходов валялись горы мешков, пакетов и узелков. Но своих вещей Марк так и не нашёл. Ему даже начало казаться, что он ошибся в выборе направления, и идти следовало в другую сторону вдоль забора, как вдруг вдалеке замаячил знакомый силуэт. Какой-то невзрачный мужичок в камуфляжных штанах и светло-синей джинсовой курточке заговаривал зубы «стюардессе». Камуфляжная шляпа, с завёрнутыми по-ковбойски широкими полями, съехала назад, прикрыв загорелую шею. А у ног лежали знакомые заплечные мешки.

Приблизившись, Марк разглядел, что в калитке не вчерашняя «стюардесса». Эта была чёрненькой, явно крашенной, с короткой стрижкой и осунувшимся лицом. И смеялась она кокетливо и фальшиво, будто пыталась произвести впечатление на импозантного мужчину.

— А я думал, ты в «обезьяннике», — вместо приветствия прокричал Марк. Мужчина обернулся. К счастью, это действительно был Блэк. Трудно представить, что могло бы быть, если бы Марк ошибся.

— А я думал, ты из этого города не уйдёшь, пока всем студенткам не присунешь, — совсем без веселья огрызнулся Блэк.

— Ты о чём?

— Да всё о том. Я тебя тут жду со вчерашнего. А от Ольги, — Блэк указал на «стюардессу», — узнаю, что ты с девкой какой-то по городу гуляешь.

— Что гуляет? Он ночевал у неё в общежитии, — поддакнула Ольга.

— Откуда вы... — начал было Марк, но Блэк его оборвал.

— Пошли, ловелас! Некогда больше болтать. В наказание — одну из сумок потащишь.

— Но мне тяжело, я еле сам хожу!

— Ничего, раз с девками кувыркаешься, значит и сумку утянешь.

— Но я ни с кем не кувыркался!

— И это правда, — снова поддакнула Ольга.

Блэк попытался смерить её взглядом, но та не поддалась, только улыбнулась извиняясь.

Марк подобрал одну из сумок, ту, что легче, и пристроил за плечами. Ноги отозвались короткой вспышкой боли, но ломаться под тяжестью не собирались.

Блэк поцеловал на прощание ручку «стюардессы». Та наигранно хихикнула. Марку стало немного противно от этой сцены, и он пошёл вглубь парка, не дожидаясь спутника. Но Блэк догнал его быстро и легко.

— Держи, — сухо сказал он, протягивая Марку длинную палку со снятой кожурой. — Конечно, не прежний посох, но тоже ничего. Сидел точил, пока ты студентку тискал.

Марк поблагодарил товарища за подарок и уверенно зашагал вперёд — палка оказалась намного удобнее прежнего посоха.

— Блэк, куда мы теперь?

— К местному шерифу, полагаю. Он что-то говорил насчёт работы.

3

Найти главу Портала оказалось не так-то просто. Блэк оббежал все известные ему конторы и секретариаты, но так ничего не выяснил. В конце концов, он решил забуриться в бар.

— Не переживай, юнга, — сказал Блэк Марку у входа в питейное заведение. — Если работа важна, а исполнитель не найден, на нас он сам выйдет. Главное — дать знать нужным людям, что ты готов.

Марк не был уверен, что им удалось донести весть о своей готовности до нужных людей. Но спорить не стал.

Они перешагнули порог обычного на вид салуна. Грубые столики на козлах стояли вдоль бревенчатых стен. Пол, а точнее утоптанную землю, застилала раздавленная солома. Окна выходили на теневую сторону, потому в помещении царил полумрак. Электрический свет освещал только деревянный помост, на котором стояла барабанная установка и пара баз-гитар. По полу, потолку и стенам бегали световые зайчики. Марк поискал глазами их источник, ожидая наткнуться на традиционный зеркальный шар, но увидел совсем другое: лампочка раскачивалась над барной стойкой, и её свет отражали бесчисленные бутылки, банки, кружки и фужеры. На что угодно, но на отсутствие ассортимента в выпивке посетители бара пожаловаться не могли. На полочках пылился самый разнообразный алкоголь: шотландский виски, японское sake, водка пяти торговых марок, шнапс, вино на любой вкус, джин, ром, текила. Разве что, бутилированного пива было пару бутылок. Но вряд ли на этот счёт кто-нибудь побеспокоился бы: из барной стойки выходило два десятка краников, предназначенных для подачи пенного напитка из бочек.

— Нам два виски, — сказал Блэк, небрежно облокотившись на барную стойку. Марк скромно пристроился на высоком стуле.

— Абонемент на день — четыре копейки, — деловито сообщил представительный бармен. Он выглядел как баварец с карикатуры: белая рубашка с высоким воротником, штаны на подтяжках, пышные усы и пивной животик. Не хватало только национальной шляпы. Очень не хватало: лысина уродовала его причёску.

Блэк положил на стойку два тёмных кружка из металла. Баварец быстро смахнул их и проговорил:

— Четыре за одного. Пить оба будете?

Блэк недовольно покачал головой и выложил ещё два кружка. Это породило улыбку на лице баварца. Он молниеносными движениями вынул из небытия два шота и поставил между посетителями. Вынул бутылку «Джэк-Дениелса» из деревянной ячейки и принялся жонглировать ею одной рукой — ловко, но не очень зрелищно.

Марк с любопытством смотрел на то, как виски перетекало из бутылки в шот. В крохотном стаканчике жидкости прибавлялось, но в бутылке ничего кроме ряби не происходило: ни уменьшения объёма, ни подъема пузырька воздуха. Очередная шутка мир снов. Бармен явно был из местных.

— И как же их экономика то держится, — не удержался от неуместного вопроса Марк, — если кругом полно бесконечных вещей?

Блэк поднял свой шот, второй подвинул к Марку, и, не дожидаясь товарища, заглотнул виски одним махом. Его желудок протестующе сократился. Обожжённое горло потребовало крикнуть. Глаза невольно прослезились. Марк же осторожно отхлебнул из своего стаканчика. Спирт обжог язык и гортань, но результат выдержки в дубовой бочке не прошёл мимо, оставил богатое послевкусие.

— Как-как, — прокряхтел Блэк. — Как любая экономика — войной держится. Как только переизбыток товара — война. Переизбыток — война. Переизбыток — война. Это всё враки, что война начинается тогда, когда в экономике наступает кризис. Нет-нет. Когда кризис — все силы и средства нацеливают на развитие. А когда всё работает как часы, когда конечного продукта так много, что девать некуда — будь то деньги или товары — тогда война.

Марк поиграл остатками карей жидкости в стаканчике и спросил:

— И как она помогает — война?

— Как-как... Рушит города, нарушает снабжение, уничтожает промышленность. Вместе с потребителями уничтожает и производителей. Страдают все. Но ради всеобщего блага. В перспективе. Ну вот тебе пример, этот бар: некоторые бутылки тут не кончаются, что-то из техники не портится. А вот кинуть сюда одну только гранату, а? И что? Бутылки побиты, барабаны испорчены, света нет. И что тогда? Правильно, закупка с нуля. А бесконечные вещи в дефиците. И потом, все ли сюда с вискарём и барабанами попадают?

Марк махнул рукой — всё это было ему непонятно. Как ребёнку, который никак не возьмёт в толк, почему нельзя напечатать побольше денег и решить все мировые проблемы. Он отхлебнул ещё виски и потянулся на стуле.

На помосте началось какое-то движение. Неуверенно бряцнули тарелки на барабанной установке, свистнула скрытая от глаз колонка, послышался удар в голову микрофона. На импровизированную сцену вышли парни, если не сказать подростки, в рваных джинсах и клетчатых рубашках. Их было четверо, и в этом квартете самая короткая причёска была у барабанщика — распущенные волосы падали с плеч и тянулись до пупка.

Фальшиво скрипнула баз-гитара, вторая порезала слух противной нотой, но барабанщик спас дело — задал нужный ритм.

С минуту квартет разогревался. К счастью, Блэк и Марк на эту минуту отвлеклись и пропустили ещё по стаканчику, а иначе бы их хватил культурный шок. Потом гитары дружно взяли аккорд и под изменившийся ритм барабана стали наигрывать до боли знакомую мелодию.

Блэк, покрасневший от выпитого, попросил у бармена пепельницу. Тот услужливо предложил воспользоваться пустым стаканом. Блэк спорить не стал, и вскоре воздух наполнился ароматом нестиранных носков.

Спирт вызвал нужную эйфорию в восприятии Марка, и он стал пропускать мимо ушей все фальшивые ноты. Узнать мелодию он так и не смог, хотя уже начал подмурлыкивать гитарам.

Вокалист поднял микрофон и запел скрипучим и ломающимся голосом: «Ночь унесла тяжёлые тучи...».

Смешанные ощущения испытал Марк. С одной стороны радость от того, что в этой дыре исполняют знакомую композицию. С другой, отвращение к столь бездарному вокалу.

Услышали бы это безобразие фанаты Арии, и навсегда бы прекратили споры о том, кто там был лучшим вокалистом: Кипелов, Беркут, Житняков.

Блэку, по всей видимости, такое исполнение тоже не понравилось. Он во всю глотку принялся подпевать, делая перерывы только тогда, когда в лёгких кончался дым. И, надо сказать, прокуренный голос Блэка звучал куда приятнее.

— Бармен, а можно мне исполнить одну вещь? — поинтересовался Блэк во время гитарного соло.

— Любой каприз за ваши деньги! — торжественно произнёс баварец и продемонстрировал три пальца. Жест однозначно был расшифрован, и на стойку легли ещё две монеты, одна большая и бурая, другая мелкая и золотистая.

— ... За всё платить придётся мне! — по-волчьи взвыл вокалист. Марку показалось, что сейчас лопнут либо стаканы, либо барабанные перепонки. Но первыми лопнули нервы Блэка. Он не позволил завершить финальный проигрыш и влез на помост. Инструменты разом стихли. Завозмутились посетители в дальнем углу — их Марк так и не замечал до тех пор, пока они не подали голос.

Микрофон свистнул и в колонках раздался голос Блэка, хриплый и весёлый:

— Друзья-друзья! Это не нахальство! За всё уплачено. Я попрошу барабанщика и одного гитариста остаться. Ага, спасибо! А ты, одолжи-ка свою гитарку. Молодец! Я начну, а вы подстройтесь, если сможете. И раз, два, три!

Одинокая баз-гитара в руках Блэка взяла несколько чистых нот и приятный риф.

— Песня группы «Йорш». «Андеграунд». Слышал пару раз, при загадочных обстоятельствах, потому могу что-то перевернуть. Сорри!

Под уверенную игру, Блэк запел: «А помнишь, как весело бились витрины?...».

Марк слушал с открытым ртом. Блэк, старый рыбак, пародия на ковбоя, ассоциировался у него с седой древностью, с песком в трусах и сапогах, да группой «AC/DC». Но никак не с молодыми панками (относительно молодыми). Их песни он слышал, и не раз. А от этой — вообще одно время фанател, представляя себя в роли холостого и беззаботного парня (каким он никогда не был).

— «Но когда я умру, проиграю свой раунд, меня закопайте в сырой андеграунд», — кричал чуть ли не вокалом дэд-металиста Блэк. Его уже поддерживали барабан и вторая гитара. Да и не только они: из дальнего угла уже не слышались возмущения и недовольства. Теперь там пел недружный хор. Вернее, хор вторил, потому что не знал слов, но очень зажегся настроением. Сброшенные со сцены участники квартета подняли руки вверх и запрыгали на месте, их явно раскачало.

Но веселье длилось не долго. Издав финальный аккорд, гитара из рук Блэка вернулась в «стояночное» гнездо. Сам же Блэк, задыхаясь, сполз со сцены. Раздались одинокие аплодисменты. Марк обернулся в тёмный угол, но понял, что они доносятся не оттуда. Тогда он обернулся к входу и увидел Олава, главу посёлка Портал.

4

— Так вы решили, куда пойдёте дальше? — спросил Олав, пропустив шот виски.

— Да, мы пойдём туда, куда ты нам скажешь, — с фирменной улыбочкой ответил Блэк.

— Вот как? Стало быть, вас можно отправить куда угодно.

— Не совсем. В награду за работу нам нужна информация. Только информация. И от этой информации напрямую зависит то, куда мы пойдём.

— Ага, стало быть, вы хотите оплату вперёд.

— Именно так. Знаю, что так не делается, но случай щепетильный. Поделиться этой информацией вам ничего не стоит. Она не ценная. А вот мы потратим силы и время. Так что...

— В целом, я согласен дать награду вперёд. Тем более что мне, как вы говорите, это ничего не будет стоить. Вот только... Где гарантии, что вы доведёте дело до конца?

Блэк жестом попросил бармена подлить виски, залпом осушил шот, крикнул и ответил:

— Я предлагаю открыть карты. Мне нужна информация, где в ближайшей округе можно встретить ведьму. Можно колдуна. Можно и подмастерье. Лишь бы шарами, нам с тобой известными, оно владело.

— И за эту информацию вы готовы пойти туда, куда я скажу?

— Да. Но желательно, чтобы направления совпали. Потому как мы первым делом наведаемся к ведьме, а уж потом по поручению.

Олав довольно хмыкнул и полез за пазуху. На стойку он выложил три толстых конверта, запечатанных сургучом. На одной печати было нарисовано солнце с волнистыми и густыми лучами. На второй — горные пики, будто покрытые снегом. На третьей — чайка, парящая над бухтой, расходящейся буквой «У».

— Полагаю, вам следует поручить вот это, — Олав указал на конверт с печатью в виде солнца. — Потому, что сюда идти ближе всего. Этот конверт не содержит ничего ценного или секретного. Но и мне и адресату будет приятно, если никто посторонний этого не увидит. Вы понимаете?

Блэк кивнул, выражая согласие за обоих.

— Конверт нужно доставить в Сан-порт, гильдии книжников. Тут кое-какие результаты исследований и предложения о дальнейшем сотрудничестве. Доставите?

Блэк, для протокола, повернулся к Марку, не увидел в глазах напарника возражений и согласно кивнул.

— Вот и отлично! — воскликнул Олав. — Значит, настала моя часть уговора. Идите на Сан, через лес. Только забирайте немного правее. *Круга* через два, — Олав осёкся, глядя на трость в руке Марка.

— Через три *круга* пути увидите тучу, она никогда с места не сходит. Вот там и сидит ведьмочка. Сам не видел, но девушки рассказывали, что у неё там есть шары. Несколько.

— Девушки? — недоверчиво спросил Блэк.

— Да, мужиков к ней силком не затащишь. Слухи ходят, будто она мужчин не отпускает обратно. Толи жрёт, толи пользует до смерти. В общем, осторожнее там, вдруг слух не с потолка взят.

Блэк поднял со стола запечатанный конверт, взвесил его в руке и убрал во внутренний карман.

— Значит, договорились? — с надеждой поинтересовался Олав. Вместо ответа Блэк попросил налить всем по шоту и предложил выпить за сотрудничество.

5

Этой ночью они не пошли на поиски ведьмы — сказалось количество выпитого. Для отдыха решили воспользоваться услугами местного гостевого дома.

На пятизвёздочный отель заведение не тянуло. Да и отель — слишком пафосное слово для той хибары, куда их проводили. Деревянные стены выглядели так, будто Джек Торенс, из романа короля ужасов, поработал с топором над каждой из них. И если дыры на внешних стенах можно было проигнорировать в виду плотных портьер, то межкомнатные доставляли

особенное впечатление — можно было, не напрягаясь, смотреть на то, как в соседнем номере работает путана.

Впрочем, ни Марка, ни Блэка это не волновало. Они были настолько пьяны, что уснули бы даже с путаной в собственном номере.

Марк, как менее пьяный и более брезгливый, предпочёл лечь валетом. Идея оказалась так себе — Блэк последний раз менял носки ещё в плену серых. Но с обратной стороны пахло не лучше — перегар и аромат тления дурманящей травы давали чудовищный букет.

Марк из последних сил сопротивлялся пьяному беспамятству. Голова кружилась даже с закрытыми глазами, рвота подступала к самому горлу, во рту стояло тошнотворное послевкусие. И клонило в сон. Нестерпимо.

Но кое-что не позволяло поддаться искушению. Одно незаконченное дело, один не заданный вопрос. И Марк его задал, сильно боясь, что не услышит сегодня ответа.

— Блэк, а где ты живешь?

— Что? — пьяным голосом провыл Блэк.

— В реальном мире, где живёшь? Адрес помнишь?

— Кншно... Улица Васильева, дом девять, квартира семь.

— А что за город?

— Всмысл-сл... Став... Ставорп... Ставыр... Ставырполь.

— Ставрополь?

— Ага-а-а...

— А как тебя зовут-то в нашем мире?

Блэк беспричинно рассмеялся. Заржал в голос. Так сильно, что работавшая через стену путана остановилась и притихла.

— Циклодол! — сквозь смех выдал Блэк. — Там меня Циклодолом зовут.

Марк решил, что это пьяный бред. Но Блэк, проржавшись, снизошёл на объяснение.

— Клич-чика ум... у меня — Циклодол. Таблетки такие. Меня с наркоты ими снимали... Дык я на них подсел! Ах-ха-ха-ха!

— А имя-то у тебя есть? — невольно поддаваясь смеху, спросил Марк.

— Есть! Аха-ха! Гена! Геннадий! Крокодил Гена!

Уже давясь смехом, Марк спросил:

— А фамилия?

6

Марк с супругой жил в Георгиевске — городе, когда то основанном как крепость. И по сей день тут базировались военные части, секретные и не очень. Они росли как грибы, в отличии от населения. Люди из города постоянно уезжали. У одних это было связано с работой — в Георгиевске с ней относительно туго — у других, с учёбой в институтах. Те, кто побогаче, перебираются поближе к Ростову или Краснодару, кто ещё круче, в столицу. Но ребята попроще, такие как Марк, обычно едут в Ставрополь. Он и ближе, всего в двух сотнях километров, и дешевле в плане съёма квартиры, и предлагает неплохие перспективы относительно работы, учёбы и обустройства личной жизни.

Но Марк собирался ехать туда вовсе не за переменами. Он хотел отыскать одного человека, что является во снах. И вовсе не ради мистических или детективных расследований. Всё куда проще. Некто Геннадий Турищев был нужен Марку с одной целью — понять, а не поехала ли крыша. Тот факт, что сама поездка в корне выглядит, как безумие, Марка не беспокоил.

Он сказал Лине, что поедет на концерт одной известной рок группы. На вопрос «какой?», выдал заранее подготовленную ложь:

— Люмен. Они приезжают в эту субботу.

— А билеты есть? — спросила Лина.

— У моего товарища по колледжу — есть. Он меня приглашает.

— Плохо. Вернее, хорошо! Но плохо.

— Почему? Чего так?

— Да я с тобой бы поехала. А раз товарищ... А кто он?

И Марк на ходу выдумал, кто «он». Выдал только блее-менее достоверное имя: Гена Турищев.

— Мы его Чёрным звали. Блэк-металл любил. Ну и одевался, как смерть с косой.

С тяжёлым сердцем Лина согласилась отпустить мужа.

7

Марк и Блэк шли через лес уже третью ночь. Гигантские папоротники стали попадаться всё реже. Просеки остались в стороне. Солнце скрылось за вековыми елями. Вечный полумрак царил в этой части леса. За отсутствием света на елях стали опадать иголки, а те, что остались, побурели как трава на равнине. Нижний ярус ветвей начинался в двух десятках метров над головой. Зато выше — кроны переплетались и сгущались до непроглядного купола.

Под ногами хрустел ковёр из еловых иголок. Они пожелтели и высохли. Нижний слой и вовсе запрет от постоянной сырости.

От непроглядной тьмы спасали редкие лучи света, что прорывались сквозь хвойный купол, но до земли не доходили — они падали под слишком острым углом. Эти лучи служили единственным ориентиром для путников.

Молодых елочек и кустарников не было. Что там, даже травинка не прорывалась сквозь хвойный настил. Зато в изобилии росли грибы и поганки. Особенно ярко выделялись целые поляны красных мухоморов.

Марк заложил трость за пояс. Толку от заточенной палки не было, так как она тонула в мягком настиле. Идти становилось всё тяжелее. Больше от физической усталости, чем от последствий столкновения с оборотнем.

Сильно давила на психику мысль, что они сбились с пути и идут вглубь бескрайнего леса.

— Как мы увидим тучу, если над головой нет даже проблеска неба? — с истерикой выкрикнул Марк. Блэк неопределённо хмыкнул. А что он мог сказать? Разве только выразить собственную надежду на то, что они выйдут на широкую просеку или на редколесье. Но это было бессмысленно. В редколесье, в данную минуту, верилось не больше, чем в выздоровление на четвёртой стадии рака.

Но очень скоро им блеснул луч надежды. И не один луч, а целая полоса света. Блэк обезумел и рванул к ней. Красные лучи падали с вершины купола под острым углом и составляли зримую стену из света. Непонятный шум присоединился к удивительному светопреставлению.

Марк, как мог, поспешил за Блэком. И очень скоро понял, что никакой мистики в этом явлении не было. Лучи падали над оврагом, на дне которого бился быстрый ручей. Как мост, через овраг лежала поваленная ель с очень широким стволом. Это дерево, очевидно, долгое время питалось водами ручья, от чего разрослось намного выше и шире остальных. Но этот

же ручей и сгубил его. Он размывал отвесные стены оврага. И однажды они не выдержали вес хвойного гиганта. Дерево рухнуло, обнажило корни и погибло в тени собратьев. Та же участь постигла целый ряд его соседей — вдоль ручья прели стволы и ветви десятков многовековых гигантов.

— Нужно набрать воду, — сказал Блэк, вглядываясь в алый просвет в хвойном куполе. Даже если несдвигаемая туча была рядом, в этом проборе её увидеть было невозможно.

— Не думаю, что это хорошая затея, — сказал Марк. — До ручья метров десять. А как сорвёшься?

— Я больше боюсь, что мы с тобой заблудились. Даже если так — ничего страшного, не помрём. Грибов вокруг много. Наверняка съедобные есть. А вот с водой дела похуже.

— Но как я тебя оттуда вытащу?

— Сам вылезу, — недовольно буркнул Блэк и полез в заплечный мешок. Оттуда он вынул верёвку, судя по толщине — бельевую, обвязался ею вокруг пояса и привязал конец к стволу поваленной ели.

Он осторожно полез вниз, цепляясь за мясистые корни деревьев — ими буквально кишели стены оврага. Некоторые корни ломались, стоило к ним только прикоснуться, на другие же Блэк наваливался всем весом. И вдруг, не угадал.

Корень под тяжёлым ботинком разломился. Другой, тот, что сжимали руки, пополз наружу. Земля посыпалась вниз и Блэк сорвался.

Марк испуганно кинулся к верёвке, надеясь тут же вытянуть товарища. Но толщина последней подвела. Над оврагом болтался оборванный конец.

— Блэк! — закричал Марк. Товарищ пропал из виду. Не звал на помощь. Не кричал в ответ.

— Блэк! Блэк, ты где? — кричал Марк.

— Блэк! Отзовись!

— Чё кричишь? — отозвался Блэк тихо, над самым ухом.

Марк обернулся и увидел товарища целым и невредимым. Разве что ботинки на том были по щиколотку в иле, а штаны по колено мокрые. Блэк, как ни в чём е бывало, завинчивал крышку на полном бурдюке с водой.

— Ноги промочил, зараза!

— Фух... Я думал...

— Не думай. Для психического здоровья вредно.

Блэк подвернул штанины, снял берцы и тщательно протёр ветошью. Протёр насухо, и внутри, и снаружи. Так, что они и высохли и засияли.

Сменные носки, как оказалось, у Блэка всё-таки были. И Марк в негодовании подумал: «А какого хрена ты их раньше не менял?». Но позже вспомнил, что и сам грешен — последний раз переодевал носки их в Портале, а это было больше двух ночей назад.

Обрывки верёвки они так и бросили висеть над оврагом — толку, как оказалось, от неё не было. Сами же овраг преодолели по поваленному дереву.

Как сказали бы местные, через пару *кругов*, Блэк и Марк вновь наткнулись на полосу света. Но то был свет не косых лучей, прорвавшихся сквозь кроны. Это был ровный коридор, освещённый жёлто-голубым небом. Они вышли на просеку — длинную и мрачную. Просеку, когда-то бывшую дорогой. Просеку — прямую как взлётная полоса. Просеку — в конце которой виднелась чёрная туча.

Но войти под покров черноты они не успели. Внутренние часы подсказали, что пора ложиться спать и просыпаться в ином мире.

Томно глядя на всполохи молний, регулярно сверкающих под не сдвигаемой грозовой тучей, Марк укладывался на настил из сухих хвойных иголок. Напротив потрескивал маленький, чадающий костёр, над которым, не-то сушились, не-то коптились, носки и штаны Блэка. Замшелые булыжники отделяли гаснущие язык пламени от прелого и сырого ковра лесной постилки. Против пожара — мера не надёжная, но хоть какая-то.

Марк перевёл взгляд на бьющиеся язычки пламени. Они завораживали, танцевали, исчезали и воскресали, шипели и чадили дымом. Словом — играли. Играли со светом, с теплом и с воображением.

В своём мире Марк проснулся тяжело. Очень тяжело. Может оттого, что была суббота. Может оттого, что в квартире снова была холодрыга. А может оттого, что языки пламени так и манили заснуть снова и посмотреть на них.

Но поддаваться было нельзя. На день намечены большие планы. Нужно проехать две сотни километров. Нужно было явиться по одному адресу. Нужно было поговорить с одним человеком. Нужно.

Всю дорогу Марк терзался мыслью: «А правильно ли я запомнил адрес?». Он очень боялся, что напутал что-то по пробуждении. Но это было безосновательно. Всё то, что он забыл в том мире в виду алкогольного опьянения, то очень даже хорошо помнилось в этом. В том мире хорошо вспомнились сны из детства, обещания и ссоры, случившиеся во время шумных застолий. И сказки. В том затянувшемся сне сказки будто оживали.

От страшных переживаний не отвлекал ни вид заснеженных полей, ни голос Александра Васильева, что в составе группы «Сплин» растягивал на уникальный манер слово «зимовать».

Трасу от снега почистили хорошо — казалось, чёрный асфальт только заиндевел слегка. Но большую скорость Марк не смел выжимать из своего старенького Нисана — даже не смотря на то, что тот отличался высокой устойчивостью. Да и передний привод спасал от заноса.

Так называемый «Дёминский круг» он оставил за спиной в районе полудня. Ставрополь встретил его порывистым ветром и коркой льда на проезжей части. Снега вокруг не было, не считая белых пятен на крышах домов. Зато лёд встречался повсеместно. Льдом покрылись провода фонарных столбов. Льдом сковало припаркованные автомобили. Льдом покрылись пешеходные дорожки и проезжие части. Даже трава на газонах превратилась в зеленовато-бурый лёд.

Ветром срывало рекламные плакаты с билбордов. Пешеходы жались к стенам домов и оградкам, не в силах устоять перед порывами. Пакеты кружили в воздухе, часами не касаясь земли.

От одной картины за ветровым окном Марку становилось холодно. В машине обогрев работал хорошо, и в пору было покрыться потом. Но подсознание напрочь игнорировало рецепторы на коже, больше доверяя глазам.

Автомобильная пробка растянулась на всю улицу Доваторцев. Даже для того, чтобы свернуть н объездную, пришлось простоять полчаса. А ехать предстояло аж на другой конец города.

Простояв ещё в нескольких пробках, Марк выехал-таки на проспект Кулакова, и по прямой направился к заветной цели.

Найти девятый дом на улице Васильева было не так-то просто. С одной стороны улицы располагается городской парк, по которому проходит знаменитая «Тропа здоровья». С другой — безликие панельные высотки, номера которых хаотично разбросаны. Да что номера, там трудно разобраться к какой улице какой дом относится. Вот идёшь ты по улице Васильева, смотришь на облысевший лиственный лес по правую руку, а по левую у тебя девятиэтажная — типичная «Брежневка». Подходишь к её углу и ищешь номер: в ужасе узнаёшь, что номер её 24 и относится она к проспекту Кулакова. А пройдёшь чуть дальше, и увидишь, что улица перетекла в переулок Шеболдаева. И не дай тебе Бог проскочить мимо домов — выйдешь на улицу Васякина, и, невнимательно прочитав название, пройдёшь три километра в противоположную сторону.

Но Марку повезло, он не проскочил между домами, а потому сумел вовремя развернуться.

Девятый дом оказался одноподъездной свечкой, славящейся длинными коридорами и неблагополучными соседями — их аромат, это первое, что почувял Марк в подъезде. Запах перегара, плесени и жареной картошки начинался у стеллажей почтовых ящиков, и тянулся, должно быть, аж до девятого этажа. Но так высоко Марку подниматься было не нужно. На распутье он верно подметил распределение номеров квартир и направился по длинному коридору. Седьмая квартира оказалась в самом его конце, в тупике.

Марк почувствовал, как вспотели ладони. Сердце гулко заухало, кровь прилила к коленям. Жуткий, сверхъестественный страх накатил на сознание, часто прокручивающее подготовленную ложь.

Звонок, по всей видимости, не работал — нажатие на него не произвело никакого эффекта. Тогда Марк решил постучать — твердо, но редко, дабы не напугать хозяев.

— Кто там? — раздался басистый, но всё же женский голос за дверью.

— Добрый день! Я ищу Геннадия Турищева, — пролепетал Марк. Его, судя по всему не расслышали. Дверь приоткрылась и за ней показалась грузная фигура пожилой женщины. Её обвисшие груди, и ещё более обвисший живот, слегка прикрывал тонкий халатик, который натянулся как пакет с тяжёлой ношей.

— Чего-чего? — непонимающе провыла женщина. Из квартиры тут же вылетел затхлый воздух, неся с собой спиртовые пары. Марк с трудом сдержал приступ отвращения и вежливо улыбнулся.

— Геннадий Турищев, подскажите, здесь живёт?

— Нет, — удивлённо ответила женщина. — А вы вообще кто?

— Я? Да как сказать... Недавно познакомился с Геннадием при странных обстоятельствах. Он говорил, что тут живёт.

— А, понятно, — проревела женщина. В её лице что-то переменилось: дикая безуменка исчезла из мутного взгляда, а на её место пришёл испуг.

— Дык он там же, в интернате... Если не сбежал, скотина.

— В интернате? — обрадованно спросил Марк. Он узнал уже достаточно, чтобы порадоваться. Он узнал, что его сны не совсем бред. Что, по крайней мере, по адресу, что назвал товарищ, действительно живут те, кто его знают. Более того, имя — она узнала его имя.

— Ну да, он там лет пятнадцать уже.

— А вы его родственник? — решил уточнить Марк без особой нужды.

— Ну как... Жена я ему, алкашине!

— Вот как, о вас он не рассказывал. А подскажите, где находится интернат? Хочу с ним увидеться, если это возможно.

Женщина с сомнением посмотрела на Марка. Несколько секунд подумала и сказала:

— В Тоннельном интернат. Вы что, не знаете?

Марк улыбнулся, выражая извинение.

— Нет, не знаю. Говорю же, при странных обстоятельствах познакомились.

В одну лишь секунду женщина вспыхнула яростью. Глаза выкатились, а желваки запрыгали.

— Что тебе нужно? А?! Квартира на меня, пенсия на интернат. Что тебе от него нужно?!

Марк в ужасе отпрянул и затараторил еле внятно:

— Да ничего мне не нужно. Пообщаться только. Честно. Он мне помог кое-с чем. Я ему должен, можно сказать.

— Понятно. Курево у него стрелял! А он звонит бедный, передачку просит, говорит: «всё вытянули». Ах вы скатины! Ах вы сволочи!

Женщина выскочила из квартиры и огрела Марка по плечу пятернёй. Удар у неё, надо сказать, был поставлен — сожми она руку в кулак и двинь по черепушке, и сотрясение обеспечено, а то и перелом позвоночника.

Марк отступил на несколько шагов назад и попытался остановить безудержный клёкот и поток ругательств утешительными словами.

— Да верну я ему всё! Да, блок сигарет... Хорошо, таких. Ладно, этих тоже... Чай? Хорошо, пару пачек... Ладно, десять! Хорошо, и кофе возьму. Только скажите, где его найти!

Марк еле отвязался от агрессивной женщины. Она ещё долго кричала ему вслед, но дверь захлопнулась и не дала дослушать. Среди всего злобного клёкота Марк уловил главное: Блэк находился в интернате в посёлке Тоннельном. Крикливая женщина назвала даже адрес: Королёва шесть. Но этого было мало: что за интернат? какой там режим работы? пускают ли посетителей? — осталось тайной.

Марк вернулся в машину, завёл двигатель и включил обогрев. Окна тут же запотели. Но Марку было не до видов на облысевший лес. Он усердно лопатил просторы интернета, выискивая сведения об интернате, в который собирался ехать.

И найденные сведения вогнали его в глубокий шок.

В первую очередь выяснилось, что это психо-невралогический интернат, то есть заведение, в котором содержат душевно больных.

Червячок сомнения и страха подкрался к сосредоточию всех мыслей. «Ты сходишь с ума!» — зловеще шептал он. И не было ни единого аргумента в защиту.

В отчаянной попытке отвлечься, Марк продолжил искать информацию о заведении. Много говорилось об условиях содержания, о методах реабилитации, о высококлассных специалистах и социальных гарантиях. С трудом нашлась информация о контактных телефонах и часах посещения. И второй раз Марк был шокирован: в выходные дни навестить проживающих интерната можно было только с десяти утра до трёх часов дня. Стрелки на наручных часах образовали прямой угол — маленькая у цифры три, большая у шестёрки. За полчаса до посёлка не добраться, тем-более по гололёду. К тому же Марк пообещал собрать «передачку». Пусть обещание и было дано под физическим нажимом.

С неохотой Марк признал, что придётся переждать ночь. Благо это входило в первоначальный план.

Снять гостиничный номер в этом городе — безумная роскошь. Безумная, во всех смыслах. Если не считать хостелов, после которых придётся лечиться от педикулёза, стоимость аренды номера на ночь стоит от полутора тысяч. Притом одноместного, времён Горбачёвской перестройки. Но опытные гости столицы края знают, как сэкономить и остаться в плюсе — снять квартиру. За полторы тысячи рублей можно на сутки арендовать хоромы в самом центре города, с шикарным видом из окна, со свежим постельным бельём и бытовой техникой. И это не говоря о таких преимуществах, как возможность закатить пьянку и притащить целую ораву друзей.

Марк так и поступил. Выбрал невзрачную квартирку в спальном районе, которую арендодатель уступил за тысячу.

— Оставишь ключ в почтовом ящике. Внизу. С номером квартиры. Захлопнуть не забудь! — наставлял Марка арендодатель после демонстрации жилплощади. При этом он очень подозрительно косился на пакет, из которого выглядывал блок сигарет. Марк успел заехать в супермаркет и закупить всё, что обещал.

— Смотри, не спали мне хату!

— Я не курю, — проследив за взглядом хозяина, оправдался Марк.

— И чтобы без весёлых компаний! И так задаром сдаю.

— Будьте уверены. Мне только переночевать. Телевизор есть?

Последний вопрос несколько успокоил хозяина — если молодой человек собрался закатить «гай-гуй», или провести ночь в компании малознакомых девочек, то вряд ли поинтересовался бы такой древностью, как телевизор.

Протянув Марку перемотанный скотчем пульт, арендодатель объяснил, как включать древний агрегат с кинескопом. Марк слушал всё, но лишь для вежливости. В действительности, телевизор интересовал его куда меньше, чем кровать.

Наскоро отделавшись от беспокойного арендодателя, Марк сварил себе пельмени на ужин. Он плотно набил брюхо, запил пивом и потянулся было за сигаретой, как вдруг вспомнил обещание больше никогда не браться за табак.

Потом он созвонился с Линой и долго болтал. Так долго, что чуть было не забыл о своей легенде, согласно которой концерт начинался через двадцать минут. Вовремя вспомнил и разыграл сцену безумной спешки. Положил телефон и больше не поднимал в этот день. Рано уснул. Слишком рано.

1

Глаза открылись в мире вечного заката, но заката-таки не увидели. Небо заволокло чёрным саваном, сквозь который прорывались вспышки оранжевых молний. Казалось, будто огонь разливается по перевёрнутым холмам. Мерещились взрывы и перламутровые зигзаги. Но грома не было. И вообще не было звуков. Кроме одного — всё нарастающего гула, низкого, вибрирующего и леденящего кровь.

Сначала Марку показалось, будто тучи медленно плывут. Но два толчка в ребро ясно объяснили истинное положение вещей: чёрные громадины не двигались, возможно, многие *вехи*, а вот он, Марк, как раз ехал куда-то, хотел он того или нет.

— Блэк, какого чёрта? — выкрикнул Марк, когда понял, что происходит. Он снова был в волокуше, только теперь в очень грубой и несколько неудобной. Блэк примотал его спящее тело к двум палкам при помощи сменной одежды.

— С добрым утром, — сухо сказал Блэк и бросил палки. Марк приложился головой об камень и зашипел от боли.

— Твою ж мать!

— Извини, — с чувством сказал Блэк и принялся помогать Марку отвязываться. — Не мог больше ждать. Я тут с обеда. Решил не тратить время напрасно.

— Мы уже близко? — спросил Марк, поднимаясь на ноги. Вокруг был уже не лес, а выжженная дотла равнина. Пепел сугробами застилал дно блюда, каёмками которого служили вековые ели. Чёрные ели, под чёрным как смоль небом. И внутри чаши всё черно от пепла и сажи. Только всполохи молний разрывали непроглядную тьму. Они же выявляли из мрака чёрный силуэт одинокой скалы. Кривой силуэт, похожий на обгоревший ствол исполинского дерева. Силуэт, на вершине которого выступали острые выступы, точно пики на вершине перекошенной короны.

В свете самых ярких молний, обычно бело-лиловых, было видно, как ветер тянет пепел и сажу к скале. Иногда порождает завихрения, вроде миниатюрных смерчей. И ветер дует на скалу со всех сторон. Казалось, скала и есть источник ветра, своеобразный пылесос или вентиляционная шахта. Вот только пепел не исчезал у подножья и не собирался в громадные сугробы. Поток ветра вздымали его вверх по отвесным стенам скалы и устремляли вверх, в непроглядную тьму вечной тучи.

Стоило только увидеть это, как зубы сразу почувствовали что-то, чем можно скрипеть. Что-то противное, но на вкус не похожее на гарь. Скорее морской песок или бетонная крошка.

— Дай угадаю, — усмехнулся Марк. — Нам нужно в самый центр, верно?

Блэк угрюмо кивнул и направился вперёд. Марк подобрал вещи с чёрной земли, засунул в свою сумку (хотя все вещи были из гардероба Блэка) и направился следом.

Ветер был слабым. Его силы едва ли хватало на то, чтобы теревить волосы. И даже у самого подножья скалы.

Они подошли вплотную к чёрной, отвесной стене. От потока пепла пришлось закрывать лицо рукой, потому как тут он объединялся в сильнейший вертикальный поток. Безветренный поток.

Марк задержал дыхание: пепел легко просачивался между пальцев и норовил залезть в

ноздри. Шёл на ощупь, так как глаза сами не хотели открываться. Несколько мучительных секунд в плотном потоке взвешенных частиц закончились внезапно — раз, и всё.

Рука упёрлась в холодное стекло. Глаза, не хотели открываться, чувствуя застрявшие в ресницах песчинки. Марк протёр веки. Песчинки на удивление легко отлипли.

Марк открыл глаза и увидел гигантскую сосульку из чёрного стекла. Так он воспринял отвесную стену скалы. По эту сторону нескончаемого потока пепла, света было намного больше. Но света призрачного, неверного, флуоресцентного. Он толи исходил от самих чёрных стен сосульки, толи зарождался глубоко в её недрах и проходил сквозь бугристое стекло. Марк зачарованно уставился на сияние в черноте и замер парализованным, подобно оленю, увидевшему свет фар. Свет манил к себе, тянул, завораживал. Пробуждал первобытные инстинкты, забытые нашей ДНК-памятью на стадии членистоногого предка, который, подобно мотыльку, летел или полз на любой источник света.

Марк, наверное, простоял бы так целую вечность, если бы крепкая рука не схватила его и не оттянула в сторону.

— Юнга, спишь? — ехидно спросил Блэк.

— Проснулся.

— Ничего, бывает. Я тоже так засыпал. Но, чудо, второй раз эта ловушка не действует — психика к ней приспособляется, что иммунитет к ветрянке. Смотри что нашёл!

Блэк указал Марку на ступени, вытесанные прямо в стекле чёрной сосульки. От них тоже исходило слабое свечение, и оно манило к себе взгляд, вот только не могло парализовать мыслительные процессы. Как будто мозг различил в бессмысленном наборе точек над головой некое очертание ковша, признал в нём большую медведицу, и уже не мог вспомнить предыдущего хаоса.

Стеклянные ступени были скользкими, потому Марк не стеснялся перебирать руками по ступеням выше. Лестница, уходившая вверх и вглубь, не поворачивала и не изгибалась. А это значило: сорвёшься, и лететь тебе до самого низу без остановки. А с каждой ступенькой лететь предстояло всё больше.

Марк последний раз посмотрел вниз, когда они были на высоте двенадцатого этажа. Ужас сковал на секунду все мышцы. Холод пробрал до кончиков пальцев. Но разум взял верх.

Ступеньки закончились внезапно. Рука просто проскользнула по воздуху и не нашла за что ухватиться. С несказанным ужасом, Марк поднялся повыше.

— Что там у тебя? — недовольно завозмущался Блэк, толкая Марка в кроссовок. Он, как и Марк, до последнего не видел, где и чем заканчивается лестница.

Но Марк не мог ответить. Даже если бы и мог, вряд ли подобрал подходящие слова. Он увидел не-то дверь, не-то пещеру, прикрытую, как пологом, вязким веществом. Сквозь вещество лился свет, точно такой же, какой исходил от стеклянных ступеней, только усиленный в сотни раз.

Внутри пещеры в изобилии росли толи щупальца, толи лианы, толи гигантские корни неведомых растений.

И, самое главное, среди лиан-корней стоял хорошо различимый силуэт женщины — высокой, фигуристой и совершенно голой.

— Давай, шевелись! — зло крикнул Блэк, в сотый раз пожалевший, что не пошёл первым. Марк медленно подчинился приказу: поднялся повыше, перекинул ноги через две последние ступеньки и на четвереньках пополз к двери-пещере.

— Здравствуй, Марк! — раздался женский голос с той стороны вязкого вещества. Этот голос буквально разлился по воздуху, заставив задрезжаться стекольный пол под ногами, притом, что был нежный и манящий, даже эротичный. Молодой организм Марка сразу отреагировал на него — кровь побежала к низу живота.

— Мы тебя тут заждались уже, — продолжал соблазнять женский голос. Марк встал на ноги и приблизился к вязкой двери.

— А где твой друг? — поинтересовался силуэт. Марк хотел было ответить, моральные силы для этого появились, но не успел: смущение стало слишком очевидным, и он отвернулся. В эту секунду как раз поднялся Блэк. Он тут же уставился на силуэт по ту сторону вязкой двери и переменялся в лице. Полное оупение — вот что Марк прочитал на нём.

— Заходите, мне есть, что с вами разделить, — манил женский голос. И силуэт стал отдаляться. Блэк бездумно последовал за ним и проскользнул сквозь вязкую дверь. При этом полностью покрылся липкой и густой жидкостью, похожей на обойный клей (*или сопли*).

Марк приблизился к пещере добровольно. Просто не хотел оставаться один среди черноты и призрачного сияния. Проскользнула даже мысль о том, что лучше умереть, нежели стоять и бояться.

Липкая жижа покрыла и Марка, когда он пересёк гипотетический порог пещеры. И он принялся остервенело стирать её с лица и волос, так как почувствовал жжение и гнилостный запах.

— Но-но, не переживай, оно скоро раствориться, — промурлыкал чарующий голос. И Марк тут же поднял взгляд на его источник.

Силуэт не обманул воображение. Даже скрыл многие достоинства молодого женского тела. Чёрные как смоль волосы спадали на гладкие плечи и от них тянулись к упругим грудям. Аномально упругим, судя по тому, как они держались торчком, несмотря на большой объём. Большие, бледно-розовые ареолы напоминали снежные шапки на вершинах гор. Плоский животик чуть заметно бугрился, выдавая тренированный пресс. От пупка и ниже не было ни единой волосинки. И что-то неведомое так и манило опробовать это на оупь. Даже не руками. И даже не губами.

К тому же призывали и гладкие икры, и жилистые ступни, и широкие бёдра. Весь облик кричал: «Возьми меня!». И Блэк, похоже, повёлся на этот крик. Его челюсть безвольно отвисла, движения стали неестественными и неловкими. Он шёл за обнажённой бестией, а она всё глубже удалялась в пещеру. И Марк шёл за ними, но лишь потому, что боялся остаться в одиночестве.

— Блэк, кто это? — встревоженно спросил Марк. Блэк ответил, но его слова показались растянутыми и зажёванными, словно прорывались сквозь барьер алкогольного оупьянения:

— Я это сейчас выясню...

— Марк, тебе не о чем тревожиться, — ласково сказала голая бестия. Её голос отразился от покрытых корнями стен и усилился многократно. — Я хочу тебя кое-с кем познакомить.

Женщина замерла на месте, позволив себя догнать. Блэк остановился в шаге от неё и пристально уставился на то, что было на уровне его глаз, то есть на груди. Он впал в полнейшее оупение и глупо промычал. Марк беспокоился о перемене в поведении спутника, но что-то мешало ему. Что-то неуловимое ни взглядом, ни мыслью не позволяло ему впасть в панику. Не позволяло и предпринять хоть что-то, чтобы Блэк пришёл в

сознание.

Напротив голой бестии корни расступились — просто расползлись, как дрессированные змеи — и за ними показалась деревянная дверь. Дверь изогнутая, повторяющая изгиб пещеры, со стольным кольцом вместо ручки. Но женщина не потянула за кольцо, она толкнула дверь. И та открылась.

Все трое вошли туда, куда вела эта дверь: в тёмное помещение, пыльное, пропахшее сыростью и машинным маслом. Сквозь дощатую обшивку стен тёк призрачный свет, в лучах которого кружились мириады пылинок. Деревянный настил заскрипел под ногами. Но этот скрип Марк не заметил. Его взгляд приковала к себе вторая бестия, голая.

Она была значительно моложе, едва ли ей исполнилось восемнадцать, и значительно ниже ростом. Коренастое телосложение делало её формы грубыми, мужиковатыми, притом, что и грудь, и ягодицы выпирали изрядно. Грубая коса цвета спелой пшеницы спадала на грудь, прикрывая россыпь веснушек. Нежные черты лица портили волевой подбородок с продольной ямочкой.

Молодая бестия смотрела в стену отрешённым взглядом. Её поза — стойка смиренно со слегка разведёнными руками — говорила, мол: «Рассмотрите и оцените меня. Оцените. Не не красоту. Оцените товар, выставленный на продажу. Оцените крепость мышц этого раба, господин. Этот товар вам сослужит долгую службу».

— Марк, как тебе моя дочь? — спросила бестия постарше. Она обошла девушку вокруг и провела рукой по чуть обвисшему животу. Молодая бестия отреагировала на это, как манекен — то есть вообще никак.

— Она красивая, — ответил Марк. На самом деле он сомневался в привлекательности девушки. Возможно, сомнения возникали от невольного сравнения её форм с формами матери (*если эта великаниша ей действительно мать, ведь сходства никакого*).

— Я рада это слышать, — прикусив половину нижней губы, сказала бестия постарше. — Она тебя дано ждёт. Думаю, самое время вас оставить одних. Блэк, пошли!

Высокая бестия в последний раз провела рукой по животу девушки и направилась в дальний угол комнаты. Марк даже не удивился, когда там ниоткуда образовалась дверь и сама собой открылась. Яркий свет залил комнату. В его лучах на миг проявились два силуэта — один женский, обнажённый, другой мужской, в пародии на ковбойскую шляпу. А через секунду свет исчез вместе с силуэтами.

Марк остался наедине с обнажённой коренастой девушкой. И в этот миг, как по команде, девушка ожила. Её взгляд забегал по чёрным стенам комнаты, она обернулась и улыбнулась Марку. Улыбнулась мило, без нотки иронии или похоти. По-детски чисто и смущённо. Эта улыбка словно отрезвила Марка. Он вдруг осознал, где находится и как сюда попал. Страх холодком пробежался по внутренностям — страх за себя и за Блэка.

— Привет! — дружелюбно сказала девушка. Её голос оказался на удивление мягким и приятным, и в нём напрочь отсутствовали соблазнительные нотки. Разве что, к ним можно отнести нотки добродушия и учтивости, на которые мужчины куда как более падки.

— Кто ты? — не скрывая испуга, спросил Марк.

— Силэт, — ответила девушка, и Марк впал в ступор, пытаясь понять: представилась ли так незнакомка, или исполнила неудачную рифму к слову «привет».

— Марк, я ждала тебя!

— В каком смысле? — спросил он, отступая назад. Девушка осторожно к нему приближалась. Осторожно, плавно. Настолько плавно, что Марк даже не замечал, что

отступает с куда меньшей скоростью.

— Проще показать, чем рассказать, — с улыбкой сказала бестия и приблизилась вплотную. Её голова едва ли доставала до груди Марка, потому ей пришлось встать на цыпочки и вытянуться. Она обхватила его шею крепкой рукой и подтянула к себе. Марк почувствовал, что у девушки хватит сил переломить его как спичку, потому покорно пригнулся и...

И получил поцелуй. Нежный, чуточку страстный, а самое главное — знакомый. Нет, не настолько знакомый, как поцелуй жены. Скорее, как воспоминание о забытом сне. Или...

Синапсы создали между нейронами новую связь. Точнее, короткую цепочку из трёх звеньев. Первое звено — поцелуй во время пьяного секса с деревенской милфой. Второе — поцелуй арахны. И третье — здесь и сейчас, поцелуй голой бестии.

И если бы синапсы на этом остановились. Они зашевелились дальше, принялись склеивать в одну киноленту кадры из малосвязанных событий.

Сначала перед его мысленным взором предстал шар, как будто стеклянный. Вот только он не был полым, как снаряд для пинг-понга. Стекловидное вещество заполняло всё пространство внутри сферы и с приближением к центру становилось всё более жёлтым. А самого центра видно не было. Там зияла беспросветной чернотой миндалевидная щель. Она всегда обращалась к смотрящему длинной стороной. Посмотришь на шар с боку — и щель покажется вертикальной, посмотришь сверху — и она покажется горизонтальной. Она изогнётся под любым воображимым углом, но всегда будет смотреть тебе прямо в глаза. Да, именно смотреть. Щель напоминала зрачок, всегда нацеленный в глаза. А ещё навевала жуткие ассоциации, пошлые ассоциации, те самые, что могут возникнуть при виде вертикальной щели в окружении желтизны. И, как оказалось позже, не случайно.

В черноте вытянутого «зрачка» Марк увидел самого себя. Молодого. Ещё моложе, чем он казался сейчас. Марку по ту сторону чёрной щели было лет четырнадцать. Он сидел на полу, на свёрнутом в трубу матрасе, и читал книгу. Напротив, в своей кровати, лежала бабушка и тупо таранилась в экран пузатого телевизора. В комнате стоял полумрак, рассеиваемый только мерцанием телеэкрана да настольной лампой, для которой не нашлось стола — она стояла на полу, рядом с подростком Марком и светила на жёлтые страницы. К мысленному взору примешались звуки — бранная ругань двух голосов, мужского и женского. Примешался и запах — тот самый, что насквозь пропитал стены, одежду и само детство — запах фекалий, мочи и немытого старческого тела. Да, Марк исправно выносил за бабушкой утку и помогал подмываться. Но для того, чтобы запах въелся, не обязательно иметь постоянный источник, достаточно и кратковременного но регулярного.

Ещё немалую роль в распространении и сохранении зловонья играл обидный факт — в доме не было стиральной машины, а, стало быть, всё требовалось стирать руками. Что сказывалось на качестве и регулярности стирки.

От этого неприятного кадра мысленный взор перенёсся к другому, как оказалось, более неприятному. Марк в школе, на последней парте. Один. Его сверстники разбились на стайки и судачат о том о сём. Он же уткнулся в сложенные руки и закрыл глаза. Ему просто необходимо абстрагироваться от реальности. Он одновременно любит и ненавидит это место (к мысленному взору примешались давно забытые чувства). Он одновременно любит и ненавидит этих людей. Он одновременно любит и ненавидит Леру, свою одноклассницу. Он любит школу, потому что всегда ценил и уважал интеллект и знание. Он любит одноклассников, потому что они неплохие люди и каждый из них достоин счастья. Он

любит Леру, Бог весть за что (*знал бы тогда, чем спермотаксикоз отличается от любви, не писал бы столько стихов и неотправленных признаний*). Но и ненавидит. Ненавидит школу, потому что преподаватели не пытаются ничему научить, они просто дают задания и обзывают идиотом, если ты в нём не разобрался. Ненавидит одноклассников, потому что помнит, как они дразнили его, обзывали бомжом и высмеивали каждого, с кем Марк пытался сдружиться. И особенно одноклассники. Назовите хоть одного, с кем Марк не подрался! Он не мог изменить своего материального положения и социального статуса. Не мог и доводами доказать свою правоту (*для этого и он, и они были слишком тупыми*). Мог только драться. И часто проигрывать. Не потому что был слаб. Потому что был один.

И Лера. Он ненавидел её за то, что она ничем не отличалась от остальных. Она не видела в нём хорошего парня и без пяти минут рыцаря. Она не знала, на что он готов был пойти ради неё. Ненавидел за то, что она даже не думала о нём. Ненавидел за то, что она его высмеяла, когда одно из «неотправленных признаний» попало не в те руки.

Перед тем, как мысленный взор перешёл к следующему кадру, Марк почувствовал нечто инородное, нечто такое, чего в тот момент быть не могло. Он ощутил сочувствие. Но не своё к себе же, а инородное. Сочувствие того, кто смотрит на него сквозь щель в жёлтом шаре. И Марк понял, что смотрит сейчас глазами голой бестии и переживает её эмоции.

Быстрыми кадрами пронеслись сцены, где он вступал в открытые драки с отцом. Попытки суицида. Пьянки. Сцены из студенческой жизни. Не лёгкой: отчаянные старания совмещать учебу с работой, бессонные ночи над учебными материалами, вид исхудавшего лица в зеркале. Невысказанная досада на судьбу, вызванная подслушанным разговором одноклассника с родителями — из трубки доносился встревоженный женский голос, постоянно спрашивающий, чем помочь, на что одноклассник отвечает резко, сухо и раздражительно; притом размахивая ключом от дорогой иномарки.

Когда в кадре впервые появилась Лина, Марк почувствовал острый укол ревности. Очень сильный, граничащий с яростью. И это чувство никуда более не пропадало. Лишь немного стихло, когда замаячили эпизоды из армейской службы.

После армии череда кадров сменялась так быстро, что Марк едва ли улавливал отдельные образы. Но отчётливо уловил чувство — тревоги и скуки, и это чувство принадлежало не бестии. Лучом надежды блеснула чёрная щель в тот миг, когда Марк распался на два независимых образа. Один непременно спал, когда бодрствовал второй. Один оставался по ту сторону чёрной щели, другой как бы перед ней, но чернота просвечивалась сквозь.

— Так это ты меня сюда привела?! — воскликнул Марк, отринув губы голой бестии. Та давно уже выпустила его шею из насильственных объятий.

— Да, — ответила девушка, и в её голосе прозвучала такая отчаянная надежда, что у Марка невольно ёкнуло сердце.

— Но как? Зачем?

— Разве ты не понял? Я же показала тебе. Ты дорог мне. Ты дорог мне очень давно. Я смотрела за твоей жизнью и мечтала о встрече. Многие-многие годы.

— Ты следила за мной?

— Да, и очень долго.

— Зачем?

— Ты мне понравился.

Марк всплеснул руками и обошёл голую девушку стороной. Она не стала его

задерживать, только проводила взглядом.

— Я не понимаю... Я не понимаю... — затараторил Марк и принялся расхаживать взад вперёд.

— Я не причиню тебе зла, — умоляющим тоном произнесла девушка. — Давай просто подружмся. Я так долго ждала тебя! Давай хотя бы поговорим!

2

И они поговорили. Силёт, так звали обнажённую бестию, проводила Марка в широкий зал полусферической формы. Стены и высокий купол были черны как антрацит, а корни (*или это всё-таки щупальца?*) светились чистым белым светом не отбрасывая лучи и тени. Они устилали всё: и плоский пол, и сферический купол, и переходящие в купол стены. Корни двигались, медленно, хаотично, извиваясь.

Силет остановилась возле одной из стен и мысленно отдала приказ. Марк этого не чувствовал, но интуитивно понял. Пучок корней пришёл в интенсивное движение: стал изгибаться, бугриться, наращивать объём, создавать внутри себя полость. Через несколько секунд перед Марком появилось нечто, похожее на кресло из набора плетеной мебели. Вот только эту мебель сплели не из сырой древесины, и даже не из пластика, а из корневидных, светящихся щупалец.

— Присаживайся, — добродушно предложила Силет. Марк недоверчиво покосился на единственный предмет мебели в зале, но не рискнул опробовать его на мягкость. Силет не стала дожидаться, пока в госте проснётся смелость. Она отдала мысленный приказ другому пучку корней и подождала, пока тот образует второе кресло напротив. Силет демонстративно уселась вызывающе разведя ноги. Марк заметил вызов, посмотрел, смущенно отвернулся и сел на предложенное место. И, на удивление, оно оказалось весьма удобным: спина почувствовала небывалое облегчение, кровь отхлынула к ногам, руки безвольно опустились на изогнутые подлокотники, затылок нашёл идеальную точку опоры и шейные позвонки впервые ощутили облегчение.

Но Марк не смог получить удовольствие от пребывания в сверханатомическом кресле. Смущение, вот единственное, что он испытывал. Силет это поняла и приказала корням оплести её по груди и вокруг паха. Её прелести спрятались за тугими переплетениями. И Марк смог спокойно посмотреть в глаза бестии.

— Я ждала тебя одиннадцать лет, — начала Силет. — Для моей расы это не так много. И всё же. Я мучилась голодом, потому что никто другой не мог дать мне то, что можешь дать ты.

— И что же это?

— Взаимность.

Марк добродушно рассмеялся. Нет, вовсе не над чувствами, в которых ему призналась Силет. Он рассмеялся над абсурдностью самой ситуации. Или от смущения, теперь совсем иного.

— Я ждала стечения очень многих обстоятельств. Синий шар показал мне, где и когда мы встретимся, и я не посмела ему перечить. Возможно потому, что это не имело бы смысла. Как знать? Должно было совпасть многое: твой друг, Блэкблю, должен был отправиться на поиски ведьм, и пойти именно этим путём. Ты должен был попасть точно туда, где вскоре он пройдёт. Вы должны были остаться вдвоём и пройти долгий путь. И попасть к нам. Блэка давно ждала моя мачеха. Не знаю даже, зачем. Ей мог сгодиться любой другой, да и она не голодала.

При последнем слове Марк напрягся и устался на собеседницу. Его взгляд явно кричал: «Что значит “голодала”?».

— Мы едим тоже, что едят люди, Марк, — пояснила бестия. — Эта еда для наших тел, но не для нашего *атро*. *Атро* — это наш третий глаз, шестое чувство, телепатия и провиденье. Это ещё много чего. И оно требует еды.

От этих слов Марк перепугался ещё больше. Он напряжённо поёрзал на кресле и почувствовал, как корни улавливают каждое его движение, чтобы перестроиться.

— И что оно ест? — спросил Марк.

— *Атро*? Оно у каждого уникально. У кого-то *атро* питается чужой болью, у кого-то — чужим весельем, у кого-то — чужими душевными раздраями. Моё *атро* питается взаимным чувством. Взаимной ненавистью. Взаимной любовью. Но ненависть слаба. Она даёт много мотивации, но мало пищи. От ненависти моё *атро* начинает слабеть. А любовь... Я давно её не знаю.

— Как давно? — спросил Марк просто, чтобы спросить. Ему не было особого дела до её биографии.

— Лет пятьдесят. Твоими, земными.

Марк нахмурился. Не походила Силет на бабушку шестьдесят один плюс. Ни под каким углом.

— Хочешь представить, сколько мне лет? Не пытайся. Моему телу семьдесят четыре года. Моему *атро* около шестисот — его возраст вычислить трудно. Появление *атро* — это процесс, включающий многие стечения чувств и судеб.

— Семьдесят четыре? — с сомнением протянул Марк.

Силет насупилась. В чертах её лица явно проступила злоба.

— Вот они вы, люди: главное — тело! Нет, моей личности шестьсот лет. По крайней мере, я помню шестьсот лет. «Я» — это то, что я помню. А значит, тебе не двадцать пять, и даже не семнадцать. Тебе двадцать два года. Потому что ты помнишь всего двадцать два года. А до — шёл процесс образования твоей личности.

— Прости, я не хотел тебя обидеть! — С чувством сказал Марк.

Силет отмахнулась.

— Твоей вины в том нет, природа такова. Сама ваша сущность и отличие от нас.

— А кто вы? — с возбуждённым интересом спросил Марк.

— Ведьмы, бестии, жрицы, вещуньи, нимфы, алатеи... Кто как называет. Зависит от культуры и суеверий человека.

— А вы сами как себя называете?

— Никак. Мы никак не называем ни себя, ни других. Вещам вовсе и не нужно название. Вещь сама по себе вещь. Название нужно там, где вещи соотносят словам. А мы, ведьмы или бестии, не используем слова в общении. Зачем? Это долго и двусмысленно. Мы показываем друг другу.

Марк, сам того не заметив, прикоснулся к губам. В памяти свежо было воспоминание о поцелуе вызвавшей поток мыслительных галлюцинаций.

— И так тоже, — хихикнула Силет, когда заметила невольный жест собеседника. Тот резко убрал руку от лица и напрягся.

— Но как ты перенесла меня в свой мир?

— С помощью жёлтого шара. Через него я за тобой следила. С его помощью и перенесла в этот мир.

— А горничная? Арахна? Почему я чувствовал тебя при их прикосновении?

— Потому что это и была я. Через белый шар я проникала в их разум и руководила. И, прости, не удержалась. Мне нужен был ты. Очень. Я голодала. Я и сейчас голодна, потому, что ты мне не доверяешь. Дай мне время! Дай мне шанс! Умоляю! Я смогу сделать твои сны незабываемыми! Я знаю очень много интересных вещей. Я могу показать множество миров. Я могу управлять судьбами. И я готова разделить это с тобой. Только доверься мне! Начнем с простой дружбы. Просто будем общаться.

Марка обескуражило всё услышанное. В отчаянной попытке уложить новую реальность в восприятие, он задал ничего не значащий вопрос:

— А почему ты со мной говоришь, если можешь всё показать? Тебе же так проще.

— Мне? Да. Но не тебе. Ради тебя я готова говорить. И, надеюсь, ты ради меня будешь иногда смотреть.

Марк кивнул и запрокинул голову. Глаза невольно закрылись. Ему дико захотелось проснуться. Но, вот парадокс, чтобы проснуться, надо было захотеть уснуть.

Силет, похоже, поняла умственное напряжение собеседника и предпочла дать передышку. И Марку это было действительно необходимо. Его мозг взрывался от нежелания снова перестраивать восприятие мироустройства. Он цеплялся за старые планы, представления и рассказы. И точно не хотел признавать, что его всё это время заманивала в капкан семидесятилетняя девушка (*или шестисотлетняя?*).

3

Марк проснулся в восемь часов утра. По его обыкновению это считалось поздним пробуждением. Даже в выходной день. Но намеченные планы сокрушали волю и заставляли вернуться в горизонтальное положение. А кому захочется ехать в психушку? Пусть даже ради того, чтобы навестить там одного не очень знакомого человека.

Но пересилить себя всё же удалось. Марк наспех принял ванну, доел остатки вчерашних пельменей и собрался уходить. За его спиной продолжал работать телевизор, перекошенный бочок унитаза продолжал бесконечный набор воды, в раковине осталась грязная посуда. Но Марка всё это не волновало. В каком-то смысле, он нарочно насвинячил. В этом было что-то таинственное, волшебное, манящее: нагадить в душу человеку, которого никогда больше не увидишь.

Ключи бряцнули, стукнувшись о дно почтового ящика. Была идея кинуть их не под тот номер, но её Марк не воплотил.

Дорога в направлении посёлка «Тоннельный» выглядела едва ли не заброшенной. Снегоуборщики работали только до хутора «Грушевый» и ещё на десяток километров за ним. Оставалось каких-то тридцать километров пути по колее, проторенной не то фурой, не то трактором. Белоснежные пейзажи завораживали. Извилистые холмы уходили к горизонту и выравнивались, открывая вид на укрытый дымкой Кавказский хребет. В алых лучах восходящего солнца сиял Эльбрус, даже в такой дали заявлявший о своём могучем величии. Сенгилеевское водохранилище сковало льдом лишь по берегам, потому ему ничто не мешало отражать небесную синеву.

Наслаждаться красотой прикавказских пейзажей ничто не мешало — ветер не дул, туман, обычный в этих местах, решил не появляться даже в виде изморози, да и скорость движения была далека от крейсерской. Смелости едва хватало на то, чтобы держать тридцать километров в час.

Водитель газели, что пристроился сзади, поначалу нервничал, просил либо ускориться,

либо пропустить вперёд. Но после очередного поворота, где, похоже, занесло из обоих, перестал подавать условные сигналы.

Марку снова стало холодно, притом, что печка в машине работала исправно, и сам водитель был одет по сезону. Вероятно, белые пейзажи давили на психику.

Дискомфортом проблемы не ограничились. Через некоторое время пропал сигнал телефонной сети, а за ним и связь с GPS спутниками. Смартфон, выполнявший роли навигатора, высветил на экране сообщение, в котором говорилось о полной бесполезности устройства.

Марк решил никуда не сворачивать с основной дороги, в надежде встретить дорожный указатель. Кромка льда на берегу Сингелеевского водохранилища немного успокаивала — она осталась единственным ориентиром, который Марк отметил заранее при работающем навигаторе.

Но вскоре и она осталась позади. Ей на смену пришла рукотворная Фудзияма — многометровый муляж японского вулкана, украшавший местную базу отдыха. Сюда любили съезжаться горожане круглый год. Летом база превращалась в пляж и рыбацкий пруд одновременно. От несчастных случаев спасало только негласное разделение на зоны: где стоят шезлонги — там пляж, где пирс и мангалы — там рыбалка. Зимой же сюда стекались любители подледного лова. Место для этого было чудесное — глубина пруда не превышала человеческого роста, что позволяет льду образовать прочный панцирь даже в условиях нестабильной Кавказской зимы. А на тот случай, если рыбак всё-таки замёрз, к его услугам тут же расположили русскую баню, турецкий хамам и интернациональный бар.

Неграмотные постояльцы базы окрестили это место "Китай городом". Такое оскорбление японской культуре нанесли лишь по незнанию. Но название легко прижилось. Настолько легко, что даже переименование базы с «Семейный отдых» на «Японо-мама» ничего не изменило.

Марк залюбовался видом заснеженной Фудзиямы. Её «снежная шапка» из жидкого пластика выглядела злой насмешкой над царившими вокруг сугробами. А чёрные склоны из крашеного бетона упорно противостояли настоящему белому плену. Тому виной была крутизна их подъёма и тёмный цвет, притягивающий солнечные лучи.

Время любоваться было — по колее двигаться быстрее двадцати километров в час стало невозможно. Колеса вязли в снежной трухе.

Ожидания не обманули Марка — табличка с указанием направления появилась, вот только совсем не порадовала. Она указала на то, что ехать следует прямо ещё двенадцать километров, в то время как следы большегруза уходили направо.

Марк остановился посреди дороги и включил «аварийки». Как ехать дальше, он не имел ни малейшего представления. А представлять что-либо сильно мешал звук сигнала, что издавала газель за спиной. Марк посмотрел в зеркало заднего вида, и увидел две вещи, означающие три обстоятельства. Во-первых, водитель серой газельки матерился, на чём свет стоит. Для этого звук был лишним — выражение лица и мимика всё передавали более чем конкретно. Во-вторых, поворотники у газели не горели. Отсюда следовало, что водитель газели очень зол и собирается ехать прямо.

Марк свернул направо, надеясь что водитель газели не последует за ним. Ведь разминуться они бы не смогли, слишком высоким был слой снега, что разделял полосы движения.

Но случилось чудо — водитель газели поехал прямо. И второе чудо — спокойно проделал свежие борозды в гладком, белоснежном ковре.

По тому, как глубоко тонули колеса газели, Марк понял, от чего его так сильно ругали — дальше полоса была расчищена и вновь заметена. Вот только новый слой, что нанёс ветер, не помешал бы и велосипедисту.

Марк последовал за газелькой. И это оказалось трудной задачей. Её водитель разогнался до девяноста, наплевав на снежный покров и гололед под ним. «Нисанчик» Марка швырнуло на первом же повороте так, что он и думать забыл о преследовании рискованного попутчика.

Внезапно вернулась связь. Причём сразу вся: и интернет, и сотовая сеть, и GPS. Если возвращение первых двух легко объяснялось замаячившей впереди красно-белой вышкой, то насчёт последнего можно было строить множество конспирологических теорий заговора.

Оживший навигатор обрадовал сообщением о том, что ехать осталось не более семи минут.

4

Посёлок Тоннельный назван так неспроста. Он живой памятник Советской мощи. Памятник Сверхдержаве, которая могла обращать реки вспять и покорять космические просторы. Памятник стране, которая могла разрубать гордиев узел снова и снова, и в политике, и в медицине и в инженерии.

В этом забытом богами месте, труженики социалистического мира совершили гениальный и трудоемкий взмах мечом. Река Егорлык истощается в этих краях от непомерного полива. Однако она жизненно необходима ещё для сотен поселений, начинающих отсюда и тянущихся до озера Маныч. И рядом Сенгилеевское водохранилище, главная водная жила города Ставрополь, и она тоже не справляется с потребностями горожан. Но крепким узел становится от третьей верви — от реки Кубань, что течёт в каких то двадцати километрах от первых двух водоёмов. И воды в Кубани столько, что хватить трём Егорлыкам и десяти Сенгилеевским водохранилищам со всеми их полями и потребителями. Да вот незадача — Кубань лежит по одну сторону холмов, а Егорлык и Сенгилеевское — по другую. Холмы делают задачу по переброске воды почти неразрешимой — насосы на такой объём сделают воду золотой, а обходные каналы рыть придется так долго и тяжело, что проще и дешевле будет Марс колонизировать.

В Советском Союзе были умельцы разрубать узлы и тяжелее. В данном случае проблему решили просто — прокопать тоннель прямо сквозь холмы и пустить реку под землёй. Не всю Кубань, нет. Маленький рукав, который покрывает все расходы и потребности на столетия вперёд.

Да, были умельцы в Советском Союзе. Умел Союз вдохновить и дать пинка под зад русскому. Ведь он, русский, при всей своей богатой душе и неповторимой культуре, ведомый донельзя. Русскому всегда нужен царь и нужен барин. Русский просто не смыслит жизни без царя и барина. А на кого, как не на царя повесить все свои беды? Кто виноват в моём алкоголизме, как не сердитый царь самодур, герой всех народных сказок, что отправлял русского Емелю за тридевять земель за тем, не знаю чем? Кто виноват в том, что мне лень поднять задницу и найти вторую работу, чтобы закрыть все дырки, вызванные моей же финансовой неграмотностью? Кого, как не царя, винить в том, что всё своровано, разрушено и заброшено. И это при том, что у меня в заросшем огороде валяется прихваченный с завода моток провода. К слову, кто, как не царь виноват в том, что завод закрылся? Царь виноват! Это царь кричал — дайте нам джинсы, кока-колу и Мак-Дональдс!

Не может русский без царя. А коль царя положено чтить при нынешнем батюшке церковном, к примеру: Теливизьме Первоконаловиче или Пабле Соцсетовиче, то нужен непременно барин. Барин всегда нужнее. Даже когда царя чтить не обязательно, барин нужен.

Царя труднее обвинять в том, что тебя уволили за пьянку или за непрофессионализм. Барина легче клясть во всех грехах да низкой зарплате. Потому русскому барин очень нужен. И даже если закон всем позволит быть барами, русский возьмет титул, заверит его дипломом бакалавра, но пойдёт отрабатывать оброк да барщину, ибо титул одно, а образ мысли — другое.

Посёлок Тоннельный стоит прямо на подземной реке — на тоннеле, что высечен в полукилометровых холмах. Искусственное селение над искусственной рекой. Его возвели посреди пустого места. Можно сказать, выбрали место поровнее, воткнули в землю лопату и сказали: «Тут и зальем фундамент».

Советская власть построила тут два заведения, что функционируют и по сей день — психиатрическую больницу и психоневрологический интернат. При Российской власти достроили ещё и дом престарелых, правда ничем, кроме декорации, он похвастать не может.

Весь остальной посёлок населяет обслуживающий персонал этих трёх учреждений. Для нормального функционирования глубинки — тут имеется детский сад, школа и четыре продуктовых магазина, включая овощной ларек.

Всё это успел увидеть Марк, пока двигался по зелёной полоске на экране смартфона. Благо, весь посёлок и тянулся вдоль одной центральной улицы.

Интернат найти было не сложно — большая красная вывеска с золотыми буквами указала нужный поворот. Прямо перед КПП располагался асфальтированный плацдарм, известный в народе как парковка. Шлагбаум был открыт, и Марк беспрепятственно въехал на отгороженную территорию. Оставил машину в тени автобусной остановки, что не к месту стояла на территории парковки, вдали от проезжей части.

С пакетом в руках Марк подошёл к автоматическим воротам, но те и не подумали открыться. Марк походил вокруг, не зная, куда следует стучаться и кого звать. Минут через десять охранник обратил-таки на него внимание. Раздался отрывистый писк системы оповещения, и открылась железная дверь на проходной. Марк нерешительно зашёл в неё.

Путь перегородил седой мужчина в сером спортивном костюме. Он изучающе прищурился глядя на незнакомца и спросил хриплым басом: «Ты к кому? «.

Марк неловко ответил:

— К Геннадию Турищеву. Я тут первый раз. Не подскажите, как его найти?

— Он в третьем корпусе, — флегматично ответил мужчина. — Сейчас, медсестре позвоню, узнаю.

Марк покивал, хотя понятия не имел, что охранник должен узнать.

— Алло, тут к Циклолону пришли... Да к Гене. На посещение. Да, есть. Хорошо.

Марк осмотрел расчищенную от снега тротуарную плитку под ногами.

— Подожди, сейчас санитар придёт, проводит тебя.

— Хорошо, — промямлил Марк, видом показывая что немного замёрз. Охранник жест уловил и кивнул в сторону сторожки.

— У тебя там чай вижу, — также флегматично продолжил охранник.

— Да, несколько пачек. Родственники сказали купить.

— Столько не разрешат.

— Да? А сколько можно?

— Сигарет, сколько хочешь. А чай Генке нельзя. Чудит с ним. Ты мне оставь, я ему передам. Я с ним вечером увижусь.

Марк недоверчиво покосился на охранника. Тот понял причину недоверия и улыбнулся, но как-то криво, натянуто.

— Я эту парашу не пью. Но одну пачку за услугу себе оставлю. Остальное передам. Можешь потом у него спросить.

— Да я верю, чего там. Только вот зачем вам одна пачка, если вы не пьёте?

Охранник тихо но добродушно рассмеялся.

— Думаешь ты Генке курево припер? Не-а. Ты ему валюту притащил. Тут рублями только жопу подтирают. Причём и железными могут. Так что...

Марк улыбнулся, не вполне осознав, что охранник ни капли не шутит.

В тёплой сторожке он дождался санитаря. Молодой парень, лет восемнадцати на вид, в тёплой спецовке поверх хирургической пижамы, попросил показать содержимое пакета. Марк уже успел припрятать большую часть чая под кушетку, потому спокойно отнёсся к досмотру. Охранник же продемонстрировал высшее мастерство игры в покер — ни единый мускул не дрогнул на его лице в этот момент. И Марк как-то подозрительно отнёсся к этому. Ещё больше подозрений вызывал санитар — юноше в пору было носить армейский бушлат на срочной службе, а он щеголял в медицинском халате. Разумеется, Марк не знал об альтернативной гражданской службе, а иначе бы все понял.

Санитар шёл вперёд решительно, полутораметровыми шагами. Марк едва поспевал за ним, несколько раз поскользнулся на обледенелой плитке. Они прошли вдоль длинного здания, из которого доносился запах вареного мяса и средства для мытья посуды. Марк понял, что это была столовая.

Парадный вход столовой выходил на широкий плац, окантованный заснеженными клумбами. А на плацу Марк увидел то, что не забудет до конца жизни.

Из столовой шёл строй мужчин. Ну как шёл — ковылял, подтягивая ногу. Некоторые брели с опущенными руками и согнутыми спинами. Другие шли так, словно изображали динозаврика в игре «крокодил». Глаза всех в строю были пустые, бессмысленные. Лица исхудавшие и заросшие. А челюсти отвисшие. Но, самое страшное — их губы, подбородки и щёки были вымазаны чем-то кроваво красным. Это сборище выглядело точь-в-точь как армия зомби, только что растерзавшая человека живьём.

У Марка похолодели внутренности. Сердце гулко заухало. В голову полезли сцены из самых разных ужастиков: про вампиров, людоедов, зомби и оборотней. Голос инстинкта кричал: "Беги!". Но стоявший рядом санитар, пусть худой и высокий, внушал уверенность — парень смотрел на кровожадный строй как на отару баранов. Что-то самоуверенное и пренебрежительное читалось в его карих глазах.

— Опять свеклу на завтрак дали, — весело сказал санитар. Он решил подождать пока «отара» пройдёт мимо.

— Что? — неуверенно пикнул Марк.

— Да столовка, мать её, опять чушню творит. Кто же свеклу на завтрак даёт? Да с молочной то кашей! Нормы, лять, у них. Прозябали вчера! А нам сегодня что? За их нормы все простыни менять? А придётся, лять! Писец! Лять! Скука!

Марк несколько опешил. Не столько от услышанного факта откровенного маразма со стороны работников столовой, сколько от непрерывного потока мата со стороны санитаря. А

тот, в свою очередь, не придал никакого значения собственной лексики.

5

Марк пересёк порог жилого корпуса. В нос ударил резкий запах пота и коровьего навоза. Определить источник зловонья не представлялось возможным — белая плитка устилала и стены и полы и была до блеска вымыта.

По длинному коридору расхаживали «зомби», часто мыча и глупо улыбаясь. К Марку вплотную подошёл пренеприятного вида лопухий старик и протянул высоким голосом: «Здра-а-астьте! А вы к кому?».

— Ломпик, отвали! — прикрикнул санитар, и лопухий старичок ретировался. Правда под нос себе он продолжил бурчать что-то не дружелюбное и невнятное.

Санитар поковырялся ключом в замочной скважине. Механизм не сразу поддался.

— Проходите, — дружелюбно скомандовал санитар. Марк прошёл в каморку, которую использовали, очевидно, как маленькую столовую. Об этом свидетельствовала посуда, что сохла на вафельных полотенцах, и моющие средства, и пакеты с помоями, и свежий запах молочной каши.

— Циклодол! — прокричал санитар на весь коридор.

— Да иду я, иду, — послышалось далёкое бурчание. Вроде бы знакомое бурчание.

Марк уселся за небольшой столик и невольно поморщился. Остатки манной каши так никто и не удосужился стереть, и он чуть было не вляпался в них.

— Юнга! — раздался радостный возглас. — Ты меня нашёл! Нет, ты посмотри, нашёл! Нашёл!

Марк поднял голову и увидел Блэка. Очень старого, очень худого и очень беззубого Блэка. Тот стоял с отвалившейся челюстью и затуманенным взором. В лице читалось безумие и подавленность, будто бы он выпил через-чур много алкоголя. Но парами спирта вовсе не пахло. Пахло потом и нестиранными носками. И пахло старостью.

— Ты меня нашёл, — растянул Блэк и направился нетвёрдой походкой к столику.

— Я тут тебе кое-что принёс, — сказал Марк и положил пакет на стол.

— Ух ты! Курево! А чай?

— Немного, — Марк поднял голову, убедился в том, что санитар их покинул, и добавил: — Остальное у охранника. Сказал что передаст.

— На проходной? Да. Серёга на проходной. Он передаст. Да. Серёга нормальный парень. Не то, что эти сволочи.

— Блэк, у меня к тебе разговор серьёзный есть.

— Не-е-ет. Я тебе не Блэк. Это там я — Блэк. Тут я Циклодол. И прошу не путать! Да.

Марк пожал плечами, мол: «будь по-твоему».

— Циклодол, мне страшно.

— Чего ты, Юнга?

— Я боюсь, что тоже окажусь здесь.

— Аха-ха-ха! — громко рассмеялся Блэк, он же Циклодол. — Ты думаешь, я сюда из-за снов попал? Аха-ха. Ну ты выдал!

— А что, нет разве? — с надеждой спросил Марк.

— Я тут за бурную молодость расплачиваюсь. Наркоман я, Юнга. Бывших не бывает, знаешь? Вот и я не бывший. То сидел на всём подряд. А сейчас на циклодоле. А без него — ломки. Ой, какие ломки!

— А ты встречал других Спящих?

— Встречал? Да конечно! Я когда попал туда в первый раз, на вписке дрых. Ну и со мной пятнадцать мальчишек и девчонок. И пару их родителей. Все, кто в оргии почувствовали, все и провалились в тот мир. Конечно, мы и потом встречались. Нормально с ними всё. Кто-то тогда на алкашке был, и сейчас нормальный человек. А в том мире так и просыпается. Даже чин какой-то в Бэк-порте имеет. И ты за этим меня искал? Там спросить не мог?

— Не мог, — сурово ответил Марк. — Не поверил бы. Я уже, и правда, себя и сумасшедшие записал. И ты ещё, со своим интернатом.

— А чё тебе интернат? Он психо-неврологический. Я тут не от шизы оказался. Наркота нервы мои сожгла. Я и дееспособный, и дома мог бы жить. Да жена, стерва, за попытку суицида по психушкам гноит. Тварь!

Марк облегченно развалился на стуле. Страшные сомнения стали улетучиваться, хотя и оставляли болезненный осадок.

— Я рад, что ты оказался настоящим.

— А я, Юнга, рад, что ты мне курево припёр! Ох и тяжело бы пришлось мне, если бы не ты! Все сигареты на чай променял. А до отоварки неделя целая. Помер бы я. Ей Богу, помер бы!

— Да ладно, без табака помер бы?

— Да на кой мне твой табак? Пачку на неделю могу растянуть. А вот чай...

Марк наивно улыбнулся. Он был слишком далёк от мира, в котором из бытового напитка умели выщевивать первоклассные энергетики, имеющие ещё и околонаркотический эффект. А в сочетании с психотропными веществами, которые проживающие интерната получали по медицинским показаниям, крепкий чай обретал поистине волшебные свойства. У одних просыпались способности к левитации, другие внезапно обретали кожу, устойчивую к порезам лезвия, третьи начинали верить в себя и квитались с санитарями за прошлые обиды. Но когда волшебство заканчивалось, одних находили под окном со сломанной ногой, других в туалете с порезанными венами, а третьи оказывались в смиренных рубашках (или в коконе из простыней, если рубашек не хватало).

Но об этом всё Марк не знал. А потому так наивно улыбался.

Они поговорили всего четверть часа. Блэк пожаловался на то, что плохо помнит события прошлой ночи, в том смысле, что не помнит ничего о ведьме. Марк пообещал, что ночью непременно навестит его и поможет с поиском шара. Они оба не могли предположить, какой трагедией разразится грядущая ночь.

1

Марк уехал из Тоннельного в хорошем настроении. Во-первых, он убедился в том, что его сны реальны. В том смысле, что они не плод воспалённого подсознания, а некая проекция событий в ином измерении на разум.

Во-вторых, пусть косвенно, но он убедился в том, что сны не вызовут у него психического расстройства. (*Если, конечно, забыть где и от кого Марк получил такую информацию*).

Эту ночь Марк провёл уже в своей постели. Красавица жена пристроилась под бочок. И он, преисполненный покоя и умиротворения, погрузился в сон.

Силет встретила его на той стороне. Ее лицо выражало спокойствие и хладнокровность, но глаза горели нежностью и страстью.

Марку стало не по себе. Вчерашний интерес улетучился. Стены, полы и потолок, сплошь затянутые переплетением корней, начали пугать. Призрачный свет стал противнее полной темноты.

Но Марк помнил, что шёл сюда по делу. И это дело он хотел довести до конца. Перед тем, как перейти к наводящим вопросам, Марк решил узнать кое-что о своём появлении в мире снов.

Он помнил, что попал сюда не один. В маршрутке были другие: пожилой мужчина, две женщины и одна девушка. Марк не вспоминал о них, до тех пор, пока не услышал рассказ Блэка. Рассказ о том, как тот попал в мир снов прямо с оргии, да вместе с компашкой.

— А где остальные? — без приветствия и пояснений начал Марк. Силет читала его мысли — она «поела» и вновь могла это делать — а потому легко поняла, о чём её спросили.

— Они бы помешали вашей с Блэком встрече. Мне пришлось их убрать. Девушка жива, обслуживает одного *стюарта*. Женщины через Портал попытались вернуться в свой мир, но там и осели. А мужчина... Его похоронили на равнине.

— Ты помогла попасть им на поезд?

— В некоторой степени. Помогла *стюарту* с выбором. Тот решал, какому искушению поддаться — убить девушку или завладеть ею. Я ненавязчиво внушила ему мысль, будто коренастая девушка априори бойкая, а значит с ней можно здорово повеселиться.

— Ты всем так помогаешь?

— Нет. Только тем, о ком ты можешь спросить.

Марк интуитивно понял: все его мысли читают. И это стало большой проблемой. Как он мог выведать про шар, не допустив мысли о том, что они с Блэком намерены его похитить?

— *Узнай, чем питается её мать!* — промелькнула тревожная мысль. Мысль? Может голос. Голос ангела хранителя или духа предка.

Что бы то было, Марк не успел придать явлению должного внимания. Отчасти этому помогла Силет.

— Я знаю, зачем вы пришли. Шар. Вы искали серый шар. Вы хотели его украсть. Вернее, этого хотел твой спутник. Ты же шёл лишь потому, что не имел иной цели. Я предложу тебе другой путь, и ты реши, что тебе ближе.

Силет отпрянула от Марка. Корни под ним зашевелились. Повяло холодом, и кожа покрылась пупырышками. Но обнаженное тело Силет это никак не волновало.

— Пойдём, я покажу тебе то, что ты искал.

Она привела Марка в широкий зал с полукруглым сводом. Посередине корни спели подобие стола, от которого исходило радужное свечение.

— Вы искали серый шар, верно? — спросила Силет, подходя к столу.

— *Спроси, что ест её мать!*

— Это глупо, — продолжила Силет, будто пыталась заглушить тревожный голос в голове Марка. — Серый шар показывает то место, где сейчас находится искомый предмет. Или человек. Но ведь и предмет и человек могут поменять место положения. Верно?

Марк неуверенно кивнул. Силет жестом пригласила подойти поближе, и он послушался.

Радужное свечение исходило от шаров, что беспорядочно лежали на столе. Их свет сливался в единый поток, и было трудно определить отдельные цвета. Кроме одного. Жёлтый шар с миндалевидной щелью лежал в самом центре. Он впился в Марка своим чёрным, вытянутым зрачком и притянул к себе всё внимание.

— *Спроси, что ест её мать!*

— Вы искали Блэкреда, — снова перебила Силет голос в голове. — Это так глупо. Будь он обычным графом, давно бы лежал в могиле. Нет, Ред великий гений и инквизитор. Множество ведьм он изгнал из этого мира. Множество шаров попало в его руки. Множество ведьм и колдунов примкнули к нему. Этот Спящий не так прост. И вы хотели найти его таким глупым образом?

— Глупым? — серьезно спросил Марк. — Значит, есть способ умнее? Не поделишься?

Силет улыбнулась и запустила руку в гущу света.

— Существует двенадцать видов шаров. Отличаются они по цвету. А цвета отличают свойства. Вот то, что вы искали.

Силет подкинула в воздух прозрачный шарик размером с крупный мандарин. Марк с лёгкостью поймал его и поднес к лицу.

В сердцевине шара за клубилась серая дымка. Синие всполохи, будто бы молнии, стали приводить в движение фантомные механизмы. Механизмы сложились в единый аппарат. Аппарат отдалился, приобретая знакомые черты. Студебеккер показался в сизо-серой дымке в глубине шара. За рулем сидел бритый наголо суровый мужчина. Рядом с ним юноша в широкополой шляпе, подвернутой с правой стороны. Непонятно как, но сизо-серая дымка сумела передать цвета: юноша носил мантию, закреплению на груди золотым кольцом. В складках мантии без труда угадывался незамысловатый узор — черно-красная клетка шахматной доски.

— Да, вот он твой Блэкред, — с издевкой сказала Силет. — Едет в Сан-порт на грузовичке. Один, не считая телохранителя. Но он то там, а ты то здесь. И как ты его достанешь?

— Как? — с надеждой спросил Марк.

— Никак! — Решительно отрезала Силет. — Действительно никак. Если бы через шар можно было убивать, у ведьм в этом мире не осталось бы врагов.

— Но что тогда можно сделать?

— Нужно встретить его. Но где?

— Где?

Силет жестом попросила вернуть ей шар. Марк осторожно подкинул его. Но бестия ловить не стала. Шар завис в воздухе и плавно опустился в гущу света.

— У Блэкреда есть одиннадцать разных шаров, — продолжила Силет. Она доставала по

одному шару из гущи света, продемонстрировала Марку. — Есть зелёный, он говорит, что нужно сделать, чтобы получить прибыль. Есть розовый, он позволяет манипулировать чувствами других. Есть фиолетовый, он позволяет видеть любое место и любого человека в настоящий момент. Есть белый, он позволяет вселяться в тела любых существ. Есть чёрный, он способен затуманить любой разум. Есть красный, он показывает то, что сейчас угрожает твоей жизни и твоему здоровью, показывает и врагов, и болезни. Есть коричневый — он подсказывает будущее.

Есть апельсиновый — шар «спасайка», приходит на помощь, когда не знаешь что делать. Обретает разные свойства, в зависимости от ситуации. Но непредсказуем и опасен.

Есть оливковый — шар солдата. Помогает раскусить замысел врага, замаскировать любые вещи и силы, даёт совет — вступить в бой или отступить.

А вот он, король всех шаров — жёлтый. Глаз левиафана. Лоно миров. Этот шар позволяет душам и вещам путешествовать сквозь материи. С его помощью можно следить за всеми мирами во всех вселенных. Он раздваивает вещи — делает в любом из миров точную копию любого предмета. Но души раздваивать не умеет. Зато может оставлять им каналы для переходов. Вы их называете снами. Мы зовем их порталами.

Марк зачаровано смотрел на стол и с трудом вмещал услышанное. Но вмещал. Когда глаз левиафана вернулся в гущу света, Марк вопросительно посмотрел на Силет. Он, конечно, был не гений в математике, но одиннадцать от двенадцати отличать умел. Один шар она ему не показала.

— *Чем питается её мать?* — снова раздался тревожный голос в голове.

— Но одного шара у Блэккреда нет. Он и не знает о его существовании. А если бы знал, отнял бы очень много жизней.

Силет вынула из гущи синий шар.

— В сравнении с оливковым или глазом левиафана он слаб. По свойствам мало чем отличается от серого. Он тоже позволяет найти то, что ты ищешь. Вот только показывает не то место, где искомое находится сейчас, а то, в котором вы встретитесь.

Марк протянул руку в надежде, что она даст ему заглянуть в шар. Но Силет вернула синий кристалл в гущу света и пристально посмотрела на Марка.

— Ты можешь пользоваться любым из них. Для этого не нужно иметь никаких навыков. Но здесь. Я не могу отдать тебе ни единого. Шары переходят из мира в мир лишь раз. Я не смогу сделать себе ещё. Да и потом, ты тоже нужен мне здесь. Без тебя я умру с голоду. А тебе я могу дать всё, что захочешь. Любые удовольствия. Власть. Богатства. Цель в этой, второй жизни. Остайся со мной!

— *Что ест твоя мать?* — синхронно с голосом в голове, спросил Марк.

На лице Силет отразился испуг. Она знала, что этот вопрос прозвучит рано или поздно. Но была совсем к нему не готова.

— Почему для тебя это так важно? — спросила Силет.

— Потому, что ты питаешься чем-то от меня, а она чем-то от моего друга. И я очень хотел бы знать, чем именно.

— Марк, послушай, я от тебя не скрою ничего. Ты мне нужен здесь. Навсегда. Я прошу тебя: не будь скор в решениях! Дай мне время доказать, что я достойна тебя.

Марк кивком головы подтвердил, что может дать ей это.

Силет проводила Марка в ту тёмную комнату, в которой они впервые увиделись. Тут не было надоевшего переплетения корней и закругления стен. На стеллажах появились новые предметы — заплечный мешок Блэка и старомодная сумка Марка. Судя по внешнему виду — их совсем не трогали. Рядом лежала свернутая в трубочку джинсовка Блэка

— «Интересно, а револьвер там?» — подумал Марк, на секунду забыв, что его мысли читают.

— Я сейчас покажу тебе всё, Марк. Только прошу, не делай поспешных выводов. Пожалуйста!

Марк снова кивнул и сложил руки на груди.

В дощатой стене появились две вертикальные полосы света. Одна из них стала расширяться. Раздался скрип ржавых петель, и часть стены отворилась, точно дверь. Яркий свет ударил по глазам Марка. На несколько секунд он потерял возможность видеть. Но заставил себя привыкнуть к жгучим лучам, потому что очень хотел увидеть то, что услышал.

Душераздирающий крик заполнил уши. Вопль переходил в сипение и снова разрывался. Глубокие вдохи сопровождались булькающими хрипами.

— Помоги, Юнга! Умоляю! Убей меня! Юнга! — Сквозь нечленораздельные выкрики слышал Марк.

Глаза привыкли быстро и пожалели об этом. Ничего более отвратительного перед ними никогда не представало.

Тело Блэка висело в нескольких метрах над полом пещеры. Корни оплели его по всему телу, оставив только лицо и уши. Над ним, точно над обеденным столом, восседала взрослая бестия. Её миловидное лицо было перекошено гримасой злой радости. Черные вены выступили на белых щеках и высоких скулах. Глаза превратились в белые бельма. Тело обрело мертвенно бледный цвет. Но грудь вздымалась часто и глубоко, легкие жадно всасывали воздух.

Блэк кричал не переставая. Он молил о смерти, звал на помощь, просил о пощаде. А бестия улыбалась всё шире и шире при каждом новом крике. Казалось, её улыбка рано или поздно сойдётся на затылке.

— *«Ты должен ему помочь!»* — пронеслось в голове Марка.

— Послушай, — залепетала Силет, — не нужно спешить с выводами!

Ноздри Марка непроизвольно расширились, как это бывает в гневе.

— Так чем питается твоя мать?

— Пожалуйста! Дай мне время!

Марк кинулся к стеллажу. Туда, где лежала куртка Блэка. Силет проводила его испуганным взглядом, но остановить не успела. В мгновение ока Марк расправил куртку, залез во внутренний карман и нащупал деревянную рукоять «Энфилда».

— Послушай! — Взмолилась Силет и заслонила собой дверной проём. Но Марк был полон решительности. Он взвёл курок и направил револьвер прямо на взрослую бестию. Её загородила собой Силет.

— Марк, ты должен понять, она всего лишь ест. Ей нужны силы, как и мне. Я питаюсь взаимностью. Она — болью. Ей нужна чья-то боль, иначе она потеряет свои умения, а через годы и саму жизнь.

— Извини, но жрать моего друга я не позволю!

— А я? Марк, я тоже твой друг!

Эти слова на секунду смутили Марка, и он отвёл глаза в сторону. Лишь на секунду, но

этого как раз хватило, чтобы увидеть, как в комнату заползают корни. Медленно, боязливо, они крались по щелям в дощатых стенах, ползли по трещинам в бетонном полу. Корни медленно подбирались к Марку, хотели оплести и обезоружить.

— Отойди! — сурово кинул Марк.

— Нет! — твердо ответила Силет.

— Я убью её!

— Она моя мать в этом мире! Ты не посмеешь!

Марк плотоядно улыбнулся:

— Лучше отойди!

Силет вытянула вперед руку. Револьвер задрожал в руках Марка. Казалось, ещё секунда, и оружие выскочит. Но этого не случилось. Силет обессиленно опустила руки и дрожь прекратилась. У бестии было слишком мало сил для фокуса с телекинезом.

— Ты просила у меня время? Я согласился. Но согласишься ли ты? Мне тоже нужно время! Я не могу вот так бросить друга в мучениях. Освободи его!

— Я не могу, — выкрикнула Силет. — Он — её пища. И если я попытаюсь, она может отнять и мою. Прошу, не надо! Дай мне шанс!

Корень коснулся лодыжки Марка. Рука дрогнула. Раздался оглушительный выстрел.

Марк в ужасе посмотрел на Силет. Её глаза округлились, будто от крайнего удивления. Губы противоестественно вытянулись, будто пытались пить воздух. На нежно-кремовой груди образовалось чёрное пятно. Из него быстро побежала кровь.

Марк не хотел стрелять в девушку. Но это уже случилось. И теперь он молча смотрел на то, как она медленно сползала на пол, по капли теряя жизненную силу.

А тем временем корни оплели уже голени и шею Марка. При желании, они могли бы сбить его с ног или начать душить. Но они ждали: может команды, может неверного шага.

Если второго — то Марк пошёл им на встречу. Он прицелился во взрослую бестию и нажал на спусковой крючок.

Прежде чем грохнул второй выстрел, корни дернули шею и ноги Марка в разные стороны. Позвонки хрустнули, но не разорвались. А пуля ушла в «молоко».

Удавка на шее затянулась крепче. Воздух просачивался в лёгкие сквозь игольное ушко. Через него же выходил со свистом. На глаза упала пелена, а плечи ощутили, как по ним ползут медлительные змеи.

Марк понял, что через несколько секунд его руку закуют и обездвижат. Оставался последний шанс сделать удачный выстрел. Он сделал три. Наугад. Пелена перед глазами не дала увидеть даже силуэт бестии.

В грудь с трудом прорвалась последняя струйка воздуха. Сердце гулко заухало. Уши наполнил оглушительный звон.

Корни оторвали Марка от пола и подвесили в метре над землёй. И тем сделали глупейшую ошибку. Кровь, в которой ещё оставался кислород, от ног прилила к голове. Лишь на несколько секунд это вернуло разум в полноценную работу. Марк ощутил, как похолодела и ослабла рука. Ощутил, как больно стискивают шею древесные узлы. Почувствовал страх и жажду жить. И увидел, как рассеялась пелена перед глазами.

Четыре выстрела прогрехотали один за другим. Две пули раздробили крупные стволы корней у самой головы бестии. Четвёртая пролетела над чёрной макушкой. Но до неё была третья. Та самая, что была выпущена после двух пристрелочных.

На лбу бестии появился третий глаз. Черный, слепой и пустой. Даже кровь не потекла

из него. Не потекла, потому что её не хватало. Вся она потоком хлынула из пробитого насквозь затылка, увлекая за собой остатки серого вещества, что не вышибло пулей.

Хватка корней мигом ослабла. Марк жадно захватил воздух. Лёгкие буквально обожгло. Сердце застучало со скоростью отбойного молотка. Холод пробрал всё тело.

А корни стали сворачиваться спиралью, будто молодые листья папоротника. Они свисли с потолка, беспомощно отвалились от стен, замерли на полу. Теперь корни выглядели так, как и полагается выглядеть корням деревьев — внешне мёртвыми и неподвижными.

Марк с грохотом повалился на бетон и тут же услышал короткую, нецензурную фразу. Очевидно, Блэк тоже обрёл свободу.

Но к товарищу Марк не поспешил. Вместо этого он кинулся к Силет, хотя прекрасно понимал, что ей помочь уже нечем.

— Марк, зачем? — прошептала девушка. Она лежала на полу, аккуратно в дверном проёме. Её ноги подкосились на бетоне, а голова искала покой в застывших корнях. По каменному полу растекалась густая лужа черно-красной крови. И чем больше растекалась лужа, тем бледнее становилось лицо юной бестии.

— Прости, я не хотел! — протараторил Марк. Его лицо, багровое от асфиксии, задрожало от ужаса и сожаления. Но Силет этого уже не видела. Её глаза были широко открыты, но чем не могли помочь. Тьма уже стала расползаться в её сознании. Вскоре должен был раздаваться оглушительный звон, а за ним наступить пробуждение.

Но Марк не думал об этом. Он видел лишь дыру в груди девушки и чувствовал, как жизнь уходит из её тела. Он считал что она — действительно умирает.

Может, в каком-то смысле, так оно и было. Кто знает, куда ведёт ночной сон, и куда уносит вечный? Может, меняет мир? Может, возвращает домой? А может, заставляет расплатиться за все деяния, посылая видения ада или рая? Как знать? Оттуда возвращались лишь те, кто живет на бумаге.

Силет ушла молча. Не было ни прощальных реплик, ни душного монолога в угасающих лучах. Только предсмертные судороги и бесконтрольное мочеиспускание.

Марк закрыл глаза девушки своей рукой. Веки послушались и не стали размыкаться.

— Юнга! — еле слышно прохрипел Блэк. Марк посмотрел в его сторону. Но не потому, что хотел помочь. Просто нужен был повод не смотреть на тело убитой им девушки.

Блэк выглядел не просто плохо, а по-настоящему паршиво. Его лицо, и без того не молодое, постарело ещё на двадцать лет. Глаза окружали фиолетовые синяки, особенно яркие на обескровленном лице. Кожа на руках и груди обвисла. Волосы на голове сохранились лишь клочками. Борода покрылась вязкой слюной и остатками рвоты.

— Юнга!

Марк на четвереньках подполз к товарищу.

— Чего тебе?

— Спа... сибо, — еле процедил Блэк.

— Да было бы, за что.

Собрав в кулак последние силы, Марк встал и вернулся в тёмную комнату. Блэку явно нужна была вода и еда. В заплечных сумках ещё оставались припасы.

Проходя мимо тала Силет, Марк невольно зажмурился — чувства боли, стыда и сожаления переполнило его душу. Ещё сильнее он почувствовал одиночество. Небывалое

доселе никогда. Будто бы око ангела хранителя отвернулось от него. Отвернулось навсегда.

Запаса воды хватило и утолить жажду, и умыться лица. Блэк едва ли шевелился, и Марк помогал ему во всём. Разве что челюстью не двигал за товарища, и не глотал за него пережёванный хлеб.

После лёгкого перекуса, Блэк окончательно потерял силы и уснул. Марк оставил его на переплетениях корней и пошёл бродить по пещере. Нужно было двигаться, нужно было уходить. Он понимал, что может сойти с ума, если не покинет это жуткое место. Без Силет пещера стала походит на желудок древнего червя, и воображение только и ждало повода, чтобы нарисовать пищеварительные соки.

Марк без труда нашёл зал, в котором юная бестия демонстрировала свою коллекцию кристаллов. Вот только теперь тут не было ни коллекции, ни плетёного стола. Вместо них, в самой середине, появилась громадная скульптура — собранная лодочкой кисть руки. Со дна «лодочки» доносилось слабое свечение. Нет, не радужное. Всего двух цветов.

Марк приблизился к скульптуре и заглянул внутрь. Там лежали два кристалла: синий и оливковый. Марк осторожно протянул руку и взял сразу оба.

И охнул. Стоило только оторвать шары от поверхности гипсовой ладони, как та осыпалась мелкой пылью. Осыпалась и исчезла. И не оставила ни единого белого пятна.

Марк осторожно поднёс шары к глазам. Оливковый полностью проигнорировал своего нового хозяина. А вот синий...

Марк думал, что в чёрной дымке снова увидит грузовик с юношей. Но шар удивил его. Он показал Силет. Но не ту, что лежала за стенкой с простреленной грудью. И не ту, что умоляла Марка дать ей время. Он показал взрослую женщину с обольстительным телом. Высокую, черноволосую. И очень похожую на Силет.

Женщина посмотрела на Марка сквозь тёмно-синее стекло шара и улыбнулась.

— «Вот мы и встретились, — звука не было, но Марк всё равно услышал её голос. Голос Силет. — Теперь-то ты меня накормишь? Не переживай: я знала, что так будет. Красный шар — помнишь? Иди сюда!»

Марк видел сквозь шар руки, которые кинулись в объятия. Видел от первого лица. Но не свои руки. Те руки были по-восточному смуглые и волосатые, крепкие и жилистые.

— «Спасибо!» — Вновь передал шар беззвучный голос. Чужой. Грубый. Хриплый.

— «За что? За мои подарки? Глупости».

3

К следующей ночи Блэк немного восстановился. Нет, он не встал на обе ноги и не побежал вприпрыжку. Всего лишь сумел самостоятельно сходить в туалет да съесть кусок хлеба без посторонней помощи.

— Убираться нам отсюда надо, — сказал он Марку, когда покончил с пищей.

— Ты не поверишь, я и сам бы рад, но тебя я по лестнице не смогу спустить. А грузового лифта, увы, ведьмы не предусмотрели. Иначе бы я уже спустил их тела вниз.

— Кстати, а где они? Тела-то?

— Что, ещё и грех некрофилии на душу принял? — съязвил Марк.

— Да нет. Просто хочу плюнуть в рожу той гадине, что меня больше суток пытала. Не вынимая!

Марк с грустью улыбнулся и кивком указал на коморку со стеллажами.

— Там их сложил. Охапками корней прикрыл, чтобы не видеть лишний раз.

— Да брось, — попытался улыбнуться Блэк, — не такие они уж и противные на вид.

На иссохшем лице улыбка получилась похожей на оскал. Табачная желтизна на зубах показалась гнилью. Седая щетина провисла, как мантия римского сенатора.

— Смотри, что нам бестии на память оставили, — Марк протянул ладонь, на которой сияли два кристалла.

— «Ты не поверишь, где я был и что я там видел», — сухо процитировал Блэк знакомую многим кат-сцену.

— Их было больше, но остальные куда-то пропали.

— Как пропали? А серый там был?

— Как пропали — не знаю. И серый там был. Да толку с того?

Блэк отчаянно покачал головой. Пережить такое, и напрасно. И лукавая улыбка спутника ничем не помогала.

Марк вложил в иссохшую руку Блэка синий кристалл:

— Загляни-ка в него.

Блэк без особого интереса поднял шар и скосил глаза на чёрной дымке. Метаморфозы на его лице были более чем красноречивы.

— Я знаю это место, — сказал Блэк, не отрывая взгляд от дымки. — Старая гостиница в Сан-порте. Что это значит?

— То и значит — вы с твоим Блэкредом встретитесь в старой гостинице.

— Шар показывает будущее?

— Почти, показывает, где именно ты найдёшь то, что ищешь.

— И когда, — невнятно произнёс Блэк.

— Что?

— И когда именно встретишь — тоже показывает. Через два круга после следующего поклона. Так, стоп! Сегодня же поклон, если я не сбился со счёта. Как же нам успеть?

Марк не спешил с ответом. Он понял к лицу оливковый кристалл и посмотрел в его болотную дымку.

— На поезде, Блэк.

— Ты сдурел? Да нас грохнут, как только состав с перрона тронется. Да и чем ты платить за проезд собрался? Натурой?

Марк загадочно покрутил оливковый кристалл в руках и сказал:

— Теперь пришла моя очередь учить тебя жизни.

4

К третьей ночи Блэк понял, что уже в силах идти. Возможно, его подстегнула перспектива скорой встречи с заклятым врагом. А, возможно, вонь разлагающихся тел из соседнего помещения.

После того, как умерли обе ведьмы, корни деревьев перестали шевелиться. Склизкая занавесь у входа тоже исчезла. И Марк надеялся было, что пропадёт и крошечная тьма за пределами пещеры или, по крайней мере, песчаные потоки. Но ни то, ни другое не исчезло. Как, впрочем, и призрачное сияние из недр стеклянной сосульки. Без него пришлось бы спускаться по лестнице вслепую, и кто знает, чем бы это закончилось.

Путники оставили за спиной полосу чёрного песка и сразу же устроили привал. Блэк устал и был на грани обморока.

— Ты думаешь, нам этот шарик и правда поможет? — Спросил Блэк. Марк с ответом не спешил. Он возился с двумя длинными ветками.

— Если нет — мы ничего не теряем.

— Ты бы хоть опробовал его.

— Смысл? Либо он сможет навести иллюзию, либо нет.

Блэк усмехнулся и пристально посмотрел на юнца, что теперь был знаком ему в обоих мирах. Вот только ни там, ни тут юнцом он не был. Там — потому что перерос эти годы восемь лет назад. Здесь — потому что сломался. Внутренне. Он перестал задавать вопросы, и не потому, что всё понял. Он перестал спрашивать о цели в новой жизни, и не потому, что нашёл её. Марк просто сломался, и ему стало безразлично. Сегодня у него есть цель — чужая, навязанная — и он идёт к ней. Завтра цель будет достигнута, и он впадёт в беспробудное пьянство, потому, что ему уже всё равно.

— Ну что, моя очередь тебя тащить? — С наигранным задором спросил Марк. Блэк с недоумением посмотрел на конструкцию из двух ветвей и сказал:

— А вот хрен тебе к холодцу! Сам дойду!

И действительно пошёл. Неуверенно, пошатываясь, но пошёл.

1

Алан работал машинистом уже двадцать *вех*. Дорога, дорога, бесконечные шпалы, блеск солнца на приборной панели, перестук колёс. Рубка стала его домом, бесконечный рейс — его жизнью.

В последний раз Алан сходил с состава три *жертвы* назад, и лишь на несколько мгновений — увидел на перроне старого приятеля.

Вся Великая Магистраль была ему знакома от и до. Алан знал каждую станцию, каждый посёлок и каждый семафор.

Каким же для него было удивлением, встретить и то, и другое, и третье прямо посреди Мрачного леса.

Семафор горел красным цветом. Алан сдвинул брови, поднял к глазам бинокль. В пределах десяти тысяч шагов виднелся посёлок и железнодорожная станция.

— Что за чёрт? — спросил себя он и потянулся к клавиатуре бортового телеграфа.

«Гн. ст. ст. 338, треб. сем.»: напечатал он и покрутил ручку отправки. Сообщение распечаталось в трёх каютах, и было прочитано тремя лидерами дорожных мафиози. Им не нужен был переводчик, чтобы понять закодированное сообщение: «Господин старший стюарт, ситуация 338 — остановка в необозначенном на маршруте месте по требованию сигнальных приборов, в данном случае, требование семафора».

В вагонах началась суэта. Мафиози отрывались от своих рутинных занятий и готовились к возможной стычке. Кто-то оставил в койке голую девушку и взялся заряжать револьвер. Кто-то затушил бычок с дурманом и взялся за крепкий чай, дабы вернуть себе рассудок. Кто-то на время оставил пытки подозреваемого в шпионаже и начал переодеваться.

Проезжая мимо на малом ходу, Алан заметил двух пассажиров на перроне. Одеты они были в серую офицерскую форму, в руках держали кожаные чемоданы и дымили тонкими сигарками.

Потенциальных пассажиров вышел встречать Берг — правая рука старшего стюарта средних вагонов.

— Чё надо? — процедил Берг сквозь зубы. Парочка офицеров нисколько не смутилась от его грозного вида и горы мускулов. Один из них пренебрежительно протянул два клочка бумажки и тут же схватился за чемоданы.

— Э-э! Это чё? — недоумевал Берг.

— Как что? Форма три.

— Какая нахлеб форма три?

— Самая обычная. В рамках соглашений с серой директорией.

— Какие нах соглашения? Чё вы хотите?

— Как что? — Повторил молодой. — Проехать до Сан-порта с политической миссией. На бланке всё указано.

Берг посмотрел на листочек ещё раз и почесал за ухом.

— Мне нужно показать старшему.

— Ладно, мы подождём. Но за это — вы нам предоставите каюту получше.

Берг краем глаза отметил, как пожилой офицер ткнул в бок молодого, мол: «не перебарщивай». Но придавать этому особого значения не стал. Махнул рукой и удалился

вглубь вагона.

Старший стюарт не обрадовался при виде двух бумажек. Он хорошо был знаком с «формой три», и знал, что отказ предъявившему её пассажиру грозит серьёзными проблемами. Например, если отказать в проезде людям Блэкреда, можно в ближайшее время не поделить вагон с соседним стюартом. А если отказать чиновнику из Портала, то можно встретить наёмного убийцу в собственном купе.

Офицеров в сером проводили в локомотив поезда. Не потому, что не было другого места, и не потому, что там располагалось ВИП-купе. Всё гораздо проще — ни один из старших стюартов не захотел бесплатно пускать парочку в свои владения. И дело было вовсе не в жадности, а в сохранении авторитета — мол, я могу себе позволить отказать даже «форме три». Но, с другой стороны, никто не осмелился оставить офицеров на перроне. А локомотив, по негласному закону, не принадлежал ни одной из банд. Своеобразный компромисс.

Машинист Алан взял под козырёк, приветствуя непрошенных гостей. Офицеры, почему-то, ему не ответили.

— А я останусь с вами, — заявил Берг, заноса в кабину чемоданы.

— У меня тут не первый класс, конечно, — извинялся машинист, — но койко-место выделить могу, да чай горячий предложить.

— И мне чай предложишь? — спросил Берг.

— Для тебя найду чего покрепче.

Алан показал офицерам койки, а-ля плацкартный вагон. Бергу предложил собственное купе и попросил не будить сменщика. А сам вернулся за пульт управления. Состав тронулся и быстро набрал скорость.

— Говорил же: всё получится! — Прошептал молодой офицер.

— Хвалю, Юнга! — Ответил ему пожилой.

2

Оливковый шар хорошо держал маскировку. Талоны «формы три» на самом деле были половинками листочка из тетради, что попала в мир снов вместе с Марком. Старший стюарт средних вагонов подтёрся обоими, после того, как сходил по большому.

Такой же «маскировкой» был и семафор, и посёлок, и перрон. Даже серая униформа являлась лишь миражом. И никто об этом не догадывался. Или, почти никто.

Алан пригласил парочку офицеров в свою рубку. Их сторож, Берг, уже спал мёртвым сном после четвёртого стакана бесконечного шнапса.

— Не спрашиваю: «как?». Спрошу: «зачем?».

Марк и Блэк переглянулись.

— Я знаю эту дорогу лучше *слоговика* (местного алфавита). Нет тут никакого посёлка. Так вот — зачем вы его «построили».

— Нам очень нужно в Сан-порт. Срочно, — решительно заявил Марк.

— Всем срочно, всем нужно, всем в порт. А если бы я не остановился?

— А почему остановились?

— Любопытство. И скука. Я даже надеялся на кровопролитный бой. Хотел заблокировать свои двери, включить камеры и понаслаждаться зрелищем. Вы меня разочаровали.

— Извините, — с досадой сказал Марк.

— Да ничего. Рад, что вас ко мне распределили. Хоть поболтаю. Вы сами с каких мест

будете?

— Я тут новенький. Ну как. Уже давно, но ещё новенький.

— А звать то тебя как, новенький?

— Марк. А это Блэк. Он, можно сказать, старожил.

Алан добродушно рассмеялся:

— Старожил... Я — вот старожил! Тут и родился, тут и помру. А он, так, гость загостившейся.

— Спорить не стану. А вас как зовут?

— Алан. Самый старый машинист по прежней переписи. И, скажу я вам, не случилось ещё со мной такого — чтобы железную дорогу из-за войны перекрывали. Чтобы посёлки из ниоткуда появлялись. Чтобы Спящие серую форму носили. Эно как! Толи маразм, толи чудеса под конец трудового стажа.

Марк натянул улыбку и посмотрел на Блэка. Тот бессовестно пристроился на полу и уже потягивал сигарку с запахом нестиранных носков.

— Поди, первый раз на нашем поезде? — спросил Алан.

— Да, в этом мире покататься в вагончике ещё не доводилось.

— Не мудрено. Есть и те, кто всю жизнь железную дорогу только издали видел. Дорогой транспорт. Да и опасный.

— Из-за охранников ваших только опасный.

— Твоя правда. Я уж и не помню, когда их не было. До графских войн, наверное. Стюарты — так их Спящие прозвали. Что это слово значит — Тьме лишь ведомо. Первые стюарты брали мзду за проезд через их участок дороги. То были графы, через чьи земли проложили магистраль. От них дорожники долго искали защиту. Да толку. Самые находчивые из бандитов заключили союз, вместе сели на поезд, и по пути перебили тех хлопцев. Так и осталось. Кто в вагоне — те хозяева. Кто подойдет к дороге — покойник.

— И что, всех такое положение вещей устраивает?

— А чего? Товары возят. Нужных персон — возят. А попробуй отбей! Катается туда-сюда *листва песчаника* (вершина айсберга). Остальные в портах сидят, своей смены ждут.

Марк посмотрел за окно. С обеих сторон поезд зажили многометровые стены могучих елей. Непроглядные и чёрные стены. Лишь полоса красного света разделала их мрак. В самом конце полосы горел жёлтым пламенем гигантский солнечный диск. Он словно застыл над железной дорогой. Казалось, солнце — это и есть конечная точка всего маршрута, ведь насыпь вела прямо к нему.

Инстинктивный страх пробрал Марка. Подсознание уверило само себя, что поезд непременно столкнётся с жёлтым пламенем и вмиг испепелиться. Воображению непременно казалось, что огненный диск увеличивается в размерах.

А Блэк в это время наслаждался жизнью. Дурман стал действовать, навевая сны во сне. Что породило глупую улыбку на иссохшем лице.

Марк, в какой-то степени, позавидовал товарищу. Ведь он сам не знал покоя ни днем, ни ночью. Да, психика чётко различала, что было в том мире, а что в этом. К тому же организм физически отдыхал, и намного лучше, чем при обычном сне. Но память, коварная тёща разума, хранила всё. И это было тяжело. Тяжело, потому что никогда не приходило забвение. Не было минуты, когда можно было бы не отвечать за свои поступки и решения. Не было того мира, где можно чудить в сласть, а наутро всё забывать.

Оливковый шар снял маскировку и с Марка, и с Блэка, и с их чемоданов (вещмешков). В

ней не было никакой необходимости, так как Берг впал в алкогольное беспамятство.

Марк поднёс синий шар к глазам, так, чтобы закрыть им солнце. Лучи с трудом пробивались через тёмное стекло. Чёрная дымка активно зашевелилась. И снова перед ним предстала Силет. Взрослая. И снова в её объятиях он, и не он. В мутных отражениях Марк видел мужчину, представителя одной из арабских национальностей. Но Силет называла его Марком. И что-то родное, что-то близкое и знакомое читалось в этом арабе. Но что?

3

На Материке было множество деревень, посёлков, горных аулов и стоянок кочевников. Но действительно крупных поселений — всего пять. Портал, меньший из пятёрки, разросся благодаря своему парку, откуда челноки регулярно приносили предметы быта из другой реальности.

Лэфт-порт был маленькой рыбацкой деревней с небольшим механизированным флотом. Но последние события изменили и его название (база серых), и численность его населения, и экономическую значимость.

Тройку лидеров открывает Бэк-порт. Настоящий мегаполис образовался вокруг рудокопных шахт и платиновых приисков. Добывающая промышленность и по сей день исправно функционировала. Железо перерабатывали в стальные конструкции и болванки. Последние особенно ценились в Райт-порте — центре военной промышленности Материка. Медь шла на производство кабелей электроснабжения. Уголь — на топливо железнодорожным локомотивам и в печи теплоэлектроцентралей. Платина, практически вся, уходила в Портал. На Материке этот металл ценили слабо, ведь тут не производили и не использовали тонкую электронику. Зато челноки Портала легко превращали платину в самые разные вещи и девайсы из другого измерения: начиная со спичек, и заканчивая подствольными гранатомётами.

Сан-порт был ничем не примечательной верфью, пока через него не провели Великую магистраль. Альтернатива водному транспорту дала небывалый толчок в развитии промышленности, строительстве сооружений и образовании. Сан-порт расположился аккурат между двумя конечными станциями Великой магистрали, чем получил возможность питаться из двух тарелок одновременно. Из Бэк-порта привозили множество материалов, заготовок и сырья. По дороге поезда загружали инородной всячиной из Портала. Всё это с радостью перекупали дельцы солнечного порта. И особенно ценили книги.

Техническая литература, школьные учебники по математике и естествознанию, рефераты и подборки журналов. Всё требовалось переводить на местный язык. И Спящие с удовольствием этим занимались. Параллельно обучали своему языку коллег — уроженцев Материка.

Так в Сан-порте появилась Гильдия книжников — совет учёных разных направлений. Гильдия сделала город самым крупным центром науки и образования. Отсюда выходили специалисты любых областей: начиная с парикмахеров, и заканчивая военными инженерами.

Вдобавок, Сан-порт стал эдаким фильтром для всех товаров, что провозят по Великой магистрали. Самые лучшие товары непременно оседали здесь, что давало городу и дополнительный доход, и особую репутацию.

Самым крупным городом во все времена был Райт-порт. Располагался он в бухте, что носила имя «Чайка».

В бухте «Чайка» всегда водилось много селёдки и креветок. И при этом — мало медуз и

морских чудищ. Поэтому Райт-порт стал крупнейшим промышленным центром. И крупнейшим рассадником проституции. Оттого весь город, от нищенской лачуги, до древнего тронного зала, смердел рыбой.

В городе процветал игорный бизнес, работоторговля (теперь незаконная, оттого более прибыльная) и мафия. Представители последней часто являлись выходцами из крупных домов, детьми графов.

Политическая жизнь в городе была самой активной, и самой бессмысленной. Графы стекались в Райт-порт, чтобы примкнуть к близкой по духу коалиции. Некоторые создавали свои.

За что боролись их сообщества, ведала лишь Тьма. Понятно, что за власть. Вот только над кем? Друг над другом?

Неудивительно, что Блэкред вышел как раз из их среды.

Марк впервые увидел Сан-порт через ветровое стекло локомотива. Беспорядочная сеть электрических кабелей, чёрный дым промышленных труб, деревянные многоэтажки, вымощенные крупной галькой улицы, стойла для лошадей, автомобильные парковки. Всё это проносилось мимо со скоростью киноленты. От попытки разглядеть хоть что-то, Марк начало тошнить.

— Ты бы ухватился за что-нибудь, — наставительно порекомендовал машинист. Марк перешагнул через ноги Блэка, прошёл к своей койке и лёг. Как раз в тот самый момент, когда колёса закричали о рельсы.

Сила инерции чуть не скинула Марка на пол. Поезд шёл со слишком большой скоростью, и слишком быстро затормозил.

Под приятный перестук состав подъехал к посадочной платформе.

— Всё, дружище, приехали, — Алан потрепал Блэка по плечу. На том вмиг появилась серая форма офицера.

— Ага, спасибо! Где мы?

— Сан-порт, как просили. Давайте, на выход, пока Берг...

— А Берг не спит, — раздался бас из закрытого купе. Марк сразу понял, почему шар решил вернуть им маскировку.

— Скажи этим клоунам: пусть выметаются! А мне плесни ещё. И напиши старшему, что из-за пассажиров я всю дорогу не спал. А сейчас выпил и отключился.

— Конечно, — добродушно ответил Алан и помог Блэку подняться.

4

Маскировка исчезла, когда путники вышли с вокзала. Их со всех сторон теснили люди, потому никто не заметил моментального перевоплощения.

Лёгкий бриз встретил гостей запахом моря. Но большой воды видно не было — десятки кварталов отделяли галечный пляж от посадочной платформы. Гудение двигателя локомотива, гомон сотен людей, рокот механизмов перебили шум прибоя. Доносились лишь одинокие выкрики чаек.

От многоэтажных деревянных застроек на улицах было темно. Круглые фонари, да неоновые вывески слегка рассеивали мрак.

Первый этаж каждого дома занимало какое-нибудь заведение: ресторанчик, пивнушка, парикмахерская, ателье, бакалейная лавочка. Довольно частовстречались книжные магазины и газетные киоски. Большая часть изданий была написана на местном *слоговике*, но

встречались отдельные экземпляры и на английском языке.

— Ты знаешь, куда идти? — спросил Марк.

— Сначала выполним обещание, — кинул за спину Блэк.

— Ты о чём?

— О Гильдии книжников. У нас к ним письмо. Помнишь?

— Спасибо, что напомнил! И где они соизволят быть?

— В центральной библиотеке. Где же ещё?

Центральная библиотека во всём оправдывала своё название. Во-первых, она располагалась в самом центре Сан-порта. Во-вторых, её здание занимало центральное место в архитектуре города. Огромный, белый дворец возвышался над всеми постройками и промышленными трубами. Его массивные колонны подпирали многоярусную мансарду. Гипсовые горгульи в изобилии свисали с кровли. Медная черепица горела огнём в лучах заката. Узкие окна бойницы переливались радугой от стекольной мозаики.

Дворец напоминал древнегреческий храм с крышей-пагодой. И при этом его украшали витражи с явно христианской тематикой.

Несмотря на весь видимый пафос здания, зайти внутрь мог каждый. И каждый мог взять любую книгу, если, конечно, был в состоянии самостоятельно дотянуться до нужного стеллажа. А вот выносить книгу с собой — не разрешалось никому.

На входе стоял огромный стенд с подробной, поэтажной картой библиотеки. Причём все названия дублировались на четырёх языках — на *слоговике*, на английском, на китайском и на русском.

Марк сразу понял, куда им следует идти. Не в отдел научной фантастики, и не на ярус прикладной математики. Даже не в хранилище древних свитков. То место, куда они должны были отнести письмо, называлось «Зал заседаний Гильдии книжников».

5

Александр Костинский был из Спящих. Однако, вопреки сложившейся традиции, не стал брать себе «цветное» имя. На то не было особых причин. Просто так сложилась его жизнь во втором мире.

Александр попал сюда прямо с лекции по философии. Тогда он был первокурсником филологического университета. Всю ночь Саша готовился к практикуму: хвосты были слишком длинные, а оценка — решающей.

Но заслуженную пятёрку он так и не получил. Когда на доске появились контрольные вопросы, глаза сами собой слиплись. И никто не захотел их разлепить. Даже преподаватель, который всё прекрасно видел.

Александр попал в мир снов, прямо в центральную библиотеку. Тогда ему показалось, что он всего лишь погрузился в собственное подсознание. Архивариус с радостью помог Саше отыскать нужную книгу по философии (благо по ту сторону Портала обучали по аналогичному учебнику). И вопросы с доски сами собой всплыли в воспоминаниях.

Архивариус тоже оказался Спящим, потому легко смог понять ошарашенного студента, что очутился в библиотеке прямо посреди занятий. Он предложил Саше прилечь на диване для посетителей. И... О чудо!... Саша проснулся в своём мире с готовым ответом в голове.

Этим приёмом Александр воспользовался ещё много раз. В мире снов он так и остался при библиотеке: сначала — переводчиком, потом — специалистом по языкам и русской литературе. Из восьми часов сна он тратил час на бытовые нужды, три — на трудовые обязанности председателя Гильдии книжников, а оставшиеся четыре — на разработку

проектов в своём мире. И совсем не беда, что вынести можно было только воспоминания. Годы тренировок позволили запоминать наизусть все тексты, что были переработаны во сне.

Председателем Гильдии его назначили не так давно. Препредседатель находился в деловой поездке, аккуратно в зоне боевых столкновений серых и армии Спящих. Теперь числится пропавшим без вести, хотя все прекрасно понимали, что весть о нём прийти может только одна.

Зал заседаний Гильдии ничем не отличался от остальных секций библиотеки — те же стеллажи до потолка, те же письменные столы по кругу, те же жёлтые пятна света от настольных ламп.

Александр первым обратил внимание на парочку посетителей, что, казалось бы, случайно забрели в его владения. Сюда редко заходят посторонние. И дело вовсе не в особом статусе данного уголка библиотеки. Всё проще — в этот сектор собирают слишком специализированную литературу.

— Приветствую вас, — воскликнул Александр и раскинул широко руки. — Вы что-то ищите?

— Да, — отозвался Марк. — У нас письмо для Гильдии книжников.

— Письмо? Ого! А от кого, позвольте узнать?

— От главы Портала, — вмешался Блэк и вынул из-за пазухи конверт. — О содержимом не знаю ничего. Кроме того, что это предложение о сотрудничестве.

Александр осторожно взял конверт, придирчиво рассмотрел печать на сургуче и сказал:

— Ну что же, присаживайтесь! Сейчас ознакомимся.

— Да нет, что вы, — затараторил Марк. — Мы спеш...

— Спасибо! — перебил Блэк и уселся за письменный стол. Александр смерил Марка взглядом и удалился за стеллажи.

— Блэк, мы разве не торопимся?

— Пока нет. У нас есть пара колоколов.

— И что, мы будем просто сидеть в библиотеке?

— Почему просто? Сиди сложно! По-турецки.

Марк махнул рукой и сел рядом. Напротив сидел старец в маленьких, круглых очках. Он оторвался от пожелтевшего свитка и посмотрел на юношу.

— Не спешите жить, молодой человек!

Марк усмехнулся и ответил:

— Куда мне спешить? Я, всего-навсего, сплю. До рассвета совершенно свободен!

Старец недовольно покачал головой:

— Из Спящих, значит.

— А это что, какая-то проблема?

— Для меня — да! — С вызовом поднял подбородок старец.

— И чем же вам Спящие не угодили?

— Вы — инородный элемент для нашего мира. Ни ведьмам, ни землянам, ни оборотням здесь не место! Это наш мир! Просыпайтесь уже в своём!

Марк вызов принял. Он выпятил грудь вперёд и презрительно улыбнулся.

— А вы не из серых часом?

— Из серых, — кивнул старец.

— ... Марк, — позвал Блэк. Он чуял беду и не знал, как её предотвратить.

— И что, у вас тут все из серых? В Гильдии вашей?

— Нет, но это мы скоро исправим, — заявил старец.

Внезапно раздался голос Александра из-за стеллажей:

— Не спешите с выводами, профессор. Эти джентльмены принесли сводку: серых зажали на базе и взяли в плотное кольцо. Так что — ваша идеология терпит крах.

— Идеология не может потерпеть крах на поле боя, — повысил голос старец так, чтобы его было слышно за стеллажами. — Она будет жить до тех пор, пока о ней не исчезнут любые упоминания — письменные, устные. Или пока не потеряет актуальность. Но идея серых никогда не потеряет актуальность — это наш мир, и вам тут не место!

— Да Тьма с вами, профессор. Я возражаю разве? Просто констатирую факт — серые в блокаде, а министр обороны Портала спит и видит, как бы их взять штурмом.

Профессор поднялся из-за стола и выкрикнул:

— Олав, в отличие от вас, не спит! Он самый что ни есть — серый! И он не даст своим людям пойти войной против базы. Он найдет тысячи способов ослабить армию Спящих. Помяните моё слово.

Внезапно появился Александр. Он добродушно улыбался и нёс с собой распечатанный конверт.

— Профессор, я слышал, что Олав тоже Спящий, — тихо сказал Александр. — И подобно мне, скрывает свою принадлежность. Не знаю, сколько в этих слухах правды. Но явно меньше, чем в ваших словах. Олав действительно не намерен поддерживать армию Спящих. Больше того — он предлагает нам сотрудничество в помощь серым.

Профессор намекая покосился на Марка и Блэка, мол: тут лишние уши. Александр улыбнулся и сказал:

— Будь это предложение «тайной за семью печатями» — Олав не послал бы случайных курьеров. Нет, письмо попало к нам нераскрытым по чистой случайности. Он хотел бросить вызов Блэкреду. Думал — парочка Спящих вскрыет письмо и доложит обо всём командиру.

— Зачем это Олаву?

— Игра, профессор. Это игра. И нам предложили в ней поучаствовать. Вот только... Чью бы сторону выбрать?

— И что предлагает нам Олав? — Профессор побагровел от нетерпения.

— Загрузить на исследовательский корабль гуманитарную помощь. Для серых.

— И что за помощь? Подкрепление? Танки? Снаряды?

Александр рассмеялся.

— Всё проще. Всё куда проще. Олав просит доставить на базу серых медикаменты и оборудование.

— Что? Всего лишь?!

— Формально — да. Но это лишь первый ход комбинации.

— И что он даёт? И кому?

— Как что? Этим жестом Олав утирает нос Блэкреду. Флотилия у Спящих маленькая, а после боёв с серыми — совсем ничтожная. Вступать в бой с исследовательским крейсером они не рискнут. Итог: весь Материк знает, что блокады, как таковой, нет. Что сообщение по воде налажено, и что первая партия гуманитарной помощи прибыла. Вдобавок, прямо из под носа Реда исчезает важная фигура — полковник. Да, тот жив и здоров, но совершенно бесполезен, ведь Портал (в лице Олава, разумеется), поддерживает серых.

Профессор присел на стул и недовольно покачал головой.

— Это всё так глупо. Александр, я конечно всей душой на стороне Олава, но он делает

глупость.

— Профессор, откуда нам знать, какую комбинацию разыгрывает глава Портала?

— Даже если так: вы не станете выступать против кардинала. Я уверен.

Александр подошёл к профессору вплотную и склонился над самым ухом:

— От чего же? Почему я должен быть на стороне Блэкреда? Просто потому, что он Спящий? Нет уж, увольте! Его политика мне противна, о чём вы хорошо знаете, профессор. А предложение Олава — весьма симпатично. Так что...

— Но ведь это открытое выступление против кардинала? Вам не страшно?

Внезапно Блэк прочистил горло и на него обернулся и профессор, и Александр.

— Я очень извиняюсь, всё это не моё дело, — сказал Блэк. — Но попрошу вас об одном: отложите спор до завтра. Сегодня должно произойти одно очень важное событие. Важное для всего Материка. Не знаю, чем всё обернётся. Но, может быть, все ваши планы придётся пересмотреть.

Александр непонимающе уставился на Блэка. Профессор потеревил седую щетину и недовольно хмыкнул. А Марк предпочёл и дальше не вмешиваться. Он встал, подошёл к стене и стал изучать незамысловатую карту.

Марк уже знал, как выглядит Материк. Блэк несколько месяцев назад нарисовал его очертания на клочке бумаги. Однако там и близко не было такого великолепия, что предстало на скрупулёзно проработанной карте. Горы и холмы выглядели как настоящие, при том, что всё изображение наносилось одним углём. Великая равнина, на карте, оказалась не такой уж однообразной: на ней было множество климатических зон и стоянок кочевников, множество памятников давно минувшим битвам и десятки колодцев.

Мрачный лес был разбит неровной сеткой (*очевидно, изображение просек*), каждый квадратик пронумерован. Под картой стоял небольшой стенд с прозрачными ячейками, куда вкладывали бумажки с названиями домов: Блэк, Донаган, Елоу, Астахов, Ред, Стай, Грин, Индиго, Пинк, Браун и так далее. Каждой ячейке соответствовал порядковый номер. И Марк сразу догадался, что тут отмечают нынешнего владельца того или иного участка.

Цифры стояли не только на квадратиках лесного массива. Поперечным пунктиром была расчерчена вся береговая линия. И здесь каждый участок имел собственный номер.

На отдельный стенд вынесли имена стюартов, что владеют тем или иным вагоном поезда на Великой магистрали. Марк вряд ли бы понял, что это за стенд, если бы сверху не прикрепили чёрно-белую фотографию паровоза. Снимок переливался глянцем, как будто только что высох под красной лампой в проявочной.

Блэк наотрез отказался комментировать своё заявление о скорых переменах. Все уговоры и попытки вытянуть из него хоть полслова ни к чему не привели. В итоге Александр сдался и решил зайти с другой стороны. Он осторожно приблизился к Марку и стал искать тему для разговора.

— Вы давно в наших краях? — Спросил Александр.

— Земными — счёт на месяцы пошёл, — ответил Марк.

— Успели Материк повидать?

— Да куда там? То по бескрайней равнине топал, то через лес на носилках ехал.

— На носилках?

— Да, было. С оборотнем повстречались. Чудом в живых остался.

Александр сочувственно покачал головой.

— А вы сами местный? — Спросил Марк.

— Да нет же! Такой же Спящий, как и вы. Вам, видимо, не до наших разговоров было. Я упоминал об этом.

— Вы правы, мне нет дела. Разбирайтесь со своей политикой сами. Я привык решать вопросы просто — не даёт жить, сам жить не будет. И всё. Развели тут игры, понимаешь.

— А вы что: мните себя способным убийцей?

— Способным? Не знаю. Опытным — да.

Александр на секунду замешкался. Его несколько сбивала с толку юная внешность Марка. И она с трудом вязались со словами об опыте.

— Я вот думаю, — Марк перебил спутанные мысли Александра, — а почему солнце в одной точке висит? Эта планета что, как луна — всегда одной стороной к объекту притяжения повёрнута?

— Что же, да... Нет... — Собирался с мыслями Александр. — Честно говоря современная наука Материка полагает, что мы живём на плоскости.

— В смысле?

— Ну... Не на планете, а... Скажем... На диске.

— Ага. А диск на слонах или на китах?

— Да нет же, молодой человек. Тут всё сложнее. Дело в том, что мы проводили исследования на Великой равнине и на водной глади. Мы направляли пучок света максимально близко к поверхности, а с другой стороны ставили светоприёмник. Тысячи замеров показали, что коэффициент искривления поверхности крайне мал.

— Что, простите?

— По нашим расчетам: если бы мы находились на планете, подобной земле, то при таком искривлении плоскости — планета должна была быть размером с Юпитер. А это, извините, физически не возможно. Нас бы расплющила гравитация.

— Секундочку, но видимый горизонт ведь очень похож на земной.

— Это мнимо, молодой человек. Вы видите объекты на максимально возможной для вашего зрения отдаленности. А точка изгиба местности находится намного дальше. На глаз этого не определить.

— Но изгиб всё же есть. Значит Материк находится на полусфере?

— Да. Или на сегменте сферы. В любом случае, у нас недостаточно данных для однозначного ответа.

— И что, в кругосветку не разу не плавали?

— Молодой человек, ну неужели вы считаете себя самым умным? Быть может это и так, извините. Но кругосветное... Ей Богу!

— И? Что вы хотите этим сказать?

— Видите ли, океан, или море, не позволяет себя исследовать. Существует некоторая граница, мы называем её «тысячной милей», за которую судну лучше не заходить. Ещё ни один катер, баркас или, хотя бы, шлюпка не вернулись оттуда. Несколько *вех* назад мы проводили эксперимент — заказали в Бэк-порте плавучий трос в десять тысяч шагов, и вышли с ним в море на нашем флагмане. Когда дошли до «тысячной мили» — спустили на воду парусную шлюпку с пятью матросами. Матросы насели на вёсла и гребли до тех пор, пока позволяла длина прицепленного троса. Разумеется, выбились из сил и дали сигнал ракетницей: «передохнём и назад». Но назад не вернулись. Дозорные неотрывно следили за шлюпкой. Уверяли, что после передышки матросы снова легли на вёсла, и даже гребли в сторону крейсера, но уплывали всё дальше и дальше. На миг все на флагмане почувствовали

сильную тягу — будто плавучий трос смог сдвинуть многотонную махину. Но лишь на миг. Затем трос оборвался, и шлюпка скрылась из виду.

Видите ли, молодой человек, за «тысячной милей» не работают даже радиопередатчики. Мы выписывали парочку из Портала. Списать происходящее там на простое течение — не получается, хотя и очень хочется. Научное сообщество Материка согласилось признать «тысячную милю» — краем мира. Для всеобщего спокойствия.

— Да и чёрт с ним, — махнул рукой Марк и отвернулся от карты. Он нервно прошёлся туда и обратно вдоль стеллажей и рывкнул:

— Блэк, ради всего... Пошли уже.

6

Блэк на время забрал синий шар у Марка. Тому магический атрибут стал без надобности (*всё равно ничего, кроме араба в объятиях Силет не вижу*). А вот Блэку был очень даже нужен. В черной дымке он видел вновь и вновь детали долгожданной встречи: плоскую крышу деревянной многоэтажки, крутую лестницу соседнего здания, поднимающийся по ней силуэт, выстрел.

Блэк смотрел на эту картину множество раз. И не мог оторваться.

Да, шар показывал всё не так, как он планировал. Но разве всегда поучается так, как задумал? И если нет — то зачем переживать? Главное — цель. Второстепенное — средства. Остальное — тонкости.

— Мы на месте, — Блэк указал на пожарную лестницу многоэтажки. На железных перекладинах обильно висело постиранное бельё. Да и без него пользоваться ржавой конструкцией не хотелось. Но было нужно, и Марк решил прибегнуть к помощи магического шара. Оливкового. И тот благодушно указал, на каких ступеньках следует быть осторожным. Показал и альтернативу — Марк в шаре игнорирует предупреждение, наваливается всем весом на подозрительную перекладину, летит вниз и разбрызгивает содержимое черепа по свежестиранным простыням.

— Я поведу, — отрезал Марк и полез первым.

На плоской крыше всё оказалось так, как предсказывал синий шар. Вечно заходящее солнце светило в спину. Высокие бортики плоской крыши пестрили похабными карикатурами. По другую сторону улицы стояло здание, которое Блэк назвал старой гостиницей. Не хватало только толпы людей у подножья лестницы, да самого героя дня в окружении охраны.

— Скоро они будут? — спросил Марк.

— Думаю, после этого *колокола*. Народ уже стекается. Посмотри!

Народ и правда стекался к старой гостинице. Собирались под окнами первого этажа, курили у фонарных столбов, зазывали прохожих. Но никто не отважился подняться по лестнице. И вовсе не вид её деревянных ступеней смущал зевак. Нет. Прямо посередине стояла парочка рыцарей в полном доспехе. Они смотрелись несколько комично на фоне неоновой вывески — будто реконструкторы не удержались, и прямо во время фестиваля решили смотаться за пивом. Но что-то подсказывало Марку, что их форма — отнюдь не антураж.

Под палящими лучами низкого солнца Марк и Блэк перекусили. Да, в запасах оставался только чёрствый хлеб да опостылевшие консервы. Но никто не стал ими брезговать. И пусть снизу доносились запахи печеного мяса. Пусть по толпе разносили горячий хлеб. Пусть пивнушка манила сиянием вывески. Засада — есть засада.

То, что случилось позже, Марк почти не понял. Всё произошло слишком стремительно. С низу донёлся автомобильный гудок и толпа зашумела. Блэк быстро закинул вещи в заплечный мешок и вынул револьвер.

Интуитивно, а может из страха, Марк схватился за оливковый шар. В дымке он не увидел ничего ясного, зато услышал...

Да, слышал глазами. Как? Да кто его знает. Но то был не голос в голове, и даже не шум ветра. Марк чётко слышал глазами: «Нет! Остановитесь! Не сейчас!».

— Блэк, — почти шёпотом окликнул товарища Марк. Но толку от этого не было. Для Блэка настал долгожданный момент. И предсказание какого-то там шара его мало заботило.

В толпу вклинился «Студебекер», точь в точь такой, на котором катался Марк с Блэком. Из людской массы тут же вынырнули солдаты в пиксельной форме и создали коридор от дверей со стороны пассажира, до деревянной лестницы.

Марк подполз к краю крыши и украдкой выглянул. По лестнице уже поднимался невысокий силуэт в чёрно-красной мантии. За ним, шаг в шаг, следовал рыцарь в полном доспехе.

Блэк стоял в полный рост. Он вовсе не боялся, что его могут заметить. Он и не думал прятаться от ответных пуль. Он ждал подходящего момента. И дождался.

Рука опытного стрелка молниеносно навелась на цель. Левый глаз закрылся, а правый сузился от напряжения.

Выстрел.

7

Широкополая шляпа слетела с головы. Юноша вскинул руки и не успел дотянуться до светлых волос, свалился на ступеньки. Могучие плечи рыцаря заслонили его собой. Но Блэка это не остановило. Он выстрелил ещё раз, и ещё, и снова. Стрелял до тех пор, пока револьвер не издал сухой щелчок.

Пули измяли доспехи рыцаря как фольгу. Из-под стальной «юбки» потоком хлынула кровь. Но великан в доспехах стоял на ногах и продолжал прикрывать собой юношу в чёрно-красной мантии.

Снизу раздался ответный выстрел. Пуля просвистела рядом с головой Марка (*хотя явно предназначалась не ему*). Блэк, не объясняя ничего, пригнулся, подобрал свой рюкзак и направился к пожарной лестнице. Марк ползком последовал за ним.

По нарастающему шуму было понятно, что толпа пришла в движение. Началась паника, и охрану Блэкреда зажали — не позволили броситься в погоню.

Но спутник Марка знал, что так просто не уйдет. Он знал, что оцепление стояло и вокруг толпы, и за квартал от неё. Знал, что сейчас начнётся массовый досмотр квартир, магазинчиков, переулков и даже мусорных баков. Чтобы выбраться из плотного окружения, нужно стрелять. И стрелять много. А с этим загвоздочка.

Марк, впервые с момента встречи, увидел, как Блэк заряжает револьвер. Рыцарь оказался Спящим, в виду чего патроны-таки истратились. Но не все. В закромах Блэка имелась ещё одна, непочатая пачка. А у Марка к «УЗИ» дополнительная обойма.

Итого: пятьдесят пуль к револьверу и шестьдесят к «УЗИ». В любой другой ситуации — этого могло бы быть более чем достаточно. Но не в этой.

Блэк остановился на высоте второго яруса и перепрыгнул на балкон.

— Быстрее, сюда! — Крикнул он и скрылся за дверью в комнату. Раздался женский визг и хлопок. Марк даже думать не хотел о том, почему визг закончился.

Но ошибся — Блэк никого не убил. Коренастая, очень хорошая собой женщина сидела в кресле с широко отвисшей челюстью. Ствол дымящегося револьвера смотрел ей прямо в грудь, но стрелять не собирался. Блэку было достаточно того, что хозяйка квартиры впала в шок и перестала голосить.

— Отсидимся здесь, — сухо сказал Блэк. — Если барышня нас не выдаст, уйдём через пару колоколов по-тихому. А поднимет шум — её с балкона, а сами в круговую оборону.

Марк привалился к стене и украдкой выглянул в окно. Тюль прикрывала его, а потому можно было смело рассмотреть то, что началось на улице.

А там начался сущий ад. Солдаты в пиксельной форме громили окна первых этажей и вламывались в квартиры. Они же карабкались по пожарным лестницам и переворачивали мусорные баки. Людей на улице останавливали и обыскивали. У одного мужичины обнаружили пистолет и сразу заковали в наручники. В доме напротив из окна повалил чёрный дым — солдаты перевернули горящую свечу и устроили пожар.

Визг, ругань, одиночные выстрелы — всё смешалось в сплошной гул.

— Блэк, они же и к нам вломятся.

— Скорее всего.

— И что мы будем делать?

Блэк посмотрел на хозяйку квартиры — пристально, с вызовом.

— Молчать как рыбы. Верно?

Женщина неуверенно кивнула.

Стук в дверь раздался намного быстрее, чем ожидал Марк.

— Сейчас мы спрячемся, а ты откроешь дверь, — с угрозой сказал Блэк. — И если нас не найдут — никто не погибнет. А если найдут, — Блэк крепко сжал пухлую ладонь женщины и поднёс к губам, — мы убьём и их, и тебя, и тех, кто придёт позже. Поверь мне, красавица.

Блэк звонко чмокнул белое запястье. Женщина нервно сглотнула слюну и попыталась встать.

— Но-но, на счёт десять. Нам нужно спрятаться.

Разумеется, до десяти женщина считать не стала. Как только Блэк и Марк скрылись в коридоре, она пошла к входной двери. Ту уже нещадно пинали ногами.

— Я-а-а, от-ткрою, — дрожащим голосом сказала женщина, и удары прекратились. Щёлкнул механизм, дверь распахнулась и врезалась в обувную полку, разбросала щепки и туфли во все стороны.

— А-а-а! Не надо! — Заверещала хозяйка квартиры. Ей крепко дали кулаком по лицу. Немаленькая туша рухнула на пол без сознания. По деревянному настилу затопали тяжёлые ботинки.

— Чисто, — донеслось из кухни. Раздался скрип несмазанных петель, грохот мебели, звон разбитого стекла.

— На балконе чисто. В комнате тоже.

Дверной проём ванной комнаты заслонил чёрный силуэт. Зажегся фонарик, и пятно света пробежалось по кафельным стенам, клозету, туалетному столику и чугунной ванне.

— В сортире чисто, — рявкнул силуэт. И, к своему же счастью, тут же удалился. Останься он ещё на пару секунд (*капель*), и наверняка услышал бы скрип. Прямо над ухом.

Марк и Блэк согнулись под потолком, пытаясь удержаться на дверном косяке мысками ботинок. И им это удалось. А взглянул бы солдат армии Спящих наверх — тут же словил бы

пулю. Ещё и нескольким товарищам подписал бы смертный приговор.

— Ты зачем её так? — послышалось из коридора.

— Да брось ты! Что, даже во сне женщин бить нельзя?

— А если комбат узнает? Или ротный?

— Да ротный эту бабу бы сам часа два пользовал. А я так, душу отвёл. Пошли, нечего глазеть.

— У неё кровь!

— И что? У баб крови не видел что ли? У них она каждый месяц идёт — не знал?

— Ну не изо рта же?

— Нет, и не из жопы. Да пошли уже. Не сдохнет.

Вскоре раздались удары в дверь соседней квартиры. Там открыли несколько расторопнее. Но и это не спасло никого от крепкого кулака.

Блэк слез с дверного косяка и помог Марку сделать то же самое бесшумно. В том нужды не было: вокруг стоял жуткий грохот, и раздавались визги.

— Позорище, — прошептал Блэк. — Таковую шваль в армию собрал. В любой другой день я бы эту парочку на куски порезал.

— Так, а чего не режим? Задачу-то выполнили. Грохнул ты своего Блэкреда. Так чего нам теперь прятаться? Давай заберём этих ублюдков с собой и проснёмся? А?

Блэк мрачно покачал головой.

— Тебе хорошо, тебе есть, где проснуться. А я? Это же... Всё что у меня есть. Тут я живу.

Марк иронично хмыкнул и сказал:

— Насчёт проснуться: надо бы уже ложиться.

— Что, прямо здесь? — удивился Блэк.

— А чего бы нет? Тут уже искать не будут — вроде как проверено. А?

— Ты прав. Только... Хозяйка. Как с ней?

— Хочешь — сиди, карауль. А мне всё равно. Я на работу опаздываю.

Марк сел в кресло и моментально уснул.

Я знаю — страшно, когда уходят в никуда.

Пустая станция метро прыжок и влажные глаза.

Но там на небе — все те, кто дорог и любим.

Герои прошлых лет там ждут, и мы уже стремимся к ним.

Группа Йорш — Все панки попадают в рай

1

Марк действительно опоздал на работу. Наручные часы показали девять утра. Сумки на комод не было. Ключей от машины — тоже. Значит, Лина уже уехала. Но его будить не стала. Почему?

— Кыс-кыс, — позвал Марк своего любимого кота. Но тот не удосужился мяукнуть в ответ.

— Черти-что, — буркнул Марк и принялся собираться.

Завтракать было нечем. Совсем. Вечером Лина приехала поздно, ничего не привезла и сказала, что поела на работе. Марк обиделся (*было бы на что*) и пошёл готовить себе любимому ужин из того, что осталось — то есть из двух яиц, майонеза и черствого хлеба.

— *А почему ты сам не купил продукты?* — проснулась совесть. Но её голос легко забило раздражение.

Марк вышел на декабрьский мороз. В носу сразу зашипало, а веки сжались от снежной белизны. Но даже тени улыбки не появилось на заросшем лице.

Марк скукожился и шагал, глядя на хрустящий снег. Пустой желудок заурчал с протестом.

На витринах магазинов перемигивались новогодние гирлянды, окна домов украшали самодельные снежинки, детвора вешала мишуру на уличные елки. Но Марка всё это не трогало. Совершенно. Ему не нравилась предстоящая рутина. Ему не нравилось и то, что ждало его в часы сна. Ему не нравилось ничего. И это читалось в каждом движении.

Оставалось всего неделя до нового года. Но у них с Линой не было готово ничего — ни ёлки, ни украшений, ни планов на праздничный вечер. Марку было невдомек, что всего этого нет только у него. Лина для себя давно всё решила. Правда, его, Марка, в эти решения и не касались.

С женой Марк созвонился только в обед — когда голод окончательно лишил его сил и вынудил взять перерыв.

Разговор состоялся сухой:

— Привет дорогая!

— Да, привет.

— Как дела?

— Нормально. Я немного занята.

— Ты сегодня во сколько домой?

— Пока не знаю. Работы много. Вечером встреча с заказчиком. Позвоню, как всё закончится.

— Хорошо, купи что-нибудь покушать. Холодильник пустой.

— Сам покупай. Я на работе поем. Всё, пока.

Марк от злости чуть не разбил телефон. Только жадность удержала его от этого шага (*ты что, хочешь купить себе новый?*).

В этот день из очереди "по-братски" к Марку никто не попал. Те, что приезжали по записи, уходили в таком же состоянии, в каком был Марк — раздраженные и недовольные. А как они могли оставаться довольными, если на их вопросы отвечали односложно и нехотя, да ещё и глаза закатывали.

В конце дня к Марку подошла Виктория: хотела высказать ему за недостойное поведение, но наткнулось на презрение во взгляде и не рискнула открыть рот.

На такой же взгляд нарвалась кассирша в супермаркете, которая предложила товары по акции (*ты всё таки зашёл сюда; кушать хочется, не так ли?*).

Усталость несколько сбила агрессию Марка. Он шёл от супермаркета до дома пешком. Ветер до ломоты в костях морозил голые ладони, пакеты резали подушечки пальцев. Было больно и обидно. И одиноко.

В свете фонаря рябили белые снежинки: ветер сдувал их с крыш и проводов. Марк с надеждой посмотрел на светлое пятно, потому что запланировал там остановку. Но он остановился за десять шагов до границы света. Потому что первым в круг вступил тот, кого Марк точно не хотел бы повстречать тёмной ночью — огромный пёс.

Нечто среднее между немецкой овчаркой и алабаем облизнулось. Карие глаза отражали свет фонаря прямо в лицо Марку. Рёбра часто расходились и сходились. Из пасти вырывались струи пара.

Пёс не спешил нападать. Более того, даже не рычал. Он молча смотрел на человека с пакетами и облизывался.

Марк осторожно опустил ношу на землю. Приходилось двигаться медленно, чтобы не спровоцировать животное. Правая рука привычно скользнула в сумку и обхватила пальцами рукоятку ножа.

Пёс это заметил и стал приближаться. Медленно. Пригнув голову к снегу.

Бежать не было смысла: рядом нет ни заборов, ни подъезда, ни памятников на пьедестале. А если припустить напрямую, куда глаза глядят — пёс догонит в два счёта.

Марк так и стоял, ожидая решений животного. Если оно кинется — попытаться всадить ей нож прямо в шею. Если начнёт лаять — попытаться бочком уйти.

Пёс подошёл к самым ногам. Марк почувствовал, как те задрожали и подкосились.

Зашуршал целлофан. Марк не сразу понял почему.

Оказалось что пёс тщательно обнюхивает содержимое пакета. Обнюхивает, но хватать не спешит.

Марк никогда не держал дома собаку (*наверное, потому, что всегда жил в квартирах*), но даже он смог понять — перед ним воспитанный пёс. Он подошёл только потому, что человек опустил пакет на землю — воспринял как приглашение. Он нашёл в пакете то, что хотел бы съесть, но подождал разрешения. Это был полноценный невербальный контакт. Может быть первый в жизни Марка контакт с собакой. Добрый контакт. Ведь раньше и воспитанные, и невоспитанные псы пытались его растерзать. Раньше. А что изменилось сейчас?

Пёс посмотрел в глаза Марку и наклонил голову на бок. Из фильмов Марк знал, что таким жестом собаки выпрашивают еду. Оттуда же знал и команды.

— Можно, — сказал Марк и кивнул. Пёс неуверенно опустил морду в пакет и быстро вцепился в лоток с куриной грудкой. Через мгновение пластик от упаковки разлетелся во все

стороны.

— Приятного аппетита, — сказал Марк, подобрал пакеты и быстро ретировался. Пёс проводил его взглядом и вернулся к трапезе только после того, как тень человека с пакетами исчезла в белой ряби.

2

Марк весь вечер думал о том, что произошло там, под светом фонаря. Но толковые идеи в голову к нему не пришли.

На мысль не натолкнул его и плов из магазина, и холодное отношение Барсика, и бесконечные гудки в телефонной трубке.

Лина так и не позвонила. Часовая стрелка приближалась к одиннадцати, а от неё по-прежнему не было и слуха.

После очередного звонка в пустоту, Марк лёг спать.

Солнце ослепило его на той стороне. Он всё так же сидел в кресле. Тюль так же раскачивалась на ветру. Хозяйка квартиры всё так же лежала. Вот только не на полу, а на кровати. И не одна, а с Блэком в обнимку.

— Хорошо, что вы под одеялом, не то меня стошнило бы, — сказал Марк, просто чтобы объявить о своём пробуждении. Женщина обернулась на звук и продемонстрировала страшный синяк на половину лица.

— Проснулся? — Весело спросил Блэк.

— Это с какой стороны взглянуть.

Блэк усмехнулся и жестом попросил хозяйку квартиры освободить его от тесных объятий.

— У нас сегодня большой день, — веселился Блэк.

— Ты хотел сказать ночь?

— Не-е, я хотел сказать *круг*. Что бы ни было, а у нас намечено грандиозное веселье.

— Вот как? А мне что-то не хочется.

— Да брось, юнга! Дело сделали! Пусть не так, как я того хотел. Но сделали же!

Марк недовольно покачал головой.

— Юнга, да перестань ты. Вроде взрослый парень, а канючишь как сопляк.

И тут Марк взорвался:

— Сопляк?! Да что ты знаешь, псих недоделанный?! Тебе хорошо там, в диспансере — накормили, напоили, да спать уложили. Что бы во сне по мирам не побродить? А я так не могу! У меня работа, у меня семья. Я вообще не понимаю, зачем мне нужен этот мир. Да и не понимаю, зачем мне тот мир нужен. Они оба пресные и монохромные. Никаких целей. Никакого прогресса.

— Псих значит...

— Тебе хорошо: у тебя хотя бы месть в целях была. А у меня и того нет. Когда-то планировал выбиться в люди, завести семью, доказать всем, что неблагополучие моих родителей — не больше, чем результат самосожаления слабых людей. Да это оказалась блаж! Семейная жизнь тоска однообразная. И есть в ней дети, или, всё одно — рутина и день сурка. И, казалось бы, спасение, выход в альтернативную реальность. А нет. Тут тоже рутина и ежедневная скука.

— Юнга, дай скажу слово, а потом буду слушать. Внимательно слушать.

— А скажи! Вам же всем сказать важнее, чем услышать! Скажи!

— Всё очень просто — цели в жизни выбираешь только ты сам. Исходишь из того, что

тебе нравится, или из того, на что у тебя стоит. Стоит на дом, семью и социальное одобрение — значит к этому и стремись. Стоит на власть — добивайся власти. Стоит на книжки — читай книжки, а хочешь — пиши. Стоит на большие деньги — занимайся бизнесом. Не знаешь, что хочешь — попробуй пару вещей одновременно. Может что зацепит. Тем более у тебя на это два мира.

— Как у тебя всё просто: выбрал и вперёд. А если ни на что уже не стоит? Если всё уже достало? Если ни в чём нет смысла.

— Если ни на что не стоит, значит ты духовный импотент. Впрочем, может ты просто устал и перенервничал, такое тоже бывает.

Марк махнул рукой и пробурчал под нос:

— Да иди ты.

— И пойду. В бар пойду. Победу отмечать. А там, глядишь, и новые цели с пьяну найдутся.

3

Салун «The moon» не был в числе популярных местечек. Репутацию ему портило и название, что никак не переводилось на местный язык, и завсегдатаи посетители, и близость к железной дороге. Последняя не столько отвлекала грохотом колёс, сколько перспективой получить пулю в лоб, если тебя пьяного понесёт не в ту сторону.

И завсегдатаи тоже были с изюминкой. Большая часть — стюарты, что кутили в перерывах между затяжными рейсами. Меньшая — солдаты армии Спящих. И стычки между «частями» были далеко не редкостью.

Простые граждане заходили сюда редко, и в основном по делу — найти кого-то или что-то, передать послание или взять заказ на грязную работу.

Потому владельцы не сильно переживали насчёт презентабельного вида. Деревянный фасад облез десятков *вех* назад, солома под ногами стопталась в грязь, откидные столики висели на одной цепочке вместо двух, а последний стул недавно разбился о голову стюарта.

В третий *колокол* народа в салуне всегда было мало. Обычно, двое-трое пьянчуг пускали слюни на барную стойку, да клянчили рюмку задаром.

Но в этот раз было слишком людно. Настолько, что бармен снял с предохранителя «Винчестер» под стойкой.

В салуне шумно веселилась троица солдат Блэкреда, в углу стайка стюартов играла в карты, а к стойке приковыляла парочка чужаков.

— Какие новости, старина? — Обратился к бармену тот, что ближе походил по возрасту.

— Да никаких, по-большому счёту.

— Не может быть? — Поднял седые брови сверстник бармена. — А как насчёт Блэкреда?

Троица Спящих солдат внезапно притихла.

— А что насчёт него?

— Да так, слышал его пристрелили пару *кругов* назад. Брешут что ли?

Бармен покосился на троицу. Старший из них, лысый и крепкий парень, скривил непонимающую мину. А в воздухе пробежала искра напряжения.

— Я тоже слышал, что в него стреляли, — сказал бармен. — Но какая же это новость? На него раз семь за *круг* покушаются.

— Получается, и в этот раз мимо, — включился младший из парочки незнакомцев.

Бармен развёл руками и подбородком кивнул на тройку Спящих. Те ехидно скалились (*явно знают что-то*).

— Блэк, ну это всё нафиг, давай выпьем, — сказал младший из парочки.

Бармен тут же нырнул под стойку за бутылкой виски. И не потому, что собирался предложить его за счёт заведения. Просто ещё ни один посетитель не попросил что-нибудь другое.

— Да, нужно выпить, — согласился сверстник бармена. — Есть пиво?

Бармен удивился. Да, у него была бутылочка нескончаемого пенного, но лежала она так далеко, что он и забыл где именно. Пришлось покопаться в нижних, холодных полках.

— Сигареты кончились, — грустно сказал Блэк.

— У нас не продаются.

— Марк, спроси ка у тех джентльменов в углу. Они жадные только на рельсах.

Молодой человек показал средний палец своему пожилому спутнику. Раздался лёгкий смешок от столика солдат.

— Ну и хрен вам всем к холодцу, — буркнул Блэк, и сам пошёл к стюартам. Те тоже посмеялись над стариком, но сигаретой поделились. А Марк жадно присосался к литровой кружке с пенным.

Блэк подошёл к стойке с дымящейся самокруткой в уголке рта, но приложиться к кружке не поспешил.

— Как же так? — Начал он повторять по кругу. — Как же так?

— ... Прикиньте, со всей дури ей вlepил. Та аж коньки откинула, — продолжили шумную беседу солдаты. И глаза Марка тут же расширились: он узнал голос. Его он слышал прошлой ночью, когда согнулся в три погибели под потолком.

— Блэк, узнаешь? — Ткнул он спутника в плечо. Блэк махнул рукой, мол: «какая разница?».

— Как же так? — Повторил он. — Я же своими глазами видел. Шляпа отлетела. Как же так?

Внезапно на плечи обоим опустились сильные ладони.

— А я смотрю, тут кто-то заскучал, — послышалось за спиной. Тот же голос, что вчера в коридоре.

— Блэк, это он, — повторил Марк нарочно громко. — Тот, кому ты вчера яйца отрезать грозился.

Сильные руки потянули назад с такой силой, что ноги не устояли. Марк и Блэк шлёпнулись на грязную солому.

Раздался выстрел.

Марк думал, что сейчас прозвучит второй и его окатит волной боли. Но нет. Всё затихло.

— А ну пошли вон отсюда! — Крикнул бармен. — Идите на платформу, там отношения выясняйте! Нечего мне тут.

— Да ладно тебе, — ехидно сказал старший из солдат. — Мы их сейчас быстро зарежем и уйдём.

Раздался ещё один выстрел. Это бармен дырявил потолок из «Винчестера».

— А честно выйти слабо? — Подал голос Блэк. — Или у вас от «раз на раз» очко сжимается?

— Ты чего сказал? Да я сейчас твоё очко на британский флаг...

Но тут заготовили стюарты. И тем спасли парочку от расправы.

— Даёшь шоу, солдатня? — Сквозь смех послышалось из угла. — Мы бы посмотрели, умеете ли вы стрелять. Или только бабам морды бьёте?

Крепкие руки тут же ослабли на плечах. Марк быстро поднялся и помог встать Блэку. Тот вызывающе улыбался — явно предвкушал лёгкую победу. Солдатам идея поединка явно не нравилась, но и ударить в грязь лицом перед конкурентами не хотелось. Нехотя, под оскорбительные подначки, Марка и Блэка вытолкали из салуна.

4

Место будущей дуэли было видно издалека, несмотря на то, что сгустились тучи и спрятали солнце. Густая тьма объяла прибрежный город. Будь это другой мир, можно было сказать что наступила ночь. Безлунная и беззвёздная. Мрачная, холодная.

Воздух потерял былую прозрачность, мимо фонарей поплыли клубы лёгкого тумана.

Вся шумная процессия из салуна перекочевала на железнодорожную платформу, предназначенную для разгрузки товарных вагонов. Сейчас на ней не было ни грузчиков, ни товаров, ни вагонов. И вообще не было бы никого, если бы солдатам вдруг не приспичило разобраться с парочкой ни в чём неповинных бродяг.

— Оружие то у вас есть? — подначивал солдатик, что хвастался вчерашним «подвигом».

— У нас — нет. У меня — есть. Выйду я один, и один от вас.

— А на огурец присесть не хочешь? Умный такой.

— Всё правильно, — вмешался один из стюартов. — Один от них, один от вас. Мы тут зачем собрались вообще?

— От нас пойдёт Генри, — заявил бравый избиватель женщин.

— А чё, самому очко? — Съехидничал Блэк. И получил поддых.

— Довольно! — Сказал стюарт. — Они решили, что Генри. Вы что решили?

— Я пойду, — поспешил ответить Блэк. Он как будто чувствовал, что Марк в одном шаге от того, чтобы принять аналогичное решение.

— Ну и отлично. Расходитесь по разные стороны.

Никто возражать и медлить не стал. Троица удалилась к резкому обрыву платформы, Блэк и Марк к связкам железных труб.

— Правила такие, — продолжал голосить стюарт, — оружие в кармане, заряженное, но на предохранителе. У вас кобура? — Обратился стюарт к солдату. — Отлично! Можно из кобуры. Да, расстегнуть можно. Хвататься за ствол только после моего выстрела. Всё ясно? Ну тогда готовься.

Блэк толкнул Марка так, чтобы тот укрылся за связкой железных труб.

— Юнга, слушай сюда: одного я сниму. Второго тоже успею. А вот с третьим — помоги мне. Я уверен, что все трое одновременно стволы вытащат. Стюарты не полезут, они просто забавляются. Всё понял? Того, что слева — бери на себя. Подготовь «УЗИ». Только перед стюартами не свети. Действуй быстро!

Марк пригнулся так, чтобы спрятаться и от солдат и от стюартов. Вынул «УЗИ», снял с предохранителя. И запустил руку во внутренний карман джинсовки. Оливковый шар порадовал подушечки пальцев приятным холодом. Но не порадовал голосом. В голове словно взорвалась граната. И во взрыве послышались отчётливые слова: «Не высовывайся! Ты на мушке! Не высовывайся!».

— Ну что, девочки, готовы? — Веселился стюарт. В ответ получил кивки одобрения.

«Магнум» сорок пятого калибра поднял к небу длинный ствол.

— Три... Два...

Выстрел.

Марк не уловил, как Блэк выхватил револьвер из кармана джинсовой куртки. Зато очень хорошо увидел, как выстрелил. Очень рано. Согнутая в локте рука только начала поворачиваться к цели.

Фонтан красных брызг вырвался из спины Блэка.

Марк не мог поверить в то, что видел. Его спутник не успел. Выстрел был болевой реакцией. В Блэка попали. Его ранили. И он был не в состоянии навести оружие на цель. Блэк замер, пошатнулся, и свалился на землю.

Раздалось радостное улюлюканье. Выстрелы в воздух. Выкрики.

Воздух покинул лёгкие Марка. Он не знал, что теперь делать. Страх заставлял сидеть в укрытии. Но шок и ужас толкали вперёд — выйти и расстрелять к чертям весёлую компашку.

Отчаяние и злость сделали своё дело. Марк не вышел — он выбежал из-за укрытия. И закричал. Бессмысленное «а-а-а». Громогласно.

Секунды хватило, чтобы понять обстановку. Из троих солдат за оружие взялся только один, заявленный Генри. Остальные и не думали жульничать. И уж никак не рассчитывали на то, что смертью старика всё не закончится.

Все обернулись и увидели бегущего с «УЗИ» на перевес юношу. Кричащего юношу. Генри успел навести ещё дымящийся ствол на новую цель. Но не выстрелил. Успел бы. И не промахнулся бы. Бы...

Марк исчез. Точно так же, как Фродо из мира Толкина, когда надел кольцо Всевластия на палец. Просто выпал из зримой реальности. Но крик остался. И к нему присоединился треск.

Марк не знал, что исчез из вида. Он бежал на цель и стрелял до тех пор, пока «УЗИ» не выдал холостой щелчок.

Троица солдат замерла с раскрытыми ртами. Но челюсти отпали у них не от удивления, а от жуткой боли. Их тела превратились в кровавое решето. По десять пуль на каждого. Кому то на одну больше, кому-то на две меньше. Но итог один.

Солдаты упали замертво ещё до того, как крик невидимки стих. Стюарты в ужасе бросились бежать. Каждый боялся получить пулю в спину. Но напрасно.

Оливковый шар «снял мантию невидимку» со своего хозяина так же незаметно, как и «надел». На платформе в живых остался только Марк. И больше никого.

Он подошёл к телу спутника (*ещё не зная, что там только тело, и больше ничего*).

— Блэк, ты меня слышишь?

Лужа крови всё сильнее растекалась по платформе. Глаза слепо уставились в небо, зрачки вытянулись в «кошачий глаз». Лицо стремительно холодело.

— Как же так?... Блэк... Блядь!.. Нет!.. Блэк... Что?!

Тишина опустилась на безлюдную платформу. Звон в ушах ещё не рассеялся после перестрелки. Но даже он не мог заменить живые голоса. Смерть пришла громко, и забрала все звуки.

— Что же делать? Что делать? Блядь! Блэк. Как же так? Твою же мать!

Марк кричал, просто, чтобы не было тишины. Этой мерзкой тишины. Чтобы не слышать звон в ушах.

Не было ни дождя, чтобы смыть лужи крови с бетонной платформы. Не было ни карет

скорой помощи, чтобы собрать трупы. Не было титров, которыми бы закончилась финальная сцена фильма. Перед Марком не было ничего, кроме тишины и пустоты. Разве что, злость.

5

Марк похоронил тело Блэка за городом, рядом с железнодорожной насыпью. Благо в заплечном мешке покойника обнаружилась сапёрная лопатка. Она же стала надгробьем.

Ставить подобие креста Марк не решился: в конце концов, тут покоится тело человека, живого в ином мире. И делать словесные заметки о том, кто именно похоронен — не стал. Только натаскал гравия от насыпи, и уплотнил холмик, дабы не соблазнять местных падальщиков.

А вот от традиции поминать ушедших — не отказался. На найденные у Блэка копейки он купил бутылку шнапса и приговорил в один присест без закуски. В голову сразу дало и захотелось проснуться. Но Марк решил сопротивляться.

Он достал синий шар и задумчиво покрутил в руке. Сначала из чёрной дымки выплыла Силет. Но очень быстро исчезла. На её месте появился юноша в черно-красной мантии. Тот самый юноша, за которым охотился Блэк. Живой и здравствующий.

Юноша расхаживал по зале с низкими потолками и что-то объяснял... *Кому?*... Ему, Марку. Марку, который держит наготове револьвер. Тот самый, что лежит во внутреннем кармане джинсовки. Револьвер Блэка.